

ISSN 2500-1523 (Print)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

Т. 14

№ 2

2022

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал
Mongolian Studies
(Elista)

2022. Т. 14. № 2

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)

Выходит 4 раза в год

Журнал «Монголоведение (Монгол судлал)» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76106 от 03.07.2019.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Издается с 2002 г.

Журнал «**Монголоведение**» — востоковедное издание историко-филологического направления. На страницах журнала освещаются вопросы истории, языка, фольклора и литературы монголоязычных народов, которые в основном проживают в Монголии, Китае и России. Публикуются материалы российских и зарубежных монголоведов: статьи, сообщения, комментированные переводы письменных памятников, устные нарративы с комментариями, рецензии, обзоры. Тематика журнала «Монголоведение» — история, этнология и антропология, источниковедение, языкознание, фольклористика, литературоведение.

Главная **цель** издания журнала — способствовать развитию академического монголоведения, имеющего более чем двухсотлетнюю историю, располагающего огромной источниковой базой и являющегося одним из важных и традиционных направлений востоковедения, а также развивать традиции, заложенные в российской монголоведной научной школе, и применять новые методы и приемы в исследовании актуальных проблем и вопросов монголоведения.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), включен в перечень рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология), языки, литература и фольклор монгольских народов

Подписной индекс: 39464

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved@kigiran.com;

Сайт: <https://mongoloved.kigiran.com/>

© Калмыцкий научный центр

Российской академии наук, 2022

© Коллектив авторов, 2022

MONGOLIAN STUDIES

Published four times a year

The Mongolian Studies journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 3, 2019.

Certificate of registration ПИ No. ФС77-76106.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Issued since 2002

The *Mongolian Studies* is an Orientalist journal focusing on historical and linguistic aspects. The articles published cover the questions of history, language, folklore, and literature of Mongolic peoples primarily residing in Mongolia, China, and Russia. Typologically, works authored by Russian and foreign Mongolists include as follows: scholarly articles, reports, commented translations of written monuments, commented oral narratives, reviews and surveys. The journal comprises a range of sections, such as History, Ethnology and Anthropology, Source Studies, Linguistics, Folkloristics, and Literary Studies.

The journal chiefly *aims* to facilitate further development of academic Mongolian studies as an important and traditional branch of Oriental studies in Russia that started over two centuries ago and are characterized by a widest source base. It also seeks to sustain research traditions of the Russian Mongolist school and apply new methods and techniques for the investigation of topical issues relating to Mongolian studies.

The journal publishes articles in Russian, Mongolian, Kalmyk and English.

The journal is issued four times a year.

The journal is indexed with Russian Science Citation Index, and is included in the list of peer-reviewed publications that publish key scientific results of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences theses.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies,
Ethnology and Anthropology);
Languages, Literature and Folklore of the Mongolian Peoples

Subscription index in Russian Catalogue: 39464

Founding Institution, Editorial office, Publisher —

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Founding Institution, Editorial Board, Publisher's address:

8, Ilishkin St., Elista 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved@kigiran.com;

Web-site: <https://mongoloved.kigiran.com/>

© Kalmyk Scientific Center of the
Russian Academy of Sciences, 2022

© Collective of authors, 2022

Главный редактор
канд. филол. наук **В. В. Куканова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук **Э. П. Бакаева**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук **А. Алимаа**, Институт языка и литературы АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук **Б. В. Базаров**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р филол. наук **А. Бирталан**, Университет ELTE (Венгрия, г. Будапешт);

д-р филол. наук **И. В. Булгутова**, Бурятский государственный университет
им. Д. Банзарова (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **В. В. Грайворонский**, Институт востоковедения РАН
(Россия, г. Москва);

д-р филол. наук **Л. С. Дампилова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **С. В. Джундэжусов**, Оренбургский государственный педагогический
университет (Россия, г. Оренбург);

д-р ист. наук **Н. Л. Жуковская**, Институт этнологии и антропологии РАН
(Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **Д. Н. Музраева**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р филол. наук **В. Н. Мушаев**, Калмыцкий государственный университет
им. Б. Б. Городовикова (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **Л. В. Курас**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **У. Б. Очиров**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **К. В. Орлова**, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **А. М. Плеханова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р филол. наук **Г. Ц. Пюрбеев**, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **К. Хамфри**, Кембриджский университет
(Великобритания, г. Кембридж);

д-р ист. наук **Н. Хишигт**, Институт истории и этнологии АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р филол. наук **А. Д. Цендина**, Институт восточных культур и античности РГГУ,
Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»,
Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р филол. наук **Р. М. Ханинова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста);

канд. филол. наук **Г. М. Ярмаркина**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста).

Редактор (рус. яз.): Р. Г. Саряева
Переводчик: С. В. Джагрунов
Дизайн и верстка: Д. В. Татнинов
Ответственный секретарь: С. В. Мирзаева

Editor-in-Chief:

V. V. Kukanova, Cand. Sc. (Philology) Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Elista, Russia)

Deputy Editor-in-Chief:

E. P. Bakaeva, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Russia, Elista)

Editorial Board:

- A. Alimaa**, Dr. Sc. (Philology), Institute of the Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- B. V. Bazarov**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- A. Birtalan**, Dr. Sc. (Philology), ELTE University (Budapest, Hungary);
- I. V. Bulgutova**, Dr. Sc. (Philology), Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russia);
- L. S. Dampilova**, Dr. Sc. (Philology), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- S. V. Dzhundzhuzov**, Dr. Sc. (History), Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia);
- V. V. Graivoronsky**, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- C. Humphrey**, Dr. Sc. (History), University of Cambridge (Cambridge, Britain);
- R. M. Khaninova**, Dr. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- N. Khishigt**, Dr. Sc. (History), Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- L. V. Kuras**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- V. N. Mushaev**, Dr. Sc. (Philology), Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russia);
- D. N. Muzraeva**, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- U. B. Ochirov**, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- K. V. Orlova**, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- A. M. Plekhanova**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- G. Ts. Pyurbeev**, Dr. Sc. (Philology), Institute of Linguistics RAS (Moscow, Russia);
- A. D. Tsendina**, Dr. Sc. (Philology), Russian State University for the Humanities, Professor, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- N. L. Zhukovskaya**, Dr. Sc. (History), Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia);
- G. M. Yarmarkina**, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia).

Editor (Russ.): R. G. Saryaeva

Translator: S. V. Dzhagrunov

Design and page layout: D. V. Tatninov

Executive Secretary: S. V. Mirzaeva

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Бикмаева К. И.*
Этапы языковой политики в Монгольской Народной Республике 232

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Бобров Л. А., Алексеев Д. П.*
Калмыцкий «каркасный» шлем из собрания Смоленского государственного музея-заповедника 247
- Батмаев М. М.*
Из истории внешнеполитических отношений Калмыцкого ханства. Лоузанг-Шоно 264
- Команджаев А. Н., Команджаев Е. А.*
Школы в Калмыцкой степи Астраханской губернии во второй половине XIX в. . . 281
- Куканова В. В., Очиров У. Б.*
Исчезающая история «13 лет и 13 дней»: проблемы поиска и сохранения архивных материалов о калмыках на спецпоселении в Сибири. Часть 2 293
- Манджикова Л. Б.*
Развитие архивного дела Калмыкии (1990 – до начала 2000-х гг.) 313

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

- Нанзатов Б. З., Тишин В. В.*
Об одном бурятском этнониме в якутской среде: *mökögöön > mögürüön ~ möjürüön ‘Мегюрен’ 334
- Батомункуева С. Р., Бухоголова С. Б.*
К вопросу о религиозных верованиях старых баргутов 344
- Дашиева Н. Б.*
Семантика образа лебедя в космогонических представлениях бурят 360

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Тимохин Д. М.*
Еще раз о кара-китаях в домонгольских мусульманских источниках на примере анонимного персидского сочинения 1133 г. 371
- Митруев Б. Л.*
Печать Дайчин Шаса-Бюджа-хана 383
- Ванчикова Ц. П., Цыренова Н. Д.*
К истории монастыря Гандантегченлин 393

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

- Хабунова Е. Э.*
Народные знания калмыков о традиционных способах лечения: фактология фольклорно-этнографических экспедиций (2012–2017 гг.) 405

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Ханинова Р. М.*
Жанр харал в калмыцкой поэзии XX в. 418

CONTENTS

GENERAL HISTORY

Bikmaeva K. I.
Mongolian People's Republic: Stages of Language Policy Revisited 232

NATIONAL HISTORY

Bobrov L. A., Alekseev D. P.
Smolensk State Reserve Museum: A Kalmyk 'Framed' Helmet Reviewed 247

Batmaev M. M.
Louzang Shono: Some External Relations Issues of the Kalmyk Khanate Revisited . . . 264

Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A.
Schools in Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate, Mid-to-Late 19th Century 281

Kukanova V. V., Ochirov U. B.
The Vanishing History of 'Thirteen Years and Thirteen Days': Problems of Searching and Preserving Archival Materials on Repressed Kalmyks in Siberia. Part 2 293

Mandzhikova L. B.
Development of Kalmykia's Archives, 1990s to Early 2000s 313

ETHNOLOGY & ANTHROPOLOGY

Nanzatov B. Z., Tishin V. V.
**Mököröön > Mögürüön ~ Mönjürüön* 'Megüren': One Ethnonym of Buryat Origin in Yakut Discourse Revisited 334

Batomunkueva S. R., Bukhogolova S. B.
Religious Beliefs of the Old Barga (Barghuts) Revisited 344

Dashieva N. B.
The Image of Swan in Buryat Cosmogonic Ideas: Semantics Analyzed 360

SOURCE STUDIES

Timokhin D. M.
Once Again about the Kara Khitai in Pre-Mongol Muslim Sources: One Anonymous Persian Essay of 1133 Revisited 371

Mitruiev B. L.
The Seal of Daichin Shasa-Byuja Khan 383

Vanchikova Ts. P., Tsyrenova N. D.
History of the Gandantegchinlen Monastery Revisited 393

FOLKLORE STUDIES

Khabunova E. E.
Kalmyk Folk Knowledge about Traditional Treatment Methods: Factual Data from Folklore and Ethnographic Expeditions, 2012–2017 405

LITERARY STUDIES

Khaninova R. M.
The Genre of Kharal in 20th-Century Kalmyk Poetry 418

УДК / UDC 94

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-232-246

Этапы языковой политики в Монгольской Народной Республике

Карина Игоревна Бикмаева¹

¹ Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (д. 11, стр. 1, ул. Моховая, 125009 Москва, Российская Федерация) аспирант

 0000-0003-0958-7517. E-mail: karina.bikmaeva@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Бикмаева К. И., 2022

Аннотация. *Введение.* Реформа монгольской письменности в XX в. легла в основу масштабных преобразований в сфере образования, науки и культуры Монголии. При этом следует учитывать, что языковая политика в Монгольской Народной Республике не сводилась исключительно к реформе 1941 г., в рамках которой был осуществлен переход на кириллицу. *Цели и задачи.* В данной статье предпринята попытка показать многообразие направлений языковой политики в Монголии. Мы выделяем четыре основных этапа ее реализации, а также сравниваем со схожими процессами в СССР. *Материалы и методы.* Статья основывается на изучении источников на русском и монгольском языках, прежде всего законов и постановлений СССР и Монголии, среди которых выделяется сборник № 2 «Революция и письменность» и «Систематический сборник постановлений и законов в области народного образования, культуры, искусства и науки» Монголии. *Результаты.* В статье показано, что языковая политика в МНР реализовывалась в строгой ориентации на аналогичные процессы в СССР. Во многом именно языковая политика явилась залогом успешности в борьбе с неграмотностью населения, модернизации монгольского общества, распространении современной советской и европейской культур. Вместе с тем нельзя не отметить, что определенные аспекты и последствия языковой политики, прежде всего усиленная «русификация», вызывали отторжение и критику в среде монгольской интеллигенции. *Выводы.* Впоследствии именно эта реакция привела к кардинальному пересмотру языковой политики в 1990-е гг., что свидетельствует о важности анализа политики МНР в этой сфере для понимания ситуации в современной Монголии.

Ключевые слова: языковая политика, Монголия, МНР, кириллизация, русификация, старописьменный монгольский язык, реформа монгольского языка, история Монголии, XX в.

Для цитирования: Бикмаева К. И. Этапы языковой политики в Монгольской Народной Республике // Монголоведение. 2022. Т. 14. №. 2. С. 232–246. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-232-246

Mongolian People's Republic: Stages of Language Policy Revisited

Karina I. Bikmaeva¹

¹ Institute for Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (11/1, Mokhovaya St., 125009 Moscow, Russian Federation)

Postgraduate Student

 0000-0003-0958-7517. E-mail: karina.bikmaeva@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Bikmaeva K. I., 2022

Abstract. *Introduction.* The 20th century reform of Mongolian writing shaped the basis for wide transformations in the country's culture, science, and education. It is noteworthy that the language policy in the Mongolian People's Republic was not only reduced to the Cyrillic reform of 1941. *Goals.* The article attempts a variety of insights into multiple directions of language policy in the Mongolian People's Republic. The work distinguishes four main stages of the latter's implementation, and also compares those to similar processes in the USSR. *Materials and methods.* The paper analyzes Russian and Mongolian language sources, primarily laws and regulations of the USSR and the Mongolian People's Republic, special attention be paid to works titled 'The Revolution and Writing' and 'Public Education, Culture, Arts, and Science [in the MPR]: Systematically Collected Decrees and Laws'. *Results.* It reveals the MPR's language policy was being implemented in strict compliance with similar processes in the Soviets. And it was largely the language policy that served a key to the successful abolition of illiteracy nationwide, modernization of Mongolian society, and spread of Soviet and European cultures. However, certain aspects and consequences of the language policy — primarily the intensified 'Russification' — would give rise to rejection and criticism among the Mongolian intelligentsia. *Conclusions.* Subsequently, this very reaction led to a dramatic rethink of the language policy in the 1990s, which attests to the significance of analyzing the MPR's policy in this realm for better understanding of the situation in contemporary Mongolia.

Keywords: language, language policy, Mongolia, Mongolian People's Republic, Mongolian script, Classical Mongolian, Cyrillic, Russification, Mongolian language reform, 20th century history of Mongolia

For citation: Bikmaeva K. I. Mongolian People's Republic: Stages of Language Policy Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(2): 232–246. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-232-246

Введение

Наравне с общей территорией, религией и культурой, язык является одним из определяющих элементов национальной идентичности. И именно поэтому при строительстве нового государства в числе первых реализуется языковая политика. Единой языковой политики в отношении национальностей придерживался и СССР [Исаев 1979: 230].

Когда мы говорим о языковой политике СССР, в первую очередь речь идет об использовании для ряда языков унифицированного алфавита на основе кириллицы, что способствовало установлению единой основы для большинства языков народов СССР. Русификация проводилась с целью консолидации всех этносов и поддержания стабильности в стране [Марусенко 2015: 143].

В то же время неоспоримы два результата советской языковой политики: борьба с безграмотностью и распространение русского в качестве первого языка для большей части советского населения [[Grenoble 2003: 193](#)].

Как отдельное направление исследований языковая политика начала выделяться сравнительно недавно — во второй половине XX в., что связано, на взгляд некоторых ученых, с процессами деколонизации [[McCarty 2011: 5](#)]. Языковая политика включает в себя достаточно большой спектр вопросов, среди которых и регулирование речевого поведения общества, и проведение различных реформ, нацеленных на изменения языковых структур в отдельных группах или в обществе в целом [[Алпатов 2013: 8](#)].

В данной статье раскрываются этапы языковой политики в Монгольской Народной Республике (далее — МНР). Мы рассматриваем особенности и причины проведения реформ в разные периоды на протяжении существования МНР.

Для понимания природы некоторых изменений, например использования алфавита на основе кириллицы и распространения русского языка, необходимо было сопоставить события, происходившие в Монголии, с языковой политикой в СССР. Несмотря на то, что языковая политика далеко не всегда выделяется в самостоятельное направление при исследовании истории и культуры, говоря о Монголии, все вопросы, касающиеся языка и письменности, традиционно являются актуальными и широко обсуждаемыми.

В монгольской истории начала XXI в. обозначилось несколько векторов развития монгольского языка, истоки которых — в XX в. К этим направлениям можно отнести использование большого числа иностранных заимствованных слов в монгольском языке, а также возрождение национальной монгольской письменности. Неразрывно с языком трансформируется и самосознание, национальная идентичность монголов. В статье отображен процесс формирования языковой ситуации в МНР, которая и является первопричиной современной языковой политики.

Материалы и методы

Источниковой базой для исследования послужили материалы Систематического сборника постановлений и законов в области народного образования, культуры, искусства и науки Монголии на монгольском языке [[Соёл-гэгээрлийн 1962](#)]. Также широко использовались статьи из книги V серии «Культура и письменность Востока» издания Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (ВЦК НА) на русском языке [[Барадин 1929](#)], материалы Коминтерна, среди которых «Запись бесед члена Президиума ЦИК СССР С. Е. Чуцкаева с председателем Совета министров МНР Ц. Жигжитжапом и военным министром Г. Димитом¹ о политическом и экономическом положении МНР и работе советских советников и инструкторов в Монголии» [[Запись бесед 2012](#)] и доклад М. И. Амагаева о политическом и экономическом положении МНР и угрозе «правого уклона» в руководстве партии и государства [[Амагаев 2012](#)].

Содержание данных источников позволяет исследователю проследить ход развития языковой политики в СССР и МНР, выделить основные причины реформ, а также обстоятельства, при которых они были приняты.

¹ Гэлэгдоржийн Дэвид (1900–1937) — монгольский военный деятель, маршал МНР. С 1930 г. — военный министр, член Президиума Центрального комитета Монгольской народно-революционной партии.

Языковая политика в МНР

В 1924 г. была официально образована Монгольская Народная Республика, которая на протяжении всего своего существования во многом опиралась на советский опыт. На момент образования МНР малочисленное население страны было практически неграмотно — существовавшая монгольская письменность преподавалась преимущественно в монастырских центрах, а светское образование было представлено несколькими школами в столице [[Санжаасурэн, Жерносек 1981: 13](#)]. Согласно данным статистики, уровень образованности взрослого населения был крайне низким и в 1921 г. составлял 3 %, а в 1930 г. — 5 %, причем доля мужского населения преобладала [[Kaplonski 2014: 74](#)]. Ввиду сложившейся в Монголии ситуации для повышения уровня грамотности населения и дальнейшего всестороннего развития требовалось проведение реформы языка или, другими словами, упрощение монгольской письменности и введение нового алфавита.

Хотелось бы кратко остановиться на монгольской письменности, которая использовалась в качестве основного письма в 1920-е гг. в Монголии, а также на трудностях, связанных с ее дальнейшим употреблением. Орфография монгольской национальной письменности отражала устаревшие фонетические нормы XIII в. Письменный монгольский язык, а точнее монгольское письмо, фонетически не соответствовал разговорному. Известный лингвист и этнограф, специалист по алтайским языкам, монголоведению и тюркологии Н. Н. Поппе писал: «В то время как орфография письменно-монгольского языка изменилась сравнительно мало, фонетические изменения, происшедшие за эти семьсот лет в разговорных языках, весьма значительны» [[Поппе 1937: 9](#)].

Важнейшими этапами в становлении письменного языка монгольских народов было формирование отдельных алфавитов, в числе которых ойратское ясное письмо, созданное Зая-пандитой Намкай Джамцо, письменность соёмбо Ундур-гэгэна Дзанабадзара и вагиндра, автором которой был бурят Агван Доржиев. Все указанные системы письма были направлены на решение проблемы расхождения письменной и устной речи и передачи звуков других языков, например тибетского, однако, поскольку и алфавиты, и грамматические правила были разные, проблему это не решило [[Отгонбаатар, Цендина 2014: 8](#)].

При образовании нового государства проявились определенные сложности в преподавании и усвоении вертикальной письменности, разработки новой научной терминологии и подготовки идеологической литературы на монгольском письме, что затрудняло развитие образования и науки, тормозило расширение международных контактов. Как следствие, встала необходимость создания более современного и простого алфавита, что стало основой языковой политики МНР. С конца 1920-х гг. в МНР началась разработка реформы языка и перехода на другой алфавит, с помощью которого можно было бы устранить противоречия между письменной и устной речью. Помимо практической выгоды, важную роль играл тот факт, что внедрение кардинально отличного алфавита увеличивало дистанцию между прошлым и настоящим и, таким образом, окончательно разрывало связь государства и народа с теократическим прошлым и, конечно, повышало возможности в укреплении взаимовыгодных связей с СССР.

Из доклада востоковеда, политолога, первого Председателя ЦИК Бурят-Монгольской АССР М. И. Амагаева о политическом и экономическом положении МНР и угрозе «правого уклона» в руководстве партии и государства следует: «Мы видим, как за последнее время Монголия выросла культурно. Между тем Монголия в прошлом не имела своей полноценной национальной культуры. Три процента грамотных — это же говорит о многом. Между тем республика растет, чувствуются идеологические и иные запросы. До сих пор эти запросы кое-как удовлетворяются, но культурные запросы растут, чувствуется потребность усвоения элементов общей культуры, которая требует знания какого-нибудь другого языка, ибо возможности монгольского языка очень ограничены» [Амагаев 2012: 281].

С начального периода своего существования МНР во многих аспектах реализовывала внешнюю и внутреннюю политику при содействии СССР и Коминтерна. Если говорить о советско-монгольских отношениях, то они стали наиболее тесными после «Соглашения об основных принципах взаимоотношений между СССР и МНР» от 27 июня 1929 г. [История Востока 1995: 25]. Соглашение устанавливало, что Советский Союз способствует экономическому и социальному развитию Монголии. Разумеется, Монголия была заинтересована в получаемой от Советского Союза поддержке. Многие области промышленности, как и сферы здравоохранения и образования, создавались с нуля при помощи советских специалистов, и, конечно, они нуждались в финансовой и материальной помощи [История Монголии 2007: 246]. В такой ситуации преобразования в языковой политике стали необходимой мерой, направленной на улучшение взаимодействия между специалистами двух стран.

В период существования МНР языковую политику можно разделить на несколько этапов, речь о которых пойдет далее.

I этап (1931–1941 гг.)

Прежде чем рассмотреть языковую политику в Монголии, мы бы хотели кратко взглянуть на схожие процессы в Советском Союзе.

В 1920-е гг. в рамках политики «коренизации» в СССР началась разработка алфавитов для бесписьменных языков, а также алфавитов для северных и центральноазиатских народов на основе латиницы. Причиной первоначального перехода на латиницу является то, что латинский алфавит воспринимался как своего рода интернациональный, вследствие чего предполагался переход на новую систему письменностей и славянских, и тюркских, и монгольских народов. Более того, среди мусульманских народов СССР латинизация выполняла ряд дополнительных задач: заменялась письменность на арабской основе, которая присутствовала, главным образом, в религиозных текстах, новая же письменность выполняла функцию распространения социалистической идеологии, способствовала сближению с другими народами СССР [Юзбашев 1928: 65].

Аналогичный проект перехода на латиницу коснулся и монгольских народов, проживающих на территории СССР [Исаев 1979: 212].

В Постановлении президиума ЦИК СССР по докладу ВЦК НА при Совете национальностей ЦИК СССР на основании доклада о работе в области латинизации народов, перешедших на новый алфавит, были сделаны следующие выводы:

1. Новый алфавит является одним из серьезных факторов, содействующих более быстрому подъему культурного строительства <...> — ликвидации неграмотности, введению всеобща, развитию печати и издательства, введению делопроизводства на родном языке, созданию национальной стенографии и пишущих машин на новом алфавите и т. п.

2. <...> проведена значительная работа по развитию литературных языков, созданию терминологии, орфографии, составлению грамматик и словарей, а также развитию полиграфии на новом алфавите [Поппе 1936: 3].

Однако со временем латинская графика перестала отвечать требованиям и интересам советского руководства и политике «ускоренного сближения и слияния народов». В 1933 г. заведующий Отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) А. И. Стецкий поставил перед И. В. Сталиным и Л. М. Кагановичем вопрос о работе Комитета нового алфавита. Наряду с достижениями, были отмечены и недостатки, к которым были отнесены, в частности, составление большого количества алфавитов у разных народов и сложности в передаче собственных имен. Для решения данного вопроса в 1937 г. было принято решение о переводе языков народов СССР на кириллицу [Марусенко 2015: 140].

Теперь обратимся к осуществлению языковой политики в МНР. 10–17 января 1931 г. в Москве состоялась конференция монгольской группы народов по вопросам письменности и языка, созванная по инициативе ВЦК НА и Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (НИАПИНК) [Хроника: конференция 1931: 67]. В конференции принимали участие представители Бурят-Монгольской АССР, Калмыцкой автономной области, Монгольской Народной Республики, Совета национальностей СССР и других организаций, а также академик Б. Я. Владимирцов и профессор Н. Н. Поппе. По итогам конференции был утвержден унифицированный алфавит монгольской группы народов в составе 27 знаков с добавлением трех букв для звуков калмыцкого языка. Литературный же язык планировалось развивать в двух направлениях: «для Бурят-Монгольской АССР и зарубежной Монголии (на базе халха-монгольского)», второй язык — «для калмыков (на базе торгутского наречия)» [Хроника: конференция 1931: 67]. Кроме того, было принято постановление об организации в Москве постоянной комиссии содействия развитию языков и письменности монгольской группы народов [Хроника: конференция 1931: 67].

Первая попытка латинизации в МНР была предпринята в 1930–1932 гг. Однако она не была достаточно успешной и выражалась лишь в использовании печатей с латинским шрифтом, переводе названий книг, а также публикации отдельных статей в газетах [Grivelet 2001: 76].

Согласно резолюции по докладам Б.-Д. Тогмитова и Хаджиева¹ и информационному сообщению Дугарджаба об издательстве на новом языке, конференция монгольской группы народов по вопросам письменности и языка констатировала, что «дело создания базы для развертывания работы в области издательства в республиках монгольской группы народов идет очень медленно. Полиграфическая база для издательства на новом алфавите в этих республиках не создана» [Хроника: конференция 1931: 76].

¹ Инициалы не известны.

Окончательный переход монгольского языка на латинский алфавит ожидался к 1933 г. Однако из-за неподготовленности монгольской системы образования и науки процесс перехода на латиницу оттягивался. По результатам конференции планировалось:

1. В порядке культурной помощи дружественной МНР организовать при Центриздате народов СССР монгольскую секцию для подготовки издания важнейших учебников и учебных пособий на новом алфавите и обеспечить издательство МНР соответствующими шифрами, а также оказать помощь в деле подготовки кадров полиграфистов [Хроника: конференция 1931: 76].

Переход на латинский алфавит служит очевидным примером следования языковой политике Советского Союза. Однако латиница в МНР просуществовала крайне недолго, и уже в начале 1940-х гг. появились первые проекты перехода на кириллицу.

II этап (1941–1950-е гг.)

Латинский алфавит был официально принят в МНР в конце февраля 1941 г., а уже 25 марта было объявлено о разработке проекта реформы кириллического алфавита. Латинский алфавит в качестве основной письменной системы МНР просуществовал всего месяц. Это подтверждает постановление Совета министров МНР и Центрального комитета Монгольской народно-революционной партии об установлении новых монгольских букв от 25.03.1941 № 22/18: «Считаем, что необходимо провести мероприятия по изменению/реформированию монгольской письменности на основе русских букв. Одновременно с этим необходимо приостановить работу по изучению букв латинского алфавита, направить во все культурные центры, кружки и красные углы план изучения одобренных новых монгольских букв» [Соёл-гэгээрийн 1962: 32].

25 марта 1941 г. Совет Министров и ЦК МНРП приняли постановление №22/18 «О введении нового монгольского алфавита»:

1. Реформировать монгольскую письменность на основе русского алфавита.
2. Остановить переход на латинскую письменность [Ардын боловсрол 1968: 24].

К концу 1920-х гг. в СССР идея мировой революции отошла на второй план, уступив теории построения социализма в отдельно взятой стране. Как уже говорилось выше, в языковой политике это отразилось прекращением политики латинизации и разработкой алфавитов на основе кириллицы [Трегубова 2017: 190]. Чуть позже такую политику начали проводить и в МНР.

Основные причины кириллизации были скорее политическими. Алфавит на основе кириллицы еще больше укреплял отношения СССР и МНР. Поскольку в СССР уже осуществлялся переход на кириллицу, например переводили азербайджанский и другие тюркские языки, во многом именно с технической точки зрения провести аналогичную реформу в Монголии было проще. Кроме того, большим подспорьем стал опыт Бурят-Монгольской АССР, где переход на кириллицу состоялся в 1939 г. В пользу кириллицы говорило и то, что подготовка большинства специалистов велась в СССР: «Правительство Союза имеет в виду организовать обучение монгольской молодежи в СССР на следующих основаниях. Обучение монголов должно быть разделено на две стадии — первоначальное и специальное образование. Первоначальное образование должно проводиться на монгольских рабфаках, подобных существующим в Верхнеудинске. Таких

рабфаков предполагается открыть три: в Верхнеудинске, Иркутске и Томске. <...> На рабфаках монгольская молодежь будет обучаться русскому языку, политграмоте и предметам начального обучения» [Запись бесед 2012: 112].

Однако из-за Второй мировой войны реализация постановления № 22/18 «О введении нового монгольского алфавита» была отложена. А в 1945 г. для проведения реформы письменности была создана Государственная комиссия во главе с 1-м Генеральным секретарем ЦК МНРП Ю. Цеденбалом. 18 мая 1945 г. было принято постановление ЦК МНРП и Совета министров МНР «О переводе всей печати и государственного делопроизводства на новый алфавит»:

1. С первого января 1946 года вся пресса и делопроизводство должны вестись на кириллице.

2. Министерство народного просвещения должно проследить за тем, чтобы в следующем учебном году на занятиях в средних школах и техникумах был использован новый алфавит [Ардын боловсрол 1968: 30].

Перевод на кириллицу и создание единой системы были важнейшими чертами культурной политики СССР, которая постепенно распространялась и на дружественные Советскому Союзу государства [Gaur 2000: 112].

Поэтому письменность, изначально созданная для одного языка, впоследствии была перенесена и на другие языки, несмотря на то, что в отношении некоторых языков, в том числе и монгольского, данная политика была спорной. Это подтверждается и словами автора реформы письменности в МНР — Ц. Дамдинсурэна, которые цитирует Леонид Шинкарев: «Многие буквы чужого языка звукам нашей речи не подходили или были не нужны, а два звука монгольской речи, наоборот, требовали букв, которых в кириллице не было» (цит. по: [Шинкарев 2004: 75]).

III этап (1950-е гг. – 1985 г.)

Третий этап языковой политики МНР отличается своей продолжительностью. Начиная с 1950-х гг., в Монголии широко разворачивались культурные кампании, одной из целей которых были ликвидация безграмотности и обучение кочевого населения новой письменности. В то же время в стране увеличивалось присутствие советских граждан, что вело к росту числа русскоговорящего населения, изучению русского языка в школах наравне с монгольским и обучению монгольских граждан в СССР. Всего к 1990 г. советское высшее образование получили более 15 000 граждан Монголии [Михалев 2013: 178].

После вступления в силу постановления о переходе на другой алфавит начался достаточно длительный период распространения новой письменности по всем регионам страны, в том числе и среди этнических меньшинств. Большую поддержку в данной работе оказали специалисты из Советского Союза. Именно с 1950-х гг. начинают усиливаться научно-образовательные контакты, многие специалисты направляются на работу в МНР. Таким образом, в тот период политика «кириллизации»¹ монгольского языка сменяется стихийной «русификацией» общества² [Marzluf 2018: 156].

¹ Кириллизация — процесс перевода письменностей народов СССР, Монголии и Тувинской Народной Республики с латинской на кириллическую графику в 1930–1940-е гг.

² Русификация — комплекс мер, осуществляемых официальными властями, направленных на обрусение жителей какой-либо территории.

При этом важно отметить, что «русификация» не была основной целью языковой политики в тот период. Скорее, это стало следствием сближения с Советским Союзом и увеличения русскоязычного «контингента» в МНР. С одной стороны, реформы, проводившиеся в МНР, и русификация способствовали культурному и экономическому подъему страны. Однако, с другой стороны, это же и наносило ущерб национальному самосознанию монголов, поскольку идеологически МНР следовала вектору СССР, не делая поправки на национальные особенности. В дальнейшем это привело к образованию оппозиционно настроенной прослойки общества, которая, выйдя в конце 1980-х гг. на политическую сцену, стала успешно призывать к изменениям в стране [*История Монголии 2007: 246*].

Как уже упоминалось выше, языковая политика МНР во многом находилась в векторе языковой политики СССР. Так, например, увеличение присутствия и распространения русского языка в Монголии приходится на 1960-е гг., на фоне аналогичных событий в национальных республиках СССР. В частности, в Советском Союзе в ходе реформы образования 1958–1959 гг. русский язык стал обязательным предметом в школе во всех регионах.

Отражением этой политики в МНР стало Постановление № 171 Совета министров об организации русскоязычных классов от 19.05.1965: «Министерство просвещения разрешает, начиная с 1965–66 учебного года, организовать 1 класс с обучением на русском языке во 2-й школе Улан-Батора; каждые 4 года набирать подобный класс с числом учащихся до 30» [*Ардын боловсрол 1968: 21*].

Согласно Постановлению Совета министров МНР об открытии курсов русского языка № 207 от 22.04.1964, при Университете были организованы двухгодичные вечерние курсы русского языка, которые создавались преимущественно для преподавательского состава вузов, и, соответственно их целью было увеличение уровня знания русского языка преподавателей [*Ардын боловсрол 1968: 28*].

С каждым годом присутствие Советского Союза в жизни монголов увеличивалось. В 1980-х гг. на территории Монголии, помимо размещенных военных гарнизонов, в разных сферах работало большое количество советских граждан [*Капиšовска 2006: 92–93*].

Несомненно, такая тесная связь оказывала большое влияние и на культурное развитие страны. Русский язык изучался в школе, начиная с четвертого класса, часто его преподавали советские учителя. Знание русского языка было необходимо для поступления в высшее учебное заведение, поскольку большая часть специализированной литературы была на русском языке. Развитие современной культуры и складывание новой, городской, в том числе и под влиянием русского языка, привело к ослаблению позиций традиционной монгольской культуры, что поступательно вело к росту недовольства в обществе. Монгольская интеллигенция, учившаяся по большей части в Советском Союзе, при возвращении на родину жаждала общенациональной идеи, вокруг которой хотела и готова была сплотиться [*Шинкарев 2004: 375*].

На фоне призывов во всем следовать идеалам советского народа в рядах монгольской интеллигенции становились популярными демократические идеи и нацеленность на международное сотрудничество [*История Монголии 2007:*

318]. Последствия таких настроений стали отчетливо видны в годы перестройки и далее, в 1990-е гг., это проявлялось, в том числе и в сокращении использования русского языка.

В социалистический период монгольская национальная письменность официально не была запрещена, хотя широко не применялась и практически не изучалась. Элементы монгольского письма сохранялись на печатях и банкнотах. Официально же монгольская письменность практически нигде не преподавалась, кроме отдельных курсов в высших учебных заведениях по направлению подготовки филологов. Поскольку в результате проведения реформы появилась новая письменность, существовавшая ранее получила название «старописьменный монгольский», которая до сих пор сохраняется как термин в отечественном монголоведении.

Таким образом, в период 1950–1985 гг. в сфере языковой политики основные изменения происходили на уровне восприятия языка и его роли в обществе. Сложившееся на фоне тесных связей с СССР заметное присутствие русского языка оказало сильное влияние на общество, ослабив позиции монгольского языка, и стало причиной изменений, которые будут предприняты в данной сфере в 1990-е гг.

IV этап (1985–1992 гг.)

С середины 1980-х гг. языковая политика стала постепенно разворачиваться в сторону восстановления монгольской национальной письменности. Для перестройки была характерна тенденция к росту интереса в отношении национальной истории и традиций монголов. Тогда же появились проекты изучения монгольского письма в 7-м и 8-м классах средних образовательных школ. Такой интерес объяснялся исторической важностью письменности и ключом к пониманию традиций Монголии [Grivelet 2001: 77–78].

В 1989 г. был создан комитет «Монгольская письменность» («Монгол бичиг хороолол») — неправительственная организация, выступающая за поддержку и распространение монгольской письменности. В школе № 1 в Улан-Баторе в 1989–1990 учебном году был проведен эксперимент: ученики первого класса начали обучаться на монгольской письменности, а кириллица вводилась только с 3-го класса [Grivelet 2001: 78].

Основным же толчком к возрождению монгольской письменности стало демократическое движение. В 1985 г. был издан приказ № 151 Министерства народного образования МНР «Об утверждении редактора, авторов инструкций и учебников» [Дэмбэрэл 2021: 111]. В том же году вышли приказы министра народного образования (№ 302 от 4 декабря и № 332 от 30 декабря) о подборе учителей для преподавания национальной монгольской письменности в школе. Это были первые мероприятия в системе образования МНР после возрождения монгольской письменности [Дэмбэрэл 2021: 111]. В планах было и введение с 1 сентября 1991 г. занятий по монгольской письменности с первого класса и использование ее в печати всех государственных учреждений, почты [Дэмбэрэл 2021: 111].

В 1991 г. Малый хурал МНР издал постановление № 36 «О ведении с 1994 года официальных правительственных дел на монгольской письменности в Монгольской Народной Республике и обеспечении подготовки перехода на

нее» [УИХ тогтоол 1994]. В постановлении предусматривались организация подготовительной работы, создание государственной комиссии и назначение ответственных за исполнение. Также в планах было введение с 1 сентября 1991 г. занятий в первом классе по монгольской письменности и использование ее в печати всех государственных учреждений, почты. В последующем, в 1992 и 1994 гг., принимались постановления о подготовке к повсеместному переходу на монгольскую письменность [УИХ тогтоол 1994].

Начало 1990-х гг. положило конец контролю над языковым планированием и языковой политикой Монголии со стороны Советского Союза. Это было связано также и с тем, что в самом Союзе направление языковой политики сильно изменилось. Языковая политика стала гораздо свободнее. В республиках все чаще появлялись разговоры о массовом употреблении национальных языков [Марусенко 2015: 146]. Чтобы подчеркнуть свою независимость от предыдущей советской языковой политики, союзные республики стали проводить самостоятельную языковую политику [Дьячков, Абрамова 2010: 55–59].

На волне социально-политических и экономических изменений, происходивших в 1990-е гг., Монголия стала привлекательна для иностранцев, следствием чего стал «бум» изучения иностранных языков, таких как японский, английский, китайский.

Заключение

Важным фактором духовной культуры любого этноса, определяющим уровень его национального самосознания, является язык. Языковая политика составляет часть национально-государственного строительства, в рамках которого проводились провозглашенные новой властью преобразования.

Возможно, в период МНР языковую политику можно свести к кириллизации и ставшей ее следствием русификации. Основной задачей распространения кириллицы, как и в 1930–1940-е гг. в Советском Союзе, была борьба с неграмотностью. К русификации же относится период после 1950-х гг., характерными чертами которого становится увеличение присутствия советских граждан в Монголии, приобретение русским языком фактически статуса второго государственного, проникновение элементов советской культуры в общественную жизнь.

Необходимо учитывать, что лидеры Советского Союза считали, что этническая неоднородность не только внутри СССР, но и на территории стран-союзников может грозить политической нестабильностью [Марусенко 2015: 140–144]. В связи с этим язык стал главным фактором развития политической сознательности и инструментом государственного строительства. Необходимо понимать, что распространение русского языка позволяло усилить контроль над республиками и помогало интегрироваться в советскую культуру.

Языковая политика — необходимое условие для создания нового государства. И в МНР она проводилась под сильным влиянием СССР. С одной стороны, переход на кириллицу означал окончательное признание зависимости от Советского Союза. Но, с другой стороны, это был наиболее приемлемый для ослабленной на тот период Монголии вариант политического, экономического и культурного выживания. Для успешного развития и укрепления молодого независимого государства нужны были грамотные образованные люди. Ока-

залось, что добиться необходимого результата проще, создавая алфавит и письменность с нуля. Кроме того, это давало определенную надежность и гарантию поддержки и защиты со стороны СССР. В случае же реформирования исключительно монгольского письма процесс повышения уровня грамотности и развития системы образования мог сильно затянуться, что повело бы за собой политическую нестабильность и вероятность внешней угрозы.

Как мы видим, за прошедшие 80 лет кириллица прочно закрепилась в качестве основной письменности монгольского языка, несмотря на рост популярности традиционной монгольской национальной письменности и увеличивающееся число проектов по ее использованию. На данный момент монголами признается, что кириллица является наиболее удобным алфавитом для использования в современных реалиях, монгольская национальная письменность при этом остается уникальной чертой культуры монголов и национальным символом страны.

Кроме того, необходимо упомянуть, что, согласно «Национальной программе монгольской письменности – III» [Монгол бичгийн 2021], утвержденной 18 марта 2020 г., с 2025 года планируется параллельное официальное использование двух письменностей: монгольской национальной письменности и монгольской кириллицы. Таким образом, монгольская национальная письменность вновь становится широко употребляемой в Монголии.

Литература

- Алпатов 2013 — *Алпатов В. М.* Языковая политика в современном мире // Научный диалог. 2013. № 5 (17). С. 8–28.
- Амагаев 2012 — *Амагаев М. И.* Доклад о политическом и экономическом положении МНР и угрозе «правого уклона» в руководстве партии и государства. Из стенограммы заседания Восточного лендерсекретариата ИККИ, 1927 // Монголия в документах Коминтерна: в 2 т. Т. 1: 1919–1929 / отв. сост. И. И. Кудрявцев. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 277–284.
- Ардын боловсрол 1968 — Ардын боловсрол, соёл-урлаг, шинжлэх ухааны талаарх их ууль тогтоомжийн системчилсэн эмхэтгэл (1964–1967 он) (= Систематический сборник постановлений и законов в области народного образования, культуры, искусства и науки (1964–1967)). III боть. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэгэрхлэх хороо, 1968. 193 х.
- Барадин 1929 — *Барадин Б.* Вопросы повышения бурят-монгольской языковой культуры // Культура и письменность Востока. Кн. V. Баку: Изд. ВЦК НА при Президиуме ЦИК СССР, 1929. С. 3–27.
- Дьячков, Абрамова 2010 — *Дьячков М. В., Абрамова Е. И.* Об истории языковой политики в России: (часть 2) // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2010. № 2 (6). С. 53–60.
- Дэмбэрэл 2021 — *Дэмбэрэл К.* Государственная политика Монголии по отношению к монгольской письменности // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 1. С. 108–119. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-108-119
- Запись бесед 2012 — Запись бесед члена Президиума ЦИК СССР С. Е. Чуцкаева с председателем СМ МНР Ц. Жигжитжапом и военным министром Г. Димитом о политическом и экономическом положении МНР и работе советских советников и инструкторов в Монголии, Иркутск, 1931 // Монголия в документах Коминтерна: в 2 т. Т. 2: 1930–1934 / отв. сост. И. И. Кудрявцев. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 111–120.

- Исаев 1979 — *Исаев М. И.* Языковое строительство в СССР. М.: Наука, 1979. 352 с.
- История Востока 1995 — История Востока: в 6 т. Т. 5: Восток в новейшее время: в 1914–1945 гг. / отв. ред. Р. Г. Ланда. М.: Вост. лит., 1995. 717 с.
- История Монголии 2007 — История Монголии. XX век / отв. ред. Г. С. Яскина. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. 448 с.
- Марусенко 2015 — *Марусенко М. А.* Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. М.: Научно-политическая книга, 2015. 575 с.
- Михалев 2013 — *Михалев А. В.* Монголия в большой игре XXI века: борьба за влияние и неформальные институты мягкой силы. Улан-Удэ: БГУ, 2013. 251 с.
- Монгол бичгийн 2021 — Монгол бичгийн үндэсний хөтөлбөр – III (= Национальная программа монгольской письменности – III) [электронный ресурс] // Официальный сайт: Улсын бүртгэлийн ерөнхий газар (= Государственное регистрационное управление). 14.06.2021. URL: <https://burtgel.gov.mn/post/58123> (дата обращения: 06.02.2022).
- Отгонбаатар, Цендина 2014 — *Отгонбаатар Р., Цендина А. Д.* Образцы письменной традиции Северной Монголии. М.: Наука, Вост. лит., 2014. 237 с.
- Поппе 1936 — *Поппе Н. Н.* Вопросы словообразования бурятмонгольского языка // Революция и письменность. Сборник № 2 / ред. Д. Кормасов. М.; Л.: Изд. ВЦК НА, 1936. С. 77–80.
- Поппе 1937 — *Поппе Н. Н.* Грамматика письменно-монгольского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 198 с.
- Санжаасурэн, Жерносек 1981 — *Санжаасурэн Р., Жерносек И.* Очерки истории общеобразовательной школы Монгольской Народной Республики. М.: Педагогика, 1981. 127 с.
- Соёл-гэгээрлийн 1962 — Соёл-гэгээрлийн байгууллагуудын ажлын талаар холбогдолтой зарлиг, тогтоол, заавруудын системчилсэн эмхтгэл (1940–1961) (= Систематический сборник указов, постановлений, инструкций для организаций культуры и просвещения (1940–1961). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэгэрхлэх хороо, 1962. 282 х.
- Трегубова 2017 — *Трегубова Д. Д.* «Языковое строительство» в Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-е годы // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2017. № 1–2. С. 185–198.
- УИХ тогтоол 1994 — Улсын Их хурлын тогтоол (= Постановление Великого государственного хурала) // Официальный сайт: Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем (= Единая информационно-правовая система). URL: <https://old.legalinfo.mn/law/details/6767> (дата обращения: 07.02.2022).
- Хроника: конференция 1931 — Хроника: конференция монгольской группы народов по вопросам письменности и языка // Культура и письменность Востока. 1931. Кн. IX. М.: Изд. ВЦК НА при Президиуме ЦИК СССР. С. 66–77.
- Шинкарев 2004 — *Шинкарев Л. И.* Цеденбал и Филатова: Любовь. Власть. Трагедия. М.; Иркутск: Издатель Сапронов, 2004. 528 с.
- Юзбашев 1928 — *Юзбашев Н.* Арабский и Ново-Тюркский алфавит // Культура и письменность Востока. Кн. I. М.: Изд. ВЦКНТА, 1928. С. 65–80.
- Gaur 2000 — *Gaur A.* Literacy and the Politics of Writing. Portland: Intellect Books, 2000. 188 p.
- Grenoble 2003 — *Grenoble L.* Language policy in the Soviet Union. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003. 236 p.
- Grivelet 2001 — *Grivelet S.* Digraphia in Mongolia // International Journal of the Sociology of Language. 2001. № 150. Pp. 76–77.
- Кариšовска 2006 — *Кариšовска V.* Language Planning in Mongolia II // Mongolica Pragensia № 6. Edited by Jaroslav Vacek and Alena Oberfalzetová. Prague: Nakladatelství TRITON, 2006. Pp. 89–114.

- Kaplonski 2014 — *Kaplonski C.* The Lama Question: Violence, Sovereignty, and Exception in Early Socialist Mongolia. Honolulu: University of Hawaii Press, 2014. 280 p.
- Marzluf 2018 — Language, Literacy, and Social Change in Mongolia: Traditionalist, Socialist, and Post-Socialist Identities. By Ph. P. Marzluf. Lanham, Md.: Lexington Books, 2018. 223 p.
- McCarty 2011 — *McCarty T.* Ethnography and Language Policy. New York: Routledge, 2011. 328 p.

References

- Alpatov V. M. Language policy in modern world. *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)*. 2013. No. 5 (17). Pp. 8–28. (In Russ.)
- Amagaev M. I. Report on the Political and Economic Situation in the MPR, and the Threat of ‘Right-Wing Deviations’ among Party and Government Executives: Meeting Minutes (Highlights) of the Eastern Secretariat of the ECCI, 1927. In: Kudryavtsev I. I. (comp.) Mongolia in Documents of the Comintern. In 2 vols. Vol. 1: 1919–1929. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. Pp. 277–284. (In Russ.)
- Baradin B. Enhancing Buryat Mongol language culture. In: Culture and Writing of the East. Vol. V. Baku: All-Union Central Committee for New Alphabets, 1929. Pp. 3–27. (In Russ.)
- Chutskaev S. Collected conversations with Ts. Jigjidjav and G. Dimid on the political and economic situation in the MPR, and efforts of Soviet advisers and instructors in Mongolia. Irkutsk, 1931. In: Kudryavtsev I. I. (comp.) Mongolia in Documents of the Comintern. In 2 vols. Vol. 2: 1930–1934. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. Pp. 111–120. (In Russ.)
- Conference of Mongolic Peoples to Discuss Issues of Writing Systems and Language. Chronicles. In: Culture and Writing of the East. Vol. IX. Moscow: All-Union Central Committee for New Alphabets, 1931. Pp. 66–77. (In Russ.)
- Decree of the State Great Khural. 1994 On: Unified Law Assistance System [of Mongolia] (official website). Available at: <https://old.legalinfo.mn/law/details/6767> (accessed: February 7, 2022). (In Mong.)
- Demberel K. Classical Mongolian script: State policy revisited. *Mongolian Studies*. 2021. Vol. 13. No. 1. Pp. 108–119. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-108-119
- Dyachkov M. V., Abramova E. I. History of Russia’s language policy revisited: Part 2. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2010. No. 2 (6). Pp. 53–60. (In Russ.)
- Gaur A. Literacy and the Politics of Writing. Portland: Intellect Books, 2000. 188 p. (In Eng.)
- Grenoble L. Language Policy in the Soviet Union. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003. 236 p. (In Eng.)
- Grivelet S. Digraphia in Mongolia. *International Journal of the Sociology of Language*. 2001. No. 150. Pp. 76–77. (In Eng.)
- Isaev M. I. The Soviet Language Construction Campaign. Moscow: Nauka, 1979. 352 p. (In Russ.)
- Kapišovska V. Language planning in Mongolia II. In: Vacek J., Oberfalzetová A. (eds.) *Mongolica Pragensia*. Vol. 6. Prague: Nakladatelství TRITON, 2006. Pp. 89–114. (In Eng.)
- Kaplonski C. The Lama Question: Violence, Sovereignty, and Exception in Early Socialist Mongolia. Honolulu: University of Hawaii Press, 2014. 280 p. (In Eng.)
- Landa R. G. (ed.) History of the East. In 6 vols. Vol. 5: The East and Contemporary Era, 1914–1945. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1995. 717 p. (In Russ.)
- Marusenko M. A. Languages and National Identity: Contemporary Challenges to Nationhood and Territorial Integrity. Moscow: Nauchno-Politicheskaya Kniga, 2015. 575 p. (In Russ.)

- Marzluf Ph. P. Language, Literacy, and Social Change in Mongolia: Traditionalist, Socialist, and Post-Socialist Identities. Lanham, Md.: Lexington Books, 2018. 223 p. (In Eng.)
- McCarty T. Ethnography and Language Policy. New York: Routledge, 2011. 328 p. (In Eng.)
- Mikhalev A. V. Mongolia in the 21st Century Great Game: Struggling for Influence and Informal Institutions of Soft Power. Ulan-Ude: Buryat State University, 2013. 251 p. (In Russ.)
- Otgonbaatar R., Tsendina A. D. Examples of the Written Tradition from Northern Mongolia. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2014. 237 p. (In Russ.)
- Poppe N. N. Grammar of Written Mongolian. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1937. 198 p. (In Russ.)
- Poppe N. N. Issues of Buryat word formation revisited. In: Kormasov D. (ed.) The Revolution and Writing. Collected papers. Vol. 2. Moscow; Leningrad: All-Union Central Committee for New Alphabets, 1936. Pp. 77–80. (In Russ.)
- Public Education, Culture, Arts, and Science [in the MPR]: Systematically Collected Decrees and Laws. Vol. 3: 1964–1967. Ulaanbaatar: MPR Council of Ministers (Legislative Committee), 1968. 193 p. (In Mong.)
- Sanjaasuren R., Zhernosek I. Public School System of the Mongolian People's Republic: Historical Essays. Moscow: Pedagogika, 1981. 127 p. (In Russ.)
- Shinkarev L. I. Tsendenbal and Filatova: Love, Power, Tragedy. Moscow; Irkutsk: Sapronov, 2004. 528 p. (In Russ.)
- Systematically Collected Edicts, Decrees, and Regulations for Cultural and Educational Institutions [of the MPR], 1940–1961. Ulaanbaatar: MPR Council of Ministers (Legislative Committee), 1962. 282 p. (In Mong.)
- The National Program of Mongolian Script – III. On: State Registration Department [of Mongolia] (official website). Posted on June 14, 2021. Available at: <https://burtgel.gov.mn/post/58123> (accessed: February 6, 2022). (In Mong.)
- Tregubova D. D. «Language construction» in the 1920-1930s in the Buryat-Mongolian ASSR. *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*. 2017. No. 1–2. Pp. 185–198. (In Russ.)
- Yaskina G. S. (ed.) A History of 20th Century Mongolia. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2007. 448 p. (In Russ.)
- Yuzbashev N. Arabic script and new Turkic alphabet. In: Culture and Writing of the East. Vol. I. Moscow: All-Union Central Committee for New Turkic Alphabet, 1928. Pp. 65–80. (In Russ.)

УДК / UDC 903.22, 623.445

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-247-263

Калмыцкий «каркасный» шлем из собрания Смоленского государственного музея-заповедника

Леонид Александрович Бобров¹, Дмитрий Петрович Алексеев²

¹ Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml@mail.ru

² Смоленский государственный музей-заповедник (д. 4, ул. Коммунистическая, 214000 Смоленск, Российская Федерация)

заместитель директора по фондово-хранительской и реставрационной работе — главный хранитель

 0000-0001-5585-3535. E-mail: adpsmz@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Бобров Л. А., Алексеев Д. П., 2022

Аннотация. В статье рассмотрен железный шлем, хранящийся в фондах Смоленского государственного музея-заповедника (№ ОР-375). Ранее наголовье не становилось объектом научного исследования. *Цель* — ввести описание и информацию о шлеме в научный оборот, дать характеристику его конструкции и оформления, уточнить датировку и атрибуцию. *Результаты.* Время и обстоятельства поступления шлема в музейное собрание не установлены, однако он может быть датирован и атрибутирован на основании типологического анализа. Наголовье входит в состав большой группы клепаных шлемов с четырехчастной тульей и характерным узкопластинчатым «каркасом», образованным узкими гранёными накладками с ровным краем и 1–2 узкими гранеными обручами. Шлемы данной серии снабжены цилиндрическим (или — реже — коническим) подвержием с трубкой-втулкой для плюмажа. Частым элементом оформления является «коробчатый» козырек. Наголовья происходят с территории Центральной, Средней Азии, Южной Сибири и Поволжья и датируются поздним Средневековьем и ранним Новым временем. Особенностью шлема из Смоленского государственного музея-заповедника являются многочисленные узоры на тулье, а также форма двухчастного подвержия. Весьма вероятно, что изготовивший подвержие мастер вдохновлялся образом буддийской ступы, выполненной в рамках традиции *кадампа*. На тулье и шлемовых элементах фиксируется орнамент типа «косая зубчатка», складывающийся в фигуры удлинённо-ромбической и треугольной формы, а также формирующий узор в виде трехпалых птичьих лап. *Выводы.* Конструктивные особенности и система оформления наголовья из собрания Смоленского государственного музея-заповедника (в том числе наличие буддийской символики на подвержии) позволяют предположить, что

шлем был выкован оружейниками Джунгарии или Волжской Калмыкии для ойратского воина-буддиста в 10-х гг. XVII в. – середине XVIII в. (скорее всего, во второй половине данного периода). Изобразительные материалы свидетельствуют о длительном периоде бытования подобных наголовий в комплексе вооружения кочевников Великой степи. Так, в частности, они встречаются на изображениях башкирских воинов первой четверти XIX в.

Ключевые слова: Джунгария, Калмыцкое ханство, ойраты, калмыки, джунгары, ойратские шлемы, калмыцкие шлемы

Благодарность. Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования: Бобров Л. А., Алексеев Д. П. Калмыцкий «каркасный» шлем из собрания Смоленского государственного музея-заповедника // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 247–263. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-247-263

Smolensk State Reserve Museum: A Kalmyk ‘Framed’ Helmet Reviewed

Leonid A. Bobrov¹, Dmitry P. Alekseev²

¹ Novosibirsk State University (1, Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Leading Research Associate

 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml@mail.ru

² Smolensk State Reserve Museum (4, Kommunisticheskaya St., 214000 Smolensk, Russian Federation)

Deputy Director — Chief Custodian

 0000-0001-5585-3535. E-mail: adpsmz@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Bobrov L. A., Alekseev D. P., 2022

Abstract. Introduction. The article deals with an iron helmet stored at Smolensk State Reserve Museum (inv. no. OP-375) that has never been subject to any academic research. *The goal.* The paper aims to introduce the item into scientific circulation, describe its construction and design, clarify some dating and attribution properties. *Results.* The efforts to establish when and how the helmet had been obtained by the museum came to nothing but it can still be dated and attributed on the basis of a typological analysis. The headpiece clusters with a large group of riveted helmets characterized by a four-piece crown and a specific ‘frame’ consisting of narrow faceted overlays with a smooth edge and one (two) narrow hoops. Helmets of this type are equipped with a cylindrical (less often conical) pommel (top) with a plume tube. Another frequent design element of such helmets is a ‘box-shaped’ visor. Such headpieces come from Central Asia, South Siberia, and the Volga Region and are dated back to the Late Middle Ages and early modern period. The helmet from Smolensk State Reserve Museum is distinguished by multiple ornamental patterns on the crown, as well as the shape of the two-part top piece. It is very likely that the armorer to have authored this element of the helmet may have been inspired by images of Buddhist stupas inherent to the *Kadampa* tradition. The crown and other elements of the helmet bear a jagged ornament that creates rhombic and triangular patterns, as well as ones in the form of three-toed bird claws. *Conclusions.* The construction

and design structures of the examined headpiece — including the Buddhist symbols on the pommel — suggest that the helmet was forged by armorers of Dzungaria or Volga Kalmykia for an Oirat Buddhist warrior between the 1610s and 1750s (most likely in the second half of this period). The available visual materials attest to that such helmets were long used in weaponry of nomads across the Great Steppe. So, in particular, one can see them on images of Bashkir warriors dated to the 1800s–1820s.

Keywords: Dzungaria, Kalmyk Khanate, Oirats, Kalmyks, Dzungars, Oirat helmets, Kalmyk helmets

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment (Ministry of Science and Higher Education of Russia), project no. FSUS-2020-0021.

For citation: Bobrov L. A., Alekseev D. P. Smolensk State Reserve Museum: A Kalmyk ‘Framed’ Helmet Reviewed. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(2): 247–263. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-247-263

Введение

В Смоленском государственном музее-заповеднике (далее — СГМЗ) хранится железный шлем (Инв. № ОР 375, учетный № СОМ¹ 11477), представляющий значительный интерес для отечественных и зарубежных оружейников, этнографов, искусствоведов, археологов и военных историков (рис. 1). Фотографии и прорисовки данного шлема ранее не публиковались, а сам он еще не становился объектом научного исследования.

Время и обстоятельства передачи наголовья в музейное собрание, к сожалению, не установлены. Согласно «Книге поступлений № 15 Смоленского краеведческого музея за 1939 год» он происходит «из старых поступлений» [*Книга поступлений 1939*: 40, 41]. Рассматриваемый образец защитного вооружения был атрибутирован сотрудниками музея 26.05.1939, как «Шлем монгольский XV–XVI вв.» и описан следующим образом: «Тулья клепана из четырёх частей с накладными швами, репье слегка конической формы с поперечными углублениями-поясками. Испод репья — медное украшение в виде листьев. На верхней части тульи чеканен мелким шрифтом орнамент неправильного ромба с тремя веточками. По нижнему краю тульи два поперечных шва. С трёх сторон по нижнему краю дверки для бармицы» [*Книга поступлений 1939*: 40, 41].

Целью настоящей статьи является подробное описание конструкции и системы оформления шлема № ОР 375 из фондов СГМЗ, а также уточнение его датировки и атрибуции.

Описание шлема

По материалу изготовления шлем относится к классу железных, по конструкции тульи к отделу клепаных, по форме купола к типу сфероконических (рис. 2, 1–4). Общая высота наголовья — 28 см, диаметр лобно-затылочный — 20,8 см, височный — 22,0 см. Вес шлема — 762 гр.

Тулья шлема склепана из четырех пластин-секторов, стыки которых прикрыты узкими накладками с ровным краем и продольным ребром жесткости (ширина накладок — около 0,8 см). Элементы купола соединены между собой с помощью железных заклепок. Часть головок заклепок на внешней стороне шлема (на поверхности пластин и накладок) более или менее тщательно зашлифованы. Однако те из них, что должны были располагаться под накладками,

¹ Смоленский областной музей.

Рис. 1. Шлем ОР-375, СГМЗ. Общий вид вполоборота (фото А. Н. Нестерова)

[*Fig. 1.* Helmet OP-375, Smolensk State Reserve Museum.
General view in half a turn. Photo by A. Nesterov]

сохранили свои округлые шляпки (рис. 3; 4, 1)¹. Большая часть заклепок, соединяющих пластины тульи между собой, снабжена одинарными или парными подпрямоугольными, округлыми и подквадратными железными подложками на внутренней стороне купола шлема (рис. 4, 2).²

Дополнительным фиксатором элементов купола являются наперстковидное подвершие наголовья и два узких железных обруча, опоясывающих шлем на некотором расстоянии друг от друга (рис. 2). По своему оформлению как нижний («височный»), так и верхний («лобно-затылочный») обруч весьма напоминают вертикальные накладки, прикрывающие стыки пластин тульи шлема. Так, в частности, они имеют ровный край и продольное ребро жесткости, а также схожую толщину и ширину (рис. 1–3). Верхний обруч — составной (двухчастный). Его концы аккуратно сведены и состыкованы на затылке и на правом виске. Часть нижнего обруча обломана (рис. 2, 3, 4), поэтому достоверно установить, был ли он цельным или составным, не представляется возможным.

Так как нижний конец вертикальных накладок не перекрывает обручи, а крепится встык, в нижней части шлема (между верхним и нижним обручем)

¹ Шляпки стали видны после того, как накладки несколько сместились, возможно, вследствие удара по тулье шлема или в результате не слишком аккуратной сборки наголовья.

² Стоит обратить внимание на то, что пластины тульи не перекрывают друг друга, а сведены встык (рис. 4, 2). Необходимая жесткость и надежность конструкции обеспечивается сочетанием соединенных заклепками накладок на внешней и подложек на внутренней стороне тульи.

Рис. 2. Шлем ОР-375 (показан без копьевидного острия, добавленного в XX в.):
1 – вид спереди; 2 – вид слева; 3 – вид справа; 4 – вид сзади; 5 – подвешивание шлема
(фото А. Н. Нестерова)

[Fig. 2. Helmet OP-375 (without a spear-shaped tip added in the 20th century):
1 – front view; 2 – left side view; 3 – right side view; 4 – rear view; 5 – top of the helmet.
Photo by A. Nesterov]

Рис. 3. Шлем ОР-375: 1 – фрагмент тульи и подвержия: а – прорисовка орнамента на подвержии; б – прорисовка орнамента на тулье (рис. Л. А. Боброва)

[Fig. 3. Helmet OP-375: 1 – fragment of crown and top; а – ornament details on top of the helmet; б – ornament details on crown of the helmet. Drawings by L. Bobrov]

образуются щели. Для их перекрытия оружейник использовал дополнительные короткие железные накладки с ребром жесткости (рис. 2, 1–4).

Парные узкие обручи вместе с длинными и короткими вертикальными накладками, прикрывающими стыки пластин тульи, образуют своеобразный «каркас» шлема. Последний не только фиксирует элементы купола между собой, но и выполняет функцию ребер жесткости (т. е. усиливает конструкцию наголовья), защищая, в том числе, самые уязвимые места тульи — стыковочные швы.

Тулья шлема и подвержие украшены характерным узором, представляющим собой полосы из частых плавно изогнутых зубцов (рис. 3, 1а, б). Подобный орнамент может быть обозначен как «косая зубчатка» (по аналогии с классической «зубчаткой» — узором из рядов вертикальных остроугольных фестонов, складывающихся в единую линию). Проведенный осмотр показал, что на данном шлеме орнамент награвирован шабером или выбит канфарником¹.

¹ Уточнить данный вопрос позволит более детальное изучение техники нанесения орнамента. Так при работе шабером инструмент иногда соскальзывает, оставляя царапину на металлической поверхности, а канфарник (при неточном ударе) съезжает в сторону, образуя характерный след. Авторы настоящей статьи выражают благодарность ведущему научному сотруднику

Рис. 4. Шлем ОР-375: 1 – вид сверху; 2 – вид снизу (фото А. Н. Нестерова)
 [Fig. 4. Helmet OP-375: 1 – top view; 2 – bottom view. Photo by A. Nesterov]

На четырех пластинах тульи полосы «косой зубчатки» складываются в стреловидные фигуры. Удлиненно-ромбические «наконечники» этих «стрел» завершаются тремя отростками, расположенными в виде трехпалого птичьего следа (рис. 3, 1б). Накладки, прикрывающие стыки пластин тульи шлема и оба узких обруча, также снабжены окантовкой из полос «косой зубчатки». Наконец, на налобной части шлема сходящиеся под углом полосы «косой зубчатки» формируют своеобразный «венец» из ряда больших остроугольных фестонов (рис. 2, 1).

В настоящее время шлем не имеет козырька, однако на его наличие в первоначальной комплектации указывают отверстия на височных сторонах тульи (рис. 1; 2, 1–3), а также характерные следы и потертости на налобной части наголовья (рис. 1; 2, 1, 2). Наиболее вероятно, что шлем имел так называемый «коробчатый» козырек, состоящий из узкой горизонтальной пластины — «полки» и вертикального «щитка».

В настоящее время навершие шлема состоит из трех конструктивных элементов: двухчастного подвершия и копьевидного острия (рис. 1). Последнее выполнено из дерева и покрыто серой краской. К шлему оно крепится с помощью стального шурупа (рис. 4, 2). Можно уверенно утверждать, что копьевидное острие является позднейшим дополнением, вероятно, прикрученным к шлему уже в период его нахождения в музейном собрании.

Значительно больший интерес представляет двухчастное подвершие. Оно состоит из металлического «наперстка», выполненного в виде сужающегося

Музеев Московского Кремля, кандидату исторических наук В. Р. Новоселову за помощь в атрибуции способа нанесения орнамента на поверхность шлема.

кверху цилиндра, и четырехлепесткового основания из медного сплава (рис. 3, 1). Поверхность «наперстка» украшена выпуклыми поперечными поясами и зубцами, в последние вписан упомянутый выше орнамент в виде «косой зубчатки» (рис. 3, 1б). Нижний край подвершия оформлен миниатюрными полукруглыми фестонами. Последние настолько мелкие, что даже с небольшого расстояния выглядят как полоса «жемчужника». В свою очередь, большие медные «лепестки» основы подвершия пересекает пара гравированных лент, заполненных «косой зубчаткой». В подвершие вбиты заклепки, которые соединяют его с пластинами тульи шлема (рис. 3, 1).

Вдоль нижнего края купола наголовья, непосредственно под нижним обручем, пробиты 24 сквозных отверстия, служивших для подвешивания бармицы (еще два отверстия предназначены для крепления козырька). Система крепления защиты шеи позволяет предположить, что в своей первоначальной комплектации шлем мог быть снабжен кольчатой, пластинчато-нашивной (пластинчато-клепанной) или стеганой бармицей различных видов покроя¹.

Атрибуция объекта

Шлем № ОР 375 из собрания СГМЗ может быть датирован и атрибутирован на основе типологического анализа.

В первую очередь необходимо отметить, что клепаные железные шлемы с четырехчастной тульей, узкими накладками с ровным краем и ребром жесткости, парой узких выпуклых обручей, цилиндрическим (реже коническим) подвершием и «коробчатым» козырьком в целом не характерны для комплекса вооружения народов Евразии раннего и развитого Средневековья. Все наголовья данного типа датируются периодом позднего Средневековья и раннего Нового времени [Бобров, Худяков 2008: 422, 426, 432; Бобров 2015: 72–74; Ахметжан 2015: 51 (рис. 18), 8–11, 13, 53 (рис. 19), 6–8; Бобров, Кушкumbaев, Сальников 2018: 446–452]².

Авторам настоящей работы известно о 20 шлемах рассматриваемого образца. В настоящее время они хранятся в музейных и частных собраниях Российской Федерации, Республики Казахстан, Монголии, Китайской Народной Республики, Республики Узбекистан и других стран. Наголовья отличаются между собой некоторыми особенностями конструкции и системы декоративного оформления. Однако в основе всех шлемов серии лежит схожее технологическое решение: увенчанная цилиндрическим (реже коническим) подвершием четырехчастная туля дополнена своеобразным «каркасом», состоящим из узких накладок и 1–2 узких обручей (в последнем случае щели между обручами перекрываются специальными короткими накладками). Частым элементом оформления изучаемых шлемов также является «коробчатый» козырек, состоящий из «полки» и «щитка». В некоторых случаях под подвершием размещается четырёхлепестковое основание из медного сплава [Бобров, Худяков 2008: 422, 424, 432 (рис.

¹ При этом необходимо учитывать, что в ходе эксплуатации боевого наголовья оригинальные бармицы могли существенно модернизироваться, дополняться и даже заменяться на другие виды защитных элементов [Бобров 2009: 251–254; Бобров, Худяков 2011: 43–52].

² Данная разновидность позднесредневековых шлемов, вероятно, восходит к четырехчастным наголовьям развитого Средневековья с узкими накладками, прикрывающими стыки пластин тульи [Горелик 1987: 188, рис. 10, 2].

163); Ахметжан 2015: 53 (рис. 19, 10)]. Несомненное сходство шлемов указывает на то, что они были изготовлены примерно в одно и то же время, возможно, в разных регионах, но в рамках одной военно-культурной традиции. С некоторой долей условности данную разновидность боевых наголовий можно обозначить как шлемы с узкопластинчатым «каркасом» или «каркасные» шлемы¹.

Большинство интересующих нас шлемов происходит из Центральной Азии и сопредельных территорий, которые в период позднего Средневековья и раннего Нового времени являлись местом активных и разнообразных контактов монголо- и тюркоязычных кочевников [Бобров, Кушкumbaев, Сальников 2018: 451].

Уточнить датировку и атрибуцию шлема из СГМЗ позволяют некоторые особенности его конструкции и системы оформления.

Для этого необходимо, в первую очередь, внимательно присмотреться к подвершию шлема. Как уже отмечалось выше, оно имеет двухчастную конструкцию. Цилиндрическая «наперстковидная» орнаментированная пластина помещена поверх четырехлепесткового основания, выполненного из медного сплава (рис. 3, 1). Подобная сложная конструкция навершия не обусловлена сугубо технологической необходимостью. Причины данного оформительского решения, на наш взгляд, следует искать в культурно-религиозной сфере (рис. 5).

Комплексный анализ источников показал, что изготовивший подвершие мастер, по всей видимости, вдохновлялся образом буддийской ступы-*субурган* (тиб. *tchodrten*, монг. *суварга(н)*, калм. *суврһн*)², а, точнее — ее конкретной разновидности, известной в историографии под названием «ступы традиции *кадампа*» [Бир 2013: 241; Обитель милосердия 2015: 454].

Отличительной особенностью данной ступы является круглое основание³. Согласно легендам, она была принесена в Тибет Атишей⁴, а поскольку он преподавал в монастыре Викрамашила в Бихаре, то такая ступа является отображением традиций стиля Пала XI в. [Обитель милосердия 2015: 454].

Ступы традиции *кадампа* выделяются колоколообразным телом (рис. 5, 1а, 3а), которое покоится на лепестках лотоса или декорируется ими по нижнему

¹ Во избежание путаницы с «каркасными шлемами» Древности и Средневековья определенное рассматриваемой группы наголовий как шлемов с узкопластинчатым «каркасом» представляется оптимальным. Слово «каркас» заключается в кавычки по той причине, что составляющие его пластины-накладки и обручи далеко не всегда играют функцию несущей конструкции. В ряде случаев они лишь усиливают купол шлема, прикрывая его наиболее уязвимые места (стыки пластин тульи и др.).

² Ступа-*субурган* является одним из важнейших символов буддийского учения [Бобров, Орленко 2020: 1209, 1211].

³ Большинство буддийский ступ имеют основание в виде квадратного цоколя, называемого «львиным тронem» [Обитель Милосердия 2015: 457].

⁴ Атиша (982–1054) — выдающийся индийский учитель, считающийся земным воплощением Манджушри. Родился в Бенгалии в аристократической семье. Получив буддийское религиозное образование, Атиша принял монашество. В 1042 г. он прибыл в Тибет, где стал одним из инициаторов возрождения монастырского буддизма. Преемник Атиши — Дромтонпа сформировал школу, которая стала известна впоследствии как школа «*кадампа*». Позднее Цзонхава на базе учения *кадампа* основал школу *гелукпа*, известную также как «новая *кадампа*» [Обитель Милосердия 2015: 75]. Именно школа *гелукпа* получила в XVII в. широчайшее распространение среди монголоязычных кочевников Евразии, в первую очередь среди ойратов, что имеет важное значение для нашего исследования (см. ниже).

Рис. 5. Буддийские ступы и их символьные обозначения:

1 — Ступа традиции кадампа, Тибет, XII–XIV вв. (частная коллекция); 2 — подвешие шлема (СГМЗ, ОР-375); 3 — ступа традиции кадампа, Тибет, XII–XIV вв. (Государственный Эрмитаж, инв. № У-1456); 4, 5 — Бодхисаттва Майтрея, Непал, XVII в. (Государственный Эрмитаж, инв. № КО-354) (3–5: по [Обитель Милосердия 2015])

[Fig. 5. Buddhist stupas and their symbols:

1 — stupa of the Kadampa tradition, Tibet, 12th–14th centuries (private collection); 2 — helmet top (Smolensk State Reserve Museum, OR-375); 3 — stupa of the Kadampa tradition, Tibet, 12th–14th centuries (State Hermitage Museum, inv. no. У-1456); 4, 5 — Bodhisattva Maitreya, Nepal, 17th century (State Hermitage Museum, inv. no. КО-354)]

краю (рис. 5, 1z, 3z). Сами лепестки окаймляются так называемым «жемчужным ожерельем» (рис. 5, 1в, 3в). Центральная часть ступы покрывается поперечными выпуклыми поясками (рис. 5, 1б, 3б)¹.

Практически все эти элементы можно наблюдать и на рассматриваемом навершии шлема (рис. 5, 2). Верхняя часть подвершия, как и на теле ступ, гладкая (рис. 5, 2а), зато центральная часть украшена изображениями упомянутых выше выпуклых поперечных поясков (рис. 5, 2б). Цилиндрическое подвершие наголовья покоится на четырех остроугольных фестонах, выполненных из медного сплава, символизирующих священный золотой лотос (рис. 5, 2z)². Мастер не упустил даже такой элемент, как «жемчужное ожерелье», которое должно окаймлять лепестки лотоса. Мелкий «жемчужник» пропущен строго по краю подвершия, отделяя его от фестонов-«лепестков» (рис. 3, 2в).

Сам факт помещения стилизованного образа ступы на верхнюю часть шлема, по всей видимости, не был чем-то невероятным. Один из традиционных вариантов изображения Бодхисаттвы Майтреи предполагал размещение в прическе божества образа ступы (рис. 5, 4, 5). Известный специалист по буддийской символике Р. Бир отмечает по этому поводу: «... термин „ступа“ также подразумевает пучок (санскр. *stupa, stuka*) волос. Маленькая увенчивающая ступа — это характерный знак Майтреи, носящего маленькую ступу просветления, или махабодхи-ступу, на вершине своей головы» [Бир 2013: 243].

Главное визуальное отличие тела «ступ традиции *кадампа*» от подвершия шлема заключается в том, что тело ступы обычно имело форму колокола (рис. 5, 1а, 3а), в то время как подвершие выполнено в виде сужающегося к верху цилиндра (рис. 5, 2). В настоящее время сложно сказать, что стало причиной подобного конструктивного решения. Не исключено, что мастер просто не стал усложнять себе задачу, образно обозначив изменение силуэта подвершия за счет его постепенного сужения к верху. С другой стороны, это могло быть обусловлено функционально-технологическими причинами или пожеланием заказчика.

Тело «ступы традиции *кадампа*» обычно сочеталось с ребристым коническим навершием, увенчанным бутоном лотоса и зонтом (рис. 5, 1), луной, солнцем и *Чинтамани*, украшенными лентами³ (рис. 5, 2). Не исключено, что данные элементы украшали и рассматриваемое наголовье. Однако стоит отметить, что очень близкий по конструкции шлем из собрания Акмолинского областного историко-краеведческого музея оформлен несколько иначе [Бобров, Кушкumbaев, Сальников 2018: 445–448]. Его подвершие, выкованное в виде сужающегося к верху цилиндра и оформленное поперечными полосами и мелкими зубчиками по краю (символьное изображение лепестков?), венчает трубка-втулка для

¹ Считается, что подобный способ изображения ступы характерен для развитого Средневековья [Обитель Милосердия 2015: 454, 455]. Однако в тибетском религиозном искусстве этот образ воспроизводится вплоть до настоящего времени. Более того, колоколообразное тело ступы можно видеть на знаменитой *Ступе паринирваны* «...которая знаменует уход Будды „за пределы скорби“ между двумя деревьями сал в городе Кушинагара» [Бир 2013: 242, рис. 8; 243].

² На шлеме помещены лишь четыре лепестка, однако разместить большее число лепестков такого размера на куполе было бы затруднительно, так как этому препятствуют выпуклые накладки с ребром жесткости, прикрывающие стыки пластин тульи.

³ Луна являлась символом мудрости Будды. Солнце означало его безграничное сострадание. Чинтамани — Драгоценность, исполняющая желания [Обитель милосердия 2015: 455].

плюмажа, выполненная в виде буддийского ритуального сосуда (санскр. *ghata*, *kalasha*, тиб. *bumpa*)¹. Подобные втулки, изготовленные из металла или органических материалов, нередко встречаются на центральноазиатских шлемах позднего Средневековья и Нового времени. Весьма вероятно, что подобным образом могло быть оформлено и навершие изучаемого шлема (рис. 2, 3). Еще одной популярной разновидностью трубок для плюмажа на наголовьях рассматриваемого типа были длинные втулки, в основании которых размещались четыре свернутых в спираль железных «лепестка» (рис. 2, 4).

Важную роль для атрибуции наголовья играет также орнамент на его тулье — ромбовидные фигуры в комбинации с трехпалым лапчатым узором (рис. 3, 1б). Гравированные ромбы, внутреннее пространство которых заполнено канфарением в виде множества мелких точек, встречаются на «Шапке колмыцкой большой» — ойратском шлеме XVII в. из Музеев Московского Кремля [Бобров, Орленко 2020: 1195, 1201 (рис. 7), 1204 (рис. 8)]. В том же собрании хранятся «шишаки калмыцкие» XVII в., украшенные двух- и трехпалым «лапчатым» орнаментом, выполненным в технике чеканки [Бобров, Худяков 2008: 429, 432, 437, 438].

Этот же узор можно наблюдать на шлеме, подаренном хотогойтским (северо-монгольским) ламой Эрдэни Дай мэргэн Нансо русскому царю Михаилу Федоровичу Романову в 1635 г. [Бобров, Орленко 2017: 131], а также на центральноазиатских или южносибирских шлемах происходящих с территории Тибета² [LaRocca 2006: 87].

Следует отметить, что хотя основные сюжеты в виде ромбов и лапчатого орнамента вполне узнаваемы, на шлеме из СГМЗ они выполнены в несколько иной манере и с применением «косой зубчатки». Возможно, это указывает на то, что рассматриваемое наголовье было изготовлено в рамках той же военно-культурной традиции, но несколько позднее, чем упомянутые выше шлемы.

Наличие буддийской символики и характерного орнамента практически исключают возможность казахского, ногайского, башкирского или крымско-татарского происхождения наголовья из собрания СГМЗ. Шлемы тибетцев, а также воинов «Восьмизнаменной армии» и «Войск Зеленого знамени» Цинской империи имели иную конструкцию и систему оформления [Бобров, Худяков 2008: 434 (рис. 165), 474; Бобров и др. 2017: 1151–1166]. Таким образом, рассматриваемый шлем может быть соотнесен с комплексом защитного вооружения монголоязычных кочевников: ойратов (калмыков, джунгар) или собственно монголов (халхасцев, тумэтов и др.). И здесь важно учитывать ареал распространения наголовий рассматриваемого образца. Они происходят не только с территории Центральной Азии, но и Мавераннахра и Поволжья, т. е.

¹ Вероятно, в данном случае подразумевается так называемый «Победоносный сосуд» (санскр. *vijaya-kalasha*, тиб. *gnam rgyal bum pa*), который украшался перьевым султаном [Бир 2013: 256, 257].

² В XVII – первой трети XVIII вв. Тибет стал объектом пристального внимания со стороны монгольских и ойратских кочевников. Монголоязычные номады неоднократно совершали походы в «Страну снегов», а на равнине у оз. Кукунор даже сложилось Хошутское ханство. Кроме того, степные феодалы нередко подносили в дар ламам образцы защитного вооружения центральноазиатского производства. По данным причинам, с территории Тибета происходит большое количество панцирей, шлемов и дополнительных защитных деталей монгольского и ойратского образца [Бобров, Худяков 2008: 47, 604, 605, 607–612].

из тех регионов, которые в XVII–XVIII вв. непосредственно не контактировали с монголами, но активно взаимодействовали с ойратами. Так, например, еще в первой половине XVII в. значительные массы ойратского населения расселились на территории Северного Прикаспия, которое стало ядром владений Калмыцкого ханства. В свою очередь, восточные ойраты (джунгары) в середине XVII – первой половине XVIII вв. развернули масштабное наступление против тюркских народов на территории современного Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. После гибели Джунгарского государства в начале второй половины XVIII в. и «Торгутского побега» 1771 г. отдельные группы ойратов влились в ряды войск казахских, восточно-туркестанских, бадахшанских, кокандских правителей [Бобров, Кушкумбаев, Сальников 2018: 452; Бобров, Ожередов 2021: 9, 109, 116].

Таким образом, шлем может быть отнесен к комплексу вооружения ойратских воинов. Нижняя граница его изготовления локализуется началом широкого распространения буддизма среди ойратов (т. е. 10-ми гг. XVII в.), а верхняя — серединой XVIII в. В это время основные оружейные центры Джунгарии были разрушены цинскими, казахскими и кокандско-кыргызскими войсками, а в Волжской Калмыкии доспех центральноазиатского образца стал выходить из широкого военного обихода. Судя по конструкции и особенностям оформления тульи, шлем, скорее всего, относится ко второй половине периода, т. е. к концу XVII – середине XVIII вв. Он мог быть выкован как джунгарскими, так и калмыцкими оружейниками. Если шлем происходит с территории Восточной Европы, то второй вариант представляется более предпочтительным.

В завершение отметим, что шлемы рассматриваемого образца могли использоваться на протяжении длительного исторического периода, причем не только ойратами, но и их соседями. В данной связи значительный интерес представляют рисунок Горация Верне (1789–1863) выполненный в 1811 г. (рис. 6, 1), а также гравюра Жан-Пьера-Мари Жазе (1788–1871), по рисунку того же Г. Верне демонстрирующая внешний облик башкирского воина из авангарда российских войск (рис. 6, 2)¹. Не исключено, что в обоих случаях изображен один и тот же персонаж. Однако на первом рисунке он показан вместе с другими иррегулярными бойцами греющимся у костра, а во втором является основным героем гравюры. Несмотря на то, что гравюра была выполнена позднее первого рисунка (около 1820 г.), она передает оружие, доспехи и снаряжение воина значительно более подробно и детализировано.

Панцирник носит вполне узнаваемый четырехчастный шлем, стыки пластин которого прикрыты узкими накладками с ровным краем и ребром жесткости. Наголовье снабжено узким обручем и увенчано характерным наверху, ниж-

¹ Г. Верне являлся профессиональным художником и при этом участником Наполеоновских войн. В 1814 г. он принимал участие в обороне Парижа и находился в городе во время капитуляции. Таким образом, Г. Верне мог лично наблюдать российские войска, в том числе воинов иррегулярной конницы. Рассматриваемый рисунок датирован ок. 1820 г. Однако весьма вероятно, что при его выполнении Г. Верне опирался на эскизы и наброски, выполненные с натуры. Об этом свидетельствуют некоторые детали вооружения и снаряжения, которые переданы весьма достоверно. К числу подобных предметов относится и шлем башкирского воина. Авторы настоящей работы выражают благодарность ведущему научному сотруднику Музеев Московского Кремля, кандидату исторических наук В. Р. Новоселову, а также научному сотруднику Государственного Эрмитажа Д. А. Шереметьеву за помощь в атрибуции и датировке указанной гравюры.

Рис. 6. Изображения шлемов с узкопластинчатым «каркасом» в первой четверти XIX в.: 1 — Воины русской иррегулярной конницы греются у костра, рисунок Г. Верне, 1811 г.: а — фрагмент рисунка с изображением головы башкира (?) в шлеме; 2 — «Этюд с изображением русской лошади, ведомой башкиром из отряда авангарда», гравюра Ж.-П.-М. Жазе по рисунку Г. Верне, ок. 1820 г. (ГЭ, Инв. № ОГ-358856): а — фрагмент гравюры с изображением головы башкира в шлеме [Fig. 6. Images of helmets with a narrow-plate 'frame', 1800s–1820s.:

1 — Warriors of the Russian irregular cavalry warming themselves around the campfire. Drawing by G. Vernet, 1811: а — a fragment of the drawing depicting a head of the Bashkir (?) wearing a helmet; 2 — 'Sketch depicting a Russian horse led by a Bashkir from the avant-garde detachment'. Engraving by J.-P.-M. Jazet based on a drawing by G. Vernet, ca. 1820 (State Hermitage Museum, inv. no. ОГ-358856): а — a fragment of the engraving depicting a head of the Bashkir wearing a helmet]

ний край которого оформлен фестонами-лепестками (рис. 6, 2a). Трубка-втулка выполнена в виде буддийского ритуального сосуда или ярусного навершия тибетского типа [Бобров, Худяков 2008: 419 (рис. 148), 420 (рис. 149), 434 (рис. 165, 167)]. Наголовье дополнено козырьком (?)¹ и трехчастной пластинчато-нашивной или стеганой бармицей центральноазиатского образца, усиленной металлическими пластинами².

Несмотря на некоторую условность изображения, шлем явно относится к рассматриваемой серии боевых наголовий. Если художник не упростил себе задачу, поместив калмыцкий шлем на голову башкирского воина, с целью дополнительно подчеркнуть экзотичность изображаемого персонажа³, то данная гравюра может служить дополнительным подтверждением как длительности применения шлемов центральноазиатского образца в регионе, так и примером использования калмыцкого наголовья тюркским воином (в данном случае из числа башкир).

Выводы

Типологический анализ шлема № ОР 375 из собрания СГМЗ показал, что он входит в состав большой группы боевых наголовий позднего Средневековья и раннего Нового времени, выполненных в рамках центральноазиатской военно-культурной традиции. Характерной особенностью данных шлемов является своеобразный «каркас», состоящий из одного или (чаще) двух узких граненых обручей, комбинированных с узкими гранеными накладками с ровным краем, прикрывающими стыки пластин четырехчастной тульи. Частыми элементами оформления таких шлемов являются «коробчатые» козырьки, цилиндрические (реже конические) подвешивающие с трубками-втулками для плюмажа.

Изучение элементов рассматриваемого наголовья показало, что его двухчастное подвешивающее украшено буддийской символикой. По всей видимости, изготовивший подвешивающее мастер вдохновлялся образом буддийской ступы традиции *кадампа*. В пользу атрибуции шлема как изделия оружейников одного из монголоязычных народов свидетельствует и характерный орнамент на тулье, сочетающий образы ромбических фигур и трехпалого лапчатого узора. Ареал распространения шлемов данного типа (Западная Монголия, Казахстан, Мавераннахр, Поволжье и др.) позволяет отнести их к комплексу защитного вооружения западных монголов — ойратов (калмыков или джунгар). Шлем был изготовлен не ранее 10-х гг. XVII в. (время начала широкого распространения буддизма среди ойратских кочевников) и не позднее третьей четверти XVIII в. (время гибели Джунгарии и ее производственных центров, а также вытеснения

¹ Не исключено, что художник изобразил не козырек, а матерчатую оторочку бармицы (проходящей под налобной частью шлема) или край подшлемника. Однако подобный способ оформления наголовья в целом не типичен для рассматриваемого региона. Характерно в данной связи, что на рисунке 1811 г. никакой оторочки нет, а шлем снабжен козырьком и (или) узким обручем (рис. 6, 1a).

² На рисунке Г. Верне 1811 г. защита шеи может быть атрибутирована и как пара кованых наушей в комплекте с гомогенным пластинчатым назатыльником (рис. 6, 1a).

³ Стоит обратить внимание, что Г. Верне совместил на одном рисунке самые экзотические элементы азиатского вооружения и снаряжения, непривычные для европейского зрителя начала XIX в.: шлем, кольчугу, саадачный набор (лук в налуче и колчан со стрелами), саблю-*шамшир*, оригинальную обувь, седло с высокой окованной металлом передней лукой, деревянные стрелы и др.

защитного вооружения центральноазиатского образца из широкого военного обихода волжских калмыков).

В то же время отметим, что подобные шлемы могли использоваться на протяжении длительного времени, причем как самими ойратами, так и их соседями. В пользу данной версии свидетельствуют рисунки и гравюры первой четверти XIX в., изображающие башкирских воинов в шлемах близкой конструкции и системы оформления.

Источники

Книга поступлений 1939 — Книга поступлений № 15 Смоленского краеведческого музея за 1939 г. // Смоленский государственный музей-заповедник. С. 40–41.

Sources

Book of Receipts No. 15 (Smolensk Museum of Local History and Lore): The Year 1939. At: Smolensk State Reserve Museum. Pp. 40–41. (In Russ.)

Литература

- Ахметжан 2015 — *Ахметжан К. С.* Боевые шлемы казахов (история, истоки, традиции). Астана: [б. и.], 2015. 102 с.
- Бир 2013 — *Бир Р.* Тибетские буддийские символы. Справочник. М.: Ориенталия, 2013. 336 с.
- Бобров 2009 — *Бобров Л. А.* «Татарский» шлем с комбинированной бармицей из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 3. С. 251–254.
- Бобров 2015 — *Бобров Л. А.* «Казахский» шлем из «Арсенала хана Джангира» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 5. С. 71–76.
- Бобров и др. 2017 — *Бобров Л. А., Зайцев В. П., Орленко С. П., Сальников А. В.* Поздний чжурчжэньский (ранний маньчжурский) шлем второй половины 10-х – середины 30-х гг. XVII в. из собрания Оружейной палаты Московского Кремля // Былые годы. 2017. Т. 46. № 4. С. 1140–1173.
- Бобров, Кушкумбаев, Сальников 2018 — *Бобров Л. А., Кушкумбаев А. К., Сальников А. В.* Ойратский шлем XVII – середины XVIII вв. из Акмолинского областного историко-краеведческого музея // Былые годы. 2018. Т. 48. № 2. С. 443–455.
- Бобров, Орленко 2017 — *Бобров Л. А., Орленко С. П.* Монгольский шлем конца XVI – первой трети XVII вв. из собрания Оружейной Палаты Московского Кремля // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 4. С. 127–135.
- Бобров, Орленко 2020 — *Бобров Л. А., Орленко С. П.* «Шапка колмыцкая большая» из собрания Музеев Московского Кремля // *Oriental Studies*. 2020. № 5. С. 1184–1217. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1184-1217
- Бобров, Ожередов 2021 — *Бобров Л. А., Ожередов Ю. И.* Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 228 с.
- Бобров, Худяков 2008 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.
- Бобров, Худяков 2011 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Шлемы сибирских воинов (из собрания Тобольского государственного историко-краеведческого музея-

- заповедника) // Средневековые тюрко-татарские государства. 2011. № 3. С. 43–52.
- Горелик 1987 — Горелик М. В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV вв.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163–208.
- Обитель милосердия 2015 — «Обитель милосердия». Искусство тибетского буддизма: каталог выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. 512 с.
- LaRocca 2006 — *LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet* (= Воины Гималаев. Заново открывая оружие и доспехи Тибета). New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven; London: Yale University Press, 2006. 307 p.

References

- Akhmetzhan K. S. *Kazakh Battle Helmets: History, Origins, Traditions*. Astana, 2015. 102 p. (In Russ.)
- Beer R. *The Handbook of Tibetan Buddhist Symbols*. Moscow: Orientalia, 2013. 336 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A. ‘Kazakh’ helmet from the collection of Khan Zhangir. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2015. Vol. 14. No. 5. Pp. 71–76. (In Russ.)
- Bobrov L. A. ‘The Tatar’ helmet with combined camail (protection of a neck and a throat) from the Tobolsk State Historical-Architectural Museum-Reserve. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2009. Vol. 8. No. 3. Pp. 251–254. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Helmets of Siberian warriors from the collection of Tobolsk State Historical Reserve Museum). *Turk-Tatar World*. 2011. No. 3. Pp. 43–52. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. *Nomads of Central Asia and South Siberia: Weaponry and Tactics of War in the Late Medieval Ages and Early Modern Era, 15th – Mid-18th Centuries AD*. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2008. 770 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Kushkumbayev A. K., Salnikov A. V. Oirat helmet of the XVII – mid-XVIII centuries from the Akmola Regional History Museum. *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48. No 2. Pp. 443–455. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Orlenko S. P. ‘Kalmyk Shapka Bolshaya’: An Oirat helmet from the Moscow Kremlin Museums collection. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 5. Pp. 1184–1217. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1184-1217
- Bobrov L. A., Orlenko S. P. A late 16th to early 17th century Mongolian ceremonial helmet from the Moscow Kremlin Armoury. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2017. No. 4. Pp. 127–135. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. *Armor of the Warrior Jamsaran: Central Asian ‘Kuyak’ Armor from the Museum of Siberian Archaeology and Ethnography*, Tomsk State University. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2021. 228 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Zaytsev V. P., Orlenko S. P., Salnikov A. V. The late Jurchen (early Manchu) helmet of the second half of the 1610s to the mid-1630s from the collection of the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin. *Bylye Gody*. 2017. Vol. 46. No. 4. Pp. 1140–1173. (In Russ.)
- Elikhina Yu. I. (ed.) *The Shrines of Mercy: Tibetan Buddhist Art. Exhibition catalogue*. St. Petersburg: State Hermitage Museum, 2015. 512 p. (In Russ.)
- Gorelik M. V. Early Mongolian body armor, 9th to mid-14th centuries. In: Derevyanko A. P., Natsagdorj Sh. (eds.) *Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Mongolia*. Novosibirsk: Nauka, 1987. Pp. 163–208. (In Russ.)
- LaRocca D. *Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet*. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven; London: Yale University Press, 2006. 307 p. (In Eng.)

УДК / UDC 94(97)

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-264-280

Из истории внешнеполитических отношений Калмыцкого ханства. Лоузанг-Шоно

Максим Манчиевич Батмаев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2233-0647. E-mail: maximbatmaev@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Батмаев М. М., 2022

Аннотация. *Введение.* Статья освещает одну из важных страниц калмыцко-китайских и калмыцко-джунгарских отношений, контролируемых российским правительством. Хронологически она охватывает первую половину XVIII в. Именно в этот период в Центральной Азии происходили глубинные процессы, которые в скором времени привели к большим государственно-политическим изменениям в этом регионе. *Цель исследования* — выявить планы и намерения названных взаимодействующих государств и народов; обрисовать реальный ход событий в их отношении к складывавшимся объективным условиям; показать, что действия отдельных личностей, оказавшихся в центре тех или иных событий, вызывались вначале их субъективными желаниями, и они пытались повернуть, в силу своих возможностей, их ход в свою пользу. Однако такие личности вынуждены были, в конечном счете, подчиниться объективной реальности: принять ее такой, какая она есть. *Результаты.* В первой трети XVIII в. правители Калмыкии оказались втянутыми в события, связанные с китайско-джунгарскими отношениями. Обе стороны этих отношений пытались привлечь на свою сторону военный потенциал калмыков. Однако стало ясно, что внешняя политика Калмыцкого ханства во многом зависит от внешнеполитических интересов России, которая в то время не была заинтересована в участии калмыков в китайско-джунгарском противоборстве. В связи с этим калмыки не участвовали в борьбе между Цинским Китаем и Джунгарским ханством, закончившейся поражением и гибелью последнего.

Ключевые слова: посольство, посланцы, переговоры, истинные цели, интересы сторон, люди в событиях, повседневность

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Батмаев М. М. Из истории внешнеполитических отношений Калмыцкого ханства. Лоузанг-Шоно // Монголоведение. Т. 14. № 2. С. 264–280.

DOI:10.22162/2500-1523-2022-2-264-280

Louzang Shono: Some External Relations Issues of the Kalmyk Khanate Revisited

Maksim M. Batmaev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

0000-0002-2233-0647. E-mail: maximbatmaev@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Batmaev M. M., 2022

Abstract. *Introduction.* The article examines a significant early-to-mid 18th-century episode of Kalmyk-Chinese and Kalmyk-Dzungar relations to have been controlled by the Russian Government. This very period was witnessing deepest processes across Central Asia that would subsequently result in dramatic ethnic and political transformations in the region. *Goals.* The work aims at revealing plans and intentions of the involved governments and groups, outlining the actual sequence of events under the observed conditions, showing efforts of certain individuals had been initially determined by their personal wishes that made them seek for opportunities to orchestrate the events towards their own benefits. However, the latter had to finally accept the real state of affairs as they were. *Results.* So, the Kalmyk rulers were involved in China-Dzungar relations, both the sides having been eager to take advantage of Kalmyk military power. But it became evident that external policies of the Kalmyk Khanate were largely dependent on Russia's foreign affairs strategy which implied no interest in the participation of Kalmyks in Chinese-Dzungar struggle. This resulted in that Kalmyks never joined the confrontation between the Qing Empire and Dzungar Khanate to have ended up with a defeat and collapse of the latter.

Keywords: embassy, ambassador, negotiations, true goals, interests of sides, involved individuals, everyday life

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Batmaev M. M. Louzang Shono: Some External Relations Issues of the Kalmyk Khanate Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(2): 264–280. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-264-280

Введение

С 90-х гг. XVII в. всё более враждебными становятся отношения между Цинским правительством Китая и правящими кругами Джунгарского ханства. Все больше становилось очевидным, что Цины, покорив монгольских князей Халхи и выиграв войну 1690–1697 гг. у ойратского Галдана Бошокту-хана, бесповоротно решили ликвидировать ханство, а его территорию сделать провинцией своей империи. Перед решительной схваткой противники искали каждый себе потенциальных союзников, а также были озабочены созданием имиджа безвинной жертвы агрессивного соседа. Обе стороны не забыли и руководителей Калмыцкого ханства. Между тем обстановка там была не совсем спокойной.

В 1701 г. в семье Аюки произошел разлад: два его старших сына — Чакдорчжаб и Санчжаб (Санжип — в русских источниках) — восстали про-

тив отца и брата от другой матери Гунчжаба. Аюка со 100 кибитками ушел в Яицкий казачий городок, а Гунчжаб бежал в Саратов, под защиту воеводы Никифора Беклемишева. Посланному в Самару князю Б. А. Голицыну удалось помирить Чакдорчжаба с отцом. Занявший непримиримую позицию Санчжаб ушел в Джунгарию. Контайша Цэван-Рабдан отобрал приведенные им 15 тыс. кибиток, а его самого с 7 людьми отправил на Волгу к отцу [Бакунин 1995: 27–28]. Ясно, что подобные действия правителя Джунгарского ханства существенно охладили калмыцко-ойратские отношения.

В это же время в Пекине был задержан возвращавшийся с богомолья в Тибет двоюродный племянник Аюки, сын Назар Мамута — Арабджур. Переговоры через посланцев о его отпуске на родину затянулись. В 1712 г. китайцы отправили к Аюке посольство, которое прибыло к нему только в 1714 г. Хан встретил послов с почетом, принял грамоту китайского императора. Н. Нефедьев считал, что главной целью посольства Тулишена была разведка состояния калмыков и их отношений с джунгарами [Нефедьев 1834: 36–38].

Н. Н. Пальмов, анализируя позицию правящих кругов Калмыцкого ханства по отношению к названным выше противоборствующим сторонам, приходил к выводу: «Спустя лет 6–7 (после китайского посольства 1714 г. — М. Б.) у руководителей калмыцкой политики произошел существенный перелом в настроении, и на смену симпатий к Китаю появляется тяготение к Джунгарии, ненавистной Пекину. Перемена политического курса хронологически совпадает с моментом появления Шакур-ламы в калмыцкой степи» [Пальмов 1926: 50]. Н. Н. Пальмов считал, что Шакур-лама передал калмыкам повеление Далай-ламы кочевать из России к кому-либо из монгольских ханов, и якобы Аюка под влиянием жены Дармы-Балы и Шакур-ламы решил кочевать в Джунгарию [Пальмов 1926: 51].

Н. Н. Пальмов далее рассуждал, что само по себе повеление Далай-ламы не шло вразрез с политикой Китая, так как калмыки могли откочевать и к одному из восточномонгольских ханов, подвластных Китаю, но решение Аюки идти в Джунгарию разительно меняло их политическую ориентацию и не соответствовало интересам Китая [Пальмов 1926: 51–54].

В дальнейшем мы покажем, что предположения Н. Н. Пальмова были довольно произвольными, особенно по отношению к Далай-ламе.

Известный исследователь истории Джунгарского ханства И. Я. Златкин считал, что Цэван-Рабдан стремился установить сотрудничество с Калмыцким ханством. В подтверждение этого он ссылался на брачные связи, на сотрудничество по церковной линии (путь в Тибет через Джунгарию). В целом, утверждал И. Я. Златкин, Цэван-Рабдану удалось установить довольно тесные и дружественные связи с калмыцкими правителями [Златкин 1983: 220–221].

Материалы и методы

Основными источниками, привлеченными в ходе работы над статьей, явились не опубликованные прежде и впервые вводимые в научный оборот материалы фонда И-36 «Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе» Национального архива Республики Калмыкия. Методология исследования основывается на теории цивилизаций. Вместе с тем, как пред-

ставляется, не нужно забывать и вклада в историческую науку формационной теории. Методы сравнительного и системного анализа, примененные в предлагаемой статье, присущи обоим вышеназванным теориям.

Калмыцко-джунгарские отношения

Участь Санчжаба не раз упоминалась в среде калмыцкой знати в контексте как сожаления, так и предостережения. Так, зайсанг Монколон, осведомитель местной российской администрации, доводил до сведения астраханского губернатора А. П. Волынского, что слышал от служителя ханши Дармы-Балы Джалчина Хомчинова, что если контайша Цэван-Рабдан даст благоприятный ответ через Еке-Абутая и будет звать их к себе, то ханша вернется в Джунгарию и также склоняет к этому решению сына, наместника ханства Церен-Дондука. Церен-Дондук же приводил ей в пример Санчжаба; однако мать напоминала сыну, что контайша ей приходится двоюродным братом, который не разорит ее и ее сына, остальных если и разорит, то убытка им не будет [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 185]. Надо сказать, что Дарму-Балу не раз подозревали в желании увести калмыков на свою родину по рождению, т. е. на территорию Центральной Азии.

Кто же такой Еке-Абугай, от которого ждали хороших вестей? Этот человек попал волею судеб в гущу очень важных, а порою даже драматических событий. 11 июля 1724 г. Досанг, старший сын Чакдорчжаба и внук Аюки, прислал письмо астраханскому коменданту — Ф. Митрофанову, а тот отправил копию письма А. П. Волынскому. Досанг сообщал, что к Дорджи Назарову приехал посланец контайши и что наместник Церен-Дондук и Дондук-Омбо, внук Аюки от Гунчжаба, намерены послать своих людей к контайше [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 19. Л. 237–238].

4 декабря 1724 г. в Астрахани был получен указ из Государственной Коллегии иностранных дел от 29 мая 1724 г. о пропуске через Тобольск в калмыцкие улусы посланцев контайши трех человек: Илжа, сын его Танбу и некто Читу. Когда они будут находиться в улусах, указывалось выяснить, к кому и зачем они прибыли, и «прилежно наблюдать за их поступками, чтобы от них не могло произойти что-нибудь вредное для интересов России» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 193].

Указ был получен поздно, посланцы 29 августа 1724 г. были пропущены через Саратов к Дарме-Бале, предъявив при этом паспорт, что они отпущены из Тобольска по указу Коллегии иностранных дел к Аюке. А. П. Волынскому они объявили, что они посланы к ханской жене проведать ее и сообщить о здоровье контайши [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 94]. Их отправили к ханше в сопровождении знатного зайсанга Самтана.

Думается, что миссия посланцев не могла ограничиваться задачей выяснения только состояния здоровья Дармы-Балы. Ближе к достоверности сообщение зайсанга Билютки А. П. Волынскому 2 декабря 1724 г., что прошедшим летом приезжал к ним от контайши посланец с вестью, что весной 1725 г. его передовые войска подойдут к Яику, где будет организован ряд свадеб джунгарских владельцев с дочерьми калмыцких нойонов, а прошлым летом контайша не мог прибыть в назначенное место из-за войны с казахами [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 193].

Этот же Билютка в другой раз говорил А. П. Волынскому, что многие владельцы, кроме Церен-Дондука, хотят весной 1725 г. откочевать в Джунгарию и потому для предварительной договоренности и отправили к контайше Еке-Абугая [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 168].

5 февраля 1725 г. В. М. Бакунина проинформировал знакомый ему Замбо, что Еке-Абугая ждут обратно в марте, так как из Бухары прибыл торговый караван. Купцы сообщили, что Еке-Абугай уехал в Бухару от казахов [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 203]. Прошлым летом казахи, разделившись на четыре группы, ходили воевать против калмыков, башкиров, бухарцев и джунгаров. Во всех партиях они были разбиты, и теперь путь из Джунгарии к калмыкам стал свободен [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 402].

Еке-Абугая не дождался в марте 1725 г.; ему довелось провести в Джунгарии несколько долгих для него лет, а возвращаться на Волгу пришлось утомительным сибирским путем. Обратимся к доношению саратовского дворянина Григория Попова, который в январе 1729 г. сопровождал в улусы Еке-Абугая, и тот в пути, в разговорах, поведал свою одиссею.

В 1724 г. он был послан от Церен-Дондука и Дармы-Балы к контайше сватать его дочерей за наместника и его младшего брата Галдан-Данжина. Контайша обещал отправить дочерей. Еке-Абугай жил у правителя Джунгарии два года, а на третий год (т. е. в 1727 г.) приехали посланцы от Дондук-Омбо. Вскоре после их приезда Цэван-Рабдан внезапно скоропостижно скончался. Подозрение в отравлении пало на посланцев Дондук-Омбо. На восьмой день после смерти контайши сын его Галдан-Церен четырех посланцев Дондук-Омбо казнил, а двух направил в дальнюю ссылку. Мачехе, дочери Аюки Сетерджаб, и двум ее дочерям выколол глаза, а «из рук и из ног резал тела» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 36. Л. 13].

Еке-Абугай «с товарищами» был арестован и сидел целый год в тюрьме. В это время от русского царя к контайше прибыл посол, с которым и был отпущен домой Еке-Абугай. В Тобольске он вновь был арестован комендантом и отпущен только по указу Коллегии иностранных дел [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 13]. В связи с практическим провалом миссии Еке-Абугая можно констатировать, что калмыцко-джунгарские отношения в первой трети XVIII в. находились на низком уровне.

Были в этот период и другие факторы политического и даже морально-психологического характера, которые влияли на общую обстановку в Калмыцком ханстве, а также на действия правящей знати. В. М. Бакунин сообщал, что в 1718 г. в ханство по просьбе Аюки прибыл Шакур-лама, возглавивший калмыцкое буддийское духовенство [Бакунин 1995: 32].

Однако датировка В. М. Бакунина не подтверждается документальными данными. Так, уже известный нам Монколон говорил А. П. Волынскому, что в улусах Шакур-ламу подозревают в происходивших несчастьях. Дело в том, что после приезда его от Далай-ламы «происходят у них большие несчастья, а именно: в первом году после его приезда Чакдорчжаб был в несогласии со своими детьми и потому разделил им свои улусы; во втором году Чакдорчжаб и Бюкюнгин-лама умерли; в третьем году хан Аюка умер, в четвертом году у них вновь междоусобие» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 244–244об.].

Таким образом, зная, что Чакдорчжаб умер в 1722 г., а Аюка — в начале 1724 г., нетрудно подсчитать, что Шакур-лама прибыл в Калмыцкое ханство в 1721 г. или очень близко к этому времени.

Шакур-ламе также приписывали действия и намерения, истинность которых трудно было подтвердить. Например, калмык Токто, посланный В. М. Бакуниным в улус Дармы-Балы, говорил, что Шакур-лама, по прибытии от Далай-ламы, объявил Аюке повеление главы буддистов, чтобы все калмыки отошли от России «к своему однозаконному, которому ни есть» хану [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 210–211].

Аюка, Дарма-Бала, Шакур-лама и Эмчин-гелюнг решили откочевать к контайше, связавшись с ним через посланцев. И, объявив ему повеление Далай-ламы, они надеялись, что контайша не посмеет не подчиниться ему и что их, т. е. калмыков, не разорит. Однако это намерение было нарушено смертью Аюки и ссорой Досанга с братьями из-за отцовского наследства, куда были втянуты и другие близкие родственники. Для разведки положения дел в Джунгарии и поведения контайши и был отправлен туда Еке-Абугай. Ждали, с какими вестями он приедет. Если миссия его будет успешной, то Дарма-Бала, Шакур-лама и ряд других нойонов готовы будут уйти в Джунгарию [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 210–211].

Много разговоров и подозрений клубилось вокруг Дондук-Омбо. Правда, поведение его было не лишено оригинальности: иногда оно вызвало осуждение, порою удивление, а временами и недоумение. Здесь будет достаточным напомнить, как он добивался ханской власти, но это было еще впереди, а вот 20 апреля 1727 г. поручик И. Серов (в некоторых документах он пишется Суровым) составил доношение на имя руководителя Калмыцких дел В. П. Беклемишева. В нем сообщалось, что в этот день в Дмитриевскую канцелярию пришел зайсанг Барак Чеметев, из владения Дондук-Омбо, и через переводчика сделал заявление, которое заинтересовало местных служителей. Два года назад Дондук-Омбо и зять его Лоузанг-Шоно послали зайсанга Барака с 4-мя людьми в Джунгарию, письменно предлагая контайше воевать против Церен-Дондука и других калмыцких владельцев. После их разгрома готов перейти под власть контайши, так как он, Дондук-Омбо, на территории Поволжья жить не желает. Прошедшей осенью из тех посланцев вернулись два человека в сопровождении двух человек от Цэван-Рабдана. После зимы уже 6 человек от Дондук-Омбо с двумя послами контайши вновь отправились в Джунгарию [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 26. Л. 328].

Лоузанг-Шоно сообщал, продолжал Барак Чеметев, что от отца он ушел из-за гонений, что не соответствует действительности. Приехал он «для приговору калмыцких улусов и для согласия з Дунду Гунбо. Чтоб возмутить их войною на наместника Черен Дондука и на протчих владения ево калмык» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 26. Л. 328]. Дондук-Омбо направляет 200 человек якобы для несения караула за Яиком и наблюдения за джунгарами, однако они были посланы к контайше, на самом деле, для «подговора» к войне [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 26. Л. 328].

Лоузанг-Шоно был вторым сыном контайши Цэван-Рабдана, и появился он среди калмыков на Волге осенью 1725 г. В связи с этим появились различ-

ные домыслы и подозрения. Так, зайсанг Олдоксон 3 февраля 1726 г. говорил В. П. Беклемишеву: «Приехал де х калмыком контайшин сын Лоузанг Шонон, а сказывает де, что будто он к ним бежал от брата своего, о котором де они, калмыки, имеют немалое подозрение и признавают де ево за шпиона» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 11].

18 июля 1726 г. фельдмаршалу М. М. Голицыну передавал осведомитель Генден, служитель младшего сына Аюки, что якобы Лоузанг-Шоно не бежал от отца, а нарочно прислан для подговора калмыков к побегу из России. По одной версии, за ним стоит Дарма-Бала, которая настояла, чтоб Дондук-Омбо выдал за него свою дочь [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 450]. Близок к истине был Шакур-лама, когда говорил при личной встрече В. П. Беклемишеву: «Брат де ево большей, другой жены (т. е. жены их отца. — М. Б.) сын, собрав войско, хотел ево воевать, отчего де он убоюсь, к ним и прибежал, и ныне де ево по должности сроднической в чести содержат, а с ним де восемь человек приехали» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 31]. Кроме того, были мнения, что Лоузанг-Шоно хотел бежать от калмыков в неизвестном направлении, поэтому Дондук-Омбо, узнав о его намерениях, держал его под караулом [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 87].

Чтобы быть известным при царском дворе и в правительстве, Лоузанг-Шоно отправил туда знатного зайсанга Самтана, приказав ему донести, что он сын дочери хана Аюки Сетерджаб. Выехал же в калмыцкие улусы, потому «что он как был в улусах отца своего, и ево... все войско контайшинных улусов весьма любили и хотели по отце ево... учинить наследником, чему завидя (завидуя. — М. Б.) отца ево, контайши, большой (старший. — М. Б.) сын, а ево, Шунуя, брат розноматерней на него наговорил отцу их, умысля неподобные слова и учинил между ими вражду и ненависть, и отец их, контайша, хотел ево, Шунуя, убить досмерти» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 39. Л. 65].

Несколько лет Лоузанг-Шоно, видимо, присматривался: имя его не встречается в архивных материалах. Между тем во внутренних отношениях калмыцкой знати назревал конфликт. К началу 1731 г. в ее среде сформировались две группировки: одна возглавлялась наместником Церен-Дондуком, другая спланивалась вокруг Дондук-Омбо. Долго копившиеся противоречия, в которых значительную роль играло отношение Церен-Дондука и Дондук-Омбо к российскому правительству, привели объединения знати к вооруженному столкновению.

Поводом к нему послужили важные события. В январе 1731 г. в Москву прибыло китайское посольство. В его составе был посол, специально направленный к калмыкам. Опасаясь, что он имеет задание объявить Церен-Дондука ханом, и желая опередить его, 1 мая 1731 г. астраханский губернатор И. П. Измайлов, выполняя приказ правительства, сам объявил его ханом. После этого Дондук-Омбо, потерявший надежду получить вождельное звание, а вместе с ним и соответствующие почести, дал уже ничего не решавшее сражение; оно произошло 9 ноября 1731 г. в урочище Сасыколи. Дондук-Омбо захватил улусы побежденных и разделил их между последовавшей за ним знатью [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 49. Л. 362–367].

По показаниям «денщика» Лоузанг-Шоно, тот в бою не участвовал, своих людей ни к одной из сторон не посылал на помощь и кочевал близ Саратова

с Дармой-Балой. После боя Дондук-Омбо прислал к ним войско, которое захватило их улусы и перевело через Волгу на правобережье в Мочаги, ближе к своей территории [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 49. Л. 402–402об.].

Для наведения порядка, угодного российскому правительству, на юг был отправлен с большими полномочиями генерал-лейтенант И. Ф. Барятинский. По прибытии на место генерал стал письменно налаживать связь с калмыцкими нойонами и в первую очередь с ханом Церен-Дондуком и с Дондук-Омбо. Получив письмо И. Ф. Барятинского, мятежный нойон послал к нему своего человека. Посланец устно сообщил, что письмо генерала Дондук-Омбо получил «и за приятельское советование» о примирении с ханом и другими владельцами «весьма благодарствует» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 49. Л. 109]. Дондук-Омбо хочет примирения, однако ссора произошла не от него, а от другого человека, и это дело надо расследовать. Он, Дондук-Омбо, в суд идти готов, и взятые им улусы у хана и ханши, кому по суду достанутся, отдать готов [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 49. Л. 109].

Во время дальнейших пересылок посланец Дондук-Омбо привез И. Ф. Барятинскому 12 апреля 1732 г. два письма. Первое из них представляет для нас определенный интерес: оно было от джунгарского контайши Галдан-Церена к Церен-Дондуку, когда он еще не был ханом. В письме после обычных любезностей говорилось, что был подготовлен человек для посылки в Калмыцкое ханство, но в это время приехал к контайше калмыцкий посол Тугул. Вместе с ним прибыл особый посланец от Дондук-Омбо Габунг, и с ним «он, Дондук-Омбо, и Шоно прислали отраву, чтоб мне дать» к Сетерджаб и ее близким родственникам — Барангу и Чезунгу: кто они такие, выяснить не удалось [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 49. Л. 480].

Дальше несколько туманно и сбивчиво говорится: «и мне, как они отдали, то болшей Абу (Цэван-Рабдан. — М. Б.) узнал и сказал, что де нам будет худо, а болшему Абу как отраву дали и он умер» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 49. Л. 487–489]. Далее говорится о расправе с Сетерджаб и ее предполагаемыми сообщниками и о желательности выдачи Дондук-Омбо и Лоузанг-Шоно в руки Галдан-Церена.

Второе письмо касается местных калмыцких событий и здесь не рассматривается. Остается непонятным, для чего Дондук-Омбо передал И. Ф. Барятинскому письмо Галдан-Церена: чтобы обвинить в междоусобице Церен-Дондука? Ведь он писал И. Ф. Барятинскому, как это сказано выше, что ссора произошла «от другого человека» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 49. Л. 109].

В этот период российское правительство и калмыцкая знать были обеспокоены приездом китайского посольства к калмыкам, которое, как уже сказано выше, прибыло в Москву 13 января 1731 г. Неизвестным образом узнал об этом Церен-Дондук: он дважды, 24 февраля и 24 апреля, писал В. П. Беклемишеву, что видеться с ними пока нежелательно, так как скот после зимы еще не оправился, да и других неисправностей много [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 11. Л. 33, 79]. В составе всего посольства маньчжурского императорского двора находился посол — мерензангин¹ Мандай, отправленный специально к калмыкам, а также второй посол из маньчжур и два монгольских советника.

¹ Посольский ранг.

26 января 1731 г. они были «на публичной аудиенции» у императрицы Анны Ивановны, затем отвечали на вопросы синклита министров во главе с канцлером Г. И. Головкиным. Во время ответов главный посол Асхани Амба Туши (так называет его В. М. Бакунин), в литературе известный как Тулишен, показывая на сидевшего рядом Мандая, объявил, что он специально отправлен «с указом и с жалованием к наследнику Аюки-хана торгоутского для требования, чтобы он с своей стороны» начал войну против Джунгарии и отправил Лоузанг-Шоно к богдохану [Бакунин 1995: 68], причем упорно просил, чтобы Лоузанг-Шоно был отправлен в Китай немедленно. При вторичной настойчивой просьбе решено было допустить их в калмыцкие улусы, однако дано было им ясно понять, что калмыки являются подданными России и выполняют указания ее правительства [Бакунин 1995: 68].

Напомним, что прибытие китайского посольства и интерес, проявляемый китайцами к положению калмыков, вызвали подозрения у российского правительства: не имеют ли послы поручение объявить от имени китайского императора Церен-Дондука калмыцким ханом? Поэтому, упреждая подобный ход, только что назначенному астраханскому губернатору И. П. Измайлову было поручено объявить Церен-Дондука ханом, что последним и было сделано 1 мая 1731 г. Новому хану были вручены знаки достоинства: сабля оправная (т. е. украшенная в соответствующих местах), панцирь со всем принадлежащим убором, шуба и шапка собольи, покрытые парчой. Ряду крупных нойонов были сделаны значительные подарки [Бакунин 1995: 69].

Между тем китайские послы в сопровождении В. М. Бакунина 4 марта выехали из Москвы. 21 марта они прибыли в Пензу. В пути В. М. Бакунин всячески старался буквально очернить все стороны калмыцкой действительности. Времени для этого хватало, так как в данной ему инструкции предписывалось везти посла как можно медленнее. В одной из бесед посол Мандай спросил «о обхождении того калмыцкого народа и что есть ли у них ранги и класы (классы. — М. Б.)» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 42. Л. 231–232]. В. М. Бакунин ему ответил, «что того калмыцкого народа обхождение во всем подобно зверскому, а не человеческому, как они и сами увидят, и что в свете есть ли ранги, о том они и ведают ли» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 42. Л. 231–232].

Прибыв в Саратов 26 марта, В. М. Бакунин стал под разными предлогами тянуть время, чтобы, как сказано выше, И. П. Измайлов успел выполнить свою миссию. Тем временем, как сообщал В. М. Бакунин, послы неотступно докучали ему просьбами об отправке их в улусы. Тогда, как он писал В. П. Беклемишеву, руководившему в то время Калмыцкими делами (после окончания хлопот с послами он был произведен в полковники), решил раскрыть причину проволочек: о придержании на время послов В. П. Беклемишева просил хан Церен-Дондук, потому что «зимним временем скот их зело исхудал, и они пришли оттого в скудость, в чем имеют себе стыд и чтоб им в том дать время исправиться» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 42. Л. 168об.–169].

Церен-Дондук действительно просил о сказанном, но он ни в коем случае не желал, чтобы его просьба дошла до ушей китайских послов. В. М. Бакунин, желая еще больше дискредитировать калмыцких владельцев, добавил, что «когда и первые их китайские послы были у бывшего Аюки хана калмыцкого

и тогда и оной хорошего ничего не имея, как наметы (палатки. — М. Б.) персицкие, так и серебряную посуду и протчее, для такого случая брал из Астрахани от приятелей своих тамошних дворян Карейтовых и протчих» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 42. Л. 169об.].

20 апреля мерензангины Мандай и Асхай, а также монгольские члены посольства тайджи Гюнбю Чювак и мерензангин Горюзап прислали В. М. Бакунину письмо на монгольском языке для отсылки его Церен-Дондуку. В письме говорилось: «Понеже ты носишь наследное имя ханское, и того ради... отправлены мы тем тебя поздравить и уведомить о твоём благополучии и притом посланы к вам и подарки. И мы сего года (марта 26 числа) вешняго средняго месяца 29 дня прибыли в Саратов, и о том нашем приезде хотя и надлежало было нам отсюды дать и вам известие, но оного мы не учинили для того, что из российского государства из Москвы о приезде нашем дано вам знать обстоятельно. И тако мы хотя по приезде нашем в Саратов, ожидая от вас известия, жили дён дватцеть и больше, только от вас того не получили, и того ради, объявляя о приезде нашем, сие письмо к вам и посылаем» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 42. Л. 179]. Нетрудно заметить во внешне учтивом письме скрытое неудовольствие.

Послав письмо по адресу, В. М. Бакунин отправил 22 апреля 1731 г. доношение в Коллегию иностранных дел. Узнал от здешних жителей известие, докладывал В. М. Бакунин, что Дарма-Бала и Церен-Дондук скоро прикочуют к Дмитриевску, а также сюда же придут И. П. Измайлов и В. П. Беклемишев. Поэтому, в ожидании их, В. М. Бакунин забавлял послов охотой за зайцами и, водя по рыболовным станам, показывал им, «каких родов имеются здесь рыбы и как их ловят, понеже они любопытны, а особливо в скуке тому рады» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 42. Л. 180–181].

В первоначальном варианте письма послов к Церен-Дондуку от 18 апреля было написано, что об их приезде ему было послано письмо от белого царя. Бдительный В. М. Бакунин объявил, что от царя хану посылаются указы, а не письма, и добился переделки письма [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 42. Л. 180–181].

Надо отметить одну характерную черту в поведении В. М. Бакунина в отношениях с китайскими послами и калмыцкими зайсангами, участвовавшими в этих отношениях. С первыми он вел себя с почтением и предупредительностью, стараясь в то же время ни в чем не уронить достоинство и честь своей страны, а вместе с тем с интересом и любопытством наблюдая за их манерами и поведением, т. е. как и полагается вести себя дипломату перед иностранными послами. С зайсангами же он вел себя иронически, порой грубо, а временами даже с оттенком презрения, хотя, казалось бы, своих соотечественников, даже пусть только подданных своей страны, желательно было бы показывать с более щадящей — положительной, стороны.

В конечном счете в 20-х числах мая В. П. Беклемишев выздоровел, и 28 мая он с послами выехал из Саратова для встречи с ханом Церен-Дондуком и его ближайшим окружением, где чуть ли не первую роль играла его мать Дарма-Бала. В тот же день прибыли к послам зайсанги от хана, Дармы-Балы и Шакур-ламы, чтобы сопроводить их в улусы к ставке Церен-Дондука. 1 июля В. П. Беклемишев с урочища Гашун Сала поехал к хану для отдачи ему

правительственной грамоты (разумеется, от имени царицы Анны Ивановны), оставив при послых поручика Антипина¹ и дмитриевского сотника Везелева². В этот же день он прибыл к Церен-Дондуку и Шакур-ламе, кочевавшим при реке Еруслан.

Вначале В. П. Беклемишев посетил Шакур-ламу и по его просьбе показал ему письмо к хану. Прочитав перевод грамоты на калмыцкий язык, Шакур-лама со скрытым неудовольствием заметил, что при Аюке также были китайские послы, при которых был подполковник только для их сопровождения, а в их дела он не вмешивался, а также то, что на приемах и переговорах с китайскими послами присутствие подполковника В. П. Беклемишева расценивалось как недоверие к калмыкам. «Ежели де имеет ея величество об них, калмыках, подозрение, чтоб их не подозвали китайцы ко откочеванию от российской протекции к себе, и в том бы де изволила ему, Шакур-ламе, поверить. Хотя б владельцы и пожелали откочевать, но простой народ хотя помрут, а от Волги не пойдут, да и пройтить де никак не можна от неприятелей, первые касаки, а далее хонтайши, которых обойти никак не можна, а оные де народы обои силнея здешних калмык» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 129].

В. П. Беклемишев со ссылкой на договоры и шерти Аюки пытался доказать, что если он будет присутствовать при разговорах с послами, то он не видит в этом предосудительных актов, «но паче к вящему засвидетельствованию и утверждению оной к ея императорскому величеству верности и исполнения присяги его Черен Дондуковой» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 130]. Без выполнения же данного условия Церен-Дондук может вызвать на себя подозрение со стороны российского правительства, а Шакур-ламе, если он будет склонять Церен-Дондука к исполнению требуемых условий указа, обещали вознаграждение за это. В ходе дальнейших уговоров Шакур-лама согласился помогать В. П. Беклемишеву, но опасался препятствий со стороны Дармы-Балы. Он советовал подполковнику заехать к Намке-гелюнгу, который являлся управителем дел хана, и ему о том же говорить, так как он как в Церен-Дондуке, так и в его матери не уверен, а он, Шакур-лама, пошлет к Намке-гелюнгу манжика Дархан-Омбо и велит ему сказать, чтобы он склонил хана и его мать на сторону российского правительства. Сам же он, Шакур-лама, при встрече со знатными зайсангами Яманом и Самтаном попросит их, чтобы они уговорили хана и ханшу исполнить правительственные предписания [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 129об.–130об.].

От Шакур-ламы того же числа В. П. Беклемишев вместе с Дархан-Омбо поехал к Намке-гелюнгу, кибитка которого была в версте от Шакур-ламы и поблизости от ставки Церен-Дондука. Заручившись его поддержкой и присоединив его к себе, поехал к хану и подал ему грамоту. Хан прочитал ее про себя, ничего не сказал, а отдал Намке-гелюнгу, который спросил, что он ответит. Церен-Дондук сказал, что посоветуется с матерью, а потом даст ответ В. П. Беклемишеву. Подполковник от хана поехал в свой обоз и, версты за две не доехав до улусов, встретил трех зайсангов: одного от Дарма-Балы, а двоих от Церен-Дондука. Они, т. е. зайсанги, встретили китайских послов с конвоем из

¹ В архивном деле инициалы отсутствуют.

² В архивном деле инициалы отсутствуют.

двухсот человек и сопроводили их до отведенного им места, верстах в шести от ставки хана. Послы были недовольны и спрашивали, почему они находятся так далеко от хана [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 131об.]. Им ответили, что это для их покоя, а если место их не устраивает, то они об этом скажут хану. Послы просили переселить их поближе. Кроме того, через одного из калмыцких приставов, приставленных к послам, В. П. Беклемишев узнал, что они выразили неудовольствие: «Для чего они для чести богдоханова величества не привели к ним подвод, или они им не рады. Хотя де им в подводах и нужды нет, понеже они по милости ея императорского величества удовольствованы как кормом, так и подводами, только б им надлежала свою учтивость показать» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 132].

Приставы на их претензии отвечали, что якобы у них имеется договор с российским правительством: если к ним, т. е. калмыкам, будут прибывать какие-либо послы через российскую территорию, то их возить до калмыцких улусов «на российском коште (т. е. питании. — М. Б.) и подводах» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 132–132об.].

В. П. Беклемишев был недоволен таким ответом приставов и, позвав зайсангов, спрашивал, с чьёго повеления отвечали китайцам на все их вопросы, при этом зайсанги должны были, по его мнению, осознавать, что их владельцы со всеми улусами находятся в подданстве Российской империи, «и каким быть в подводах с ними договорам» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 132об.]. Приставы утверждали, что не говорили таких слов. В. П. Беклемишев довел до сведения Церен-Дондука о поведении зайсангов и их словах. Хан ответил, что он так говорить им не приказывал, «разве де они собою вдали». Опрошенные зайсанги продолжали утверждать, что они ничего подобного не велели говорить приставам [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 132об.].

Церен-Дондук передал В. П. Беклемишеву, что он приставит еще двух знатных и авторитетных зайсангов и прикажет им контролировать остальных, «чтоб с китайцы без них ни о чем не говорили, а им велит во всяких разговорах прославлять милость ея императорского величества к их калмыцкому народу» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 133]. 2 июня послы, после консультации с ханскими зайсангами, переехали к ханской ставке на полторы версты [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 133–133об.].

4 июня Шакур-лама сообщил В. П. Беклемишеву, что назавтра послы будут приняты у ханши в кибитке, где будут хан и Шакур-лама, и что В. П. Беклемишева позовут в кибитку раньше послов. 5 числа послы уведомили его, что они по соглашению с приставами вещи, присланные от богдохана, направят к хану раньше того, как они придут, и сразу же в этот же час отправили в сопровождении двух монголов, за которыми в десяти ящиках несли вещи пешие калмыки, с которыми для подслушивания разговоров В. П. Беклемишев послал тобольского толмача Ивана Фролова. Вещи были положены в специально отведенной кибитке, ящики были открыты и показаны приставам, однако разговоров особых не состоялось, и подслушивать не пришлось.

Через час после приема подарков приехал зайсанг Дархан-Омбо и именем Дармы-Балы и Шакур-ламы объявил, чтобы В. П. Беклемишев немедленно ехал к ханше, что тот и сделал. В своем повседневном журнале он хорошо

отзывается об убранстве приемной кибитки, об одежде нойонов и зайсангов. Однако о китайских подарках остался невысокого мнения: «41 косяк камок и атласов, а прочее фарфоровая посуда и прочее» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 134].

В кибитку, где сидел уже Шакур-лама, пришла Дарма-Бала с двумя снохами. Глава калмыцкого духовенства при ее появлении не встал. Ханша села в ряд с Шакур-ламой по левую руку, а подле нее сели снохи.

Вскоре пришли Церен-Дондук, Доржи Назаров и Галдан-Данжин. Хан сел в ряд подле Шакур-ламы, В. П. Беклемишева посадили возле Галдан-Данжиновой жены, а Доржи Назаров, Галдан-Данжин, Гунга-Доржи дербетский и сын Дондук-Омбо сели напротив Шакур-ламы, Церен-Дондука и Дармы-Балы. Остальные владельцы за неимением места сидели за кибиткой. Наконец, по правую сторону от Церен-Дондука несколько в отдалении «сидел цоржи духовного их чина» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 133об.–135].

После этого приехали китайские послы, перед которыми везли «богдыханово» послание в круглом футляре, обшитом желтой камкой, а за послами везли особые желтые значки. Саженой за двести им велели слезть с лошадей и далее идти пешими. Послание богдохана нес на руках мерензангин Горюзап, а когда пришли в кибитку, то лист в футляре взял главный посол Мандай и, держа перед собою и стоя перед ханом, сказал, что присланы от богдохана Церен-Дондуку и ханше Дарме-Бале с «милостивым указом», а также он «жалует вас презентом» и велел поздравить Церен-Дондука со званием «хана». Церен-Дондук, чуть приподнявшись на колени, грамоту принял и положил за себя на подушку. Прodelал он это без всякого умысла, но посланцам «было зело противно, однако ничего о том не говорили и посланцев посадили по местам по правую сторону сбоку от Церен-Дондука. Затем Шакур-лама спрашивал о здоровье богдохана, его семье, а также о здоровье Далай-ламы, хутугты монгольской земли «и прочих начальников степных народов» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 135об.]. Дело кончилось обедом, где подавались на блюдах мясо, из питья чай, калмыцкое вино и русская водка [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 134–136].

Лоузанг-Шоно

6 июня Лоузанг-Шоно через своего служителя довел до сведения В. П. Беклемишева, что китайские послы хотят с ним встретиться и просил совета на этот счет. В. П. Беклемишев прямо ничего не посоветовал, однако указал, что Лоузанг-Шоно знает, что его отцу китайцы всегда были неприятелями. По его мнению, посланцы желают с ним встретиться, поскольку хотят выяснить намерения Лоузанг-Шоно и обстановку в Джунгарии. Лоузанг-Шоно являлся, по мнению В. П. Беклемишева, знатным владельцем, однако китайские послы прибыли к Церен-Дондуку [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 136об.–137].

11 июня послы передали В. П. Беклемишеву, что они к нему придут пить кофе. Потом, четверть часа спустя, приехал Лоузанг-Шоно, видимо, по договоренности с послами, потому что и они пришли несколько минут спустя. Главный китайский посол сел рядом с Лоузанг-Шоно и спросил В. П. Беклемишева о своем соседе. В. П. Беклемишев ответил, что это сын контайши. Послы

отдали ему подобающую его происхождению честь и вели с ним незначащие разговоры. Посидев с час времени, они позвали Лоузанг-Шоно к себе, так как их ставка располагалась в 10 сажнях от лагеря В. П. Беклемишева, и тот ответил согласием. При прощании Лоузанг-Шоно предложил послам пригласить и В. П. Беклемишева, на что последний согласился. Китайские послы угощали их чаем и водкой, но особых разговоров, естественно, не вели. Лоузанг-Шоно стал «шумен» (т. е. попросту захмелел), и к полуночи его выдворили из главной кибитки. Однако он изъявил желание зайти еще и к монголам. Его отговаривали В. П. Беклемишев и пристав Денжин, но он ослушался и пошел «трупку табаку выкурить» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 142].

В. П. Беклемишев вернулся в свою ставку, отправив оттуда к монголам для подслушивания своего помощника и переводчика Рязанова¹ и толмача А. Иванова. Лоузанг-Шоно пил всю ночь и три часа дня, потом спал несколько часов, а затем пошел к главному послу, куда собрались и другие, и, выслав всех, долго разговаривали, а о чем — неизвестно, так как Рязанова и А. Иванова близко к кибитке служители не допустили [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 141–142об.].

12 июня Лоузанг-Шоно в послеобеденное время заехал к В. П. Беклемишеву и сказал секретно, что послы говорили ему, поскольку у него с братом Галдан-Цереном имеются неприязненные отношения, а мать его убита, улусы отняты, если он пожелает отомстить брату и овладеть улусами отца, ему следует просить протекцию у богдохана, в чем они его именем богдохана обнадеживают, что будет он содержан в милости и улусы отца будут возвращены ему, и сверх того будет пожаловано большое жалованье за верность богдохану. На брата же его за его «противности» и непостоянства посланы «пресильные войски» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 143].

Лоузанг-Шоно им отвечал, что мстить брату желает, но только не уверен в богдохане, зная, что его отец воевал с китайским государством. Посланцы усиленно заверяли его и советовали послать с ними богдохану письмо с просьбой о протекции, на что, без сомнения, получит милостивый указ. Лоузанг-Шоно обещал сделать просимое. В. П. Беклемишев убеждал его не верить китайцам и советовал не писать письмо. Со своей стороны он предлагал обратиться к русской императрице: может быть, она укажет устроить его положение. Лоузанг-Шоно отвечал, что он на китайцев надежды не имеет, «но только им манит, может де быть, что чем они ево подарят» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 143], а милости будет просить у русской императрицы.

Как видим, Лоузанг-Шоно постепенно становился «манителем», т. е. притворным подпевалой, старающимся выманить подарки. Далее он попросил, чтобы царица приказала вызвать его в Москву, где он сможет рассказать о своих нуждах. Взамен он просил, чтобы до его возвращения жене его с улусом было позволено кочевать на нагорной стороне Волги вблизи Саратова (около 100 кибиток). К богдохану писать он не будет, а попросит посланцев передать информацию устно [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 143–143об.].

13 июня к В. П. Беклемишеву приехал от хана Намка-гелюнг и привез копии с посланий богдохана и словесного предложения, которые В. П. Беклемишев велел перевести ученику Сумину. Намка-гелюнг прочитал письмо, напи-

¹ В архивном деле инициалы отсутствуют.

санное в ответ к богдохану. В письме не было упомянуто имя императрицы Анны Ивановны. В. П. Беклемишев выразил на этот счет претензию: почему написано не так, как в отданном от него формуляре. Намка-гелюнг сказал, что они написали, как велел Церен-Дондук, и что он доложит об этом хану. На следующий день через С. Везелева В. П. Беклемишев провел переговоры с Шакур-ламой и ханом, чтобы ответы богдохану были написаны согласно данным от него формулярам, с чем они согласились. 14 числа стало известно, что 13 числа послы отправили Лоузанг-Шоно довольно приличные подарки.

14 июня два монгола из посольства ездили к Лоузанг-Шоно, куда В. П. Беклемишев отправил толмача И. Фролова. Однако они о чем-то совещались, выслав лишних, поэтому И. Фролов не знает, о чем. Когда высланные вновь были приглашены, тогда послы просили Лоузанг-Шоно пригласить жену. Когда она пришла, мерензангин Горюзап, будучи «шумен», сказал ей: «Отца твоего доброе намерение, что не хочет быть под протекциею розсийскою, и то его желание доброе», но Лоузанг-Шоно, услышав его слова, «бранил ево матерно, что де ты не дела говоришь. И тем оную речь прекратили» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 144–146].

15 июня послы были на прощальной аудиенции у Дармы-Балы, где присутствовали хан, Шакур-лама, другие нойоны и, как и всегда, В. П. Беклемишев. Здесь послам был вручен ответ хана в белом футляре, а на словесное предложение Церен-Дондук ответил: слышали мы и раньше от зюнгаров о Галдан-Церене, и ныне богдохан словесным предложением нас изволил уведомить, «и оное всё воистинно, и оные зюнгоры станут к нам приходить с которой нибудь стороны и мы по воле богдохановой их будем принимать, а что на то будет чиниться, тогда и будет, а что о присылках, то в воле ея императорского величества и богдоханова величества, понеже дорога чрез Россию» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 150–151].

На том ответ, малосвязный и туманный, и был окончен. В. П. Беклемишев после отъезда послов заметил хану, что все было «изрядно, только на словесное предложение китайских посланцев ответ от него... был не такой, как он, полковник, по указу ея императорского величества ему предлагал и письменно сообщал» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 154]. Хан ответил, «что он более выговорить не упомянул». 16 числа послы ездили прощаться с сестрой хана Аюки Доржи-Араптан, а после неё были у Лоузанг-Шоно [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 148–154об.].

17 июня 1731 г. В. П. Беклемишев с послами выехал из улусов. 19-го они прибыли на берег Волги напротив Саратова. Здесь к В. П. Беклемишеву приехал служитель Лоузанг-Шоно и передал ему письмо от него. В этот же день В. П. Беклемишев переехал через Волгу в Саратов, где 18 июня получил указ из Коллегии иностранных дел о пожаловании его полковником и управляющим калмыцкими делами и воеводой в Саратове [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 155, 158].

Что же было написано в письме Лоузанг-Шоно к российской императрице, которое вряд ли было прочитано ею? Да и вообще знала ли она о нем? Китайские послы, писал он, объявили Лоузанг-Шоно, что их государь «о моем деле намерен стараться», и чтобы «я объяснил суть дела, что я и сделал» [НА РК.

Ф. И-36. Оп. 1. Д. 42 Л. 204]. «И сие благо или зло, еще не ведаю. А понеже напред, когда я и к вам посланца моего... посылал и о причине моей доносил, и тогда и вы во время случаю обещали о мне в возможном стараться. И я, получа сию вашу милость и указ, зело возрадовался. Ныне видится мне к тому удобное время, о чем разсуждая, намерен я туды ехать, и по прежней вашей ко мне милости не во учинении в сём моём намерении препятствие и о пожаловании мне пути и протчего, что к тому принадлежит, полагаюсь в волю вашего величества. И притом прошу, какую бы вы в том со мною милость не сотворили, точию дабы оная вскоре была исполнена действием» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 42. Л. 204]. Никаких следов реакции российских властей на письмо Лоузанг-Шоно в архивных материалах не было обнаружено.

Впрочем, если бы даже его просьба получила благожелательный отклик, он вряд ли сумел бы воспользоваться им. В начале сентября 1732 г. он внезапно заболел. Болезнь протекала быстро, и уже 5 октября жена Лоузанг-Шоно, дочь Дондук-Омбо, Церен-Балзан сообщила о его смерти. Печальным итогом жизни Лоузанг-Шоно звучат строки письма его жены: «А собственных улусов наших (здесь слово «улусов» надо понимать как зависимых людей. — М. Б.) малое число и скудны, також у нас собственного как скота, так и других вещей много не было, а что было малое число, то я при жизни Шониной на нужды употребила» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 52: Л. 235, 237].

Заключение

Рассмотренный выше материал показывает, что в первой трети XVIII в. Калмыцкое ханство имело активные внешнеполитические связи как на юго-западе (Крымское ханство, Северный Кавказ, Кубань), так и на юго-востоке. В последнем случае калмыцкие правители оказались втянутыми в события, связанные с китайско-джунгарскими отношениями. И те и другие пытались привлечь на свою сторону военный потенциал калмыков. Однако стало ясно, что внешняя политика Калмыцкого ханства во многом зависит от внешнеполитических интересов России, а последняя в то время не была заинтересована в участии калмыков в китайско-джунгарском противоборстве. В связи с этим калмыки не участвовали в борьбе между Цинским Китаем и Джунгарским ханством, которая закончилась поражением и гибелью последнего.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года / вступ. ст.: М. М. Батмаев, предисл.: В. Разумовская. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с. (Серия «Наше наследие»).

Златкин 1983 — *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. Изд. 2-е. М.: Наука, 1983. 332 с.

Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 314 с.

Пальмов 1926 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. I. XVII и XVIII века. Астрахань: Изд. Калм. обл. испол. ком-та, 1926. 391 с.

References

- Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords (1761). Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)
- Nefedyev N. A. Detailed Eyewitness Accounts of the Volga Kalmyks Compiled by N. Nefedyev. St. Petersburg: K. Kray, 1834. 314 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. The Volga Kalmyks: Historical Essays. Part I: 17th and 18th Centuries. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1926. 391 p. (In Russ.)
- Zlatkin I. Ya. History of the Dzungar Khanate, 1635–1758. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1983. 332 p. (In Russ.)

УДК / UDC 94(470.47).08

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-281-292

Школы в Калмыцкой степи Астраханской губернии во второй половине XIX в.

*Александр Нармаевич Команджаев*¹, *Евгений Александрович
Команджаев*²

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

 0000-0002-7064-7315. E-mail: ak.narma@mail.ru

² Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой

 0000-0002-4542-8786. E-mail: komandzhaev@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Команджаев А. Н., Команджаев Е. А., 2022

Аннотация. *Введение.* Актуальность изучения указанной проблемы объясняется ее недостаточной изученностью. За более чем столетний период опубликовано более десятка работ, в которых с разной степенью подробности нашло отражение школьное образование дореволюционной Калмыкии. Однако в большинстве работ этот вопрос затрагивался лишь фрагментарно в процессе исследования истории культуры и просвещения на более широком хронологическом фоне. Лишь на современном этапе появились две статьи по изучаемому вопросу. Помимо этого, проблема актуализируется в связи с ее вполне современным звучанием: сегодня российское общество нуждается в создании своей национальной образовательной траектории. В связи с этим обращение к историческому опыту становления и развития школьного образования в малонаселенных специфичных регионах с кочевым населением может быть полезным. *Цель и задачи.* Целью данной статьи является характеристика школьной системы Калмыцкой степи Астраханской губернии на этапе ее становления. В связи с этим основной задачей исследования авторы сочли необходимость введения в научный оборот новых архивных источников. *Материалы и методы.* В работе использован комплекс общенаучных и специально-исторических методов, из которых важнейшее значение имеют принцип историзма, метод системного анализа и междисциплинарный подход, позволившие авторам обозначить состояние и тенденции развития школьной системы в Калмыцкой степи и определить ее место в структуре ценностных ориентаций калмыцкого кочевого общества. *Источники.* Источниками исследования являются делопроизводственные материалы фонда Управления калмыцким народом Нацио-

нального архива Республики Калмыкия. По преимуществу к ним относятся ежегодные отчеты астраханского губернатора о состоянии Калмыцкой степи. *Результаты.* В статье представлена характеристика калмыцких школ по их численности и количеству учеников, учительскому составу и преподаваемым дисциплинам. *Выводы.* На этапе становления создание калмыцких школ мотивировалось необходимостью подготовки переводчиков для административных структур. В связи с этим наибольшее количество учеников в этих школах наблюдалось в 1860–1870-е гг. Параллельно в центральном калмыцком училище готовили будущих учителей немногочисленных улусных школ. Этим объяснялся как набор необходимых изучаемых дисциплин в школах Калмыцкой степи, так и их учительский состав.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Калмыцкая степь, улусы, аймаки, хурулы, кочевники, улусные школы, калмыцкое училище, учителя

Для цитирования: Команджаев А. Н., Команджаев Е. А. Школы в Калмыцкой степи Астраханской губернии во второй половине XIX в. // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 281–292. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-281-292

Schools in Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate, Mid-to-Late 19th Century

Alexandr N. Komandzhaev¹, Evgeniy A. Komandzhaev²

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department

 0000-0002-7064-7315. E-mail: ak.narma@mail.ru

² Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Head of Department

 0000-0002-4542-8786. E-mail: komandzhaev@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A., 2022

Abstract. Introduction. The topic remains understudied and is thus relevant enough to historical science. Despite the over a century has witnessed a dozen of publications examining schooling in prerevolutionary Kalmykia in various perspectives and detail, the bulk of them only partly approach the issue as a background phenomenon within wider insights into history of culture and education on broader timescapes. And only two related articles have been published in recent times. Furthermore, the problem is being actualized in connection with contemporary contexts: present-day Russian society utterly needs a new national educational trajectory of its own. In this regard, a historical review of schooling formation and development in sparsely inhabited specific regions with a nomadic population may be useful enough. *Goals.* The article aims to characterize the school system of Kalmyk Steppe (Astrakhan Governorate) at its initial stages. So, the paper primarily seeks to introduce newly discovered archival sources into scientific circulation. *Materials and Methods.* The work employs a complex of general scientific and special historical research methods, of which the principle of historicism, system-oriented analysis and interdisciplinary approach are of paramount importance, the three to identify actual conditions and development trends of Kalmyk Steppe's school system and determine the latter's place in the structure of value-

based orientations inherent to Kalmyk nomadic society. The study focuses on documentary materials contained in the Collection of the Kalmyk People's Executive Department (National Archive of Kalmykia), the former to largely include annual reports of the Astrakhan Governor on respective conditions in Kalmyk Steppe. *Results.* The article characterizes Kalmyk schools by numbers of students, teachers' staffing levels, and disciplines taught. *Conclusions.* Initially, Kalmyk schools were meant to train translators for administrative structures. Hence, largest numbers of students were registered in the 1860s–1870s. At the same time, the Central Kalmyk College was educating future teachers for the few ulus schools. This accounts for both the set of required disciplines taught and the teaching staff employed.

Keywords: Astrakhan Governorate, Kalmyk Steppe, uluses, aimaks, khuruls, nomads, ulus schools, Kalmyk school, teachers

For citation: Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A. Schools in Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate, Mid-to-Late 19th Century. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(2): 281–292. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-281-292

Введение

Актуальность изучения исторического опыта развития школьного образования в Калмыкии очевидна. Во-первых, это объясняется малоизученностью проблемы и необходимостью введения в оборот новых материалов. За прошедшие более чем 120 лет по истории калмыцкого школьного образования опубликовано около десяти работ. Однако их значительную долю составляют исследования обобщающего содержания, рассматривающие процессы развития калмыцких школ на протяжении длительного хронологического периода. Становление в регионе школьного образования во второй половине XIX в. в имеющихся исследованиях затрагивается лишь фрагментарно. К подобного рода работам можно отнести коллективные академические издания [*Очерки 1967*], монографии, опубликованные в 1960-е гг. [*Килганов 1968*; *Ташнинов 1969*], диссертации [*Ефремова 1970*], в том числе защищенные на современном этапе [*Килганов 2003*; *Сартикова 2012*; *Лиджеева 2014*].

Следует признать большую роль дореволюционных исследователей, в том числе ученых [*Позднеев 1889*], работников системы образования в регионе [*Аммосов 1893*; *Сильницкий 1907*; *Степной 1911*; *Фарфоровский 1910*], внесших своими ценными наблюдениями и заметками значительный вклад в дело накопления материалов. В последние годы изданы статьи по рассматриваемой нами теме, свидетельствующие о неослабевающем интересе к указанной проблеме [*Сартикова 2011*; *Лиджиева 2016*; *Команджаев и др. 2017*]. Следует упомянуть статью коллектива авторов о деятельности наиболее известного калмыцкого учителя в дореволюционное время Н. Б. Бадмаева [*Команджаев и др. 2020*].

Изучение исторического опыта в становлении и развитии системы образования, в том числе школьного, актуализируется в наши дни, когда российское общество озабочено поиском не только оптимальной модели национального образования, но и ее содержательной части. В связи с этим обращение к проблеме становления школьного образования в Калмыцкой степи может быть полезным, поскольку речь идет о регионе с кочевым в прошлом населением, характеризующимся устойчивой цивилизационно-культурной идентичностью, в том числе с традиционной системой хурульной школы.

Цель и задачи настоящей статьи достаточно конкретны: представить характеристику калмыцких школ во второй половине XIX в. на основе новых архивных материалов, преимущественно впервые вводимых в научный оборот. Содержание статьи базируется на характеристике школ, созданных местной администрацией и финансировавшихся из средств калмыцкого общественного капитала. За пределами нашего исследования остались школы в буддийских хурулах, являвшиеся самыми распространенными в калмыцких улусах, приходские школы в православных миссионерских станах, деятельность которых была малорезультативной ввиду как незначительной численности калмыков, принявших православие, так и небольшого количества желавших в них обучаться детей из соседних калмыцких хотонов. Кроме того, вне поля нашего изучения остались так называемые народные школы, функционировавшие за счет средств аймачных обществ и получившие широкое распространение уже в начале XX в.

Географические рамки нашего исследования ограничиваются территорией Калмыцкой степи Астраханской губернии, в состав которой входило 8 улусов и пос. Калмыцкий Базар близ Астрахани в качестве самостоятельной административно-территориальной единицы. Здесь проживало калмыцкое кочевое население с традиционным укладом жизни, и развитие начального школьного образования в данном регионе имело свои особенности.

Другие регионы России с калмыцким населением (Большедербетовский улус Ставропольской губернии, область Войска Донского, Терская область, Среднее Поволжье и Приуралье) существенно отличались от Калмыцкой степи большей степенью интеграции в общероссийское общественно-экономическое, в том числе образовательное, пространство.

Материалы и методы

Методы исследования основаны на применении необходимого комплекса общенаучных и специально-исторических методов и подходов, среди которых главное место занимают принцип историзма, метод системного анализа, междисциплинарный и хронологический подходы и др., позволившие рассмотреть проблему в динамике и тесной связи с событиями калмыцкой жизни указанного периода. В статье авторами представлены новые архивные, главным образом, делопроизводственные, материалы об имевшихся в Калмыцкой степи начальных школах на этапе их становления, численности учеников и преподавателей, а также сведения об изучавшихся дисциплинах.

Причины открытия школ в Калмыцкой степи и нормативные документы

В калмыцких улусах до середины XIX в. вопрос об организации школьного образования местной администрацией не ставился. Это объяснялось тем обстоятельством, что калмыцкое общество в силу цивилизационно-культурной обособленности, традиционного уклада жизни, устоявшихся национальных институтов публичной власти и социальной организации вполне удовлетворялось сложившейся практикой подготовки грамотных лиц в школах при буддийских монастырях. Калмыцкий язык со своими институтами письменной культуры удовлетворял все потребности не только повседневной жизни, быта и культуры, но и обеспечивал функционирование административных органов и национального законодательства.

Однако после ликвидации Калмыцкого ханства уже в конце XVIII – первой половине XIX в., по мере интеграции калмыцких улусов в российскую административно-политическую систему, встал вопрос о подготовке переводчиков для административных структур Калмыцкой степи Астраханской губернии. Вначале администрация обходилась небольшим числом переводчиков и толмачей, подготовленных в традиционной калмыцкой школе при хурулах и овладевавших навыками перевода на русский язык в процессе практической деятельности. Об этой практике подготовки переводчиков свидетельствуют нормативные акты: в «Правилах для управления калмыцкого народа» 1825 г. (параграф 32) утверждалось, что для журнальной регистрации дел и решений суда Зарго необходимы переводчик и его ученик калмыцкого языка, при частном (улусном) приставе должен находиться «один толмач калмыцкого языка» (параграф 50) [Государственное строительство 2009: 159, 161].

О необходимости перевода на калмыцкий язык всей делопроизводственной документации в Совете калмыцкого управления и суде Зарго администрация повторила также в статьях Положения об управлении калмыцким народом 1835 г. [Государственное строительство 2009: 173, 175].

В Положении об управлении калмыцким народом 1847 г., окончательно оформившем новую административную структуру Калмыцкой степи, было прямо указано на необходимость создания училища при Управлении калмыцким народом «для образования калмыков и распространения между ними русского языка, а также для подготовки переводчиков и толмачей» (глава 1, параграф 5) [Государственное строительство 2009: 194].

Калмыцкое училище

Открытие калмыцкого училища на 50 учеников состоялось в 1849 г. В сентябре 1862 г. в этом училище дополнительно было создано отделение фельдшерских учеников, после завершения которого выпускники могли поступать в фельдшерские школы. С 1864 г. в училище стало функционировать отделение гимназистов с численностью обучавшихся 15 чел. К ним относились ученики Астраханской классической гимназии, проживавшие в пансионе училища на полном обеспечении [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 18].

Штатными работниками калмыцкого училища являлись смотритель (надзиратель) и учитель калмыцкого языка. Все остальные учителя относились к вольнонаемным. Кроме этого, вольнонаемным работником являлся представитель калмыцкого духовенства (гелюнг). Дополнительно в штат калмыцкого училища для работы в гимназическом отделении были приняты репетитор и учитель калмыцкого языка [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 18].

В 1871 г. в мужском училище на 50 учеников приходилось 6 учителей и смотритель. Параллельно с мужским при Управлении калмыцким народом было открыто женское училище, в котором по данным отчета за 1871 г. на 21 ученицу приходилось 5 учителей и смотрительница [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 44].

Содержание женского училища обошлось калмыцкому общественному капиталу в 1871 г. в размере 3 263 руб. В мужском училище расходы на гимназическое отделение и отделение фельдшерских учеников составили в том же году 3 016 руб. Содержание улусных школ обошлось в 5 811 руб. [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 71–71об.].

В 1871 г. в мужском училище на гимназическом отделении обучалось 15, на отделении фельдшерских учеников — 11 чел. Таким образом, всего в мужском училище находилось 76 учеников, из которых подавляющее большинство (74) составляли выходцы из простолюдинов. Лишь один являлся сыном нойона, другой происходил из семьи зайсанга. По данным за этот же год, поступило в мужское училище 19 выпускников улусных школ, на гимназическое отделение 3 чел., на отделение фельдшерских учеников — 6 чел. [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 18].

Выбыло в 1871 г. из училища 19 чел., в том числе завершили обучение на гимназическом отделении 3 чел. Из выпускников калмыцкого училища 1871 г. 3 чел. поступили в Астраханскую классическую гимназию, 6 чел. — в фельдшерскую школу, 3 умерло, остальные (7 чел.) уехали домой [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 19].

В мужском училище преподавались русская грамматика, арифметика, русская история, чтение на русском языке, география России и, в сокращенном виде, всеобщая география, калмыцкий язык и гимнастика (физкультура) [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 21].

В женском калмыцком училище ученицы изучали в младшем классе русское и калмыцкое чистописание, чтение, арифметику, рукоделие и хозяйство. В старшем классе женского училища изучали краткие сведения по географии, русской и естественной истории и медицине [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 21об.].

По данным отчета Управления калмыцким народом за 1873 г., в калмыцком мужском училище также состояло 50 учеников (46 простолюдинов и 4 выходца из зайсангов), 5 фельдшерских учеников и 15 гимназистов (все простолюдины). Из числа гимназистов по 3 чел. обучались во 2–4 классах, и по одному — в подготовительном и других классах Астраханской классической гимназии [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 18. Л. 24об.–25].

В том же году по разным причинам выбыло из училища 20 учеников, из отделения фельдшерских учеников — 3, из гимназистов — 2 чел. В 1873 г. успешно окончили курс обучения в училище 3 чел., поступили в училище 20 чел., в гимназию — 1, на отделение фельдшерских учеников — 2 [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 18. Л. 25].

После сдачи итоговых экзаменов за младший год обучения в мае 1873 г. были переведены в старший класс училища 18 учеников [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 18. Л. 27].

Обучавшиеся на отделении фельдшерских учеников в калмыцком училище, помимо общих дисциплин, овладевали профессиональными навыками у ординатора и фармацевта в Астраханском военном госпитале [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 18. Л. 27].

В женском калмыцком училище в 1873 г. в младшем и старшем классах обучались 20 воспитанниц. Штатными работниками являлись 3 учительницы, смотрительница и ее помощница. В необходимых случаях нанимали вольнонаемных учителей [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 18. Л. 27].

В младшем классе ученицы обучались чтению и чистописанию по учебнику И. И. Паульсона «Первая учебная книжка» и по книге К. Д. Ушинского

«Родное слово», пережившей 147 изданий в дореволюционный период. Естественно, что в младшем классе ученицы женского училища также осваивали четыре правила арифметики и калмыцкий язык (чтение и перевод на русский язык). Годовой экзамен младшеклассницы сдавали в мае, согласно которому «общий вывод об успехах воспитанниц в науках оказался вообще удовлетворительным» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 18. Л. 28об.].

В старшем классе женского училища, помимо продолжавшихся вышеуказанных предметов, учащиеся изучали сведения по географии, по русской и естественной истории. По истории России они знакомились со сведениями из ранней истории и подробнее изучали события послепетровского времени.

По географии в училище преподавались разделы о физическом описании частей света, народонаселении, административном делении империи и видах промышленного производства, районирования. Естественная история включала в себя чтение статей о животном мире, птицах, пресмыкающихся и растениях. По русскому языку в старшем классе ученицы проходили темы о частях речи, согласовании слов, правописании и знаках препинания. По арифметике продолжалось овладение четырьмя правилами [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 18. Л. 28]. В женском училище «одежда и белье изготовлялись самими воспитанницами на уроках рукоделия и хозяйства» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 18. Л. 29].

В 1875 г. на содержание мужского училища было израсходовано 3 730 рублей из сумм калмыцкого общественного капитала, на женское училище — 3 597 руб., на содержание школ в улусных центрах (ставках) — 6 500 руб. [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 93, 97].

По указу императора 17 сентября 1884 г. женское калмыцкое училище было закрыто. В опубликованных работах данный факт ликвидации женского училища объясняли влиянием контрреформ Александра III [Очерки 1967: 435]. На наш взгляд, закрытие женского училища, как и многих женских улусных школ в Калмыцкой степи к концу XIX в., было обусловлено по преимуществу снижением численности учениц. Подобная тенденция вполне характерна для патриархального кочевого общества с традиционным укладом жизни. Из последних учениц этой школы 3 девочки поступили в Астраханскую женскую гимназию, остальные 8 чел. отправлены к родителям в свои улусы [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 72. Л. 6].

По состоянию на 1884 г. в мужском училище обучалось 35 учеников, в 6 улусных школах — 119, в Астраханской классической гимназии — 13, в Астраханском реальном училище — 2, в Казанской фельдшерской школе — 3, в Казанской ветеринарной школе — 1 чел. из калмыков. 3 выпускника калмыцкого училища стали в 1884 г. обучаться лесоразведению на Тенгутинской лесной плантации, 2 выпускника были приняты письмоводителями в Управление калмыцким народом [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 72. Л. 6]. Из числа выпускников калмыцкого училища 1885 г. 6 чел. стали работать в Тенгутинском лесничестве, в том числе трое заведовали Элистинским, Аршань-Зельменским и Тундутовским лесными участками в северной части Малодербетовского улуса, а трое состояли учениками в деле лесоразведения [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 83. Л. 5об.–6].

Следует иметь в виду, что обучение калмыцких детей в различных учебных заведениях происходило за счет средств калмыцкого общественного капитала. Так, в 1885 г. расходы калмыцкого общественного капитала на содержание обучавшихся калмыцких детей по неполным данным составили: в Казанской фельдшерской школе — 743 руб., на трех учениц Астраханской женской гимназии — 756 руб., на содержание студента безаймачного зайсанга Бадмаева в Казанском ветеринарном институте — 400 руб. [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 83. Л. 37–39].

В 1886 г. в калмыцком училище обучалось 29 учеников, в 6 улусных школах Калмыцкой степи — 116 детей, в том числе 7 девочек, в Астраханской классической гимназии — 6 чел., в Астраханском реальном училище — 4, в Астраханском городском училище — 9, в Казанском ветеринарном институте — 1 чел. [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 94. Л. 8]. Из выпускниц закрывшегося калмыцкого женского училища две работали учителями калмыцкого языка в улусных школах, две продолжили обучение в Астраханской Мариинской женской гимназии [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 94. Л. 8об.].

Улусные школы

В улусных школах, по данным отчета Управления калмыцким народом за 1871 г., обучались 215 чел. Улусные школы (их было 6) располагались в улусных ставках, в том числе одна из школ была в Мочагах — особой территории Калмыцкой степи в дельте Волги, куда прибывали обедневшие калмыки из всех улусов для найма на работу на рыбных промыслах. Школы в казенных улусах содержались за счет средств калмыцкого общественного капитала, а во владельческих улусах — за счет доходов владельцев (нойонов) в виде подати с простолюдинов до отмены их личной зависимости в 1892 г. [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 22об.].

Улусные школы вначале подразделялись на мужские и женские. По приказу Министра госимуществ от 28 ноября 1864 г. в мужских школах могло обучаться до 30 чел. В женских улусных школах учителями становились выпускницы калмыцкого женского училища. По предписанию департамента общих дел Министерства госимуществ 1872 г. была установлена численность учащихся в мужских улусных школах по 15 чел., в женских — 10 чел. [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 18. Л. 29].

В 1885 г. в 6 улусных школах обучалось 125 чел., в Астраханском калмыцком училище — 35. В отчете Управления калмыцким народом за этот год было отмечено, что Малодербетовская улусная школа содержится за счет средств нойона Тундутова (он выделил на содержание школы в 1885 г. 2 000 руб.) и лишь частично за счет мирских средств в размере 367 руб. В случае обучения девочек в улусных школах стало практиковаться разделение на мужское и женское отделения взамен прежних самостоятельных школ [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 83. Л. 37–39].

XIX век для школьной системы Калмыцкой степи завершился теми же показателями: в 6 улусных школах обучалось в 1899 г. 127 учеников. В Харахусовском и Хошеутовском улусах школы отсутствовали. Помимо этого, 2 ученика обучались в Астраханской школе садоводства и огородничества, 2 — в

Казанской фельдшерской школе, 1 — в Хреновской лесной школе Воронежской губернии [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 5].

В пансионе Астраханского калмыцкого училища состояло в 1899 г. 47 чел., из которых обучались в этом же училище 20 учеников (9 в младшем классе, 11 — в старшем), в классической гимназии — 11, в реальном училище — 9, в городском училище — 7. Завершили обучение в калмыцком училище 11 чел., в городском училище — 5, поступило в калмыцкое училище 9 мальчиков [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 4об.]. «Девочки в школах не обучались», «в высших учебных заведениях в отчетном году никто из калмыков не обучался», — говорится в отчете Управления калмыцким народом за 1899 г. [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 5, 5об.].

Методика преподавания

Методика преподавания различных дисциплин в калмыцких школах являлась апробированной и широко распространенной в национальных районах России. Определенную трудность составляло обучение на незнакомом русском языке калмыцких детей. Однако это препятствие успешно преодолевалось благодаря разработанной общепризнанной методике, учебникам и учебным пособиям. Однако наибольшей проблемой в калмыцких школах стало преподавание родного калмыцкого языка. На это обращал внимание известный ученый А. М. Позднеев, предлагавший внедрить, по мнению переводчика и учителя Н. Б. Бадмаева, «звуковую» методику взамен прежней «слоговой» калмыцкой азбуки [Команджаев и др. 2020: 20].

В архивном деле «О службе переводчика Управления калмыцким народом Н. Бадмаева» имеется служебная записка главного попечителя калмыцкого народа от 16 сентября 1893 г., адресованная Н. Б. Бадмаеву. Со ссылкой на мнение инспектора народных училищ К. М. Аммосова о несоответствии калмыцкого разговорного языка преподаваемому в школах литературному калмыцкому языку главный попечитель утверждал: «Само собою понятно, насколько трудно изучать чисто теоретически правила такого языка для детей, едва грамотных...» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 99. Л. 140].

В связи с этим Н. Б. Бадмаеву рекомендовалось в калмыцком училище взамен сложных грамматических конструкций в преподавании родного языка озаботиться преимущественно обучением переводу русских и калмыцких текстов, что вполне оправдывалось целями подготовки переводчиков и толмачей [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 99. Л. 142].

Выводы

Во второй половине XIX в. в Калмыцкой степи были созданы 6 улусных одноклассных школ и 2 двухклассных училища (мужское и (на короткий период) женское) для подготовки переводчиков и письмоводителей для административных учреждений Калмыцкой степи Астраханской губернии. Центральные калмыцкие училища в Астрахани также осуществляли подготовку учителей калмыцкого языка и воспитателей для системы улусных школ. Наибольшее количество учеников в школах региона наблюдалось в 60–70-е гг. XIX в., что было, на наш взгляд, связано с возросшим спросом на подготовку переводчиков и письмоводителей для органов калмыцкого управления. Позже

наблюдался некоторый спад численности учеников, что можно объяснить снижением потребности в указанных работниках. При этом следует иметь в виду, что калмыцкое общество в условиях сохранявшегося традиционного уклада жизни удовлетворяло свои потребности в грамотных людях, которых готовили в хурульных школах. Количество учеников в последних достигало 690 чел. (по данным отчета за 1886 г.) [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 94. Л. 4], что значительно превышало численность обучавшихся в созданных во второй половине XIX в. начальных школах.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
РГИА — Российский государственный исторический архив.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.
Russian State Historical Archive.

Литература

- Аммосов 1893 — *Аммосов К. М.* Калмыцкие улусные училища в учебно-воспитательном отношении (Наблюдения, основанные на осмотре училищ в марте (12–23) и апр. (4–9) 1893. Астрахань: Пар. рус. тип., 1893. 31 с.
- Государственное строительство 2009 — Государственное строительство Калмыкии. XVII–XXI вв. Сборник документов и материалов / сост. А. В. Цюрюмов, Л. П. Коженбаева, Е. Н. Убушаев, Л. Б. Шалданова. Элиста: НПП «Джангар», 2009. 399 с.
- Ефремова 1970 — *Ефремова В. Ф.* Очерки по истории школьного образования в Калмыкии: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Л., 1970. 18 с.
- Килганов 2003 — *Килганов В. В.* Развитие школьного образования калмыцкого народа в XIX – начале XX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2003. 22 с.
- Килганов 1968 — *Килганов В. У.* Становление школьного образования в Калмыкии. Элиста: Калмиздат, 1968. 67 с.
- Команджаев и др. 2017 — *Команджаев А. Н., Абеева О. Н., Амаева Д. В.* Становление системы школьного образования в Калмыкии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 4. С. 18–23.
- Команджаев и др. 2020 — *Команджаев А. Н., Мацакова Н. П., Оконова Л. В.* Имена в истории: Наймин Бадмаевич Бадмаев // Вестник Калмыцкого университета. 2020. № 4 (48). С. 14–21.
- Лиджиева 2014 — *Лиджиева К. Ф.* Развитие сферы образования в национальных районах юга России в 1918–1941 гг.: сравнительно-исторический анализ: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Астрахань, 2014. 39 с.
- Лиджиева 2016 — *Лиджиева И. В.* Народное образование в деятельности органов местного самоуправления Калмыцкой степи // *Oriental Studies*. 2016. № 9(1). С. 34–42. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-34-42
- Очерки 1967 — Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период / редкол.: Н. В. Устюгов (гл. ред.), И. Я. Златкин, Е. Н. Кушева и др. М.: Наука, 1967. 479 с.
- Позднеев 1889 — *Позднеев А. М.* Записка о преобразовании учебной части у калмыков Астраханской губернии. СПб.: Тип. и лит. Л. Бермана и Г. Рабиновича, 1889. 98 с.
- Сартикова 2012 — *Сартикова Е. В.* Государственная политика в сфере школьного образования в Калмыкии в XX веке: компаративный анализ и оценка: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2012. 52 с.
- Сартикова 2011 — *Сартикова Е. В.* Роль А. М. Позднеева в развитии системы образования Калмыкии // Исторические, философские, политические и юридические

- науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. I. С. 158–160.
- Сильницкий 1907 — *Сильницкий А. Д.* Краткий очерк состояния народного образования в Калмыцкой степи Астраханской губернии в связи с современным бытом калмыков // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1907. № 7. С. 37–100.
- Степной 1911 — *Степной И.* Школьное дело Калмыцкой степи Астраханской губернии // *Вестник воспитания*. 1911. № 5. С. 140–166.
- Ташнинов 1969 — *Ташнинов Н. Ш.* Очерки истории просвещения Калмыцкой АССР. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 214 с.
- Фарфоровский 1910 — *Фарфоровский С. В.* Народное образование среди калмыков Большого Дербета в связи с их бытом и историей // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1910. Ч. XXVII [6]. Июнь. С. 193–224.

References

- Ammosov K. M. Kalmyk Ulus-Level Schools in Educational and Pedagogic Perspectives: On-Site Observations, March (12–23) and April (4–9) of 1893. Astrakhan: Steam Book Press, 1893. 31 p. (In Russ.)
- Farforovsky S. V. Public education among Iki Dorbet Kalmyks in relation to their lifestyles and history. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1910. No. XXVII [6]. June. Pp. 193–224. (In Russ.)
- Kilganov V. U. The Shaping of Kalmykia's School System. Elista: Kalmizdat, 1968. 67 p. (In Russ.)
- Kilganov V. V. Developing the Kalmyk People's School System, 19th to Early 20th Century. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Astrakhan, 2003. 22 p. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N., Abeeva O. N., Amaeva D. V. The development of the system of school education at the turn of the XX-th century. *Bulletin of Kalmyk University*. 2017. No. 4. Pp. 18–23. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N., Matsakova N. P., Okonova L. V. Personalities in history: Naymin Badmaevich Badmaev. *Bulletin of Kalmyk University*. 2020. No. 4 (48). Pp. 14–21. (In Russ.)
- Lidzheeva K. F. Development of the Education Sector in Ethnic Territories of South Russia, 1918–1941: A Comparative Historical Analysis. Dr. Sc. (history) thesis abstract. Astrakhan, 2014. 39 p. (In Russ.)
- Lidzhieva I. V. Public education in the activities of bodies of local self-government of the Kalmyk Steppe in the 19th – the beginning of the 20th centuries. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2016. No. 9(1). Pp. 34–42. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-34-42
- Pozdneev A. M. Kalmyks of Astrakhan Governorate: [Note] Revisiting a Reorganization of the Education Sector. St. Petersburg: L. Berman & G. Rabinovich, 1889. 98 p. (In Russ.)
- Sartikova E. V. Aleksei Matveevich Pozdneev's role in Kalmykia education system development. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice (Manuscript)*. 2011. No. 2 (8). Part I. Pp. 158–160. (In Russ.)
- Sartikova E. V. The 20th-Century Schooling Policy in Kalmykia: Comparative Analysis and Evaluation. Dr. sc. (history) thesis abstract. Volgograd, 2012. 52 p. (In Russ.)
- Silnitsky A. D. Public education in Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in relation to current lifestyles of Kalmyks: A brief essay. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1907. No. 7. Pp. 37–100. (In Russ.)
- Stepnoy I. Schooling affairs in Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate. *Vestnik vospitaniya*. 1911. No. 5. Pp. 140–166. (In Russ.)
- Tashninov N. Sh. Public Education in Soviet Kalmykia: Historical Essays. Elista: Kalmykia Book Publ., 1969. 214 p. (In Russ.)

- Tsyuryumov A. V., Kozhenbaeva L. P., Ubushaev E. N., Shaldanova L. B. (comps.) State-Building in Kalmykia, 17th to 21st Centuries: Collected Documents and Materials. Elista: Dzhangar, 2009. 399 p. (In Russ.)
- Ustyugov N. V., Zlatkin I. Ya., Kusheva E. N. et al. (eds.) History of Soviet Kalmykia: The Pre-October Period. Collected essays. Moscow: Nauka, 1967. 479 p. (In Russ.)
- Yefremova V. F. Kalmykia's School System: Historical Essays. Cand. Sc. (pedagogy) thesis abstract. Leningrad, 1970. 18 p. (In Russ.)

УДК / UDC 94(47).084.8

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-293-312

Исчезающая история «13 лет и 13 дней»: проблемы поиска и сохранения архивных материалов о калмыках на спецпоселении в Сибири. Часть 2

Виктория Васильевна Куканова¹, Уташ Борисович Очиров²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, директор

 0000-0002-7696-4151. E-mail: kukanovavv@kigiran.com

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник

 0000-0001-9957-5215. E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Куканова В. В., Очиров У. Б., 2022

Аннотация. *Введение.* Статья была написана на базе доклада, зачитанного на XIII Всероссийском съезде востоковедов. В ней рассматриваются проблемы поиска материалов о калмыках, проживавших на спецпоселении в Сибирь в 1944–1957 гг., и необходимость их сохранения и дублирования для исследователей-калмыковедов. *Материалы и методы.* При написании статьи был использован широкий спектр научных методов — как общенаучных (анализ, синтез и др.), так и специально-исторических (историко-генетический, историко-системный и др.). Необходимость сравнения условий хранения и доступа к фондам архивов разных регионов и разной ведомственной принадлежности обусловила активное применение историко-сравнительного метода. *Результаты.* Статья посвящена жизни калмыцкого народа на спецпоселении в сибирских регионах в период между 28 декабря 1943 г. и 9 января 1957 г. В ходе этих «13 лет и 13 дней» калмыцкий народ перенес огромные лишения и невзгоды, потерял почти треть своей численности. В первой (уже опубликованной) части статьи было приведено краткое описание процесса депортации калмыцкого народа, описана география его расселения, условия жизни на спецпоселении, оценены демографические потери. Во второй части статьи авторы оценивают потенциал федеральных архивов и архивов сибирских регионов как источника по истории калмыцкого народа на спецпоселении. Проведенный первичный анализ показал, что в архивах страны содержится огромный массив материалов по исследуемой теме. Однако ввиду дисперсного проживания калмыков в нескольких регионах значительная часть архивных материалов отличаются разрозненностью, малодоступностью или даже недоступностью. Специалисты по данной теме хорошо продвинулись в изучении материалов федеральных архивов, но массивы информации в региональных и муниципальных архивах и архивохранилищах Сибири в значительной мере остаются для нас

«terra incognita», особенно в ведомственных архивах. Ситуация осложняется тем, что некоторые категории архивных дел, по которым истек назначенный им 75-летний срок хранения, могут быть утилизированы, как не имеющие ценности, и навсегда утрачены для исследователя. Авторы приходят к *выводу* о необходимости привлечения большой группы научных сотрудников к работе по поиску материалов по исследуемой теме в архивах, в первую очередь, региональных.

Ключевые слова: Калмыцкая АССР, калмыки, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., сталинские репрессии, депортации народов, спецпоселение, Сибирь, архивы
Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Куканова В. В., Очиров У. Б. Исчезающая история «13 лет и 13 дней»: проблемы поиска и сохранения архивных материалов о калмыках на спецпоселении в Сибири. Часть 2 // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 293–312. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-293-312

The Vanishing History of ‘Thirteen Years and Thirteen Days’: Problems of Searching and Preserving Archival Materials on Repressed Kalmyks in Siberia. Part 2

Viktoria V. Kukanova¹, Utash B. Ochirov²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
 Cand. Sc. (Philology), Director

 0000-0002-7696-4151. E-mail: vika.kukanova@gmail.com

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
 Dr. Sc. (History), Associate Professor, Chief Research Associate

 0000-0001-9957-5215. E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Kukanova V. V., Ochirov U. B., 2022

Abstract. Introduction. The article publishes a report delivered at the Thirteenth Congress of Orientalists and deals with problems of searching materials on repressed Kalmyks and their 1944–1957 life in Siberia with additional emphasis be laid on their preservation and duplication for specialists in Kalmyk studies. *Materials and methods.* The study employs a wide range of research methods, both common scientific (analysis, synthesis, etc.) and special historical ones (historical genetics, historical systemic methods, etc.). The comparative historical methods proves instrumental in identifying actual storage and access conditions at archives across different regions, agencies, and authorities. *Results.* The paper covers the Siberian period of the repressed Kalmyk people’s life between 28 December 1943 and 9 January 1957. The ‘thirteen years and thirteen days’ witnessed tremendous hardships and miseries experienced and survived by two thirds of the population only. Part 1 of the article has reviewed Kalmyk Deportation proper, its geography, living conditions, and demographic losses among exiled settlers. Part 2 evaluates federal and regional Siberian archives as sources on the history of Kalmyk Deportation. The initial analysis shows those contain vastest materials relating to the issue under consideration. However, since Kalmyk exiled settlers were scattered across several regions quite a share of archival documents are essentially sketchy, difficult or even impossible to access. Specialists have explored materials housed by federal depositories but

the regional and municipal ones — as well as key archives of Siberia — still remain a terra incognita, especially those of particular agencies and institutions. Meanwhile, the situation tends to get aggravated for some categories of archival files to have reached the retention period of 75 years may be considered valueless and disposed of, i.e. lost to any further research. The paper concludes it is urgent to mobilize quite a number of research associates to search for materials dealing with the topic in archival depositories nationwide, primarily regional ones.

Keywords: Kalmyk ASSR, Kalmyks, Great Patriotic War of 1941–1945, Stalinist repressions, ethnic deportations, forced settlements, Siberia, archives

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Kukanova V. V., Ochirov U. B. The Vanishing History of ‘Thirteen Years and Thirteen Days’: Problems of Searching and Preserving Archival Materials on Repressed Kalmyks in Siberia. Part 2. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(2): 293–312. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-293-312

Введение

Данная статья была написана на базе доклада, зачитанного и обсужденного на пленарном заседании XIII Всероссийского съезда востоковедов «Восточные архивы и архивоведение в современном мире: проблемы и перспективы» (Элиста, 5–8 октября 2021 г.). В первой части статьи было приведено краткое описание процесса депортации калмыцкого народа в ходе операции «Улусы» и иных выселений, география расселения калмыков-спецпереселенцев и условия жизни в местах ссылки, оценены их демографические потери. Во второй части статьи рассмотрим проблемы поиска материалов о жизнедеятельности калмыков, высланных на спецпоселение в Сибирь в 1944–1957 гг., в архивах и оценим необходимость их сохранения для исследователей-калмыковедов.

Общая оценка Архивного фонда РФ как источников по теме

Из истории калмыцкого народа оказался вырван более чем 13-летний период, во время которого спецпоселенцам пришлось пережить немало невзгод и испытаний. Поскольку калмыки проживали дисперсно, на территории нескольких регионов, да еще и в особых условиях режима спецпоселений, то архивные документы и материалы об их жизни отложились во множестве фондохранилищ разного уровня и разной ведомственной принадлежности. Работа по их систематизации по существу до сих пор не начата. Неслучайно история калмыцкого народа в 1944–1957 гг. является крупнейшим «белым пятном» в историографии истории Калмыкии XX в.

Решение данной проблемы требует привлечения значительных ресурсов и усилий исследователей уже с самого начального этапа — поиска и ввода в оборот источников. Некоторые типы источников на данный момент уже неплохо проработаны и имеют возможности для широкого доступа, например воспоминания. За прошедшие десятилетия было записано большое количество воспоминаний, причем эта работа продолжается [Во глубине 2013; Забвению не подлежит 2014; Калмыки 2019; Мы — из высланных 2003; и др.].

Однако личные воспоминания как тип источника, помимо преимуществ, имеют и недостатки, например их субъективность. Учитывая, что для калмыков,

прошедших через Сибирь, потерявших там много родственников, этот период стал особой болью, коллективной исторической травмой, в воспоминаниях достаточно часто упор делается на виктимность и страдания спецпоселенцев, в то время как особенности их жизни на спецпоселении (быта, хозяйственной и культурной жизни, религии и др.) зачастую не освещаются как не заслуживающие внимания мелочи.

Очевидно, что составить полную и всеаспектную картину пребывания калмыцкого народа на спецпоселении, опираясь только на воспоминания, невозможно. Решить эту задачу можно лишь путем привлечения широкого и разнообразного комплекса источников, в первую очередь, делопроизводственной документации (в том числе органов контроля и надзора за спецпоселенцами), статистических материалов, периодической печати и др., которые, как правило, хранятся в архивах. Однако такие поисковые работы заметно осложняют различные факторы: огромный объем архивных материалов, их разрозненность, малодоступность или даже недоступность части из них. Значительные массивы документов и материалов отложились в архивах Казахстана, Киргизстана и Узбекистана, где также проживали калмыки-спецпоселенцы, и их потенциал, степень доступности и информативности по изучаемой теме являются темами для отдельных исследований. В данной же статье попытаемся оценить потенциал архивов РФ как источников по истории высылки калмыков и их пребывания на спецпоселении.

Согласно основополагающему для современной архивной отрасли документу — «Основам законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах», принятому 7 июля 1993 г., весь архивный фонд страны был разделен на государственную и негосударственную части. При этом государственная часть делилась на: 1) архивные фонды и документы, являющиеся федеральной собственностью; 2) архивные фонды и документы, являющиеся государственной собственностью регионов; 3) архивные фонды и документы, являющиеся муниципальной собственностью. К негосударственной части относились архивные фонды и документы общественных объединений и организаций (включая религиозные), а также находящиеся в частной собственности [[Основы 1993](#)].

Сразу скажем, что вопрос о потенциале и информативной ценности для исследований по указанной теме негосударственной части Архивного фонда РФ мы, ввиду малоизученности этой категории фондохранилищ и отсутствия какой-либо систематизации (каталогов, путеводителей и т. д.), оставим пока открытым и в данной статье рассматривать не будем.

22 октября 2004 г. был принят новый закон № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», который позже несколько раз уточнялся, но принцип разделения государственных архивов на три уровня сохранился [[Федеральный закон 2004](#)].

Формально эти архивы относятся к разным уровням собственности, в реальности все они подотчетны и подконтрольны специализированному федеральному ведомству — Росархиву (с 2016 г. подчиненного напрямую Президенту РФ), работают по единым методическим принципам, что позволяет говорить о единой архивной сети государственных архивов страны. По данным на 2019 г.,

в системе Росархива числилось 16 федеральных архивов, 159 региональных архивов, 330 муниципальных архивов и 2 044 подразделения органов местного самоуправления, выполняющих функции архивов [Артизов 2020: 8].

Следует заметить, что организациями Росархива список государственных архивов не исчерпывается. Помимо вышеуказанных организаций, в стране имеется большое количество ведомственных архивов и иных фондохранилищ, которые также можно разделить на три уровня, согласно иерархии этих ведомств: 1) ведомственные архивы, музей и информационный центр федерального уровня; 2) ведомственные архивы и центры хранения документов регионального уровня; 3) архивы отдельных организаций.

По данным на 1 января 2019 г., только на федеральном уровне 28 органов исполнительной власти и организаций имели право депозитарного хранения документов Архивного фонда [Артизов 2020: 8]. К их числу относятся такие учреждения, как Центральный архив Управления делами Президента РФ (далее — ЦА УДП), Центральный архив Министерства обороны РФ (далее — ЦА МО), Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (далее — ЦА ФСБ), Главный информационный центр МВД РФ (далее — ГИЦ МВД) и т. д. [Цеменкова 2019: 135–136].

Ряд ведомств имеет аналогичные структуры во всех регионах страны: архивы региональных управлений ФСБ, региональные информационные центры МВД и т. д. Наконец, свои архивы с многолетней историей и значимыми для изучаемой темы массивами информации могут иметь и отдельные организации. Например, Управление лесными исправительно-трудовыми учреждениями (далее — УЛИТУ) «Кизелспецлес» (в калмыцкой историографии больше известно под индексом «почтового ящика» ВВ-201) хранит архивные документы Широковского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР, в составе которого в 1944–1945 гг. функционировали 1-й и 2-й строительные батальоны, укомплектованные калмыками, снятыми с фронтов после операции «Улусы» [Широклаг 2000: 4].

Архивы, подведомственные Росархиву, имеют разную степень обеспеченности финансами, кадрами, иными ресурсами, разную материально-техническую базу, в прямой зависимости от уровня своей принадлежности. Очевидно, что архивы федерального уровня, как правило, обеспечиваются лучше всех, затем по степени обеспеченности идут региональные архивы и архивохранилища, в то время как большинство муниципальных архивов и подразделений местных администраций, выполняющих функции архивов, финансируются по остаточному принципу.

В результате чаще всего именно архивы первых двух уровней могут не только успешно исполнять свою основную функцию по хранению архивных фондов и их обработке, но и осуществлять научную деятельность (причем не только в области архивоведения и документоведения), вводить в научный оборот архивные документы (в том числе путем их публикаций), оцифровывать архивные фонды и т. д. В них активнее внедряются современные информационные технологии, позволяющие принимать на хранение электронные документы, улучшать поисковую систему, ускорять выдачу документов или их цифровых копий и др.

Росархив постоянно включает проекты по оцифровке описей в различные государственные программы. Если говорить о проектах последних лет, то в 2017 г. архивы оказались включены в государственную программу «Информационное общество (2011–2020 годы)» [Артизов, Хорхордина 2018: 13], а затем — в «Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.» [Ларин 2018: 31]. Неслучайно, что путеводители по фондам государственных архивов первого уровня и большинства архивов второго уровня оцифрованы и выложены в интернете на различных специализированных сайтах [Архивные справочники; Путеводители; ЦФК].

Оценка федеральных архивов как источников по исследуемой теме

Если говорить об архивах федерального уровня, то материалы по истории ссылки калмыцкого народа и особенностях его жизни на спецпоселении отложились в основном в следующих хранилищах: Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ), Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ), Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ), Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ), Центральный архив Управления делами Президента РФ (ЦА УДП), Центральный архив Министерства обороны (ЦА МО), Центральный архив Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ), Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел (ГИЦ МВД).

ГА РФ был создан в 1992 г. на базе Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее — ЦГАОР) с присоединением к нему Центрального государственного архива РСФСР. Это крупнейший федеральный архив страны, в котором хранятся документы высших органов государственной власти и управления СССР и РФ, включая фонды Верховного Совета СССР, Совета народных комиссаров СССР, Верховного суда и Прокуратуры СССР, ряда наркоматов и министерств (в том числе внутренних дел, юстиции и др.).

Среди них есть ценнейшие источники, например архивный фонд отдела спецпоселений НКВД-МВД СССР. В 1959 г. эта структура (переименованная в 4-й спецотдел МВД СССР) со всеми региональными подразделениями была упразднена, а в 1963 г. архив 4-го спецотдела был передан в ЦГАОР. Позже этот фонд пополнялся другими документами. На момент обращения к электронной описи в составе фонда (получившего в ГА РФ индекс Р-9479) значилось 1 279 ед. хр., значительная часть которых остается засекреченными полностью или частично. Среди рассекреченных документов имеются циркуляры и инструкции НКВД-МВД СССР о порядке переселения спецпоселенцев, их размещении и трудовом использовании, организации надзора за ними, отчеты, сводки, справки о деятельности региональных отделов спецпоселений, докладные записки, справки и текущая статистика о численности спецпоселенцев и сведения о районах их расселения (включая географические карты), материалы переучета и т. д. [Аннотация]. Ценность этого фонда усиливается еще и тем, что часть аналогичных материалов в местных ведомственных архивах оказалась утрачена [Зберовская 2006: 10].

Помимо отдела спецпоселений, в ГА РФ были переданы и другие крупные комплексы архивных документов. Для исследуемой темы, безусловно, может иметь интерес Ф. Р-9401 «НКВД-МВД СССР», включающий директивную документацию руководства НКВД-МВД СССР, переписку с другими наркоматами, сборники приказов и циркуляров, документы оперативного делопроизводства Секретариат НКВД-МВД СССР (так называемые «Особые папки») и т. д.

Еще одним фондом, могущим вызвать интерес наших коллег, является Ф. Р-9414 «Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний (ГУЛАГ) НКВД – МВД СССР», в котором отложился большой комплекс материалов, связанных с отбыванием наказания в местах заключения, в том числе и калмыков, подвергшихся репрессиям по политическим мотивам. Конечно же, определенную ценность могут иметь и документы других фондов ГА РФ, в первую очередь, высших и центральных органов государственного управления и подведомственных им учреждений (Совнарком — Совет Министров СССР, Верховный суд СССР, Прокуратура СССР, наркомат-министерство юстиции и т. д.).

РГАСПИ был создан в 1999 г. путем объединения двух центров хранения документов, образованных на базе бывших центральных партийного архива и архива Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи. Для исследуемой темы среди фондов РГАСПИ большое значение могут иметь документы высших и центральных руководящих органов партии (до 1952 г. включительно) и личные фонды партийных и государственных деятелей (И. В. Сталина, В. М. Молотова и др.). Ценность фондов РГАСПИ еще больше возросла после передачи значительных комплексов документов из Архива Президента РФ в 1993–2011 гг. Среди этих документов имеются протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) за 1943–1952 гг., в том числе «особая папка» и материалы к ним, документы Государственного комитета обороны СССР [РГАСПИ 2004].

Среди этих документов могут содержаться материалы, связанные с принятием решения о высылке калмыков (ведь до сих пор неизвестно, когда точно оно было принято), циркуляры и инструкции о спецпоселенцах, отчетная документация и т. д.

РГАНИ был создан в 1999 г. путем переименования Центра хранения современной документации, образованного в свою очередь в 1991 г. из архивных структур подразделений ЦК КПСС. Для изучаемой темы могут иметь большое значение фонды Политбюро ЦК КПСС (Ф. 3) и Секретариата ЦК КПСС (Ф. 4). Начальные даты этих фондов датируются 1952 г. [История РГАНИ]. В этих фондах могут содержаться материалы о пребывании калмыков на спецпоселении, о постепенном их снятии со спецучета, о восстановлении автономии и возвращении на Родину.

РГАЭ был создан в 1992 г. путем переименования Центрального государственного архива народного хозяйства, образованного в 1961 г. путем выделения фондов промышленности, сельского хозяйства, транспорта и связи из Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства. Этот архив является единственным специализированным хранилищем экономической документации, имеющей важное значение для социально-экономической истории России и СССР. Помимо всего

прочего, там содержатся документы ВСНХ, Госплана, Госбанка, Госкомстата СССР, ряда наркоматов и министерств, государственных комитетов и главков, отвечавших за развитие промышленности, сельского хозяйства и транспорта, различных трестов, синдикатов и иных объединений и т. д. [История РГАЭ]. В этих фондах могут содержаться материалы о перевозках спецпоселенцев, их экономической жизни, оказании им помощи и выдаче ссуд, об их вербовке на различные важные стройки и промышленные объекты и т. п.

ЦА МО, как уже говорилось выше, это ведомственный архив Министерства обороны РФ. Для исследуемой темы здесь важны материалы, связанные со снятием калмыков с фронтов в 1944 г. и их отправкой в Широлаг или Сибирь. Этот процесс имел свои особенности: из каких-то частей калмыков изымали, а из каких-то — нет. Например, из 4-го гв. Кубанского казачьего кавалерийского корпуса, доукомплектованного воинами 110-й Калмыцкой кавдивизии, в Широлаг поступило как минимум 260 калмыков (данные по месту службы перед отправкой в тыл сохранились не у всех), а из 5-го гв. Донского казачьего кавалерийского корпуса — всего 7 [Очиров 2019: 33], причем из Донского корпуса калмыки поступали в разное время (видимо, это были раненые из госпиталей или отпускники). Важно отметить, что ряд калмыков в составе 5-го гв. кавкорпуса в 1944–1945 гг. были отмечены высокими боевыми наградами, в то время как в 4-м гв. кавкорпусе калмыков, награжденных за этот же период, нет [Очиров 2019: 29]. Очевидно, что 4-й гв. Кубанский корпус направил в Широлаг всех калмыков, которые служили в его составе, а калмыки 5-го гв. Донского корпуса в лагерь попали случайно. Аналогичную историю мы можем наблюдать с 1568-м и 1569-м зенитно-артиллерийскими полками, которые одновременно комплектовались за счет девушек-добровольцев из Калмыкии. Из 1568-го полка в Широлаг были направлены все калмычки, а из 1569-го — ни одной.

ЦА УДП (ранее Архив Президента РФ) также содержал большое количество документов, связанных с высшими органами власти (Политбюро ЦК ВКП(б), Государственный комитет обороны, личные архивы И. В. Сталина, В. М. Молотова и др.), но, как уже говорилось выше, в 1990-е гг. большая часть этих коллекций была передана в РГАСПИ. Это хранилище относится к числу наиболее закрытых, поэтому сделать оценку фондов, сохранившихся в его составе, довольно сложно.

ЦА ФСБ и ГИЦ МВД как правопреемники архивохранилищ силовых ведомств (соответственно НКГБ-МГБ СССР и НКВД-МВД СССР), непосредственно осуществлявших работу по выселению калмыцкого народа и по надзору за ним в местах спецпоселений, хранят огромный массив документации по изучаемой теме. К сожалению, ведомственные архивы в своей деятельности больше руководствуются служебными инструкциями своего начальства, нежели методическими рекомендациями Росархива. Поэтому исследователи не всегда могут получить доступ к фондам по интересующей нас теме. Если в 1990-е гг. ученые еще имели доступ для работы в эти хранилища, то в начале XXI в. круг возможностей начал заметно сужаться.

Тем не менее огромный массив материалов, хранящийся в ГА РФ и РГАСПИ, дает широкое поле для исследований. Почти все исследователи конца XX — начала XXI в., которые перечислялись в обзоре литературы в первой части

статьи, свои исследования осуществляли с опорой на материалы именно этих двух архивов. Однако в истории выселения калмыцкого народа остается еще немало нерешенных вопросов. Например, до сих пор неясно, как, когда и где проходил процесс принятия решения о выселении калмыков. Совершенно непонятно, почему И. В. Сталин принял такое решение, хотя бандитизм на территории региона к началу августа был ликвидирован полностью, а сама Калмыкия, несмотря на разруху после частичной оккупации, успешно выполняла плановые показатели по поставкам продовольствия, подпискам на военные займы и сборам средств на иные оборонные нужды и т. д. [Максимов 2010]. Очевидно, что ответы на эти вопросы еще таятся в глубинах архивов, в том числе и в еще засекреченных документах.

Оценка архивов Сибири регионального уровня как источников по исследуемой теме

Как уже упоминалось в первой части статьи, калмыки во время выселения в Сибирь (1943–1957 гг.) были расселены на территории Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской и Омской области, а также Свердловской области. Кроме того, в исследуемый период из некоторых регионов выделились Томская и Тюменская области, а также осуществлялась массовая вербовка спецпоселенцев на Сахалин. Таким образом, сведения о жизнедеятельности и смерти калмыцких спецпоселенцев можно найти в архивах и хранилищах указанных восьми регионов. Как и на федеральном уровне, эти хранилища можно разделить на две группы. В первую группу мы включили государственные региональные и муниципальные архивы, а также подразделения органов местного самоуправления, выполняющих функции архивов, подчиненные Росархиву. Во вторую группу — ведомственные архивохранилища, в основном это архивы региональных управлений ФСБ и региональные информационные центры МВД, имеющиеся во всех регионах страны и ведущие работу по своим ведомственным инструкциям. Проанализируем эти группы по отдельности.

Архивы первой группы руководствуются в своей деятельности регламентами и инструкциями Росархива. Они более открыты для исследователей, все основные вопросы их взаимоотношений уже проработаны и регламентированы, мало чем отличаются друг от друга в разных регионах, хотя, конечно, местная специфика имеет влияние на некоторые вопросы ведения архивного дела. Как уже писалось выше, региональные архивы намного лучше (чем хранилища муниципального уровня) обеспечиваются ресурсами, кадрами, имеют более мощную материально-техническую базу. Ряд региональных архивов ведут активную работу по вводу в оборот своих материалов. Путеводители и описи большинства региональных архивов оцифрованы, и к ним есть доступ, что позволило сделать первичную оценку потенциала этих хранилищ как источников для изучаемой темы.

Во всех регионах документация региональных органов власти и управления, как правило, еще с советских годов концентрировалась в центральных региональных архивах. Ныне эти архивы именуется, как правило, «Государственный архив (такого-то региона)». Исключениями являются Государственный архив Омской области, переименованный в 2008 г. после объединения с

бывшим партийным архивом в Исторический архив Омской области [История ИА ОО], и Государственный архив Сахалинской области, переименованный в 2010 г. после выделения регионального госархива документов по личному составу в Государственный исторический архив Сахалинской области [История ГИА СО].

В Алтайском и Красноярском краях, Новосибирской области существует по одному региональному архиву (центр по экспертизе и обработке документов мы здесь не учитываем, поскольку он не выполняет функции хранения документов советского периода). В Омской области, помимо государственного архива, есть филиал в г. Таре, в котором сконцентрированы материалы советского периода по 7 близлежащим районам [Филиал БУ Иса].

В Сахалинской области, как уже писали выше, помимо Государственного исторического архива, есть Государственный архив документов по личному составу Сахалинской области. В Томской области, помимо государственного архива, функционирует Центр документации новейшей истории Томской области, созданный на базе бывшего партийного архива [Об архиве ЦДНИ ТО].

В Тюменской области, помимо трех региональных госархивов (с учетом двух окружных), также функционируют Государственный архив социально-политической истории Тюменской области, созданный в 2005 г. путем слияния бывшего партийного архива и регионального государственного архива документов по личному составу [Об архиве ГА СПИ ТО 2015], и старейший архив региона — Государственный архив в г. Тобольске. Последний, помимо богатейшей коллекции исторических документов дореволюционного периода, содержит в себе документацию советских органов власти Тобольского округа и уезда, а также пяти близлежащих районов [Об архиве ГА Т].

Самое большое количество региональных архивов находится в Свердловской области, на что, несомненно, повлияло положение Екатеринбурга как неофициальной столицы Урала. Помимо регионального государственного архива, там функционируют: два самостоятельных архива, преобразованные из его филиалов (Государственные архивы в г. Ирбит и г. Красноуфимск); Государственный архив документов по личному составу Свердловской области; Центр документации общественных организаций Свердловской области, созданный в 1991 г. на базе партийного архива. Еще один архив является уникальным для нашей страны — это Государственный архив административных органов Свердловской области (далее — ГААО СО), в котором хранится огромный массив следственных дел на граждан, подвергшихся политическим репрессиям в 1920–1960-е гг., переданный из регионального архива КГБ в 1992 г., а также различные документы органов МВД, прокуратуры, военкоматов, таможни и судебных органов [Об архиве ГААО СО]. Наконец, седьмым государственным архивом региона является Центр микрографии и реставрации архивных документов Свердловской области, который, помимо всего прочего, осуществляет оцифровку фондов и описей других архивов и осуществляет хранение страхового фонда документации Свердловской области.

К сожалению, объем статьи не позволяет представить даже краткий анализ каждого архива как источника по исследуемой теме, но определенные обобщения сделать можно. В указанных региональных архивах хранится огром-

ный массив делопроизводственной документации местных органов власти и управления, включая партийные. Их полнота, информативность и ценность для исследуемой темы в разных регионах различаются, но в целом можно сказать, что они включают в себя материалы региональных комитетов ВКП(б), региональных (а в некоторых случаях городских) исполкомов, их переписки с органами государственной безопасности и внутренних дел, структурами по управлению различными отраслями экономики региона и районными властями по проблемам спецпоселенцев, документы бюро комиссий по депортации. В ряде архивов есть фонды документов органов государственной безопасности, в которых имеются документы о наличии депортированного контингента и его распределении по районам региона, о трудовом и жилищно-бытовом положении спецпоселенцев, статистические данные об их заболеваемости и смертности, сведения об их настроениях, о снятии правовых ограничений и реабилитации депортированных калмыков. Помимо делопроизводственной документации, в архивах имеется большой объем статистической информации, а также есть коллекции периодической печати, хорошо передающей «дух времени».

Указанный круг источников позволяет создать представление о том, как в разных регионах протекали процессы подготовки, приема и размещения депортированных, географию их расселения в различные исторические периоды, проблемы их трудового и бытового устройства, вопросы их обеспечения денежными и продовольственными ссудами, выдачами скота, массово-политической работы среди калмыков, позволяют выявить различные статистические данные о количестве, социальном и гендерном составе, смертности спецпоселенцев. Следует понимать, что реальные условия жизни депортированных часто отличались от принятых юридических норм. Документы региональных архивов показывают более реальную картину на местах, чем отраженную в рапортах в центральные органы власти, и свидетельствуют о крайне тяжелом положении калмыков, о халатном отношении к ним со стороны местных органов власти.

К сожалению, в разных регионах и даже в разных районах одного региона документация могла вестись разными темпами и с разной степенью исполнительности и аккуратности. Если тот или иной процесс не осуществлялся централизованно и под контролем единого органа, то он отражался в архивах по-разному и не всегда полно. В каких-то случаях статистика по тому или иному вопросу в разных регионах могла быть годовой, квартальной, а то и вовсе среднесписочной. Немалые сложности для ученых представляют многочисленные административные реформы послевоенного периода, когда возникали и упразднялись новые регионы, субрегионы, менялось их административно-территориальное деление, переименовывались населенные пункты и т. д.

Вторую группу региональных архивохранилищ составляют ведомственные архивы региональных управлений ФСБ и региональные информационные центры МВД, которые есть во всех исследуемых регионах. Гипотетически для их нынешней оперативной деятельности искомые нами материалы не представляют никакой ни теоретической, ни практической ценности. Пример передачи таких документов из архива КГБ Свердловской области в ГААО СО тому яркое свидетельство. Однако ведомственные инструкции и сложившиеся традиции предъявляют к документам о калмыках-спецпоселенцах такие же требования,

как и к материалам, которые, действительно, следует хранить на особых условиях. При этом во многих ведомственных архивах и информационных центрах МВД хранение организовано не в хронологическом или тематическом порядке, а в именном, причем карточки спецпереселенцев хранятся вместе с карточками лиц, совершивших политические и уголовные преступления. В некоторых из них отсутствует именной указатель, в силу чего исследователю необходимо «сплошняком» проверить все карточки, которые хранятся в том или ином архиве, чтобы выявить нужный материал. В тех организациях, где именной указатель имеется, есть свои трудности. Калмыцкие фамилии могут быть занесены с искажениями, не говоря уже о том, что среди калмыков часто встречаются фамилии, образованные от русских имен (Иванов, Петрушкин, Федоров и т. д.). Поэтому выявление карточек по таким указателям также может привести к созданию фрагментарной и недостоверной картины.

Характерно, что разные региональные архивы и информационные центры, принадлежащие к одному ведомству, предъявляют разные требования к допуску исследователя. Приведем для примера результаты переписки одного из авторов — директора КалмНЦ РАН с Информационными центрами МВД сибирских регионов.

Например, ИЦ МВД по Новосибирской области, сообщив о наличии 12 453 личных учетных контрольно-наблюдательных дел на калмыков-спецпоселенцев, ссылаясь на соответствующие законы, ведомственные инструкции и приказы, согласился допустить к ним лишь родственников реабилитированных, их наследников или представителей (причем только к делу конкретного лица, которого они представляют), а также представителей органов государственной власти и работников архивов. Также был разрешен доступ иным лицам (до истечения 75-летнего срока) при условии письменного согласия реабилитированного или его наследников. Как видно, ученых в этом списке нет, и получить доступ к делам они смогут лишь при наличии согласий более чем 12 тыс. реабилитированных калмыков-спецпоселенцев или их наследников [НА КалмНЦ РАН. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1. Л. 6–7]. При этом списков искомых лиц нет, и как искать родственников для получения их согласия, не понятно.

Практически то же самое написал ИЦ МВД по Красноярскому краю, указав на имеющиеся 12 872 личных дела калмыков-спецпоселенцев и сообщив о наличии более чем 16 тыс. калмыков-спецпоселенцев на 1 января 1952 г. К письму прилагался ценнейший документ — справка о дислокации калмыков-спецпоселенцев по населенным пунктам края по данным на 1 января 1952 г. [НА КалмНЦ РАН. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1. Л. 13–30].

ИЦ МВД по Алтайскому краю также сообщил, что допустит ученых к уголовным и административным делам реабилитированных калмыков при условии наличия согласия спецпоселенца или его наследников. При этом он разрешил допуск ученым к таким делам, по которым истек 75-летний срок, при принятии обязательств директором научного учреждения или его самим сотрудником не разглашать сведения о личной жизни граждан. Но поскольку 75-летний срок не истек, то в реальности ученые могут получить доступ только к автоматизированной базе данных «Спецпоселенцы», а также к районным спискам на принятые дела калмыков-спецпоселенцев [НА КалмНЦ РАН. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1. Л. 8–9].

ИЦ МВД по Тюменской области, сообщив о наличии 8 037 дел калмыков-спецпоселенцев, также сослался на те же законы и инструкции, но указал, что УМВД по Тюменской области реабилитировало лишь 139 калмыков, поэтому к оставшимся делам доступ запрещен. Однако согласился представить поименный список калмыков-спецпоселенцев [НА КалмНЦ РАН. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1. Л. 3–4].

ИЦ МВД по Омской области сообщил, что имеет 6 029 личных дел калмыков-спецпоселенцев, и также указал на 75-летний запрет на допуск к таким делам. При этом он подчеркнул, что в его архивных фондах есть книги учета спецпоселенцев региона (1948–1950 гг.), содержащие списки таковых (в том числе калмыков), с указанием даты и места рождения, национальности, партийности, места жительства и работы до переселения, квалификации и места работы на спецпоселении, а также статистические отчеты и сведения о хозяйственно-трудовом устройстве калмыков-спецпоселенцев, проверке их жилищно-бытовых условий и трудоустройству и др. Эти документы центр может предоставить для работы научным сотрудникам, однако они имеют ограничительные грифы. Впрочем, в центре были готовы снять эти грифы при условии, что их оповестят о командировке ученых заблаговременно [НА КалмНЦ РАН. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1. Л. 10–12].

ИЦ МВД по Кемеровской области готов был допустить научных сотрудников при наличии (помимо отношения от организации) допуска к государственной тайне по форме не ниже 3-й [НА КалмНЦ РАН. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1. Л. 2]. Для научно-исторической работы такие требования являются нонсенсом, поскольку допуск к государственной тайне по любой из трех форм прямо запрещает использовать полученную таким образом информацию в научной (или любой иной публичной) деятельности. Поэтому полученные данные просто оседают в личном архиве исследователя без какой-либо возможности использования как бесполезный груз.

ИЦ МВД по Томской области согласился допустить научных сотрудников «в установленном порядке» (без расшифровки этого порядка) при условии предварительного согласования [НА КалмНЦ РАН. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1. Л. 1].

Как видно, фонды ведомственных архивов сибирских регионов имеют богатейший материал по исследуемой теме, но в большинстве случаев ограничивают доступ к ним под разными предлогами.

Оценка архивов Сибири муниципального уровня как источников по исследуемой теме

Что касается архивов и архивохранилищ сибирских регионов муниципального уровня как источников по теме, то, к сожалению, первичную оценку сейчас сделать крайне сложно по нескольким причинам.

Первой причиной является массовость, разрозненность и разноплановость огромного объема материалов. Всего в указанных 8 регионах имеется 21 архив регионального уровня и 336 муниципальных архивов и подразделений органов местного самоуправления, выполняющих функции архивов. Последние могут быть самостоятельными подразделениями (секторами, отделами, комитетами, архивами) в составе администрации города или района, либо входить в состав подразделения, вплоть до того, что функцию архива может выполнять один

сотрудник (как, например, в Новоселовском и Партизанском районах Красноярского края или Верхнесалдинском, Камышловском и Режевском районах Свердловской области). В некоторых регионах или районах может быть несколько архивов и хранилищ. Общее количество региональных и муниципальных архивов и хранилищ и их распределение в указанных регионах приведены в таблице 6 (нумерация таблиц в обеих частях статьи единая).

Таблица 6. Количество региональных и муниципальных архивов и архивохранилищ в 8 сибирских регионах, в которых проживали калмыки-спецпоселенцы в 1944–1957 гг.

[Органы управления]

[Table 6. Regional and municipal archives and depositories in 8 regions of Siberia repressed Kalmyks were deported to from 1944 to 1957]

Название региона	Региональные архивы	Муниципальные архивы	Самостоятельные подразделения муниципальных палитетов	В составе других подразделений
Алтайский край	1	0	68	1
Красноярский край	1	27	13	17
Новосибирская область	1	2	33	2
Омская область	2	1	27	5
Сахалинская область	2	5	8	5
Свердловская область	7	32	30	13
Томская область	2	1	19	0
Тюменская область (с учетом ХМАО и ЯНАО)	5	1	23	3
Всего	21	69	221	46

Изучение такого огромного количества муниципальных архивов и подразделений органов местного самоуправления, выполняющих функции архивов, требует титанического количества человеко-часов (т. е. привлечения большого количества сотрудников, которым придется затратить значительный объем времени). Следует также понимать, что муниципальными архивами и подразделениями органов местного самоуправления, выполняющими функции архивов, список архивов муниципального уровня не исчерпывается. Свои архивы имеют отдельные села, совхозы, предприятия и т. д. Конечно, как правило, они не имеют права держать у себя документы вечного хранения и обязаны передавать их в вышестоящие архивы. Однако в них могут находиться документы по личному составу, хозяйственные книги, записи нотариальных действий и т. д., которые могут храниться ограниченный срок времени.

Второй причиной невозможности оценки архивов и архивохранилищ муниципального уровня 8 сибирских регионов является низкая степень их систематизации и цифровизации. Как уже говорилось, многие муниципальные архивы и архивохранилища финансируются на низком уровне, а то и вовсе по остаточному принципу. Поэтому они в значительной степени не только не оцифрованы, но и не имеют путеводителей. Лишь часть описей муниципальных архивов включена в Центральный фондový каталог. Весь информационный массив этих хранилищ разбросан на огромных пространствах и не систематизирован. Не все хранилища (особенно в сельских районах) имеют специализированные

здания или помещения, отвечающие всем требованиям, кадры с профильным образованием, поэтому муниципальные архивы не всегда имеют возможность квалифицированно исполнять функцию хранения.

Одному из авторов информант, родившийся в Сибири, рассказывал, что при недавнем посещении места своего спецпоселения он зашел в архивное подразделение местного самоуправления и запросил похозяйственные книги, пытаясь найти сведения о своей семье, родственниках и земляках. В тесном и непригодном помещении значительная часть дел вынужденно хранилась на подоконниках и на полу. Когда информант нашел необходимые ему похозяйственные книги, местный специалист предложил бывшему спецпоселенцу забрать их к себе домой, поскольку этими документами больше никто не интересовался десятилетиями. Мало того, ввиду поступления значительного объема новой документации возможности для хранения документов все больше ухудшались, поэтому в администрации в тот период обсуждался вопрос о списании части старой документации, которой никто не интересовался десятилетиями [ПМА 2018: Б. В. М.]. К сожалению, информант не указал ни название села, ни статус архивного подразделения.

В этой истории отразилась еще одна системная проблема, которая может серьезно затруднить работу будущим исследователям истории калмыцкого народа на спецпоселении. Согласно ст. 22 Закона № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» было введено понятие временного хранения архивных документов и определены сроки для разных категорий документов от 3 до 100 лет. Для документов по личному составу, записей нотариальных действий, хозяйственным книгам установлен срок хранения 75 лет (в редакциях федеральных законов от 2 марта 2016 г. № 43-ФЗ и от 18 июня 2017 г. № 127-ФЗ) [Федеральный закон 2004].

Таким образом, для архивных дел этой категории по интересующей нас теме и завершенных в 1944–1946 гг. срок хранения истек. В течение десятилетия истечет срок хранения и по остальным делам, завершенным в 1947–1956 гг. По истечении срока хранения указанные дела подлежат экспертизе ценности документа и могут быть утилизированы. Подобного рода экспертизы, особенно в архивах и хранилищах муниципального уровня, как и все, что совершается людьми, в определенной степени субъективны. В ряде случаев эксперты оценивают ценность документа по его востребованности. Понятно, что среди местных жителей документы о жизни спецпоселенцев в Сибири вызывают интерес лишь у небольшой группы ученых и краеведов. Для жителей Калмыкии эти документы, которые могут быть интересны, в силу удаленности и разрозненности мало доступны, особенно в современной экономической ситуации. Поэтому такие документы могут храниться невостребованными по несколько десятилетий и при экспертизе получить низкую оценку.

Отношение местных специалистов к документации на калмыков-спецпоселенцев можно проиллюстрировать и историей с картотекой калмыков-широклаговцев. В июне 1991 г. по поручению Верховного Совета Калмыцкой ССР группа сотрудников КГБ, МВД, Прокуратуры и Центрального государственного архива Калмыцкой ССР (далее — ЦГА КССР) выехала в г. Кизел для поиска документов о калмыках-широклаговцах и обнаружила, что архивные дела «про-

падают в подвальном помещении, затопленным водой. Тексты в отсыревших, разбухших делах мы читали с трудом. Пришлось от руки переписывать все виды карточек» (цит. по: [Тапкина 2019: 187]).

Поисковая группа тогда от руки переписала 3 336 сохранившихся учетно-статистических и личных карточек широклаговцев и сдала эти сведения в ЦГА КССР (ныне Национальный архив Республики Калмыкия). Однако опасения за судьбу этих документов вынудили тогдашнего руководителя Архивного управления при Совете Министров Калмыцкой ССР А. О. Тапкину обратиться к министру МВД РСФСР А. Ф. Дунаеву (которому тогда подчинялась система исполнения наказаний) с просьбой о передаче документов о калмыках-широклаговцах из архива учреждения ВВ-201 в ЦГА КССР. Министр МВД пошел навстречу, но решил проблему в рамках своего ведомства: требуемые документы в 1993 г. были переданы из Кизеловского УЛИТУ в Информационный центр МВД Республики Калмыкия [Тапкина 2019: 190–192]. Благодаря этому указанный массив документов был сохранен и стал более доступным для исследователей из Калмыкии. Однако работа с документами в ведомственном архивохранилище имеет свою специфику. Например, допуск ученых к этой картотеке осуществляется по решению министра МВД Республики Калмыкия, и они не всегда могут получить допуск, хотя эта документация является рассекреченной.

Следует заметить, что здесь речь идет лишь о некоторых категориях дел, которые могут быть утрачены. Однако список таких категорий и их объем в общем массиве информации заметно шире. После развала Советского Союза вновь созданный Росархив осуществил инвентаризацию и пришел к выводу, что на 1992 г. в текущих архивах ведомств и организаций скопилось 95 млн дел, из которых лишь 40 % представляли исторический интерес и подлежали вечному хранению [Козлов 2009: 51]. Во многих региональных архивах материалами о спецпереселенцах практически никто не интересуется, и в глазах местных работников такие коллекции имеют низкую ценность. В условиях перегруженности и нехватки места для хранения фондов, характерных для абсолютного большинства муниципальных архивов возникает соблазн провести активирование и уничтожение таких материалов. В результате история ссылки калмыцкого народа может стать исчезнувшей, потерянной навеки.

Заключение

Подводя итог исследованию, мы можем прийти к выводу, что Архивный фонд РФ содержит огромный пласт материалов по истории выселения калмыцкого народа в Сибирь и его проживанию на спецпоселении. И если материалы архивов федерального уровня в той или иной степени вводились и вводятся в научный оборот, то значительный массив информации региональных и муниципальных архивов остается для исследователей из Калмыкии малоизученным. Конечно, ряд организаций (в первую очередь, из числа подведомственных Росархиву) пытается вводить в оборот имеющиеся у них материалы. В некоторых архивах создаются электронные каталоги и путеводители, публикуются некоторые материалы, осуществляется их оцифровка, но вся эта работа в разных организациях ведется по разным принципам и разными темпами. С точки зрения решения нашей проблемы фактически бессистемно. С удаленного доступа работа по этой теме даже в тех архивах, которые больше других продвинулись

в оцифровке своих материалов, фактически невозможна. По расширенному поиску электронных каталогов государственных архивов по ключевому слову можно обнаружить только те документы, которые в своем названии содержат определенное слово (например, «калмык», «калмыцкий», «спецпереселенец» и т. д.), но «пролистать» можно буквально единицы. Даже если в интернете имеется оцифрованное описание фонда, как правило, описи дел нет.

Таким образом, работу по этой теме можно осуществить только путем командирования научных сотрудников во все указанные архивы, что требует привлечения значительного количества кадров, времени и финансовых средств.

Источники

- Архивные справочники — Архивные справочники [электронный ресурс] // Отраслевой портал «Архивы России». URL: <http://portal.rusarchives.ru/guide/index.shtml> (дата обращения: 13.09.2021).
- Аннотация — Аннотация. Фонд Р-9479 (4-й спецотдел МВД СССР) [электронный ресурс] // Государственный архив РФ. Перечень фондов. URL: <http://opisi.garf.su/default.asp?base=garf&menu=2&v=3&node=388&fond=1017&opis=&cf=815441> (дата обращения: 14.09.2021).
- Во глубине 2013 — Во глубине сибирских руд... Воспоминания и статьи (1943–1957) / ред.-сост.: Ю. О. Оглаев, Р. Г. Саряева. Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2013. 720 с.
- Забвению не подлежит 2014 — Забвению не подлежит / сост. И. В. Лиджиева, К. Э. Манцева. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 163 с.
- История ГИА СО — История архива [электронный ресурс] // Государственный исторический архив Сахалинской области. Об архиве. URL: <https://giaso.ru/ob-arkhive/history.html> (дата обращения: 17.09.2021).
- История ИА ОО — История архива [электронный ресурс] // Исторический архив Омской области. Об архиве. URL: <https://iaoo.ru/page/istoriya-arkhiva> (дата обращения: 16.09.2021).
- История РГАНИ — История архива [электронный ресурс] // Российский государственный архив новейшей истории. URL: <http://ргани.рф/ob-arkhive/history.shtml> (дата обращения: 15.09.2021).
- История РГАЭ — История архива [электронный ресурс] // Российский государственный архив экономики. Об архиве. URL: <http://rgae.ru/arkhiv-rgae/istoriya-arkhiva.shtml> (дата обращения: 15.09.2021).
- Калмыки 2019 — Калмыки. Депортация. Возвращение: к 75-летию депортации калмыцкого народа / сост. С. Э. Лиджи-Горяева и др. Элиста: ИКИАТ, 2014. 519 с.
- Мы — из высланных 2003 — Мы — из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.) / сост. и ред. П. О. Годаев. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 464 с.
- НА КалмНЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра РАН.
- Об архиве ГАОО СО — Об архиве [электронный ресурс] // Государственный архив административных органов Свердловской области. URL: https://gaaoco.pf/?page_id=52 (дата обращения: 17.09.2021).
- Об архиве ГА Т — Об архиве [электронный ресурс] // Государственный архив в г. Тобольске. Управление по делам архивов Тюменской области. URL: <http://archiv.72to.ru/index.php/ga-tobolsk/tobolsk-ob-arkhive> (дата обращения: 17.09.2021).
- Об архиве ГА СПИ ТО 2015 — Об архиве [электронный ресурс] // Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Управление по делам архивов Тюменской области. 2015. URL: <http://archiv.72to.ru/index.php/gosudarstvennyj-arkhiv-sotsialno-politicheskoy-istorii-tyumenskoj-oblasti/ob-arkhive> (дата обращения: 16.09.2021).

- Об архиве ЦДНИ ТО — Об архиве [электронный ресурс] // Центр документации новейшей истории Томской области. URL: <https://cdnito.tomsk.ru/главная/историческая-справка/?ysclid=141b5cqozo857826887> (дата обращения: 16.09.2021).
- Органы управления — Органы управления архивным делом и архивы субъектов Российской Федерации [электронный ресурс] // Портал «Архивы России». Федеральное архивное агентство. URL: <https://rusarchives.ru/state/list> (дата обращения: 13.09.2021).
- Основы 1993 — Основы законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах [электронный ресурс] // Федеральное архивное агентство. Документы. Утратившие силу. URL: <https://archives.gov.ru/documents/fz/zakon-fz-1993.shtml> (дата обращения: 13.09.2021).
- Путеводители — Путеводители по российским архивам [электронный ресурс] // Проект Росархива и East View. URL: http://guides.eastview.com/browse/browse.html?jsessionid=abc7G0sUEsT8_G1Msrey (дата обращения: 13.09.2021).
- РГАСПИ 2004 — Российский государственный архив социально-политической истории: краткий справочник. Справочно-информационные материалы к документальным и музейным фондам РГАСПИ / ред.: Ю. Н. Амиантов, К. М. Андерсон (отв. ред.), О. В. Наумов, З. Н. Тихонова. М.: РОССПЭН, 2004. Вып. 3. 352 с. [электронный ресурс] // Путеводители по российским архивам. URL: <https://guides.rusarchives.ru/guides/29/17/rgaspi-3-2004> (дата обращения: 15.09.2021).
- Федеральный закон 2004 — Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» [электронный ресурс] // Федеральное архивное агентство. Документы. Федеральные законы. URL: <https://archives.gov.ru/documents/fz/zakon-archivnoe-delo.shtml> (дата обращения: 13.09.2021).
- Филиал БУ Иса — Филиал БУ Иса в г. Таре [электронный ресурс] // Исторический архив Омской области. Об архиве. Структура. URL: <https://iaoo.ru/page/filial-bu-isa-v-g-tare?ysclid=141axbz8w989367975> (дата обращения: 17.09.2021).
- ЦФК — Центральный фондовый каталог [электронный ресурс] // Архивный фонд РФ. URL: <https://cfc.rusarchives.ru/CFC-search/> (дата обращения: 13.09.2021).
- Широклаг 2000 — Широклаг. Широкстрой: Списки калмыков-военнослужащих рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг. (Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 3. Кн. 1) / сост. А. Б. Баирова, Т. Ч. Бембеева, С. Э. Лиджи-Горяева, Р. В. Неяченко. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 294 с.

Sources

- About the Archive. On: Archival Affairs Department of Tyumen Oblast (website). State Archive in Tobolsk. Available at: <http://archiv.72to.ru/index.php/ga-tobolsk/tobolsk-ob-arkhiv> (accessed: September 17, 2021). (In Russ.)
- About the Archive. On: Archival Affairs Department of Tyumen Oblast (website). State Archive for Sociopolitical History of Tyumen Oblast. 2015. Available at: <http://archiv.72to.ru/index.php/gosudarstvennyj-arkhiv-sotsialno-politicheskoy-istorii-tyumenskoj-oblasti/ob-arkhiv> (accessed: September 16, 2021). (In Russ.)
- About the Archive. On: Documentation Center for Contemporary History of Tomsk Oblast (website). Available at: <https://cdnito.tomsk.ru/glavnaya/istoricheskaya-spravka/?ysclid=141b5cqozo857826887> (accessed: September 16, 2021). (In Russ.)
- About the Archive. On: State Archive of Administrative Authorities of Sverdlovsk Oblast (website). Available at: https://gaoso.rf/?page_id=52 (accessed: September 17, 2021). (In Russ.)
- Anderson K. M. et al. (eds.) Russian State Archive of Socio-Political History: A Brief Guide. Reference Information Materials to Documentary and Museum Collections of the Archive. Moscow: ROSSPEN, 2004. Vol. 3. 352 p. On: Guides to Russia's Archives. Available at: <https://guides.rusarchives.ru/guides/29/17/rgaspi-3-2004> (accessed: September 15, 2021). (In Russ.)

- Annotation of Collection P-9479 (USSR Ministry of Internal Affairs, Special Department 4). On: State Archive of the Russian Federation (website). List of Collections. Available at: <http://opisi.garf.su/default.asp?base=garf&menu=2&v=3&node=388&fond=1017&opis=&cf=815441> (accessed: September 14, 2021). (In Russ.)
- Archival affairs administrative authorities and archives of Russia's federal subjects. On: Russian Archives web portal. Federal Archival Agency of Russia. Available at: <https://rusarchives.ru/state/list> (accessed: September 13, 2021). (In Russ.)
- Bairova A. B. et al. (comps.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 3. Book 1: Shirokstroy. Shiroklag. Name lists of Kalmyk soldiers and non-commissioned officers withdrawn from front line combat service in 1944–1945. Elista: Kalmykia Book Publ., 2000. 294 p. (In Russ.)
- Branch of the Archive in Tara. On: Historical Archive of Omsk Oblast (website). About the Archive. Structure. Available at: <https://iaoo.ru/page/filial-bu-isa-v-g-tare?ysclid=14lax-bz8w989367975> (accessed: September 17, 2021). (In Russ.)
- Central Catalogue of Collections. On: National Archives of the Russian Federation. Available at: <https://cfc.rusarchives.ru/CFC-search/> (accessed: September 13, 2021). (In Russ.)
- Federal Law of 22 October 2004 no. 125-ФЗ on Archival Affairs in the Russian Federation. On: Federal Archival Agency (website). Documents. Federal Laws. Available at: <https://archives.gov.ru/documents/fz/zakon-archivnoe-delo.shtml> (accessed: September 13, 2021). (In Russ.)
- Finding Aids. On: Russian Archives web portal. Available at: <http://portal.rusarchives.ru/guide/index.shtml> (accessed: September 13, 2021). (In Russ.)
- Fundamental Legislative Principles Relating to National Archives of the Russian Federation. On: Federal Archival Agency of Russia (website). Documents. Repealed [Regulations]. Available at: <https://archives.gov.ru/documents/fz/zakon-fz-1993.shtml> (accessed: September 13, 2021). (In Russ.)
- Godaev P. O. (comp., ed.) We Are the Forever Deported: Memoirs of Repressed Kalmyks, 1943–1957. Elista: Dzhangar, 2003. 464 p. (In Russ.)
- Guides to Russia's Archives. On: Project by Federal Archival Agency of Russia and East View (website). Available at: http://guides.eastview.com/browse/browse.html;jsessionid=abc-7GOsUEsT8_-G1Msrey (accessed: September 13, 2021). (In Russ.)
- History of the Archive. On: Historical Archive of Omsk Oblast (website). About the Archive. Available at: <https://iaoo.ru/page/istoriya-arhiva> (accessed: September 16, 2021). (In Russ.)
- History of the Archive. On: Russian State Archive of Contemporary History (website). Available at: <http://rgani.rf/ob-arkhive/history.shtml> (accessed: September 15, 2021). (In Russ.)
- History of the Archive. On: Russian State Archive of the Economy (website). About the Archive. Available at: <http://rgae.ru/arkhiv-rgae/istoriya-arkhiva.shtml> (accessed: September 15, 2021). (In Russ.)
- History of the Archive. On: State Historical Archive of Sakhalin Oblast (website). About the Archive. Available at: <https://giaso.ru/ob-arkhive/history.html> (accessed: September 17, 2021). (In Russ.)
- Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. (In Russ.)
- Lidzhieva I. V., Mantseva K. E. Never Be Forgotten. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2014. 163 p. (In Russ.)
- Lidzhi-Goryaeva S. E. et al. (comps.) Kalmyks. Deportation. Return: Towards the 75th Anniversary of Kalmyk Deportation. Elista: IKIAT, 2014. 519 p. (In Russ.)
- Oglaev Yu. O., Saryaeva R. G. (comps., eds.) 'Deep in Siberian Mines': Collected Memoirs and Articles, 1943–1957. Elista: Dzhangar, 2013. 720 p. (In Russ.)

Полевой материал

ПМА 2018 — Полевые материалы автора В. В. Кукановой. Информант Б. В. М., мужчина, 1951 г. рождения. Запись сделана в г. Элисте в 2018 г.

Author's Field Data

Informant: M. I. N., b.1951, male, ethnic Kalmyk. Rec. by V. V. Kukanova in Elista (Russia), 2018. (In Russ.)

Литература

- Артизов 2020 — *Артизов А. Н.* Архивы в России: настоящее и будущее // Архивы славянских стран в эпоху цифровой трансформации. Сборник докладов и сообщений 10-й Конференции архивов славянских стран. М.: РосНОУ, 2020. С. 8–14.
- Артизов, Хорхордина 2018 — *Артизов А. Н., Хорхордина Т. И.* Архивы на службе человеку, обществу и государству // 100 раритетов российской государственности: к 100-летию Государственной архивной службы России: каталог выставки. М.: РОССПЭН, 2018. С. 8–14.
- Зберовская 2006 — *Зберовская Е. Л.* Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940–1950-е гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006. 22 с.
- Козлов 2009 — *Козлов В. П.* Бог сохранял архивы России. Челябинск: Книга, 2009. 543 с.
- Ларин 2018 — *Ларин М. В.* Актуальные вопросы развития и совершенствования архивного законодательства // Отечественные архивы. 2018. № 2. С. 30–38.
- Максимов 2010 — *Максимов К. Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Наука, 2010. 406 с.
- Очиров 2019 — *Очиров У. Б.* Воины 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии в Широклаге: статистическое исследование // *Magna adurgit: historia studiorum*. 2019. № 1. С. 23–36.
- Тапкина 2019 — *Тапкина А. О.* Деятельность архивных учреждений Республики Калмыкии по комплектованию и использованию документов по проблемам жертв политических репрессий // Монголоведение. 2019. № 2 (17). С. 185–205. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-2-185-205
- Цеменкова 2019 — *Цеменкова С. И.* История архивов России: XX – начало XXI века: учеб. пособ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 200 с.

References

- Artizov A. N. Archives in Russia: Present and future. In: Archives of Slavic Countries in the Digitalization Era. Conference proceedings. Moscow: Russian New University, 2020. Pp. 8–14. (In Russ.)
- Artizov A. N., Khorkhordina T. I. Archives in the service of man, society and state. In: The One Hundred Rarities of Russian Statehood. Celebrating the 100th Anniversary of Russia's Archival Service. Exhibition catalogue. Moscow: ROSSPEN, 2018. Pp. 8–14. (In Russ.)
- Kozlov V. P. God Preserved Russia's Archives. Chelyabinsk: Kniga, 2009. 543 p. (In Russ.)
- Larin M. V. Development and improvement of archival legislation: Topical issues revisited. *Otechestvennye arkhivy*. 2018. No. 2. Pp. 30–38. (In Russ.)
- Maksimov K. N. The Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks. Moscow: Nauka, 2010. 406 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Soldiers of the 110th Kalmyk Cavalry Division in Shirokovsky Forced Labor Camp: A statistical study. *Magna adurgit: historia studiorum*. 2019. No. 1. Pp. 23–36. (In Russ.)
- Tapkina A. O. Archival institutions of the Republic of Kalmykia: Activities aiming to collect and use documents related to victims of political repressions. *Mongolian Studies*. 2019. No. 2 (17). Pp. 185–205. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-2-185-205
- Tsemenkova S. I. History of Russia's Archives, 20th to Early 21st Century. Coursebook. Yekaterinburg: Ural State University, 2019. 200 p. (In Russ.)
- Zberovskaya E. L. Exiled Settlers in Krasnoyarsk Krai, 1940s–1950s. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Krasnoyarsk, 2006. 22 p. (In Russ.)

УДК / UDC 94(47)+930.25

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-313-333

Развитие архивного дела Калмыкии (1990 – начало 2000-х гг.)

*Лариса Бадмаевна Манджикова*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН, (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Манджикова Л. Б., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье исследуется деятельность архивных учреждений Калмыкии в период с 1990 по начало 2000-х гг., когда в стране происходит перераспределение властных полномочий, укрепляется самостоятельность регионов, возрастает общественно-политическая роль государственной архивной службы России. *Цель* статьи — исследовать влияние административной и архивной реформы, проводимой в стране, на развитие архивного дела республики, рассмотреть проблемы безопасности архивов и архивных документов, информатизации архивного дела. *Материалы и методы.* Архивные документы Национального архива Республики Калмыкия стали источниками по изучению истории архивного строительства республики, и выявленные документы, характеризующие изучаемый период, впервые вводятся в научный оборот. В работе использован комплексный подход к изучению документов и материалов. *Результаты.* Показано, что в рассматриваемый период архивного строительства Калмыкии произошли кардинальные изменения и в деятельности архивных учреждений в новых условиях.

Ключевые слова: реформа, архивное дело, архивные учреждения, обеспечение сохранности, комплектование, оцифровка, информатизация

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Манджикова Л. Б. Развитие архивного дела Калмыкии (1990 – начало 2000-х гг.) // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 313–333. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-313-333

Development of Kalmykia's Archives, 1990s to Early 2000s

*Larisa B. Mandzhikova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation).
Junior Research Associate

 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa@gmail.com

© KalmSC RAS, 2022

© Mandzhikova L. B., 2022

Abstract. *Introduction.* The article examines activities of Kalmykia’s archival institutions between the 1990s and early 2000s, i.e. the period to have witnessed a nationwide redistribution of authority, strengthened self-sufficiency of regions, and increased sociopolitical role of Russia’s state archival service. *Goals.* The paper aims to investigate impacts of the administrative and archival reforms on the development of archival affairs in Kalmykia, consider problems of security of archives and archival documents, IT-related challenges. *Materials and methods.* The work analyzes documents from the National Archive of Kalmykia for historical perspectives on archival construction in the republic and introduces some newly discovered documents that characterize the examined period into scientific circulation. The work employs an integrated approach to the study of documents and materials. *Results.* The work shows that the period under consideration is characterized by cardinal changes in Kalmykia’s archival construction and activities of archival institutions under new conditions.

Keywords: reform, archival affairs, archival institutions, preservation, acquisition, digitization, IT

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Mandzhikova L. B. Development of Kalmykia’s Archives, 1990s to Early 2000s. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(2): 313–333. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-313-333

Введение

Произошедшие в конце 1980-х и начале 1990-х гг. преобразования в политической, социально-экономической жизни страны (изменение командно-административного управления, приватизация государственной собственности, начавшаяся за ней ликвидация предприятий-банкротов, реорганизация в сельском хозяйстве), введение в Калмыкии института президентства и другие процессы оказали влияние и на развитие архивного дела республики. Данный период в истории архивного строительства республики является в калмыцкой исторической науке недостаточно изученной темой. Цель статьи — исследовать развитие архивного дела Калмыкии в период с 1990 – до начала 2000-х гг., рассмотреть вопросы совершенствования законодательной и нормативной правовой базы в области архивного дела Республики Калмыкия, проблемы обеспечения сохранности архивных документов, в том числе документов по личному составу ликвидированных (преобразованных) организаций и организация работы с документами, созданными на электронных носителях, комплектования государственных архивов новыми видами документов, всестороннего использования архивных документов.

Материалы и методы исследования, история вопроса

В ходе проведения исследовательской работы были изучены состав и содержание архивных документов фонда Р-71 «Архивное управление при Совете Министров Калмыцкой АССР» Национального архива Республики Калмыкия (далее — НА РК), выявлены и впервые вводятся в научный оборот сведения о развитии архивного дела республики в 1990-е – начале 2000-х гг. В работе использован комплексный подход к изучению документов и материалов.

Отдельные направления деятельности архивных учреждений республики освещены в материалах научно-практических конференций и научно-методических советов архивных учреждений Поволжья. В материалах Международной научно-практической конференции «Российские архивы сегодня: взгляд извне и изнутри» (г. Саратов, 3–4 сент. 2003 г.) опубликованы статьи А. О. Тапкиной «Информатизация архивного дела в архивных учреждениях Поволжья» [Тапкина 2003: 87–99], Л. П. Коженбаевой «Работа архивных учреждений Республики Калмыкия по информационному обеспечению органов государственной власти и местного самоуправления» [Коженбаева 2003: 333–339], Л. Б. Шалдановой «Роль архивных учреждений Республики Калмыкия в работе по реабилитации жертв политических репрессий» [Шалданова 2003: 95–99]. В материалах научно-методического совета архивных учреждений Поволжья «Развитие архивного дела в Поволжье 1991–2000 гг.» опубликована статья Л. Б. Шалдановой «Безопасность архивов и Архивного фонда Республики Калмыкия» [Шалданова 2002: 168–177].

В юбилейном издании «Архивная летопись. К 85-летию архивной службы Республики Калмыкия» рассказывается об истории становления и развития архивного дела республики, о вкладе архивистов разных поколений в развитие архивного дела Калмыкии. В статьях Е. Е. Бутцинова «Государственное учреждение „Государственный архив электронной документации РК“» [Бутцинов 2006: 165–166] и Л. Б. Манджиевой, Н. М. Ротовой «Государственное учреждение „Государственный архив документов по личному составу РК“» [Манджиева, Ротова 2006: 159–160] освещена деятельность специализированных архивов.

Законодательные, нормативные правовые документы Российской Федерации и Республики Калмыкия, повлиявшие на развитие архивного дела в Калмыкии в период с 1990 г. по начало 2000-х гг.

В начале 1990-х гг. в стране происходят кардинальные изменения в политической и социально-экономической жизни страны, которые оказали влияние на развитие архивного дела в России и в частности в Калмыкии. Принятые законодательные, нормативные правовые документы, заложившие основы современного архивного дела в России, повлекли за собой проведение архивной реформы.

В августе 1991 г. Президент РФ подписал указ «О деятельности КПСС и КП РСФСР», которым было объявлено о прекращении деятельности этих организаций [Указ 1991а] и указ «О партийных архивах» [Указ 1991б], согласно которому все архивы КПСС передавались под юрисдикцию Федеральной архивной службы (в то время — Комитета по делам архивов при Совете Министров РФ) вместе со зданиями, штатной численностью и бюджетными ассигнованиями [Архивы России 1997: 3].

Данные решения оказали влияние и на развитие архивного дела Калмыкии. В сентябре 1991 г. распоряжением Совета министров Калмыцкой ССР был ликвидирован Партийный архив бывшего рескома КПСС, и он вошел в состав Центрального государственного архива Калмыцкой ССР (далее — ЦГА КССР) на правах Отдела общественных организаций и движений [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 827. Л. 15; Атуева 2006: 146]. В последующие годы проведена интеграция бывшего партийного архива в систему государственных архивов.

В это время в республике происходят кардинальные изменения. Калмыцкая АССР (далее — КАССР) стала суверенной республикой (ССР), соответственно повысился статус органа управления архивным делом — Архивное управление при Совмине КССР (далее — АУ при СМ КССР) было преобразовано в Комитет по делам архивов Республики Калмыкии — Хальмг Тангч [Постановление 1992а]. В декабре 1992 г. постановлением СМ КССР «О совершенствовании сети госу-

дарственных и ведомственных архивов Республики Калмыкия – Хальмг Тангч» районные (городские) государственные архивы были преобразованы в архивные отделы районных администраций [[Постановление 1992б](#); [Шалданова 2006: 21](#)].

В апреле 1993 г. прошли выборы президента Республики Калмыкия, что повлекло за собой политическое переустройство государственного управления республики. С принятием указа президента Республики Калмыкия «Об упразднении министерств и государственных комитетов Республики Калмыкия – Хальмг Тангч» [[Указ 1993](#)] в республике был ликвидирован или реорганизован ряд министерств, ведомств и учреждений. Комитет по делам архивов Республики Калмыкия – Хальмг Тангч также претерпел изменения. В соответствии с указом президента Республики Калмыкия от 23 апреля 1993 г. Комитет по делам архивов Республики Калмыкия был преобразован в АУ при Министерстве социальной политики Республики Калмыкия [[Шалданова 2006: 21](#)].

В республике устанавливалась единая система исполнительной власти, возглавляемая президентом Республики Калмыкия. В республике упразднялись местные советы народных депутатов и учреждался орган исполнительной власти в лице Представителя президента Республики Калмыкия, соответственно архивные отделы райисполкомов были преобразованы в архивные отделы администраций представителей Президента Республики Калмыкия в районах. Городской архив вошел в Аппарат Представителя Президента Республики Калмыкия по г. Элисте. Позже, в мае 1997 г. городской архив преобразуется в архивную службу Мэрии г. Элисты [[Высшие органы... 2000: 102](#); [Шалданова 2006: 21](#); [Кутушова 2006: 181](#)].

На развитие архивного дела в республике оказали влияние постановление Верховного совета РФ «О временном порядке доступа к архивным документам и их использованию» [[Постановление 1992в](#)], а также «Основы законодательства РФ о культуре» [[Основы 1992](#)]. Данными документами был открыт доступ к архивам и к архивным документам, за исключением документов, содержащих сведения ограниченного доступа [[Цеменкова 2019: 120–121](#)].

На новом этапе исторического развития архивного дела постановлением правительства РФ «О реализации государственной политики в архивном деле» [[Постановление 1993](#)] были обозначены цели и задачи по сохранению, пополнению и использованию Архивного фонда РФ (далее — АФ РФ), в том числе по обеспечению пользователей ретроспективной документной информацией, а также удовлетворению законных прав и интересов граждан. В период перехода управления архивной отрасли от сложившейся жестко-централизованной вертикали к новой системе, основанной на правовых взаимоотношениях и разграничении полномочий между Государственной архивной службой России и органами управления архивным делом субъектов РФ, стержневые идеи Основ законодательства были закреплены Положением об АФ РФ 1994 г. [[Указ 1994а](#)].

Важным решением для самостоятельного развития архивного дела в Калмыкии стал указ Президента Республики Калмыкия о переименовании Центрального государственного архива Республики Калмыкия в Национальный архив Республики Калмыкия и о преобразовании Архивного управления при Министерстве социальной политики Республики Калмыкия в Комитет по делам архивов при Правительстве Республики Калмыкия [[Указ 1994б](#)], а с марта 1998 г. стал именоваться как Комитет по делам архивов Республики Калмыкия [[НА РК. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 859. Л. 7](#); [Шалданова 2006: 22](#)].

В июле 1997 г. в республике был принят закон Республики Калмыкия «Об Архивном фонде Республики Калмыкия и архивах» [[Закон РК 1997](#)], регули-

рующей правовые нормы по организации работы с архивными документами, созданными на территории Калмыкии. В данный закон неоднократно вносились изменения и дополнения, связанные с урегулированием вопросов социальной защиты архивистов республики (1999 г., 2002 г.), разделения форм собственности (2006 г.).

Положения федеральных и региональных законодательных, нормативных правовых актов об архивных фондах РФ и субъектов РФ требовали решения вопросов безопасности архивов и архивных фондов. Данный вопрос рассматривался Правительством РФ, и было принято постановление «О мерах по сохранению Архивного фонда РФ и улучшению использования архивных документов». В развитие данного решения вице-премьер В. И. Матвиенко дала поручение руководителям органов исполнительной власти субъектов РФ от 14 декабря 1999 г. о принятии мер по безопасности архивов и архивных фондов [Мильников 2002: 177].

Вышеназванные документы сыграли положительную роль в решении вопросов обеспечения сохранности Архивного фонда Республики Калмыкия. Комитет по делам архивов Республики Калмыкия подготовил «Справку о состоянии архивного дела Республики Калмыкия» и представил ее в Правительство Республики Калмыкия. В аналитической записке был дан анализ деятельности отрасли за последние пять лет и определены приоритетные направления развития по совершенствованию архивного дела республики.

О проблемах развития архивного дела в Калмыкии и путях их решения

К концу 1990-х гг. основной проблемой в развитии архивного дела в стране, требующего решения, становится безопасность архивов и архивных фондов, которая обеспечивается проведением комплекса мероприятий по созданию нормативных условий хранения, страхового фонда и фонда пользования уникальных и особо ценных архивных документов и другими мероприятиями. Проблемы, связанные с обеспечением сохранности архивных документов, решались на всех этапах развития архивного дела республики. Долгие годы основной проблемой архивных учреждений Калмыкии оставалось размещение государственных и ведомственных архивов в приспособленных помещениях, поэтому важной задачей являлось создание условий для длительного хранения документов. Только в конце 1970-х гг. с вводом в эксплуатацию типового здания Центрального государственного архива КАССР был решен вопрос об обеспечении сохранности архивных фондов главного архивохранилища республики, ряда районных и ведомственных архивов. Вопросы пожарной безопасности ограничивались наличием стеллажей, огнетушителей.

С возрастанием государственной значимости архивной отрасли повысились требования к защите информационных ресурсов, содержащихся в архивных фондах РФ. Так, в целях усиления защиты Архивного фонда Республики Калмыкия от чрезвычайных ситуаций и преступных посягательств архивные учреждения разработали «Планы действий по обеспечению жизнедеятельности Национального архива Республики Калмыкия в ЧС», «Планы действий по предупреждению и ликвидации ЧС в архивных отделах администраций Представителей Президента Республики Калмыкия в районах». Кроме того, были разработаны «Схема оповещения сотрудников Комитета по делам архивов Республики Калмыкия и Национального архива Республики Калмыкия» и график круглосуточных дежурств работников Национального архива Республики Калмыкия при объявлении режима чрезвычайного положения и при отказе

вневедомственной охраны МВД Республики Калмыкия от обслуживания архива [Шалданова 2002: 170–171].

Архивными учреждениями республики принимались меры по выполнению решений Правительства РФ «О мерах по противодействию терроризму» (1999 г.) и приказа Росархива № 26 от 4 апреля 1999 г. [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 1038. Л. 25], согласно которым в архивах республики принимались дополнительные меры по обеспечению сохранности документов, антитеррористической защищенности архивов, усилению борьбы с хищениями и незаконным оборотом предметов культурного и исторического наследия народов России. В архивных учреждениях были проведены проверки состояния всех архивохранилищ, разработаны планы мероприятий по устранению выявленных недостатков, ужесточен пропускной режим в здание архива, усилен контроль за движением архивных документов на всех стадиях работы с ними [Шалданова 2002: 171].

Вопрос об антитеррористической защищенности государственных архивов страны находился на контроле Правительства РФ. В январе 2001 г. председатель Правительства РФ, председатель федеральной антитеррористической комиссии М. М. Касьянов подписал План организации комиссионного обследования объектов особой важности, повышенной опасности и жизнеобеспечения федеральных министерств и ведомств. В республике при Антитеррористической комиссии Республики Калмыкия была создана Рабочая группа по обследованию государственных архивов. В июле 2001 г. Рабочая группа обследовала здание Национального архива Республики Калмыкия, совместно с администрациями представителей Президента Республики Калмыкия в районах и Мэрии г. Элисты были обследованы архивные отделы. По результатам проверок архивные учреждения приняли меры по усилению безопасности архивов.

Решение проблемы безопасности архивных фондов связано с созданием страхового фонда архивных документов, который должен был создаваться путем проведения работ по микрофильмированию архивных документов. Поскольку своего оборудования государственный архив не имел, то микрофильмирование в советское время проводилось в лабораториях Астраханского и Волгоградского областных государственных архивов [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 352. Л. 25].

Решение о создании своей лаборатории было принято приказом Архивного отдела при СМ КАССР от 16.05.1978 г. В соответствии с Положением о лаборатории микрофильмирования и реставрации документов Центрального государственного архива КАССР основными задачами являлись: улучшение физической сохранности документов, создание страхового фонда микрофильмов документов. Одновременно с созданием страхового фонда изготавливались копии особо ценных архивных документов для включения их в фонд пользования [НА РК. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 419. Л. 24–27].

В 1981 г. Экспертно-проверочная комиссия АУ при СМ КАССР (с 1992 г. — Комитет по делам архивов Республики Калмыкия) утвердил перспективный план развития, в соответствии с которым государственный архив к 1990 г. должен был создать микрофильмы страхового фонда уникальных и особо ценных документов. Лаборатория по микрофильмированию и реставрации документов занималась плановой работой по улучшению физического состояния архивных документов, после реставрации документы микрофильмировались. Было создано около 2 млн кадров страхового фонда. Работы проводились вплоть до 1992 г. Оборудование по микрофильмированию к этому времени морально и физически устарело. Ввиду тяжелого экономического положения в регионе, отсутствия

финансирования учреждений решить вопрос приобретения необходимого оборудования в то время не представлялось возможным.

Только благодаря совместным действиям Комитета по делам архивов Республики Калмыкия и Министерства по ГО и ЧС Республики Калмыкия Правительство Республики Калмыкия приняло постановление «О создании, сохранении и использовании страхового фонда документации объектов Республики Калмыкия» [[Постановление 2000а](#)]. В соответствии с постановлением в штатное расписание госархива были введены 2 штатные единицы — ведущих специалистов лаборатории. Также правительство Республики Калмыкия поддержало инициативу Комитета по делам архивов Республики Калмыкия по участию в подпрограмме «Архивы России» Федеральной целевой программы «Культура России (2001–2005 гг.)». После приобретения комплексного оборудования «Старт-М» работа по созданию страхового фонда возобновилась, но проводилась непродолжительное время, так как российские производители перестали производить микроплёнки. Приобретать плёнку зарубежных производителей было дорогостоящим мероприятием. Решение проблемы создания страхового фонда по методу создания микрофильмов стало невозможным, и необходимо было искать иные пути решения данной проблемы.

Одним из перспективных направлений развития архивной отрасли является информатизация архивного дела страны. На федеральном уровне в период 1990–2000 гг. проводились научные исследования по формированию единых системных подходов в вопросах информатизации архивного дела и делопроизводства. В 1996 г. была принята Концепция (Программа) информатизации государственных архивов РФ. Предполагалось автоматизировать деятельность государственных архивов по всем направлениям и решить главный вопрос — оснащение архивных учреждений компьютерной техникой. С приобретением соответствующего оборудования можно было приступить к ведению автоматизированного государственного учета АФ РФ путем внедрения общеотраслевого программного комплекса ПК «Архивный фонд»; созданию интернет-порталов; организации выполнения автоматизированных работ по комплектованию, использованию и публикации документов в электронном формате; проведению научно-исследовательских и методических работ в государственных архивах [[Юмашева 2016: 87–88](#)]. Концепция информатизации архивной отрасли активно реализовывалась на федеральном уровне и в ряде субъектов РФ. К 2000 г. архивы регионального уровня были вовлечены в процессы компьютеризации и информатизации общества.

В Калмыкии решение проблем информатизации архивного дела началось с разработки проекта «Концепция приоритетных направлений развития экономики Республики Калмыкия на среднесрочную перспективу». Комитетом по делам архивов Республики Калмыкия были внесены предложения по решению проблемы компьютеризации архивных учреждений. Правительство Республики Калмыкия приняло постановление «О создании республиканской информационной сети архивной службы Республики Калмыкия» [[Постановление 2000б](#)], согласно которому при формировании республиканского и районных бюджетов на период с 2001 по 2005 гг. должно было предусматриваться выделение финансовых средств на техническое оснащение и создание компьютерного парка государственных архивов. В 2000 г. были приобретены 4 комплекта компьютерной техники [[Тапкина 2003: 87–99](#)].

Проблема информатизации архивных учреждений республики была тесно связана с созданием в органах исполнительной власти электронного докумен-

тооборота. В целях эффективного управления документооборотом в республике Президент Республики Калмыкия принимает два указа: «Об электронном документообороте в Республике Калмыкия» [Указ 2000] и об утверждении «Государственной программы по информатизации Республики Калмыкия на 2001–2002 гг.» [Указ 2001]. Для решения поставленных задач правительство Республики Калмыкия принимает постановление «О создании ГУ „Государственный архив электронной документации Республики Калмыкия“» (далее — ГАЭД РК) [Постановление 2002].

ГАЭД РК вошел в сеть архивных учреждений республики и приступил к реализации поставленных перед ним задач по:

- оказанию содействия заинтересованным ведомствам (учреждениям) и предприятиям в организации внедрения и эффективного управления электронного документооборота в республике;
- обеспечению сохранности документов, созданных на электронных носителях;
- созданию условий для доступа граждан РФ к информационным ресурсам Архивного фонда Республики Калмыкия;
- созданию фонда пользования архивных документов путем перевода (оцифровки) их в электронный вид;
- внедрению передовых информационных технологий в документационном обеспечении управления в органах государственной власти [Бутцинов 2006: 165–166].

ГАЭД РК совместно с Национальным архивом Республики Калмыкия проводил работы по переводу в цифровой вид уникальных и особо ценных документов Архивного фонда Республики Калмыкия. В первую очередь в электронный вид были переведены архивные документы по истории Калмыцкого ханства — фонд И-36 «Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе» в объеме 428 ед. хр. за период с 1713–1771 гг. [Фонды... 2002: 21].

За годы работы специализированный архив создал тематические и информационно-поисковые базы данных: «Матери-героини», «Ветераны труда», «Решения Элистинского городского Совета народных депутатов», «Квартиры. Земельные участки» [Бутцинов 2006: 166].

Данные информационно-поисковые базы способствовали сокращению сроков исполнения запросов. ГАЭД РК оцифровал газеты довоенного и военного периода. С созданием «Газетного фонда» стало возможным выдавать их исследователям через читальный зал. Ранее газеты не выдавали из-за их физического состояния. ГАЭД РК организовал прием фотодокументов республиканской газеты «Хальмг үнн». Специалисты госархива разработали сайт «Архивная служба Республики Калмыкия», принимали участие в разработке и создании блока интернет-страниц Республики Калмыкия Всероссийского официального сайта «60-летие Великой Победы» [Бутцинов 2006: 168].

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. перед архивными учреждениями страны была поставлена задача по активизации работы с документами, содержащими сведения о трудовой деятельности граждан России [Еремченко 1992: 8–15]. Особое внимание было обращено на документы по личному составу ликвидированных или прошедших реорганизацию учреждений, организаций, предприятий республики. Возникли проблемы, связанные с отсутствием резерва архивных площадей и малочисленностью архивистов в республике. Непонимание некоторыми руководителями ликвидированных организаций значимости архивных документов привело к утрате документов. В целях социальной защиты прав и

законных интересов граждан республики, предотвращения утраты документов по личному составу постановлением правительства Республики Калмыкия «Об обеспечении сохранности и использовании документов по личному составу высвобождаемых работников» [[Постановление 2001а](#)] был создан Государственный архив документов по личному составу Республики Калмыкия.

Государственный архив приступил к выполнению поставленных перед ним задач по розыску и обеспечению приема на государственное хранение документов предприятий, прекративших деятельность в 1980–1990-е гг. [[Шалданова 2006: 25](#)]. Только за первые четыре года работы государственный архив принял на государственное хранение 10 295 ед. хр. за период с 1943 по 2005 гг. На основе архивных документов исполнено более 1 050 запросов граждан России, ближнего и дальнего зарубежья [[Манджиева, Ротова 2006: 159–160](#)].

Проблема сохранности архивных документов на стадии ведомственного хранения продолжала оставаться актуальной. Архивисты проводили плановые проверки состояния сохранности архивных документов в действующих организациях и периодически — общественные смотры, которые проводились по решению правительства Республики Калмыкия. Так, в апреле 2001 г. в соответствии с постановлением «О проведении смотра сохранности документов Архивного фонда Республики Калмыкия в государственных и ведомственных архивах» [[Постановление 2001б](#)] была создана Республиканская комиссия по проведению смотра сохранности документов Архивного фонда Республики Калмыкия. За период проведения смотра было обследовано 286 учреждений и предприятий республиканского и районного звена, разработано 176 номенклатур дел, назначено 219 ответственных за делопроизводство, в 249 организациях обновлены приказы о создании экспертных советов (ЭК), дополнительно выделено 663 м² под архивохранилища. За период проведения смотра было упорядочено свыше 4,5 тыс. дел постоянного хранения и 4,0 тыс. дел по личному составу [[Шалданова 2006: 23](#)]. Решающую роль в усилении контроля за сохранностью архивных документов сыграл закон Республики Калмыкия «Об административной ответственности за нарушение архивного законодательства Республики Калмыкия» [[Закон 2001](#)].

В связи с вступлением в силу Кодекса РФ «Об административных правонарушениях» [[Кодекс 2001](#)] указанный выше республиканский закон был признан утратившим силу. Несмотря на непродолжительный период действия регионального закона, архивисты Калмыкии впервые могли не только воздействовать методом убеждения на руководителей организаций, предприятий, учреждений, но и, опираясь на статьи закона, применять к нарушителям архивного законодательства меры административного наказания.

Для архивного дела также имело огромное значение принятие закона Республики Калмыкия «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Калмыкия „Об обязательном бесплатном экземпляре документов Республики Калмыкия“» [[Закон 2002](#)], в котором Национальный архив Республики Калмыкия был определен получателем обязательного экземпляра документов, печатных изданий, аудиовизуальных продуктов, электронных изданий и документов, выполненных на различных носителях. Госархивы стали комплектоваться документами, созданными на различных носителях, что способствовало формированию полноценного качественного состава архивных фондов Республики Калмыкия.

С принятием в 2004 г. Федерального закона «Об архивном деле в РФ» [[ФЗ 2004](#)], в котором прописывались положения, связанные с вопросами раз-

граничения форм собственности на архивы: на федеральный, региональный и муниципальный, а также права и обязанности в области архивного дела.

В развитие положений о формах собственности и определения порядка организации работы с архивными документами, созданными до появления муниципальных образований в республике, был принят закон Республики Калмыкия «О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями РК в сфере архивного дела» [Закон 2005].

Одним из главных вопросов, рассматриваемым в законе, являлся вопрос финансового обеспечения расходов местного бюджета на реализацию государственных полномочий по хранению, комплектованию, учету и использованию документов, относящихся к государственной собственности Республики Калмыкия. Был решен вопрос о введении должности ведущего специалиста, осуществляющего работу с документами, относящимися к республиканской собственности. Вопрос о введении второй штатной единицы в районных архивах поднимался с конца 1980-х гг., когда в районные архивы стал поступать огромный массив документов, ликвидированных (реорганизованных) организаций. Поступление документов по личному составу повлекло за собой резкое увеличение обращений граждан. Принятие закона сыграло положительную роль в организации работы муниципальных архивов, сняло некоторую напряженность с исполнением запросов социально-правового характера в установленные сроки. С данного момента муниципальные образования должны были создавать условия для обеспечения постоянного хранения архивных документов, относящихся к муниципальной собственности и не передавать их на госхранение в Национальный архив Республики Калмыкия.

К 2007 г. деятельность архивных учреждений республики была направлена на улучшение качества функционирования архивной службы Калмыкии. Развитие архивного дела шло по всем основным направлениям деятельности. В республике было создано правовое поле в области архивного дела, улучшено материально-техническое оснащение государственных и муниципальных архивов, решены вопросы социальной защищенности самих архивистов.

К 2007 г. Архивный фонд Республики Калмыкия насчитывал свыше 470,0 тыс. ед. хр. на бумажной основе, 11 тыс. ед. хр. фотодокументов, около 2 млн кадров страхового фонда микрофильмов, 21 кино- и 18 фонодокументов. Были созданы электронные учетные и тематические базы данных. Проводились работы по переводу уникальных и особо ценных архивных документов в электронный вид. На основании архивных документов изданы сборники документов и материалов, проводилась выставочная деятельность, исполнялись социально-правовые запросы граждан России, ближнего и дальнего зарубежья и другие виды работ, связанные с обеспечением общества и государства ретроспективной информацией.

Но, несмотря на достигнутый результат в области архивного дела, указами главы Республики Калмыкия «О совершенствовании органов исполнительной власти Республики Калмыкия» [Указ 2007а] и «О структуре органов исполнительной власти» [Указ 2007б] Комитет по делам архивов Республики Калмыкия был ликвидирован. С момента подписания указов архивная служба Калмыкии потеряла свою самостоятельность, но сохранила сеть архивных учреждений республики и штатную численность архивистов.

Полномочия в области архивного дела Республики Калмыкия были переданы во вновь образованное Министерство образования, культуры и науки Республики Калмыкия (далее — МОКиН). 9 января 2008 г. в структуре МОКиН был создан

отдел по делам архивов со штатной численностью 3 чел. (начальник отдела, ведущий специалист и старший специалист 1 разряда).

Данный отдел действовал до 1 января 2014 г. — даты разделения МОКиН на Министерство образования и науки Республики Калмыкия и Министерства культуры Республики Калмыкия (с 11 ноября 2014 г. — Министерство культуры и туризма Республики Калмыкия). Отдел по делам архивов был передан в ведение Министерства культуры Республики Калмыкия и стал называться Отделом по делам архивов, делопроизводства, правового и кадрового обеспечения.

Решение о признании утратившим силу закона Республики Калмыкия «Об Архивном фонде Республики Калмыкия и архивах» было принято в мае 2009 г. Только в июне 2010 г. в республике был принят закон Республики Калмыкия «О некоторых вопросах в сфере архивного дела в Республике Калмыкия» [[Закон 2010](#)], который урегулировал вопросы правового положения архивных документов и архивных фондов, находящихся в собственности республики, определил статус уникальных и особо ценных архивных документов Республики Калмыкия. Порядок учета архивных документов и архивных фондов, относящихся к собственности Республики Калмыкия, и организация работы с уникальными и особо ценными архивными документами, а также порядок отнесения и включения архивных документов в Государственный реестр уникальных и особо ценных архивных документов Республики Калмыкия и его ведение были утверждены постановлением правительства Республики Калмыкия «Об учете архивных документов и архивных документов, относящихся к собственности Республики Калмыкия» [[Постановление 2011](#)]. В Государственный реестр уникальных и особо ценных архивных документов РК включены 30 616 архивных документов бюджетного учреждения Республики Калмыкия «Национальный архив» [[Об архиве... 2021](#)].

О всестороннем использовании архивных документов

Архивный фонд Республики Калмыкия пополнялся новыми видами документов. Благодаря рассекречиванию архивных документов, возможности приобретения копий архивных документов из федеральных архивов и архивов субъектов РФ архивисты Калмыкии приступили к изучению состава и содержания документов и активизировали их всестороннее использование. Тематика научных исследований значительно расширилась.

За период с 2000 по 2007 гг. архивистами были подготовлены и изданы сборники документов и материалов, книги, опубликованы статьи. Комитет по делам архивов Республики Калмыкия и Национальный архив Республики Калмыкия издали сборники документов и материалов: «Пишу это письмо с фронта...» [[Пишу... 2000](#)], «Калмыкия в партизанском движении, 1941–1945 гг.» [[Калмыкия... 2006](#)], «Память – Санл» Т. 4 [[Память 2010](#)]; переиздали сборники документов «Калмыкия в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.» [[Калмыкия... 2005](#)] и «Басан Городовиков. Воспоминания, исследования, документы» [[Басан Городовиков 2000](#)].

В рассматриваемый период общественность страны и ученые уделяли особое внимание проблеме депортации, в том числе и калмыцкого народа. Первыми из российских ученых, получивших допуск к архивным документам, долгие годы хранившихся под грифом «секретно» и содержащих сведения о депортации калмыков, были доктор исторических наук, профессор Н. Ф. Бугай [[Бугай 1991](#)], доктор исторических наук, профессор В. Б. Убушаев [[Убушаев 1991](#)].

Наиболее полно документы по депортации калмыцкого народа впервые были представлены в сборнике документов «Ссылка калмыков: как это было...»

[[Ссылка калмыков 1993](#)], подготовленном к изданию архивистами республики. Позже издание книг памяти при участии архивистов продолжилось [[Ссылка калмыков 2001](#); [Высланы 1993](#); [Высланы 1994](#)].

Проблеме депортации военнообязанных и военнослужащих посвящена книга «Широклаг. Широкойстрой. Списки калмыков-военнослужащих рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг.» [[Книга памяти 2000](#); [Шалданова 2003: 98](#)]. Для подготовки данного издания была организована совместная командировка представителей Прокуратуры Республики Калмыкия, Информационного центра МВД Республики Калмыкия и Национального архива Республики Калмыкия в г. Кизел Пермской области. Выявленные документы и материалы по просьбе руководства республики были переданы во временное пользование в Информационный центр МВД Республики Калмыкия [[Шалданова 2003: 98](#)].

Архивные учреждения республики занимались выставочной деятельностью. Наиболее значимыми были выставки, подготовленные к 100-летию Маршала Г. К. Жукова, к 55-летию битвы под Москвой. На открытии XXXIII Всемирной шахматной олимпиады в г. Элисте экспонировалась выставка «История шахмат в Калмыкии».

В 2002 г. впервые общественность республики ознакомилась с подлинниками и копиями архивных документов Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург) и Национального архива Республики Калмыкия, которые экспонировались на выставке в г. Элисте. Выставка была организована в соответствии с распоряжением правительства Республики Калмыкия от 7 октября 2002 г. № 519-р, в подготовке которой приняли участие сотрудники Российского государственного исторического архива, архивисты и музейеды республики. По окончании выставки копии документов дополнили состав Архивного фонда Республики Калмыкия [[Коженбаева 2003: 339](#)].

В 2015 гг. в архивном деле республики произошли изменения. Правительство Республики Калмыкия приняло решение о передаче полномочий в области архивного дела Аппарату Правительства Республики Калмыкия. С 1 октября 2015 г. до настоящего времени в структуре Аппарата Правительства Республики Калмыкия существует отдел по делам архивов.

Распоряжениями Правительства Республики Калмыкия два специализированных государственных архива — казенное учреждение Республики Калмыкия «Государственный архив документов по личному составу» [[Распоряжение 2014](#)] и казенное учреждение Республики Калмыкия «Государственный архив электронной документации» [[Распоряжение 2015](#)] были ликвидированы путем присоединения их к Национальному архиву Республики Калмыкия с сохранением основных целей деятельности указанных учреждений.

Заключение

Проведение административной и архивной реформы в стране оказало влияние на развитие архивного дела в Калмыкии. В республике принимались законодательные, нормативные правовые документы в области архивного дела, регулирующие правовые отношения в области формирования, организации хранения, учета, использования архивов и архивных фондов и управления ими в целях обеспечения сохранности архивных документов. Орган управления архивным делом республики и подведомственные учреждения претерпевали изменения. Создавались специализированные архивы, выполнявшие поставленные перед ними задачи по организации работы с документами по личному составу и документами, созданными на электронных носителях.

Сегодня архивная служба Республики Калмыкия продолжает выполнение поставленных задач по созданию уникальной источниковой базы по истории Калмыкии и народов, проживающих на территории республики.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

- Архивы России 1997 — Архивы России: справочник-обозрение и библиографический указатель / гл. ред.: В. П. Козлов, П. К. Гримстед; отв. ред. Л. В. Репуло. М.: Археографический центр, 1997. 1070 с.
- Атуева 2006 — *Атуева В. З.* Отдел документации общественных организаций и движений государственного учреждения «Национальный архив» // Архивная летопись. К 85-летию архивной службы Республики Калмыкия. Элиста: АПП «Джангар», 2006. С. 146–158.
- Басан Городовиков 2000 — Басан Городовиков: воспоминания, исследования, документы / сост. К. П. Катушов, З. Б. Очирова; Изд. 2-е, перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 318 с.
- Бугай 1991 — *Бугай Н. Ф.* Операция «Улусы» / науч. ред. Л. С. Бурчинова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 87 с.
- Бутцинов 2006 — *Бутцинов Е. Е.* Государственное учреждение «Государственный архив электронной документации РК» // Архивная летопись. К 85-летию архивной службы Республики Калмыкия. Элиста: АПП «Джангар», 2006. С. 165–168.
- Высланы 1993 — Книга Памяти – «Высланы... Оставлены навечно...». Т. 2. Кн. 1. А–К / редсовет: К. Н. Максимов и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 336 с.
- Высланы 1994 — Книга Памяти – «Высланы... Оставлены навечно...». Т. 2. Кн. 2. Л–Я / редсовет: К. Н. Максимов и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 544 с.
- Высшие органы... 2000 — Высшие органы исполнительной власти Калмыкии: история и современность (1918–2000 гг.) / под ред. А. В. Дорждеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 255 с.
- Еремченко 1992 — *Еремченко В. Л.* Ведомственное хранение документов в современных условиях // Отечественные архивы. 1992. № 5. С. 8–15.
- Закон РК 1997 — Закон Республики Калмыкия «Об архивном фонде Республики Калмыкия и архивах» (недействующий) от 7 июля 1997 г. № 76-1-3 [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/804910231> (дата обращения: 15.02.2021).
- Закон 2001 — Закон Республики Калмыкия от 14 мая 2001 г. № 114-П-3 «Об административной ответственности за нарушение архивного законодательства Республики Калмыкия» [электронный ресурс] // Система «Гарант». Информационно-правовое обеспечение. URL: <https://base.garant.ru/24905403> (дата обращения: 15.02.2021).
- Закон 2002 — Закон Республики Калмыкия от 17 июня 2002 г. № 214-П-3 «О внесении изменений и дополнений в Закон РК «Об обязательном бесплатном экземпляре документов Республики Калмыкия» от 17 июня 2002 г. № 214-П-3 [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/804910463?marker> (дата обращения: 12.02.2021).
- Закон 2005 — Закон Республики Калмыкия от 20 декабря 2005 г. № 247-III-3 «О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями РК в сфере архивного дела» [электронный ресурс] // Система «Гарант».

- Информационно-правовое обеспечение. URL: <https://base.garant.ru/24909560> (дата обращения: 12.02.2021).
- Закон 2010 — Закон Республики Калмыкия от 29 июня 2010 г. № 195-IV-3 «О некоторых вопросах в сфере архивного дела в Республике Калмыкия» [электронный ресурс] // Система «Гарант». Информационно-правовое обеспечение. URL: <https://base.garant.ru/24917567> (дата обращения: 12.02.2021).
- Калмыкия... 2005 — Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы / сост. М. Л. Кичиков и др. Изд. 3-е, перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 780 с.
- Калмыкия... 2006 — Калмыкия в партизанском движении. 1941–1945 гг.: документы и материалы: [сборник] / сост. В. З. Атуева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 431 с.
- Книга памяти 2000 — Книга Памяти ссылки калмыцкого народа: сб. док. и материалов. Т. 3. Кн. 1: Широкаг. Широкастрой: списки калмыков-военнослужащих рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг. / сост.: А. Б. Баирова, Т. Ч. Бембеева, С. Э. Лиджи-Горяева, Р. В. Неяченко; отв. ред. Л. С. Бурчинова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 295 с.
- Коженбаева 2003 — *Коженбаева Л. П.* Работа архивных учреждений Республики Калмыкия по информационному обеспечению органов государственной власти и местного самоуправления // Российские архивы сегодня: взгляд извне и изнутри: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Саратов, 3–4 сент. 2003 г.) / отв. ред. Т. Ф. Павлова; сост.: Н. А. Петросова. Саратов: [б. и.], 2003. С. 333–339.
- Кодекс 2001 — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 04.02.2021).
- Кутушова 2006 — *Кутушова Н. Н.* История создания районных архивов // Архивная летопись. К 85-летию архивной службы Республики Калмыкия. Элиста: АПП «Джангар», 2006. С. 171–188.
- Манджиева, Ротова 2006 — *Манджиева Л. Б., Ротова Н. М.* Государственное учреждение «Государственный архив документов по личному составу РК» // Архивная летопись. К 85-летию архивной службы Республики Калмыкия. Элиста: АПП «Джангар», 2006. С. 159–160.
- Мыльников 2002 — *Мыльников В. А.* Состояние безопасности архивов и архивных фондов и пути решения этой проблемы в Астраханской области // Развитие архивного дела в Поволжье 1991–2000 (по материалам Зонального научно-методического совета архивных учреждений Поволжья) / сост.: Р. Ф. Пантюхина, Ю. И. Садчиков. М.: Изд. центр РОИА, 2002. С. 177–180.
- Об архиве 2021 — Об архиве [электронный ресурс] // Официальный сайт БУ РК «Национальный архив». URL: <https://kalmarhiv.ru/об-архиве/> (дата обращения: 15.08.2021).
- Основы 1992 — Основы законодательства РФ о культуре от 9 октября 1992 г № 3612-1 [электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (дата обращения: 10.02.2021).
- Память 2010 — Память – Санл. Т. 4: список имен погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / отв. ред. А. В. Цюрюмов, Л. Б. Шалданова, Е. Н. Убушаев. Элиста: Герел, 2010. 492 с.
- Пишу... 2000 — «Пишу это письмо с фронта...»: сб. писем / сост. А. О. Тапкина, Б. М. Иванова, И. А. Каруева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 269 с.
- Постановление 1992а — Постановление Совета министров Калмыцкой ССР от 24.03.1992 г. № 87 «О преобразовании Архивного управления при Совете Министров Калмыцкой АССР в Комитет по делам архивов Республики Калмыкия – Хальмг

- Тангч» [электронный ресурс] // Появление Национального архива Республики Калмыкия. Страница БУ РК «Национальный архив» в соцсети «В контакте». 22 октября 2021. URL: <https://vk.com/@nacarhiv08-poyavlenie-nacionalnogo-arhiva-respubliki-kalmykiya> (дата обращения: 12.08.2021).
- Постановление 1992б — Постановление СМ КССР от 22.12.1992 г. № 346 «О совершенствовании сети государственных и ведомственных архивов Республики Калмыкия–Хальмг Тангч» [электронный ресурс] // Появление Национального архива Республики Калмыкия. Страница БУ РК «Национальный архив» в соцсети «В контакте». 22 октября 2021. URL: <https://vk.com/@nacarhiv08-poyavlenie-nacionalnogo-arhiva-respubliki-kalmykiya> (дата обращения: 12.08.2021).
- Постановление 1992в — Постановление Верховного Совета РФ от 19.06.1992 г. «О временном порядке доступа к архивным документам и их использования» [электронный ресурс] // Система «Право». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102020454&backlink=1&&nd=102016887> / (дата обращения: 12.02.2021).
- Постановление 1993 — Постановление Правительства РФ от 23 августа 1993 г. № 838 «О реализации государственной политики в архивном деле» [электронный ресурс] // Система «Гарант». Информационно-правовое обеспечение. <https://base.garant.ru/6304504/> (дата обращения: 12.08.2021).
- Постановление 2000а — Постановление Правительства Республики Калмыкия от 13 апреля 2000 г. № 101 «О создании, сохранении и использовании страхового фонда документации объектов Республики Калмыкия» [электронный ресурс] // Сейчас.ру. Законодательство. URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/1238604> (дата обращения: 15.02.2021).
- Постановление 2000б — Постановление Правительства Республики Калмыкия от 5 июня 2000 г. № 147 «О создании республиканской информационной сети архивной службы РК [электронный ресурс] // Система «Гарант». Информационно-правовое обеспечение. URL: <https://base.garant.ru/24900954> (дата обращения: 12.02.2021).
- Постановление 2001а — Постановление правительства Республики Калмыкия от 26 июня 2001 г. № 177 «Об обеспечении сохранности и использовании документов по личному составу высвобождаемых работников» [электронный ресурс] // Система «Гарант». Информационно-правовое обеспечение. URL: <https://base.garant.ru/24907262> (дата обращения: 12.02.2021).
- Постановление 2001б — Постановление правительства Республики Калмыкия от 16 апреля 2001 г. № 106 «О проведении смотра сохранности документов Архивного фонда Республики Калмыкия в государственных и ведомственных архивах» [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/460200113> (дата обращения: 12.02.2021).
- Постановление 2002 — Постановление правительства Республики Калмыкия от 27 мая 2002 г. № 141 «О создании Государственного учреждения „Государственный архив электронной документации Республики Калмыкия“» [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/450213227> (дата обращения: 11.02.2021).
- Постановление 2011 — Постановление Правительства РК от 27 июня 2011 г. № 190 «Об учете архивных документов и архивных документов, относящихся к собственности РК» [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/460201026> (дата обращения: 15.08.2021).
- Распоряжение 2014 — Распоряжение Правительства Республики Калмыкия от 09.12.2014 г. № 422-р «О реорганизации казенного учреждения Республики Калмыкия „Национальный архив“ в форме присоединения казенного учреждения Республики Калмыкия „Государственный архив документов по личному составу“»

- [электронный ресурс] // Система «Гарант». Информационно-правовое обеспечение. URL: <https://base.garant.ru/24931474> (дата обращения: 10.02.2021).
- Распоряжение 2015 — Распоряжение Правительства РК от 29.12.2015 г. № 459-р «О реорганизации бюджетного учреждения Республики Калмыкия „Национальный архив“ в форме присоединения казенного учреждения Республики Калмыкия „Государственный архив электронной документации“ с сохранением основных целей деятельности указанных учреждений» [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/432976559> (дата обращения: 10.02.2021).
- Ссылка калмыков 1993 — Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 1: Ссылка калмыков: как это было...: сб. док. и материалов. Кн. 1 / сост.: П. Д. Бакаев, Н. Ф. Бугай, Л. С. Бурчинова и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 262 с.
- Ссылка калмыков 2001 — Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 1. Кн. 2: Ссылка калмыков: как это было...: сб. док. и материалов / сост.: В. З. Атуева, Л. С. Бурчинова, С. А. Гладкова и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 237 с.
- Тапкина 2003 — *Тапкина А. О.* Информатизация архивного дела в архивных учреждениях Поволжья // Российские архивы сегодня: взгляд извне и изнутри: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Саратов, 3–4 сент. 2003 г.) / отв. ред. Т. Ф. Павлова; сост.: Н. А. Петросова. Саратов: [б. и.], 2003. С. 87–99.
- Убушаев 1991 — *Убушаев В. Б.* Калмыки: Выселение и возвращение. 1943–1957 гг. Элиста: Санан, 1991. 92 с.
- Указ 1991а — Указ Президента РСФСР от 6.11.1991 г. № 169 «О деятельности КПСС и КП РСФСР» [электронный ресурс] // Сайт президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/385> (дата обращения: 15.02.2021).
- Указ 1991б — Указ Президента РСФСР от 24 августа 1991 г. «О партийных архивах» [электронный ресурс] // Система «Гарант». Информационно-правовое обеспечение. URL: <https://base.garant.ru/6318527> (дата обращения: 08.01.2021).
- Указ 1993 — Указ Президента РК от 23 апреля 1993 г. № 4-А «Об упразднении министерств и государственных комитетов РК – ХТ» [электронный ресурс] // Сейчас. ру. Законодательство. URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/1247221> (дата обращения: 15.02.2021).
- Указ 1994а — Указ Президента РФ от 17 марта 1994 г. № 552 «Об утверждении Положения об Архивном фонде Российской Федерации и Положения о Государственной архивной службе России [электронный ресурс] // Система «Гарант». Информационно-правовое обеспечение. URL: <https://base.garant.ru/5137047/> (дата обращения: 11.02.2021).
- Указ 1994б — Указ Президента РК от 29 ноября 1994 г. № 224 «О Комитете по делам архивов при Правительстве Республики Калмыкия» [электронный ресурс] // Появление Национального архива Республики Калмыкия. Страница БУ РК «Национальный архив» в соцсети «В контакте». 22 октября 2021. URL: <https://vk.com/@nacarhiv08-rouyavlenie-nacionalnogo-arhiva-respubliki-kalmykiya> (дата обращения: 11.02.2021).
- Указ 2000 — Указ Президента Республики Калмыкия от 06.10.2000 г. № 161 «Об электронном документообороте в Республике Калмыкия» (недействующий) [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/460200721> (дата обращения: 11.02.2021).
- Указ 2001 — Указ Президента Республики Калмыкия от 28 февраля 2001 г. № 34 «О Государственной программе по информатизации Республики Калмыкия на 2001–2002 гг.» [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/460202206> (дата обращения: 11.02.2021).
- Указ 2007а — Указ Главы Республики Калмыкия от 11 декабря 2007 г. № 195 «О совершенствовании органов исполнительной власти Республики Калмыкия» (не-

- действующий) [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/819028666> (дата обращения: 12.03.2021).
- Указ 2007б — Указ Главы Республики Калмыкия от 11 декабря 2007 г. № 196 «О структуре органов исполнительной власти» (недействующий) [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/460201074> (дата обращения: 12.03.2021).
- ФЗ 2004 — Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» [электронный ресурс] // Федеральное архивное агентство. Федеральные законы. URL: <https://archives.gov.ru/documents/fz/zakon-archivnoe-delo.shtml> (дата обращения: 15.02.2021).
- Фонды... 2002 — Фонды Национального архива Республики Калмыкия, 1713–1993 / сост.: В. З. Атуева [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 206 с.
- Цеменкова 2019 — *Цеменкова С. И.* История архивов России: XX – начало XXI века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 200 с.
- Шалданова 2002 — *Шалданова Л. Б.* Безопасность архивов и Архивного фонда Республики Калмыкия // Развитие архивного дела в Поволжье 1991–2000 (по материалам Зонального научно-методического совета архивных учреждений Поволжья) / сост. Р. Ф. Пантюхина, Ю. И. Садчиков. М.: Изд. центр РОИА, 2002. С. 168–177.
- Шалданова 2003 — *Шалданова Л. Б.* Роль архивных учреждений Республики Калмыкия в работе по реабилитации жертв политических репрессий // Российские архивы сегодня: взгляд извне и изнутри: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Саратов, 3–4 сент. 2003 г.) / отв. ред. Т. Ф. Павлова; сост.: Н. А. Петросова. Саратов: [б. и.], 2003. С. 95–99.
- Шалданова 2006 — *Шалданова Л. Б.* Архивное строительство в Калмыкии. 1918–2005 гг. // Архивная летопись. К 85-летию архивной службы Республики Калмыкия. Элиста: АПП «Джангар», 2006. С. 9–30.
- Юмашева 2016 — *Юмашева Ю. Ю.* Историография информатизации архивного дела (1991 – начало 2000-х гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 5. Ч. 2. С. 87–89.

References

- About the Archive. On: National Archive of Kalmykia (website). Available at: <https://kalmarhiv.ru/ob-arkhive/> (accessed: August 15, 2021). (In Russ.)
- Atueva V. Z. (comp.) Kalmykia in the [Soviet] Partisan Movement, 1941–1945: Documents and Materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 2006. 431 p. (In Russ.)
- Atueva V. Z. Department for Records of Public Organizations and Movements, National Archive of Kalmykia. In: The Archival Chronicles. Celebrating the 85th Anniversary of Kalmykia's Archival System. Elista: Dzhangar, 2006. Pp. 146–158. (In Russ.)
- Atueva V. Z. et al. (comps.) The National Archive of Kalmykia, 1713–1993: Collections Reviewed. 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 206 p. (In Russ.)
- Bugay, N. F. Operation Ulusy. L. Burchinova (ed.). Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 87 p. (In Russ.)
- Buttsinov E. E. Online Documentation Archive of Kalmykia. In: The Archival Chronicles. Celebrating the 85th Anniversary of Kalmykia's Archival System. Elista: Dzhangar, 2006. Pp. 165–168. (In Russ.)
- Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30 December 2001 No. 195-ФЗ. On: CONSULTANT PLUS Law Assistant System. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (accessed: February 4, 2021). (In Russ.)
- Decree of the Supreme Soviet of the Russian Federation of 19 June 1992 on Temporary Procedures Regulating Access to Archival Documents and Their Use. On: PRAVO Legal Information Portal. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&pre->

- vDoc=102020454&backlink=1&&nd=102016887 (accessed: February 12, 2021). (In Russ.)
- Decree of the Government of Russia of 23 August 1993 No. 838 on Implementation of Archival Affairs Policy. On: GARANT Legal Information System. Available at: <https://base.garant.ru/6304504/> (accessed: August 12, 2021). (In Russ.)
- Decree of the Government of the Republic of Kalmykia of 13 April 2000 No. 101 on Establishment, Preservation and Use of the Backup Set of Documentation of Kalmykia's Organizations. On: Seychas.ru (online news outlet). Legislation. Available at: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/1238604> (accessed: February 15, 2021). (In Russ.)
- Decree of the Government of the Republic of Kalmykia of 16 April 2001 No. 106 on Document Integrity Inspections in Kalmykia's Public and Departmental Archival Depositories. On: Online Legal and Technical Document Collection (KODEKS Consortium). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/460200113> (accessed: February 12, 2021). (In Russ.)
- Decree of the Government of the Republic of Kalmykia of 26 June 2001 No. 177 on Preservation and Use of Personnel Records on Discharged Employees. On: GARANT Legal Information System. Available at: <https://base.garant.ru/24907262> (accessed: February 12, 2021). (In Russ.)
- Decree of the Government of the Republic of Kalmykia of 27 June 2011 No. 190 on Archival Document Management for Kalmykia-Owned Assets. On: Online Legal and Technical Document Collection (KODEKS Consortium). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/460201026> (accessed: August 15, 2021). (In Russ.)
- Decree of the Government of the Republic of Kalmykia of 27 May 2002 No. 141 on Establishment of the State Online Documentation Archive of Kalmykia. On: Online Legal and Technical Document Collection (KODEKS Consortium). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/450213227> (accessed: February 11, 2021). (In Russ.)
- Decree of the Government of the Republic of Kalmykia of 5 June 2000 No. 147 on Establishment of the Republican Information Network for Kalmykia's Archival Service. On: GARANT Legal Information System. Available at: <https://base.garant.ru/24900954> (accessed: February 12, 2021). (In Russ.)
- Decree of the Head of the Republic of Kalmykia of 11 December 2007 No. 195 on [Structural] Improvements of Kalmykia's Government Bodies (repealed). On: Online Legal and Technical Document Collection (KODEKS Consortium). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/819028666> (accessed: March 12, 2021). (In Russ.)
- Decree of the Head of the Republic of Kalmykia of 11 December 2007 No. 196 on the Structure of [Kalmykia's] Government Bodies (repealed). On Online Legal and Technical Document Collection (KODEKS Consortium). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/460201074> (accessed: March 12, 2021). (In Russ.)
- Decree of the KASSR Council of Ministers of 22 December 1992 No. 346 on Upgrading of Public and Departmental Archives of Kalmykia–Khalmg Tangch. On: VK Social Networking Service (account of the National Archive of Kalmykia). Posted on October 22, 2021. Available at: <https://vk.com/@nacarhiv08-poyavlenie-nacionalnogo-arhiva-respubliki-kalmykiya> (accessed: August 12, 2021). (In Russ.)
- Decree of the KASSR Council of Ministers of 24 March 1992 No. 87 on Reorganizing the Archival Department Affiliated to the KASSR Council of Ministers as Archival Affairs Committee of the Republic of Kalmykia – Khalmg Tangch. On: VK Social Networking Service (account of the National Archive of Kalmykia). Posted on October 22, 2021. Available at: <https://vk.com/@nacarhiv08-poyavlenie-nacionalnogo-arhiva-respubliki-kalmykiya> (accessed: August 12, 2021). (In Russ.)
- Decree of the President of the Republic of Kalmykia of 23 April 1993 No. 4-A on Abolition of Ministries and State Committees of Kalmykia. On: Seychas.ru (online news outlet). Legislation. Available at: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/1247221> (accessed: February 15, 2021). (In Russ.)

- Decree of the President of the Republic of Kalmykia of 28 February 2001 No. 34 on the State IT Development Program for the Republic of Kalmykia, 2001–2002. On: Online Legal and Technical Document Collection (KODEKS Consortium). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/460202206> (accessed: February 11, 2021). (In Russ.)
- Decree of the President of the Republic of Kalmykia of 29 November 1994 No. 224 on the Archival Affairs Committee Affiliated to the Government of Kalmykia. On: VK Social Networking Service (account of the National Archive of Kalmykia). Posted on October 22, 2021. Available at: <https://vk.com/@nacarhiv08-poyavlenie-nacionalnogo-arhiva-republiki-kalmykiya> (accessed: February 11, 2021). (In Russ.)
- Decree of the President of the Republic of Kalmykia of 6 October 2000 No. 161 on Electronic Document Flow in the Republic of Kalmykia (repealed). On: Online Legal and Technical Document Collection (KODEKS Consortium). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/460200721> (accessed: February 11, 2021). (In Russ.)
- Decree of the President of the RSFSR of 24 August 1991 on Party Archives. On: GARANT Legal Information System. Available at: <https://base.garant.ru/6318527> (accessed: January 8, 2021). (In Russ.)
- Decree of the President of the RSFSR of 6 November 1991 No. 169 on Activities by the CPSU and the CP RSFSR. On: Website of the President of Russia. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/385> (accessed: February 15, 2021). (In Russ.)
- Decree of the President of the Russian Federation of 17 March 1994 No. 552 on Confirmation of Russia's Archival Assets Regulations and the Statute of the Federal Archival Service. On: GARANT Legal Information System. Available at: <https://base.garant.ru/5137047/> (accessed: February 11, 2021). (In Russ.)
- Dorzhdeev A. V. (ed.) Government Authorities of Kalmykia, 1918–2000: Past and Present. Elista: Kalmykia Book Publ., 2000. 255 p. (In Russ.)
- Edict of the Government of the Republic of Kalmykia of 29 December 2015 No. 459-p on Reorganizing the National Archive of Kalmykia via a Merger with the State Online Documentation Archive of Kalmykia. On: Online Legal and Technical Document Collection (KODEKS Consortium). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/432976559> (accessed: February 10, 2021). (In Russ.)
- Edict of the Government of the Republic of Kalmykia of 9 December 2014 No. 422-p on Reorganizing the National Archive of Kalmykia via a Merger with the Personnel Records Archive of Kalmykia. On: GARANT Legal Information System. Available at: <https://base.garant.ru/24931474> (accessed: February 10, 2021). (In Russ.)
- Federal Law on Archival Affairs in the Russian Federation. On: Federal Archival Agency (website). Federal Laws. Available at: <https://archives.gov.ru/documents/fz/zakon-arhivnoe-delo.shtml> (accessed: February 15, 2021). (In Russ.)
- Fundamentals of Russian Legislation on Culture of 9 October 1992 No. 3612-1. On: CONSULTANT PLUS Law Assistant System. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (accessed: February 10, 2021). (In Russ.)
- Katushov K. P., Ochirova Z. B. (comps.) Basan Gorodovikov: Memoirs, Studies, Documents. 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 2000. 318 p. (In Russ.)
- Kichikov M. L. et al. (comps.) Kalmykia in the Great Patriotic War of 1941–1945: Documents and Materials. 3rd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 2005. 780 p. (In Russ.)
- Kozhenbaeva L. P. Archival institutions of Kalmykia to render information support to regional and municipal authorities. In: Petrosova N. A. (comp.) Russian Archives Nowadays: Internal and External Perspectives. Conference proceedings (Saratov; September 3–4, 2003). T. Pavlova (ed.). Saratov, 2003. Pp. 333–339. (In Russ.)
- Kutushova N. N. The shaping of [Kalmykia's] district archives: A history. In: The Archival Chronicles. Celebrating the 85th Anniversary of Kalmykia's Archival System. Elista: Dzhangar, 2006. Pp. 171–188. (In Russ.)

- Law of the Republic of Kalmykia of 14 May 2001 No. 114-II-3 on Administrative Liability for Breach of Kalmykia's Archival Legislation. On: GARANT Legal Information System. Available at: <https://base.garant.ru/24905403> (accessed: February 15, 2021). (In Russ.)
- Law of the Republic of Kalmykia of 17 June 2002 No. 214-II-3 on Introduction of Amendments and Additions to the Law On a Compulsory Free Copy of Kalmykia's Documents. On: Online Legal and Technical Document Collection (KODEKS Consortium). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/804910463?marker> (accessed: February 12, 2021). (In Russ.)
- Law of the Republic of Kalmykia of 20 December 2005 No. 247-III-3 on Granting of Certain Kalmykia-Administered Archival Affairs Powers to Local Self-Governing Bodies. On: GARANT Legal Information System. Available at: <https://base.garant.ru/24909560> (accessed: February 12, 2021). (In Russ.)
- Law of the Republic of Kalmykia of 29 June 2010 No. 195-IV-3 on Some Issues of Kalmykia's Archival Affairs. On: GARANT Legal Information System. Available at: <https://base.garant.ru/24917567> (accessed: February 12, 2021). (In Russ.)
- Law of the Republic of Kalmykia of 7 July 1997 No. 76-I-3 on Kalmykia's Archival Assets and Depositories (repealed). On: Online Legal and Technical Document Collection (KODEKS Consortium). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/804910231> (accessed: February 15, 2021). (In Russ.)
- Mandzhieva L. B., Rotova N. M. The Personnel Records Archive of Kalmykia. In: *The Archival Chronicles. Celebrating the 85th Anniversary of Kalmykia's Archival System*. Elista: Dzhangar, 2006. Pp. 159–160. (In Russ.)
- Mylnikov V. A. Security status of archives and archival assets: Solutions and approaches in Astrakhan Oblast. In: Pantyukhina R. F., Sadchikov Yu. I. (comps.) *Development of Archival Affairs in the Volga Region, 1991–2000: Collected Materials of the Research Guidance Council for Archival Institutions of the Volga Region*. Moscow: Russian Society of Historical Archivists (ROIA), 2002. Pp. 177–180. (In Russ.)
- Repulo L. V. (comp.) *Archives of Russia: Moscow and St. Petersburg. Reference book and bibliographical guide*. V. Kozlov, P. Grimsted (eds.). Moscow: Arkheograficheskiy Tsentr, 1997. 1070 p. (In Russ.)
- Shaldanova L. B. Archival assets and depositories of Kalmykia: Security status revisited. In: Pantyukhina R. F., Sadchikov Yu. I. (comps.) *Development of Archival Affairs in the Volga Region, 1991–2000: Collected Materials of the Research Guidance Council for Archival Institutions of the Volga Region*. Moscow: Russian Society of Historical Archivists (ROIA), 2002. Pp. 168–177. (In Russ.)
- Shaldanova L. B. Kalmykia's archival service under construction, 1918–2005. In: *The Archival Chronicles. Celebrating the 85th Anniversary of Kalmykia's Archival System*. Elista: Dzhangar, 2006. Pp. 9–30. (In Russ.)
- Shaldanova L. B. Rehabilitating victims of political repressions: Impacts of Kalmykia's archival institutions revisited. In: Petrosova N. A. (comp.) *Russian Archives Nowadays: Internal and External Perspectives. Conference proceedings (Saratov; September 3–4, 2003)*. T. Pavlova (ed.). Saratov, 2003. Pp. 95–99. (In Russ.)
- Tapkina A. O. IT development of archival services in the Volga Region. In: Petrosova N. A. (comp.) *Russian Archives Nowadays: Internal and External Perspectives. Conference proceedings (Saratov; September 3–4, 2003)*. T. Pavlova (ed.). Saratov, 2003. Pp. 87–99. (In Russ.)
- Tapkina A. O., Ivanova B. M., Karueva I. A. (comps.) *'Writing This from Frontline Positions ...': Collected Letters*. Elista: Kalmykia Book Publ., 2000. 269 p. (In Russ.)
- The Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 1: Kalmyk Deportation. How It Was. Book 1. Collected documents and materials. P. Bakaev, N. Bugay, L. Burchinova et al. (comps.) Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 262 p. (In Russ.)

- The Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 1: Kalmyk Deportation. How It Was. Book 2. Collected documents and materials. V. Atueva, L. Burchinova, S. Gladkova et al. (comps.) Elista: Kalmykia Book Publ., 2001. 237 p. (In Russ.)
- The Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 2: 'Deported ... To the End of Time'. Book 1: А–К. K. Maksimov, S. Badmaev et al. (eds.) Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 336 p. (In Russ.)
- The Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 2: 'Deported ... To the End of Time'. Book 2: Л–Я. K. Maksimov, S. Badmaev et al. (eds.) Elista: Kalmykia Book Publ., 1994. 544 p. (In Russ.)
- The Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 3. Book 1: Shiroklag. Shirokstroy. Lists of Kalmyk [Red Army] Soldiers and Non-Commissioned Officers Withdrawn from Frontline Service in 1944–1945. A. Bairova et al. (comps.), L. Burchinova (ed.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2000. 295 p. (In Russ.)
- Tsemenkova S. I. Archives of Russia, 20th – Early 21st Century: A History. Yekaterinburg: Ural State University, 2019. 200 p. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V., Shaldanova L. B., Ubushaev E. N. (eds.) The Memory – Sanl. Vol. 4: List of Names of [Kalmykia's Residents] Killed and Missed in Action during the Great Patriotic War of 1941–1945. Elista: Gerel, 2010. 492 p. (In Russ.)
- Ubushaev V. B. The Kalmyks: Deportation and Return, 1943–1957. Elista: Sanan, 1991. 92 p. (In Russ.)
- Yeremchenko V. L. In-house keeping of documents under contemporary conditions. *Otechestvennyye arkhivy*. 1992. No. 5. Pp. 8–15. (In Russ.)
- Yumasheva Yu. Yu. Historiography of archive's informatization in the Russian Federation (1991 – early 2000s). *Historical and Social Educational Idea*. 2016. Vol. 8. No. 5. Part 2. Pp. 87–89. (In Russ.)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 94(57)+811.512

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-334-343

Об одном бурятском этнониме в якутской среде: *mököröön > *mögürüön* ~ *möñürüön* ‘Мегюрен’

Баур Зориктоевич Нанзатов¹, Владимир Владимирович Тишин²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov@yandex.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-7344-0996. E-mail: tihij-511@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Нанзатов Б. З., Тишин В. В., 2022

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена изучению наименования *Мегюрен* (як. *Möñürüön* < *Mögürüön*), известного как название нескольких административно-территориальных единиц на территории Якутии, в основном в составе Мегинского (як. *Mäñä*) улуса. Это наименование не обнаружено в письменных источниках XVII в., когда появляются первые русскоязычные документы, сообщающие о якутах. Уже Э. К. Пекарский указал на то, что якутское слово *mögürüön* ‘округло-толстый’ может быть монгольским заимствованием, в частности, находя соответствие в бурятской среде. В дальнейшем ни само слово, ни соответствующий этноним не привлекали внимания исследователей. *Цель исследования* — анализ происхождения слова, лежащего в основе этого названия. *Материалы и методы.* В условиях отсутствия ранних исторических свидетельств авторы статьи опирались на лингвистические источники, анализируя фонетический облик рассматриваемого якутского наименования, а также сопоставимую лексику в других языках, прежде всего монгольских. Это не только словарный фонд, но и материалы личной ономастики. В ограниченной степени оказалось возможным привлечь данные фольклора. *Выводы.* Анализ фонетики якутского этнонима *möñürüön* в сопоставлении с разными формами слова в бурятских говорах позволяет прийти к выводу, что оно проникло в якутскую среду именно из языка, близкого по своим особенностям к бурятским говорам западного ареала, характеризующимся употреблением в первом слове /ö/, соответствующего литературному /ü/, а также последовательной лабиализацией. Другие признаки позволяют очертить верхнюю границу проникновения слова в якутскую среду, ограничив ее XVII в.: это фиксация в самом якутском языке ассимиляции /g/ > /ŋ/, наличие долгого гласного на месте комплекса -VgV- и фиксация интервокального /g/, развившегося из монгольского /k/, еще не перешедшего в бурятский /χ/.

Ключевые слова: буряты, якуты, этноним, кочевнические народы, этнонимика, ономастика, фонетическая реконструкция

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.), № 121031000243-5; проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1).

Для цитирования: Нанзатов Б. З., Тишин В. В. Об одном бурятском этнониме в якутской среде: *mököröön > *mögürüön* ~ *möñürüön* ‘Мегюрен’// Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 334–343. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-334-343

***Mököröön > *Mögürüön* ~ *Möñürüön* ‘Megüren’: One Ethnonym of Buryat Origin in Yakut Discourse Revisited**

*Bair Z. Nanzatov*¹, *Vladimir V. Tishin*²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov@yandex.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-7344-0996. E-mail: tihij-511@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Nanzatov B. Z., Tishin V. V., 2022

Abstract. Introduction. The article examines the onym *Megüren* (Yak. *Möñürüön* < *Mögürüön*) used as a name of several administrative units in the territory of Yakutia, mainly those included in Meginsky (Yak. *Mäñä*) District. The available 17th-century written sources — i.e. earliest Russian-language documents on Yakuts — mention no such onym. And it was E. Pekarsky who already pointed out that the Yakut word *mögürüön* ‘round-thick’ could be a Mongolic borrowing and, in particular, tended to trace parallels in the Buryat language. Subsequent researchers paid no attention to both the word and the corresponding ethnonym. **Goals.** The paper aims to analyze origins of the word the ethnic name stems from. **Materials and methods.** In the absence of early historical accounts, the work explores linguistic sources to investigate phonetic appearances of the Yakut onym in question and comparable data in other languages, primarily Mongolic ones. The latter include not only vocabularies but also materials dealing with personal onomastics. Some folklore elements also prove instrumental in settling the issue. **Conclusions.** The analysis of phonetic properties inherent to the Yakut ethnonym *möñürüön* — in comparison with different forms of the word in Buryat dialects — makes it possible to conclude that it penetrated the Yakut discourse precisely from a language essentially close to western Buryat dialects characterized by the use of /ö/ in the first syllable (/ü/ in standard Buryat) and vowel labialization in non-first syllables. Other features outline the upper chronological limit of the word’s arrival in Yakut to the late 17th century since the observed properties are as follows: /g/ > /ŋ/ assimilation; presence of a long vowel in -VgV-complex, and the intervocalic /g/ from the Mongolic /k/ not yet transformed into the Buryat /χ/.

Keywords: Buryats, Yakuts, ethnonym, nomadic peoples, ethnonymy, onomastics, phonetic reconstruction

Acknowledgments. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000243-5 ‘Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Cross-Cultural Interactions’ and no. 121031000241-1 ‘Historical Space of the Mongol World: Archaeological Cultures, Societies and States’.

For citation: Nanzatov B. Z., Tishin V. V. **Mököröön > Mögürüön ~ Möñürüön* ‘Megüren’: One Ethnonym of Buryat Origin in Yakut Discourse Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(2): 334–343. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-334-343

Введение

В наименовании административно-территориальных единиц Якутии и исторической личной ономастике якутов отмечено множество случаев, когда лежащие в их основе слова восходят к этнонимам, значительная часть из которых при этом не просто имеет параллели в среде монгольских народов, но непосредственно восходит к монгольской (в широком лингвистическом понимании) среде (см., напр.: [Нанзатов, Тишин 2020; Нанзатов 2021; Нанзатов, Тишин 2021a; Нанзатов, Тишин 2021б]). Для некоторых из таких наименований, исходя из их фонетического облика, если он с определенной степенью надежности может быть установлен, оказывается возможным не только выдвинуть предположения о связи с конкретной группой монгольских языков, но даже очертить вероятную хронологию их проникновения в якутскую среду. Кроме довольно известных таких названий, связанных с крупными административно-территориальными формированиями (чаще всего улусами, восходящими к объединениям, именуемым в русскоязычных источниках «волостями»), существует ряд названий более мелких подразделений (наслегов, так называемых «родов»), упоминания которых в письменных источниках к тому же не часты. В данной статье рассматривается один из таких случаев.

В реестре якутских этнонимов фигурирует наименование, которое мы смогли обнаружить в следующих источниках.

В данных переписи населения Российской империи 1897 г. значатся такие наименования административно-территориальных ведомств в составе Якутской области: Мегюренский наслег Мегинского улуса [Патканов 1912: 729], Мегюренский род 1-го Игидейского наслега Баягантайского улуса [Патканов 1912: 734], Мегюренский род 1-го Мельжахсинского наслега Мегинского улуса [Патканов 1912: 730], и, может быть, сюда же относится Могорудский род 2-го Мальжагарского наслега Западно-Кангаласского улуса [Патканов 1912: 718].

Заметим, что в словаре Э. К. Пекарского [Пекарский 1959: 1612], значатся два Мегюренских наслега в составе Мегинского улуса (см. ниже).

По более новым данным, «Мегюренские наслеги Мегино-Кангаласского района (б. Мегинского улуса) расположены: I Мегюренский — севернее озера Тюнгилюю в сторону Ольтекского наслега Усть-Алдайского района, II Мегюренский — к востоку от села Майи — центра Мегино-Кангаласского района» [Исторические предания 1960: 159, 293, прим. 1].

В настоящее время известен только один наслег с названием «Мегюренский», центр которого находится в селе Матта. Касаемо 2-го Мегюренского наслега,

упоминаемого в первой половине XX в., можно допустить возможность формирования 2-го наслега на основе Мегюренского рода 1-го Мельжахсинского наслега Мегинского улуса (совр. Мелдехсинского наслега Мегино-Кангаласского улуса).

Следует отметить, что в XVII в., когда появляются первые письменные свидетельства о якутах, представленные русскоязычными документами, в которых среди прочих отмечена и «Мегинская волость», никаких наименований, которые можно было бы надежно связать с ее внутренними подразделениями (по крайней мере, известными в качестве таковых позже), не упоминается (ср.: [Долгих 1960: 375]).

Материалы и методы

В связи с недостаточной обеспеченностью сведениями письменных источников, в данной статье авторам пришлось опираться только на фонетический облик рассматриваемого названия якутских административно-территориальных единиц, прибегая к формальному анализу аналогий, которые можно обнаружить в других языках. Именно сравнительный материал позволяет надежно определить это слово как монголизм, при этом, по-видимому, настолько очевидный (уже К. Э. Пекарскому), что на нем не останавливались специально известные исследователи монгольских заимствований в якутский язык (Ст. Калюжинский, В. И. Рассадин). Между тем углубленное внимание к вопросам фонетики, а также привлечение данных личной ономастики и фольклора позволяет сделать несколько более определенных выводы о происхождении рассматриваемого названия одной из якутских административно-территориальных единиц.

Сведения языка

В «Словаре якутского языка», изданного Э. К. Пекарским, во втором томе, соответствующая часть которого издана еще в 1923 г., значится статья «Мөңүрүөн», содержащая следующий текст:

«мөңүрүөн = мөгүрүөн

1) довольно большой, крупный, огромный, толстый (ягоды, песок, камень, деревья); мөңүрүөн кісі человек округлый, с округлыми формами, *Ион.*¹; äт мөңүрүөн круглотелый.

2) угорь (сыпь) *Б.*²

3) молочница (у детей) *Б.*

4) название двух наслегов (Мегюренских) в улусе Мäңä [Пекарский 1959: 1612].

В статье «Мөгүрүөн, мөбүрүөн», на которую дана перекрестная ссылка, среди значений этого слова какого-либо названия административно-территориального ведомства не значится, но она содержит такой текст:

«мөгүрүөн, мөбүрүөн [от мөгүр + үөн; ср. бур. мөхөрөн круглый-шаровидный, шар, *Подг.*³] = мөңүрүөн

¹ Одна из работ В. М. Ионова.

² Словарь О. Бёттлинга.

³ Имеется в виду ссылка на «Русско-монголо-бурятский словарь» И. А. Подгорбунского, изданный в Иркутске в 1909 г.

округло-толстый, *Пор.*¹; мөгүрүүн балабан юрта со стенами из кругляшей *Новг.*² (ср. суорү балабан); Мөгүрүүн хотун женское имя Обр. I, 450³) [Пекарский 1959: 1601].

Несмотря на предложенную этимологию на основе якутского языка, отсылавшую бы к як. *mögür* ‘округленный’, указание на соотнесение якутского слова с бурятским имеет большее значение.

В «Этимологическом словаре монгольских языков», готовившемся под редакцией Г. Д. Санжеева, но увидевшем свет только во второй половине второго десятилетия XXI в., содержится только указание на соответствующее слово в бурятском языке и не зарегистрированную в письменно-монгольских текстах, предположительно реконструируемую форму: ⁰*möküriyen* (*mökü²-riyen) бур. *мүхэрөөн* ‘круглый, шарообразный’, с указанием в качестве возможных параллелей маньчж. *muхeliyen* ‘круглый’; *muхeren* ‘кружок, кольцо’ [ЭСМЯ 2016: 176].

В «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» можно найти маньчж. *мухэрэн* ‘1) кружок’, ‘2) кольцо’ в статье про основу *мухэргү(н)* ‘кольцо’, где среди монгольских параллелей также приведено бур. *мүхэрөөн* ‘круглый, шарообразный’, там же приведено письм.-монг. *mökülig ~ mökürig* id., халх-монг. *mөхлөг* id. [ССТМЯ 1975: 554]. В связи с указанным последним рядом слов в специальном исследовании, посвященном монгольским заимствованиям, маньчж. *muхeliyen* ‘round’ отмечено как монголизм [Rozycki 1994: 211].

В бурятской личной ономастике регистрируется имя *Мүхэрээн ~ Мүхэрөөн* ‘круглый’, относимое А. Г. Митрошкиной к «именам от апеллятивов с положительной семантикой» [Митрошкина 1987: 95]. Огубленный вариант, очевидно, является вторичным и приближается к особенностям бурятских говоров западного ареала. Ср. в академическом «Бурятско-русском словаре»: *мүхэрээн* лит., *мүхэрөөн* ‘круглый; шарообразный’ [Шагдаров, Черемисов 2006: 571]. Гласный второго слога, находящийся в слабой позиции, мог быть в устной речи подвергнут редукции, ср.: *мүхрөөн* [Балдаев 1961: 259]. Зафиксированный в первом слоге /ү/ отражает восточно-бурятское влияние, в то время как в западных говорах известны формы с полушироким неогубленным гласным: *мөхөр’өн*⁴ балаганское ‘круглый, шаровидный’ [Подгорбунский 1909: 136], тункинское, балаганское ‘шар’, балаганское ‘шарик из кости, в который вставляется железный наконечник стрелы *бүхү*’ [Подгорбунский 1909: 332].

Ф. Г. Сафронов приводит среди отмеченных в русскоязычных записях такие якутские имена, как *Мекорюн, Мекюрюк, Мокоряк* [Сафронов 1985: 88]. В якутском языке в словах с полушироким неогубленным гласным в первом слоге ассимиляция неогубленных гласных непервого слога завершилась, по крайней мере, к XVII в. [Stachowski 2005: 199, 201, 202].

Учитывая узость спектра отмеченных параллелей, версия о непосредственно бурятском происхождении якутского слова остается оптимальной. Якутская

¹ Рукописный «Якутско-русский словарь» П. Ф. Порадина.

² Информант С. А. Новгородов.

³ Имеются в виду материалы, связанные с составленным С. В. Обручевым «Списком якутских и тунгусских географических названий, помещаемых на карту хр. Черского и верховьев р. Индигирки».

⁴ В орфографии словаря И. А. Подгорбунского палатализованный согласный выделяется путем обозначения его курсивом.

форма *mögüröön*, таким образом, полностью соответствовала бы по своему фонетическому облику бурятскому источнику, учитывая закономерности развития письм.-монг. *-k-* в соответствующей позиции (в бурятских говорах, как и в других монгольских языках, для XVIII в. отмечено параллельное употребление /k/ и /χ/, но в бурятских говорах в словах с переднерядным вокализмом /χ/ встречается чаще) [Будаев 1992: 55].

Развитие в якутском языке форм с носовым согласным второго слога объясняется закономерным *-z- > -ng-* в ряде тюркских языков, в данном случае обусловленное, вероятно, конечным носовым *-n* [СИГТЯ 1984: 340]. В якутском языке это явление зафиксировано, по крайней мере, уже к началу XVII в. [Stachowski 2005: 199, 201, 202].

Сведения фольклора

Согласно преданию, записанному в 1940 г. у жителя I Мегюренского наслега Мегино-Кангаласского улуса тогда Якутской ССР, в качестве основателя Мегюренских наслегов (Мбнүрүөн) фигурирует некий Чэнкэбэр Энин, пришедший на р. Сола (Суола), на правом берегу р. Лены, прогнав оттуда людей из племени *Табыс* («...“Табыс” диэн омуктар ураһанан...»)¹ [Исторические предания 1960: 159–160].

В литературе нам также встретилось упоминание сказания «Рожденный от Мегюрена Тойона добрый молодец Бэриэт Бэргэн» [Якутский героический эпос 1996: 423]. Очевидно, подобных сказаний больше, но в данном случае имеет значение сам факт существования наименования административно-территориальной единицы, восходящей к этнониму в качестве личного имени персонажа эпических сказаний, что является регулярным для якутской традиции.

Среди реестра бурятских этнонимов подобный нам не известен. Следует, однако, отметить, что С. П. Балдаев зафиксировал в 1947 г. у сказителя из улуса Шанаевский II Холтубаева рода личное имя *Мүхэрөөн* у одного из потомков Хоогоя в 6-м поколении [Балдаев 1970: 149]. Примечательно, что в других версиях генеалогических преданий это имя отсутствует, хотя прямой родственной связью соединены лица, упомянутые соответственно как его отец и сын [Балдаев 1970: 140]. Но отец его носителя в указанном предании, *Мүхөөшэ*, сын Хордоона, отделяется от Мухэшкэ Хордонова, фигурирующего в качестве основателя улуса Шанаевский: «От него теперь идет 11-е поколение». В таком же статусе он упомянут в другом предании как Мухэши, сын Хорона [Балдаев 1970: 149]. Как видно, уже один и тот же информант утратил понимание связи между теми или иными деятелями, оставившими свои имена в преданиях. С этим же персонажем, пришедшим с устья р. Кахи уже в период появления русских, традиция связывает основание улусов Шилха и Шабарта [Балдаев 1970: 134].

¹ Существует мнение, что данное наименование есть, «возможно, акающая форма названия наслегов *Тобус*. Наслеги *Тобус*, в официальном написании „Тогуйские“, имеются в Вилюйском районе в б. Средне-Вилюйском улусе. По документам, они там встречаются с XVII в. Тогуйский род был в Онерском наслеге Дюпсинского улуса (ныне Усть-Алданского района)» [Исторические предания 1960: 159, 293, прим. 2].

Возможные интерпретации

В условиях отсутствия каких-либо письменных исторических свидетельств приходится опираться только на исторические аналогии и оставаться в рамках гипотез. Первое допускает объяснение происхождения наименования як. *mönjürüön* < *mögürüön* < бур. **mököröön* как этнонима от личного имени, например какого-либо предводителя, может быть, приведшего подвластный ему коллектив людей на места последующего обитания или возглавившего его уже здесь, т. е. некоторого «родоначальника». Это достаточно распространенное явление в истории кочевнических народов.

Другой вариант объяснения более сложный. В бурятском предании, где фигурирует личное имя *Мүхэрөөн*, записанном С. П. Балдаевым, равно как и в других версиях отмеченной там генеалогии, упоминаются имена, связанные с какими-либо этнонимами (которые собственно в преданиях и обыгрываются путем персонификации — по крайней мере: Хоогой, Холтубай и, может быть, Хордоон) или являются, по меньшей мере, предводителями каких-то групп населения, передвижения которых впоследствии привели к образованию отдельных поселений (улусов). Сохранение таких имен в устной традиции обусловлено существованием к моменту записи предания людей, идентифицирующих себя с конкретным соответствующим «родом» (бур. *ураг*, *яһан*, *соло*, *обог/омог*). Наличие подобных персонифицированных этнонимов позволяет отследить участие древних племен и народов Внутренней Азии и Сибири в формировании бурятских этнических подразделений. Необходимо отметить, что следует учитывать фактор оформления бурятских подразделений в так называемые «административные роды» в XVII–XVIII вв. в рамках «землиц» и «поколений», впоследствии переименованных в инородные управы, степные конторы и далее — степные думы. В условиях административной системы, установленной российскими властями, малочисленные подразделения бурят не смогли оформить отдельные «административные роды» и, соответственно, оказались включены в состав «родов» более многочисленных соседей, оставаясь в таком положении в течение трех столетий. В некоторых случаях такие подразделения пытались создать свои собственные административные единицы и в XIX в., но чаще эти немногочисленные группы глубже интегрировались в среду своих более многочисленных соседей по «административному роду», в том числе и на уровне включения в общую родословную. В данном конкретном случае, исключительно в качестве гипотезы, возможно предположить существование некоего раннебурятского подразделения *мөхөрөөн* ~ *мүхэрөөн* в среде племенного объединения, известного как *Обогони олон*, и, следовательно, либо возникшего из племени *холтубай*, либо влившегося в его состав. Возможно также обратить внимание на близость в переданной традицией родословной связанного с рассматриваемым названием коллектива эпонима к таким наименованиям, как *Мүхэшиэ* (отец) и *Ярбаг* (брат), а также наличие сопоставимых с ними по фонетическому облику и, вероятно, этимологически, эпонимов в ранних поколениях родословных других бурятских подразделений¹. Можно было бы допустить, что наименование *мөхөрөөн* ~ *мүхэрөөн* было связано с

¹ Мэхэши и Ирбаг в алагуйских родословных [Балдаев 1970: 54, 55]; Мухэлэй и Ирбан в харанутских родословных [Балдаев 1970: 172, 173].

группой населения, предположительно именовавшейся *мүхэшэ / мэхэши*, но степень надежности такой реконструкции требует дальнейших исследований.

Заключение

Наименование *мөңүрүүн* < *мөгүрүүн* непосредственно восходит к монгольскому языку бурятского типа, при этом, по-видимому, к языку, близкому к бурятским говорам западного ареала (< *mököröön), где отмечены формы *мөхөрөөн* ‘шар’, *мүхэрөөн* ‘круглый, шарообразный’, при литературном *мүхэрээн* id. Косвенные фонетические признаки якутского слова (впрочем, не слишком явные), такие как существование формы с /ŋ/ < /g/ < монг. /k/, как и наличие долгого гласного, восходящего к комплексу -VgV-, позволяют предполагать попадание слова в якутскую среду не позднее XVII в. Реконструкция исторического контекста затруднена отсутствием каких-либо письменных источников.

Литература

- Балдаев 1961 — *Балдаев С. П.* Бурятские народные песни (дореволюционные). Т. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. 292 с.
- Балдаев 1970 — *Балдаев С. П.* Родословные предания и легенды бурят. Ч. I: Булагаты и эхириты. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 364 с.
- Будаев 1992 — *Будаев Ц. Б.* Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). Новосибирск: Наука, 1992. 217 с.
- Долгих 1960 — *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 662 с.
- Исторические предания 1960 — Исторические предания и рассказы якутов = Саха былыргы сээннэрэ уонна кэпсээннэрэ. Ч. 1 / изд. подгот. Г. У. Эргис; под ред. А. А. Попова; [отв. ред. Н. В. Емельянов]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 322, [1] с.
- Митрошкина 1987 — *Митрошкина А. Г.* Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.
- Нанзатов, Тишин 2020 — *Нанзатов Б. З., Тишин В. В.* К бурятско-якутским этническим связям: *игидэй* и *эхирид* // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 32. С. 26–36.
- Нанзатов 2021 — *Нанзатов Б. З.* Бурятско-якутские этнические связи: салджиут, хангин, сартул, олёт // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 2(32). С. 137–150.
- Нанзатов, Тишин 2021а — *Нанзатов Б. З., Тишин В. В.* К бурятско-якутским этническим связям: *ataɣaj // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2021. № 2(42). С. 45–54.
- Нанзатов, Тишин 2021б — *Нанзатов Б. З., Тишин В. В.* К бурятско-якутским этническим связям: *jimken || *емкон, *жемкон // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2021. Т. 35. С. 100–117.
- Патканов 1912 — *Патканов С. К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.): в 3 т. СПб.: Тип. «Ш. Буссель». 1912. Т. III: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. С. 430–1002.
- Пекарский 1959 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. 2-е изд. М.: АН СССР, 1959. Т. II. Вып. 5–9. Стб. 1281–2508, VIII с.
- Подгорбунский 1909 — *Подгорбунский И. А.* Русско-монголо-бурятский словарь. Иркутск: Тип. П. Макушина и В. Посохина, 1909. 340 с.

- Сафронов 1985 — Сафронов Ф. Г. Дохристианские личные имена народов Северо-Востока Сибири (Историко-этнографический обзор и именник). Якутск: Якут. кн. изд-во, 1985. 200 с.
- СИГТЯ 1984 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1984. 488 с.
- ССТМЯ 1975 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю: в 2 т. Т. 1: А–Н / отв. ред. В. И. Цинциус; авт. предисл. проф. О. П. Суник. Л.: Наука, 1975. 672 с.
- Шагдаров, Черемисов 2006 — Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-орон толи: хоёр боти = Бурятско-русский словарь: в 2 т. Улан-Удэ: Респ. тип., 2006. Т. 1. А–Н. 636 с.
- ЭСМЯ 2016 — Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред.: Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2016. Т. II. G–P. 232 с.
- Якутский героический эпос 1996 — Якутский героический эпос. Могучий Эр Соготох / сказитель В. О. Каратаев; магнитофон. запись, подгот. текста В. В. Илларионова; пер. П. Е. Ефремова [и др.]; ред. пер. Е. Н. Кузьмина, С. П. Рожнова; вступ. ст. Н. В. Емельянова, В. В. Илларионова; музыковед. ст. Э. Е. Алексеева. Новосибирск: Наука; Сиб. издат. фирма РАН, 1996. 439 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 10).
- Rozycki 1994 — Rozycki W. Mongol Elements in Manchu. Bloomington: Indiana University, 1994. 255 p. (Uralic and Altaic Series. Vol. 157).
- Stachowski 2005 — Stachowski M. Chronology of some Yakut phonetic changes in the context of 18th century Mongolian loanwords into Yakut // Rocznik Orientalistyczny. 2005. Т. 58. No. 1. Pp. 194–203.

References

- Baldaev S. P. Buryat Folk Songs (The Prerevolutionary Era). Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1961. Vol. 1. 292 p. (In Russ.)
- Baldaev S. P. Genealogical Tales and Legends of Buryats. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1970. Vol. I: The Bulagat and the Ekhirit. 364 p. (In Russ.)
- Budaev Ts. B. Buryat Dialects: A Diachronic Study. Novosibirsk: Nauka, 1992. 217 p. (In Russ.)
- Dolgikh B. O. Peoples of Siberia, 17th Century: Clan and Tribal Structures Reviewed. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. 662 p. (In Russ.)
- Ergis G. U. (comp.) Historical Tales and Stories of Yakuts. A. Popov, N. Yemelyanov (eds.). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960. Vol. 1. 322, [1] p. (In Russ. and Yak.)
- Mitroshkina A. G. Buryat Anthroponymy. Novosibirsk: Nauka, 1987. 222 p. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z. Buryat-Yakut ethnic ties: saljiut, qanġin, sartul, öläd. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2021. No. 2(32). Pp. 137–150. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z., Tishin V. V. On the Buryat-Yakut ethnic connections: *jimken || *emkon, *zhemkon. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2021. Vol. 35. Pp. 100–117. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z., Tishin V. V. On the ethnic ties between Buryats and Yakuts: *atayaġ. *Bulletin of the Buryat Scientific Center SB RAS*. 2021. No. 2(42). Pp. 45–54. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z., Tishin V. V. Toward Buryat-Yakut ethnic connections: igidäi and eġirid. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2020. Vol. 32. Pp. 26–36. (In Russ.)
- Patkanov S. K. Statistical Data Illustrating Tribal Structures, Languages and Clans of Siberia's Non-Russian Populations: Outcomes of the 1897 Census Analyzed. In 3 vols. St. Petersburg: Sh. Bussel, 1912. Vol. III: Irkutsk Governorate, Zabaykalskaya, Amur, Yakutsk, Primorskaya Oblasts, and Sakhalin Island. Pp. 430–1002. (In Russ.)

- Pekarsky E. K. Dictionary of the Yakut Language. 2nd ed. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1959. Vol. II. Is. 5–9. Cols. 1281–2508, VIII p. (In Yak. and Russ.)
- Podgorbunsky I. A. Russian-Mongolian-Buryat Dictionary. Irkutsk: P. Makushin & V. Posokhin, 1909. VI, 340 p. (In Russ., Mong. and Bur.)
- Rozycki W. Mongol Elements in Manchu. Uralic and Altaic Series. Vol. 157. Bloomington: Indiana University, 1994. 255 p. (In Eng.)
- Safronov F. G. Pre-Christian Personal Names of Northeastern Siberia's Peoples: A Historical and Ethnographic Review Supplemented with a List of Names. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1985. 200 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev et al. (eds.). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2016. Vol. II: G–P. 232 p. (In Russ. and Mong.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2006. Vol. 1: A–H. 636 p. (In Bur. and Russ.)
- Stachowski M. Chronology of some Yakut phonetic changes in the context of 18th century Mongolian loanwords into Yakut. *Rocznik Orientalistyczny*. 2005. Vol. 58. No. 1. Pp. 194–203. (In Eng.)
- Tenishev E. R. (ed.) A Comparative Grammar of Turkic Languages: Phonetics. Moscow: Nauka, 1984. 488 p. (In Russ.)
- Tsintsius V. I. (ed.) A Comparative Dictionary of Tungusic Languages: Etymological Materials. In 2 vols. O. Sunik (foreword). Leningrad: Nauka, 1975. Vol. 1: A–H. 672 p. (In Russ., Manchu, etc.)
- Yakut Heroic Epic: Er Sogotokh the Mighty. Rec. from V. Karataev by V. Illarionova. P. Yefremova et al. (transl.), E. Kuzmina (ed.), etc. Ser. 'Peoples of Siberia and the Russian Far East: Folklore Monuments'. Vol. 10. Novosibirsk: Nauka, 1996. 439 p. (In Russ.)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 291.2

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-344-359

К вопросу о религиозных верованиях старых баргутов

Соелма Ринчиновна Батомункуева¹, Саяна Батуюевна Бухоголова²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат философских наук, младший научный сотрудник
 0000-0002-5060-0296. E-mail: soelmul@mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
научный сотрудник
 0000-0001-8121-8906. E-mail: sayana050379@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Батомункуева С. Р., Бухоголова С. Б., 2022

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию некоторых аспектов шаманизма старых баргутов, определяющегося как их исконные и традиционные религиозные воззрения. Старобаргутский шаманизм, несмотря на активное бытование буддизма и сосуществование с ним, сохраняет жизнеспособность, однако в рамках данной статьи эти связи, которые могли бы показать степень их синкретизации, не рассматриваются. *Целью исследования* является попытка выделения элементов, указывающих на связи старобаргутского шаманизма с бурятским и маньчжурским. Для достижения цели были сформулированы следующие задачи: дать краткий обзор и анализ литературы по данной теме; отметить общие черты в баргутском, бурятском и маньчжурском шаманизме. *Основными методами исследования* являются историко-генетический и сравнительный при следовании принципу историзма. *Результаты.* Имеющиеся разновременные материалы исследований разных авторов, в основном полевых, позволяют представить структуру и иерархию пантеона шаманизма старых баргутов, выделить ключевые религиозные культы, формирующие их целостную религиозную картину. В то же время литература по старобаргутскому шаманизму констатирует генетическое родство с бурятским, без учета представлений, относящихся к более архаичному пласту, и наибольшее влияние китайской культуры, тогда как старые баргуты оказались именно в маньчжурской среде. Предполагается, что религиозные представления старых баргутов, которые начали формироваться в условиях средневекового господства тэнгрианства с центральной идеей почитания Вечного Синего Неба, в основе своей также содержат тэнгрианские взгляды. Делается *вывод* о том, что старобаргутский шаманизм представляет собой гибкую систему религиозных взглядов, подверженных трансформациям, которые могут говорить как о его развитии, так и деструктивных процессах в нем.

Ключевые слова: баргуты, старые баргуты, религиозные культы, шаманизм, тэнгрианство, маньчжурский шаманизм, бурятский шаманизм

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – нач. XXI вв. в контексте межцивилизационного взаимодействия, № 121031000302-9».

Для цитирования: Батомункуева С. Р., Бухоголова С. Б. К вопросу о религиозных верованиях старых баргутов // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 344–359. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-344-359

Religious Beliefs of the Old Barga (Barghuts) Revisited

Soelma R. Batomunkueva¹, Sayana B. Bukhоголова²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philosophy), Junior Research Associate

 0000-0002-5060-0296. E-mail: soelmul@mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Research Associate

 0000-0001-8121-8906. E-mail: sayana050379@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Batomunkueva S. R., Bukhоголова S. B., 2022

Abstract. *Introduction.* The paper discusses some religious beliefs — identified as original and authentic ones — based on shamanic traditions among the Old Barga (Barghuts). Despite the active presence of Buddhism and coexistence with the latter, the Old Barga shamanism remains viable enough. *Goals.* The study attempts to delineate elements that would indicate connections and interactions between the shamanic tradition of Old Barghuts and those of Buryats and Manchus. To facilitate this, the work pursues a number of objectives, namely: a brief review and analysis of published studies covering the topic; identification of common features inherent to Barghut, Buryat and Manchu shamanisms. *Materials and methods.* The main research methods employed are the historical/genetic one and that of comparative analysis (with due regard of historicism principles). *Results.* The available works and materials of different authors, mainly field studies, make it possible to reconstruct the structure and hierarchy of the Old Barga shamanic pantheon, highlight key religious cults that form their unified religious beliefs and preferences. At the same time, publications to have examined the Old Barga shamanism state a genetic relationship with the Buryat tradition — without any essential insights into ideas to be associated with a more archaic layer, and the strong influence of Chinese culture, despite the fact Old Barghuts had been rather placed in Manchu environments. The paper assumes the religious ideas of Old Barghuts which had begun to take shape during the medieval domination of Tengrism (with its central idea of worshiping and deification of the Eternal Blue Sky) also contain and essentially rest on Tengrian views and ideas. *Conclusions.* So, the Old Barga shamanism is a flexible and changeable system of religious views. However, the transformations experienced nowadays may attest to both its evolution and certain destructive processes.

Keywords: Barghuts, Old Barghuts, religious cults, shamanism, Tengrism, Manchu shamanism, Buryat shamanism

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000302-9 ‘Oriental Language Written Monuments of Russia and Inner Asia’s Peoples and Archival Documents, 18th to Early 21st Centuries: A Perspective from Civilizational Interaction’.

For citation: Batomunkueva S. R., Bukhогоlova S. B. Religious Beliefs of the Old Barga (Barghuts) Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(2): 344–359. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-344-359

О старых баргутах и их происхождении

Баргуты — обобщенное название двух этнических групп: старых и новых баргутов, которые в настоящее время проживают в Хулун-Буирском районе Автономного района Внутренняя Монголия Китая. Старые баргуты, численность которых приравнивается к десяти тысячам [Баргуты 2021: 3], проживают в старобаргутском хошуне, что находится в восточной части Хулун-Буира. В западной части Хулунбуирья в новобаргутском Восточном и Западном хошунах проживают новые баргуты численностью около двадцати тысяч человек [Баргуты 2021: 3].

Проблема этногенеза баргутов в научном мире решается не односторонне, и существуют две основные гипотезы происхождения баргутов. Если представить обобщенно, то, согласно одной из них, баргуты являются потомками тюркских народов [Окладников 1976; Малявкин 1989; Зориктуев 2019; и др.], согласно другой — некогда это был единый этнос, относящийся к монгольским народам, в силу определенных исторических реалий вынужденный покинуть свои исконные места проживания и в результате перекочевки разделившийся на две группы — старых и новых [Румянцев 1962; Нимаев 2000; Коновалов, Миягашева 2012; Tubšinnima 1985; и др.]. Подробное изложение положений обеих гипотез представлено в монографии «Баргуты Китая» [Баргуты 2021: 13–34].

Основу этногенеза с точки зрения обеих гипотез составило племенное образование, известное в средневековом тюрко-монгольском мире как байырку=баерку (байерку) =баегу (байегу)¹ [Коновалов, Миягашева 2012: 174–175]. Вопросы, связанные с историей байырку, подробно рассмотрены в работах российских, китайских и монгольских исследователей, мнения которых порой не совпадают. Большинство исследователей признается, что начальные этапы этногенеза баргутов относятся к периоду не ранее VI–VII вв. В это время в китайских источниках «Суй шу», «Тан шу», «Тан хуй яо» появляются первые сведения об этнической общности байегу, которую многие исследователи считают прямыми предками баргутов [Кюнёр 1961: 35; Tubšinnima 1985: 2; Олзий 1999: 1].

В «Тан шу» сообщается: «Байегу рассеянно кочевали по северную сторону Великой песчаной степи, занимая около тысячи ли пространства; от Пугу прямо на восток, в смежности от мохэ. Байегу имели до 60 000 кибиток, войска — 10 000 чел. Есть речка, называемая Кангань» [Бичурин 1950: 343–344].

Китайские исследователи склонны считать, что первоначальная родина байегу находилась к западу от Хулуна. Отсюда они мигрировали на восточную

¹ Разночтения в написании этнонимов, топонимов, имен божеств и т. д. связаны с сохранением его написания в источнике.

сторону Байкала, в Баргуджин-Токум, где предположительно в IX в. стали называться баргутами [Tubšinnima 1985: 2–4]. Аналогично высказывается и Ж. Олзий [Олзий 1999: 4–5].

Другая версия о времени переселения байегу к Байкалу приводится монгольскими учеными А. Очиром и Ж. Гэрэлбадрахом. Они утверждают, что эта общность уже в VI–VIII вв. находилась у Байкала, отражая удары со стороны тюрков [Очир, Гэрэлбадрах 2003: 354–355].

А. Г. Малявкин придерживался мнения, что байегу жили в Восточном Забайкалье. Он говорит о том, что в «Тай-пин хуанюй-цзи» и «Тун дян» местобитание байегу указано следующим образом: «... находятся к югу от Ханьхая, на р. Баегу, к востоку от гор Юли...» [Малявкин 1989: 139]. По его мнению, в данном тексте под названием Ханьхай подразумевается Байкал, а горы Юли — это современный Яблоновый хребет. В таком случае название р. Байегу, по берегам которой обитало одноименное племя, было наименованием одной из трех протекающих восточнее этого хребта рек: либо Ингоды, Онона или Чикоя. Он отмечает некоторые расхождения в текстах, относящиеся к численности их населения, укладу жизни и т. д. [Малявкин 1989: 139–141].

Д. Д. Нимаев, рассматривая гипотезу А. Г. Малявкина, справедливо заметил, что большинство исследователей под названием Ханьхай понимают пустыню Гоби. Поэтому, по его мнению, гораздо логичнее было бы отождествление р. Байегу с р. Баргузин. В то же время, заметил он, границы владений байегу не оставались неизменными на протяжении их истории [Нимаев 2000: 72–73].

По мнению Ю. С. Худякова, ссылающегося на китайские источники, байегу с западной стороны имели границы с тюрками, с восточной — с шивэй (татарами). Опираясь на археологические данные, он предполагает, что во владения байегу на западе входило озеро Хубсугул и верховье реки Селенги, на востоке — Хэнтэй и верховья Шилки и Аргуни с прилегающими участками территории современной Монголии [Худяков 1989: 29].

Б. Р. Зориктуев отмечает, что байырку было одним из наиболее многочисленных и сильных телеских племен, окончательное формирование которых происходило на севере Забайкалья, в Баргузинской котловине. Здесь их самоназвание *байырку* приняло монголизированную форму *барга*, а с добавлением аффикса множественности *-уд* они стали *баргууд* [Зориктуев 2016б: 59–60], с русифицированным произношением *баргут*. По мнению ученого, отдаленными предками старых баргутов являлись именно представители древней тюрко-телеской общности — байырку, а более близкими — племя баргут [Зориктуев 2019: 21].

Несмотря на разногласия относительно этногенеза баргутов, большинством исследователей их родиной признается регион, в древности называвшийся Баргуджин-токумом, территория которого, однако, определяется исследователями по-разному. В целом же можно сказать, что это обширные околбайкальские земли, в частности — Баргузинская долина в Бурятии, названная по одноименной реке. При этом необходимо отметить мнение Б. З. Нанзатова о том, что средневековая область, названная Баргуджин-токум, получила свое название не от гидронима, а именно от этнонима *баргу*, в этногонических легендах бурят

персонифицированный как *Баргудай*. Согласно легендам и преданиям, Баргудай является предком Элюдая, Бурядая и Хоридоя, которые считаются прародителями олётгов (ойратов), бурят (булагатов и эхиритов) и хоринцев соответственно. Баргуджин-Токум же представляет собой пространство, вовсе не ограниченное пределами долины р. Баргузин [Нанзатов 2016: 72].

До того как современные баргуты, как старые, так и новые, оказались в Хулунбуирье, они прошли разные пути передвижения и переселения. Первую волну пришельцев в Хулун-Буир составили старые баргуты, которые расселились там в 1732 г., а новые баргуты — группа баргутов, обосновавшихся там в 1734 г. [Зориктуев 2016а: 20]. Деление на старых и новых, вернее, причины этого деления, являются предметом еще одного спора, вытекающего из предыдущего, связанного с этнической историей баргутов.

Б. Р. Зориктуев отмечает, что ошибочное истолкование старых и новых баргутов, точнее слов «старые» и «новые», привело к неправильным умозаключениям об этногенезе этих двух групп баргутов как единому этническому образованию. Несмотря на то, что в определенный исторический отрезок времени они проживали на одной территории, все же они относятся к разным этносам. Так, Б. Р. Зориктуев отмечает, что «термины *старые* и *новые* в названиях *старые баргуты* и *новые баргуты* нельзя рассматривать как ничего не значившие по своей сути слова, полученные от маньчжуров только за то, что один этнос прибыл на место постоянного проживания в Хулун-Буир раньше, а другой — позже. Это были почетные наименования, которыми группы старых и новых баргутов были вознаграждены после вхождения в знаменные войска (старые баргуты — между 1640 и 1670 гг., новые баргуты — между 1655 и 1670 гг.) за определенный вклад в дело укрепления маньчжурского государства и его армии» [Зориктуев 2019: 21, 29]. Иными словами, именно в этих названиях раскрываются ключевые периоды в истории двух баргутских групп — разных этнических групп: баргутов и хоринцев.

По мнению Б. П. Коновалова и С. Б. Миягашевой, баргуты представляют собой обобщенное название двух этнических групп монгольского происхождения, которые получили свои современные названия в результате прибытия в Хулун-Буир в разное время. Так, «первая волна мигрантов-баргутов двинулась к верховьям Амура и, перейдя Аргунь, оказалась во владениях Китая под властью маньчжурской династии Цин. Вторая волна мигрантов несколько позднее появилась в Халха-Монголии, но в результате сложных перипетий ойрато-халхаских войн они ушли еще дальше на восток и оказались там же, где были поселены цинским правительством их сородичи. Последние стали называться там старые баргуты, а новые пришельцы получили наименование новые баргуты» [Коновалов, Миягашева 2012: 181].

Существуют также и непопулярные версии этногенеза баргутов, согласно которым их предками могли быть хунну и тунгусы. Последнее упоминается Б. Ц. Гомбоевым, который приводит в своей работе мнение известного археолога Е. А. Хамзиной, изучавшей древнюю историю Баргузинской долины, о том, что «потомками древних баргутов могли быть представители эвенкийских родов, ранее проживавших в нижнем течении р. Баргузин, в верховьях р. Ина (низовские эвенки). От них баргуты унаследовали основные антропологические

черты: высокий рост, светлую кожу и высокий нос; именно эвенки — автохтоны восточного берега Байкала» [Гомбоев 2020: 97].

Необходимо отметить также и существующее мнение о возможном «смешанном» тюрко-монгольском происхождении баргутов. По мнению Д. Д. Нимаева, баргуты, возможно, представляют собой этническое образование, сложившееся как из тюркских, так и монгольских племен, так как изначально в состав байырку, начиная с древнетюркского времени, входили не только тюркоязычные, но и монгольские группы. Автор отмечает, что широкое распространение этнонима «баргут» в сочетании с другими названиями этнических групп и говорит о том, что под «баргутами» могло подразумеваться все население Баргуджин-токума в целом [Нимаев 1993: 146, 159]. Аналогичное мнение высказывал и Г. Тубшиннима, по мнению которого, баргуты представляют собой этнос, сложенный как из немонголоязычных, так и монголоязычных народов, но основное ядро все же составляют последние [Тубшиннима 2008: 120].

Иной взгляд на проблему происхождения этнонима баргу представлен в работе Б. З. Нанзатова и В. В. Тишина. Авторы отмечают необоснованность, более того невозможность отождествления древних байырку с баргутами. На основе анализа имеющихся версий происхождения этнонима баргу ими приводится «лингвистическая аргументация, демонстрирующая отсутствие каких-либо оснований для отождествления этнонима байырку-байарку и баргу, как разновременных фонетических форм одного слова... никакие законы фонетики, известные, по крайней мере, для языков алтайской семьи, не позволяют обосновать преобразование форм VIII–X вв. ... в известное с XIII в. наименование *baγu*» [Нанзатов, Тишин 2020: 168].

О религиозных верованиях баргутов

Так или иначе на сегодняшний день баргуты являются неотъемлемой частью общемонгольского мира, и процесс становления и оформления их в качестве этнических групп, каковыми они представлены в настоящее время, формирования хозяйственных, культурных и иных этнических особенностей происходил в рамках и под влиянием этого мира. Не являются исключением и религиозные представления баргутов. В целом особенностью религиозных воззрений баргутов, как и у большинства народов монгольского мира, является их синкретический характер, обусловленный сосуществованием шаманских и буддийских традиций. Однако следует отметить преобладание шаманизма у старых баргутов и доминирование буддийских традиций у новых баргутов. Последний факт говорит о том, что новые баргуты, в бытность их хоринцами, уже придерживались буддийских традиций в результате влияния монголов.

Б. Д. Цыбенков отмечает, что «по данным баргутских краеведов, широкое распространение буддизма среди родов хори началось после принятия в 1587 г. буддизма халхаским Абатай-ханом, который вместе с подданными чиновниками встретился с Далай-ламой III Содном-Жамсо и принял посвящение. По всей Халхе началось строительство буддийских монастырей (хурээ, хийд)» [Цыбенков 2011: 15].

О том, что новые баргуты в XVII в. под халхаским влиянием отказались от шаманской веры и приняли ламаизм, пишет Г. Тубшиннима. Он также отмечает, что оказавшись на халхаской земле, они испытывали притеснения из-за своих

шаманских воззрений, а переселившиеся в 1730-х в Хулун-Буир новые баргуты были уже буддистами, о чем свидетельствует их прибытие со 157 ламами. Если в начале XVIII в. у новых баргутов насчитывалось 157 лам, то уже к середине того же века их стало вдвое больше, а к концу насчитывалось около 400. Это был период активного развития буддизма, когда приобретались многие ритуальные принадлежности, скульптуры и изображения божеств, а также полное собрание Ганжура [Тубшиннима 2008: 172].

Надо полагать, что во время правления императора Цяньлуна маньчжурский шаманизм занимал прочные позиции, наряду с конфуцианством, буддизмом и даосизмом. При нем также был издан «Устав шаманской службы маньчжуров», который «представляет собой правила и описание шаманских ритуалов, проводимых в Запретном городе императором или чиновниками Палаты дворцового ритуала, а также в семьях императорского рода Айсинь-Гиоро, проживавших в различных районах империи Цин» [Гребенщиков 2011: 121]. Последние строки также могут говорить и о том, что шаманизм был религией представителей высших слоев общества. В то же время он признавался на государственном уровне, и все подданные были вовлечены в шаманские ритуалы. Несмотря на это, не существовало препятствий и для развития буддизма, и именно поэтому новые баргуты — приверженцы буддизма не сталкивались с какими-либо трудностями или запретами, связанными с их вероисповеданием. Также и старые баргуты продолжали свои шаманские традиции, которые, возможно, сохранились именно благодаря приверженности маньчжуров шаманизму. Политика маньчжуров в целом была направлена на всестороннее усиление своего влияния, и поэтому они равно признавали и поддерживали конфуцианство, даосизм, буддизм и шаманизм. Ситуация меняется в сторону дискредитации шаманизма при императоре Цзяцине, который издал указ об упразднении шаманской веры в 1820 г. Для объявления об искоренении шаманской веры к старым баргутам был отправлен лама, но, согласно легенде, свою антишаманскую миссию он не смог выполнить [Буяндэлгэр 2006: 20]. Очевидно, несмотря на последнее предание, именно с этого периода начался процесс упадка шаманизма, так как он уже не признавался на государственном уровне.

Исследователи отмечают скудность информации по религиозным воззрениям старых баргутов и отсутствие широкой источниковой базы по данной теме. Имеющиеся сведения по старобаргутскому шаманизму в основном представлены разновременными публикациями полевых экспедиционных материалов различных авторов, несомненно, обогащающих теоретическую базу по данной теме, на которые мы будем ссылаться далее.

Шаманизм баргутов является своего рода структурообразующим стержнем, вокруг которого оформляется социокультурное пространство. Шаманские воззрения, на основе которых строится как реальное бытие, так и формируется мифологическое и религиозное мировоззрение, становится в какой-то степени регулятором социальных отношений и ролей.

Как уже было отмечено, старобаргутские религиозные воззрения характеризуются преобладанием шаманских традиций, а новые баргуты придерживаются буддийских традиций. Надо полагать, что в новых социокультурных условиях, в которых баргуты оказались после того, как покинули Баргуджин-токум, так

или иначе они вбирали уже существующие традиции, а религиозные представления, которые были присущи им, начали претерпевать изменения. При этом следует заметить, что баргуты относятся к тюрко-монгольскому миру, в котором изначально общими религиозными представлениями являлись тэнгрианские. Объединённые под Вечным Синим Небом как тюрки, так и монголы почитали его как верховное божество. Л. П. Потапов считает, что ослабление тэнгрианства было связано с падением тюркского каганата и раздроблением его на родоплеменные и территориальные группы. В то время прекратились грандиозные общетюркские моления Небу и другие важные культы, отправляемые на государственном уровне. Это в свою очередь привело к тому, что усилилось влияние родовых и племенных шаманов [Потапов 1991: 86]. Несмотря на то, что тэнгрианство в определенный период ослабло, образ Неба как творца-созидателя и регулятора-распорядителя устойчиво вошел в систему религиозных верований.

Подобное развитие религиозных представлений можно наложить и на гипотетические периоды формирования баргутов. Ю. И. Дробышев отмечает, что религиозные воззрения древних монголов не следует отождествлять лишь с шаманизмом: «лидирующим вероучением, по крайней мере среди монгольской элиты, был все-таки не шаманизм, а другой феномен духовной культуры, возникший и развивавшийся в среде тюркских и монгольских народов Центральной Азии, — культ Вечного Синего Неба, получивший название „тэнгрианство“. Тэнгри — это и верховное божество центрально-азиатского пантеона — обожествленное Небо, и место обитания божеств — тэнгриев» [Дробышев 2012: 71–72]. Поэтому, мы предполагаем, что, независимо от того, какие этнические образования лежат в основе баргутов, будь то тюркские или монгольские, в любом случае тэнгрианские идеи являются одним из основных базисных компонентов религиозных взглядов баргутов.

Шаманизм старых баргутов

В старобаргутском шаманизме существует определенная иерархия божеств, связанная с их соотносённостью с той или иной сферой деятельности бытия. Структура пантеона очень сложна и многолика, порой неоднозначна. Мир, населенный соответствующими тенгриями (небожителями), божествами, духами и прочими существами, делится на три уровня — верхний, средний и нижний. За рамки этих уровней, отождествляясь с верховным богом-творцом и занимая центральное место в пантеоне, выходит Хухэ Мунхэ Тэнгри — Вечное Синее Небо, образ которого представлялся универсальным, совмещающим в себе функции создателя, распорядителя и регулятора всех явлений и процессов в тюрко-монгольском мире.

В летописи О. Амаржаргала «О происхождении и историческом развитии барга-бурят» сообщается, что баргуты с древности являлись шаманистами и поклонялись онгонам, которых угощали белой пищей, чтители очаг, духов огня, почитали Небо и Землю, звёзды, горы и воды [Ванчикова, Миягашева 2017: 179].

О том, что в Баргуджин-токуме, на прародине баргутов, существуют шаманские обычаи, упоминается и в летописях Рашид-ад-дина, где сообщается о том, что там было огромное количество шаманов: «в том владении ... безмерное количество шаманов [кам] ... Эту область называют Баргу, а также Баргуджин-Токум. Там шаманов больше всего» [Рашид-ад-Дин 1952: 157]. Интерес

представляет вариант изначального написания слова, под которым подразумевается разговаривающие с духами — шаман или кам. Если бы слово «кам» было бы в оригинале текста летописи, то это могло бы указывать на то, хотя и необязательно, что в тот период в Баргуджин-токуме были распространены элементы преимущественно тюркского шаманизма, а затем под влиянием тунгусских общностей он претерпел изменения в сторону сибирского шаманизма, к которому относится и бурятский. Исследователи отмечают тесные связи баргутского шаманизма именно с бурятским.

Шаманская картина мира баргутов в целом схожа с пантеоном бурятского шаманизма: дуалистичность, деление на западных и восточных тэнгриев и их количество, структура пантеона, иерархия божеств, соотнесение определенных божеств с теми или иными функциями и т. д.

По определению С. Б. Миягашевой, персонажный код старобаргутского шаманизма можно представить следующим образом: «...наверху стоят небесные боги, ниже — нойоны, которые являются духами умерших героев или знаменитых шаманов, или духи, управляющие отдельными местностями, ведающие ремеслами и разными видами деятельности, и, наконец, онгоны — домашние покровители, которые также являются духами умерших предков» [Миягашева 2012: 111].

Образ неба на сегодняшний день занимает центральное место в шаманских религиозных верованиях старых баргутов. Хухэ Мунхэ Тэнгри считается создателем и упорядочивателем всех явлений и процессов в мире, а находящиеся на следующей — нижней иерархической ступени божества-небожители также являются результатом его созидательной деятельности. При всем этом шаманский пантеон не инвариантен, и отмечается несколько вариантов старобаргутского шаманского пантеона, различие которых обусловлено возможными напластованиями различных религиозных представлений. Три варианта старобаргутского пантеона подробно рассмотрены С. Б. Болхосоевым в коллективной монографии «Баргуты» [Баргуты 2021: 140–147], который отмечает, что один из них идентичен шаманскому сонму небесных божеств бурят хоринского племени [Баргуты 2021: 143]. Можно предположить, что данный вариант пантеона, пусть и не аутентичен, но более близок к существовавшему ранее.

Аналогичная вариативность и многообразность пантеона, которые обусловлены территориальным и родовым делением бурят, отмечаются и в бурятском шаманизме. В то же время общим для всех вариантов является почитание верховного Хухэ Мунхэ Тэнгри, деление на восточных и западных тэнгриев.

Так же, как и в бурятском, в старобаргутском шаманизме отмечаются 99 тэнгриев, из которых 55 относятся к западным, а 44 — к восточным. Наиболее почитаемыми являются западные тэнгрии. При всем этом из числа 55 западных тэнгриев жертвоприношений удостоиваются лишь пять: Хаан Улаан Тэнгри, Сахилгаан Сагаан Тэнгри, Одон Заяяши Тэнгри, Хох Манхан Тэнгри, Заяан Тэнгри, а из восточных 44-х — четыре: Гужир Гунгэр Тэнгри, Боомо Маха Тэнгри, Атаа Улаан Тэнгри, Годли Улаан Тэнгри [Миягашева 2012: 112–113; Баргуты 2021: 142–143].

Небезынтересно отметить, что в бурятском шаманизме существует не только аналогичная практика деления тэнгриев на западных и восточных, но и особое

почитание пяти западных и четырех восточных [Галданова 1995: 94; Базаров 2000: 113, 121]. В целом указанные источники дают одинаковый перечень доминантных божеств, за исключением первого из пяти западных.

Исследователи также отмечают широко распространенный у старых баргутов культ 13 нойонов или Арын арбан гурбан ноёд, который также широко распространен в бурятском шаманизме. Этот список составляют божества — сыновья тэнгриев: Хан Хото нойон, Хан Зулмуту нойон, Хан Бухэ нойон, Хан Боо нойон, Хан Шувуу нойон, Ажирай нойон, Хуа Солбон Догшин нойон, Хажар Сагаан нойон, Агуй Буумал нойон, Ама Сагаан нойон, Хан Заргаша нойон, Эрдэмтэ Сагаан нойон, Буха нойон. Эти божества пребывают на острове Ольхон, обитают на вершинах разных гор, пребывают на реках по обе стороны Байкала [Баргуты 2021; Буяндэлгэр 2006; Миягашева 2012].

Э. М. Цыденов отмечает, что в средние века современная территория расселения бурят представляла собой окраинные земли халхаских ханств и называлась Ара Халха, т. е. Северная Халха, а божеств покровителей этих мест называли Арын арбан гурбан ноёд. Божества в составе этой группы почитались хори-бурятами, в то время как прибайкальские называли этих нойонов хатами и делили их на восточных и западных. Однако в настоящее время установилось почитание 13 северных нойонов по хоринскому образцу [Цыденов 2011: 25].

В то же время отмечаются и «не идентифицированные» божества в старобаргутском шаманизме, которые зафиксированы в рамках первого варианта пантеона. К примеру, в шаманизме старых баргутов встречается божество Санса/Самса [Баргуты 2021: 141]. Со слов баргутской шаманки, считающей его духом-покровителем, дается следующее описание: воплощается в образе белого дракона, благодетельный из светлых, спускающийся на горы при призывании. Также отмечается, что Самса/Санса может представлять собой прототип лошади, замененный более актуальным образом дракона в условиях китайского влияния [Баргуты 2021: 146].

С. Б. Миягашева отмечает, что баргуты заимствовали культ дракона у китайцев. Согласно представлениям баргутов, «дракон производит грозу и молнию, и, чтобы гром не разразился над их жилищем и стадами, старые баргуты стремились проливать на землю молоко, кумыс или вино» [Миягашева 2012: 117]. Известно, что образ и культ дракона чрезвычайно популярен в китайской мифологии, и, несмотря на то, что утверждение о генезисе образа дракона у баргутов, восходящем к китайской культуре и мифологии, должно быть безоговорочным, все же следует заметить, что не исключена возможность его рассмотрения как достаточно маньчжуризированного китайского божества, связанного с почитанием гор. Так, в тунгусо-маньчжурском шаманизме довольно часто встречаются следующие небесные божества, созвучные имени старобаргутского божества Самса/Санса: Санси как бог Солнца, Саньси как дух гор, Санса как хозяйка гор, Санса Эндური как хозяин гор [Сем 2015: 274–275].

По мнению А. В. Смоляк, божество Саньси появилось у нанайцев и ульчей в результате общения с маньчжурами [Смоляк 1991: 16]. Подобное является вполне закономерным процессом, ибо процесс замещения определенных божеств «пришлыми», либо смешение с существовавшими до них, перенятие некоторых их функций, атрибутов и прочих элементов встречается во многих

религиях. Включение в свой пантеон наиболее значимых и востребованных божеств может говорить об адаптивных религиозных и культурных процессах, которые, очевидно, происходили и в старобаргутском пантеоне.

Говоря о связях маньчжуров и баргутов, следует отметить, что во времена функционирования восьмизнаменной системы существовали определенные правила, регламентировавшие религиозную сторону их жизни. Об этом говорит и «Утвержденный высочайшим указом Устав шаманской службы маньчжуров», составленный в 1747 г., о котором мы упоминали ранее. В «Уставе» представлены правила и описание шаманских ритуалов маньчжуров. Перевод текста с маньчжурского на русский язык был осуществлен А. В. Гребенщиковым, который называл этот текст образцом маньчжурской литературы и отмечал значительное влияние китайской культуры на ритуал описываемых церемоний [Гребенщиков 2011: 121]. Т. А. Пан говорит о том, что главное значение текста заключалось в проявлении уважения и дани народной традиции маньчжуров [Пан 2000: 105].

Вероятно, находившиеся под маньчжурской властью, в том числе и баргуты, независимо от их желания, должны были участвовать в этих ритуалах. Об этом могут свидетельствовать строки из «Устава»: «... по весне и осени, в оба эти периода года ... после принесения жертвы с поднятием жертвенной вехи от дворца богдохана циньваны и ниже их гуны, «вошедшие в восемь долей», и ниже их церемониально, по чинам, распределяясь в ряды, шеренги, утром и вечером, благоговейно совершив призывание ... совершают ... большое жертвоприношение» [Гребенщиков 2011: 124]. Строки, в которых говорится о «вошедших в восемь долей», упоминаются неоднократно, и очевидно, что под ними подразумеваются восемь знамен.

Интерес представляет божество *Писон Сагаан тэнгэри*, которое упоминается Б. Д. Базаровым как покровитель племени баргутов и имеет синоним *Бисалгаан Сагаан тэнгэри-Бажир тэнгэри-Буудал* [Базаров 2000: 115]. Между тем столь важное, казалось бы, божество, идентифицируемое как покровитель баргутов, не обнаруживается в современном старобаргутском пантеоне.

Т. М. Михайлов полагает, что божество Писон Сагаан тэнгэри было воспринято бурятами от тюрков, точнее — от уйгуров, в языке которых есть числительное «писон», равное пятидесяти, и у которых оно означало «50 светлых небожителей». Автор отмечает, что какие-то группы уйгуров после падения их могущества бежали в Прибайкалье, а со временем, возможно, слились с местными обитателями, сохранив в числе других культ Писон-тэнгэри. Постепенно тюркское (уйгурское) значение названия культа утратилось, и оно стало собственным именем тэнгэри в шаманистском пантеоне бурят [Михайлов 1980: 147].

Возможно, есть некоторая связь Писон Сагаан тэнгэри с хозяином горы и долины Челсаны с духом-божеством Бугата Буурал нойоном, в тексте призывания которого говорится о том, что он является сыном Бажир тэнгэри, имеющим баргутские корни [Базаров 2000: 160–161].

Как мы отметили выше, Бажир тэнгэри и Писон тэнгэри синонимичны. Поэтому можно предположить, что ранее это место также являлось баргутским культовым местом, изначальное имя хозяина которого было забыто или заменено на более близкое к бурят-монгольскому произношению.

Некоторые из современных религиозных обычаев баргутов связаны с их родиной Баргуджин-токумом, на сегодняшний день определяющейся ими как Баргузинская долина в Бурятии. По этому поводу Б. Ц. Гомбоев пишет: «... особая важность Баргузинской долины как исторической прародины баргутов подтверждается активным посещением ее сакральных объектов (Бархан-уула и Гульмакта) представителями разных групп этого этноса не только из России, но также из Китая и Монголии» [Гомбоев 2020: 97]. О том, что баргутские культовые места сохранились в Баргузинской долине, писал и Т. М. Михайлов. К их числу он относил и небольшой по размерам скальный останец Буха-шулуун [Михайлов 1980: 228].

Б. Р. Зориктуев отмечает, что в ходе полевых исследований удалось выяснить, что «старые баргуты хоть и смутно, но все же помнят свою бывшую родину, которая находилась на восточной стороне Байкала и называлась Баргуджин-Токумом...» [Зориктуев 2016а: 15]. Он также приводит тексты шаманских призываний, в которых неоднократно упоминаются Баргузин и Байкал как мать и отец соответственно. Кроме того, у старых баргутов сохранились воспоминания об острове Ольхон, о горе Бархан. У баргутов также существовал обычай ставить конские седла передней стороной на северо-запад по направлению к Байкалу в знак памятования о своей прародине [Зориктуев 2016а: 15]. Прошло уже много столетий с того времени, как баргуты покинули свою родину, которую сами они склонны определять не столь масштабно, а в рамках лишь Баргузинской долины, что следует из современных религиозных обычаев на сакральных местах их предков.

Выводы

На сегодняшний день шаманизм старых баргутов представляет собой сложную систему религиозных воззрений, в которой отсутствует инвариантность пантеона, что в какой-то степени говорит о ее незавершенности и продолжающемся развитии, либо о деструктивных процессах в системе традиционных религиозных представлений. Можно также предположить, что шаманизм старых баргутов сохранился именно благодаря благосклонности в определенный период, более того — приверженности маньчжуров к шаманской традиции. В то же время показательно и то, что именно при одобрительной политике маньчжурского правительства активное распространение получает и буддизм. Близость старобаргутского шаманизма с бурятским еще раз подтверждает тесные связи, вероятно, и бывшее единство двух этносов. Возможно, исследование старобаргутского шаманизма, в наиболее архаичном его состоянии, прояснило бы особенности формирования и иные процессы в бурятском шаманизме. В целом же можно гипотезировать о тэнгрианской основе религиозных воззрений старых баргутов, связанных с разными этапами их пребывания как в составе, так и на территориях тюркского господства. Затем религиозные воззрения старых баргутов продолжили свое развитие в рамках процессов и влияния уже тюрко-монгольского мира и обрели черты, присущие шаманизму с его культами и обрядами, адресованными тэнгриам, но уже при посредничестве шамана. На современном этапе религиозные воззрения старых баргутов также не выходят из контекста общемонгольского мира, а бытование у них шаманских традиций говорит о достаточной стойкости и жизнеспособности традиционных шаманских

верований в условиях соседства с разными этническими группами и контакта с разнообразнейшими культурными и религиозными традициями.

Литература

- Базаров 2000 — *Базаров Б. Д.* Таинства и практика шаманизма. Книга в 2-х частях. Кн. 2. Улан-Удэ: Буряад Унэн, 2000. 275 с.
- Баргуты 2021 — Баргуты Китая: монография / Б. Р. Зориктуев, Е. В. Сундуева, Д. М. Маншеев, С. Б. Болхосоев, Н. Н. Николаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2021. 280 с.
- Бичурин 1950 — *Бичурин Н. Я. (Иакинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1950. 382 с.
- Буяндэлгэр 2006 — *Буяндэлгэр Х.* Шаманизм у старых баргутов // Актуальные проблемы монголоведения. Санжеевские чтения – 6. Ч. II. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. С. 14–21.
- Ванчикова, Миягашева 2017 — *Ванчикова Ц. П., Миягашева С. Б.* Летопись О. Амаржаргала «О происхождении и историческом развитии барга-бурят» как источник интерпретации этнической истории традиционной культуры барга-бурятской общности // Гуманитарный вектор. 2017. № 4. С. 179–189. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-179-189
- Галданова 1995 — *Галданова Г. Р.* Эволюция представлений о тэнгри (по текстам монголоязычных обрядников) // Средневековая культура Центральной Азии: письменные источники: сб. ст. / отв. ред. К. М. Герасимова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 94–107.
- Гомбоев 2020 — *Гомбоев Б. Ц.* Баргутские обоо в Восточной Монголии // Этнографическое обозрение. 2020. № 5. С. 95–109. DOI: 10.31857/S086954150012352-7
- Гребенщиков 2011 — *Гребенщиков А. В.* Устав шаманской службы маньчжуров / предисл. и публикация Т. А. Пан // Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941–1944). М.: Вост. лит., 2011. С. 117–133.
- Дробышев 2012 — *Дробышев Ю. И.* Тэнгрианство и буддизм в средневековой Монголии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сб. ст. / под ред. П. К. Дашковского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. № 5. С. 71–90.
- Зориктуев 2016а — *Зориктуев Б. Р.* О времени и путях прибытия двух баргутских групп Баргуджин-Токума в Северо-Восточный Китай // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 1(14). С. 14–21.
- Зориктуев 2016б — *Зориктуев Б. Р.* К вопросу об этнической принадлежности общности *байырку* // Oriental Studies. 2016. Т. 9. № 3. С. 55–62. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-25-3-55-62
- Зориктуев 2019 — *Зориктуев Б. Р.* Названия *старые баргуты* и *новые баргуты* как отражение перипетий истории двух байкальских этносов // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 21–31. DOI: 10.17223/19988613/58/3
- Коновалов, Миягашева 2012 — *Коновалов П. Б., Миягашева С. Б.* К проблеме этногенеза баргутов // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 8. С. 174–181.
- Кюннер 1961 — *Кюннер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 292 с.
- Малявкин 1989 — *Малявкин А. Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования / отв. ред. Ю. М. Бутин. Новосибирск: Наука, 1989. 431 с.
- Михайлов 1980 — *Михайлов Т. М.* Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.) / отв. ред. П. Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.
- Миягашева 2012 — *Миягашева С. Б.* Старые баргуты Китая (этническая история и традиционная культура): дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012. 186 с.

- Нанзатов, Тишин 2020 — *Нанзатов Б. З., Тишин В. В.* Байырку и баргу: конец одного мифа // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 1. С. 168–189. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.009
- Нанзатов 2016 — *Нанзатов Б. З.* Баргуты, буряты, тунгусы и Баргузин / Баргуджин // Баргуты: история и современность: сб. науч. ст. / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2016. С. 71–87.
- Нимаев 1993 — *Нимаев Д. Д.* О средневековых хори и баргутах // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии: сб. ст. / отв. ред. Б. Р. Зориктуев. Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма, 1993. С. 144–166.
- Нимаев 2000 — *Нимаев Д. Д.* Буряты: этногенез и этническая история. Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2000. 190 с.
- Окладников 1976 — *Окладников А. П.* История и культура Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 458 с.
- Очир, Гэрэлбадрах 2003 — *Очир А., Гэрэлбадрах Ж.* Халхын засагт хан аймгийн түүх (= История халхаского засагту-хан аймака). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг ХХК, 2003. 462 х.
- Олзий 1999 — *Олзий Х. Ж.* Барга монголын түүх (= История барга монголов) / ред. Л. Оюунцэцэг. Улаанбаатар: «Содпресс» хэвлэлийн газар, 1999. 313 х.
- Пан 2000 — *Пан Т. А.* «Устав шаманской службы маньчжур» в переводе А. В. Гребенщикова из Архива востоковедов // Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России. Докл. науч. конф. / сост. И. В. Кульганек, отв. ред. С. Г. Кляшторный. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. С. 102–109.
- Потапов 1991 — *Потапов Л. П.* Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 319 с.
- Рашид-ад-Дин 1952 — *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.; Л. Изд-во АН СССР, 1952. 315 с.
- Румянцев 1962 — *Румянцев Г. Н.* Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 265 с.
- Сем 2015 — *Сем Т. Ю.* Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов и этнокультурные связи): историко-этнографические очерки. СПб.: Изд-во филолог. фак-та СПбГУ, 2015. 638 с.
- Смоляк 1991 — *Смоляк А. В.* Шаман: личность, функции, мировоззрение (Народы Нижнего Амура) / отв. ред. Ю. Б. Симченко, З. П. Соколова. М.: Наука, 1991. 276 с.
- Тубшиннима 2008 — *Тубшиннима Г.* История происхождения баргутов (транслитерация, перевод, примечания) / вводн. ст. и прим. Д. Д. Нимаева, Л. Б. Бадмаевой; транслит., пер. со старомонг. Л. Б. Бадмаевой, Ю. Д. Бадмаевой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 184 с.
- Худяков 1989 — *Худяков Ю. С.* Об этнической интерпретации средневековых памятников Юго-Западного Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск: Наука, 1989. С. 27–34.
- Цыбенков 2011 — *Цыбенков Б. Д.* Из истории буддизма хори-бурят (XVIII – нач. XX в.): уч. пособ. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2011. 135 с.
- Цыденов 2011 — *Цыденов Э. М.* Культ тринадцати северных нойонов в бурятском шаманизме // Новый исторический вестник. 2011. № 3 (29). С. 25–32.
- Tubšinnima 1985 — *Tubšinnima G.* Баргууд-ун теүкен ирелте (= История происхождения баргутов). Көке qota: Öbür Mongyul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 1985. 152 х.

References

- Bazarov B. D. Sacraments and Practices of Shamanism. In 2 vols. Vol. 2. Ulan-Ude: Buryaad Unen, 2000. 275 p. (In Russ.)
- Bichurin N. Ya. (Hyacinth) Collected Notes on Peoples to Have Inhabited Central Asia in Ancient Times. Vol. I. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1950. 382 p. (In Russ.)

- Buyandelger Kh. Shamanism among the Old Barga. In: Topical Issues of Mongolian Studies. Sanzheev Readings – 6. Part II. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2006. Pp. 14–21. (In Russ.)
- Drobyshev Yu. I. Tengrism and Buddhism in medieval Mongolia. In: Dashkovsky P. K. (ed.) Worldviews of South Siberian and Central Asian Peoples in a Historical Perspective. Barnaul: Altai State University, 2012. Vol. 5. Pp. 71–90. (In Russ.)
- Galdanova G. R. The evolution of ideas about Tengri: Mongolic-language ritual books analyzed. In: Gerasimova K. M. (ed.) Medieval Culture of Central Asia: Written Sources. Collected papers. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1995. Pp. 94–107. (In Russ.)
- Gomboev B. Ts. Bargut *oboo* in Eastern Mongolia. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2020. No. 5. Pp. 95–109. (In Russ.) DOI: 10.31857/S086954150012352-7
- Grebenshchikov A. V. Regulations for Manchu Shamanic Services. T. Pan (foreword, ed.). In: Works of [Soviet] Orientalists Created in Sieged Leningrad, 1941–1944. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2011. Pp. 117–133. (In Russ.)
- Khudyakov Yu. S. Medieval monuments of Southwestern Transbaikalia: Ethnic interpretations revisited. In: Ethnocultural Processes in Medieval Southeastern Siberia. Novosibirsk: Nauka, 1989. Pp. 27–34. (In Russ.)
- Konovalov P. B., Miyagasheva S. B. To the problem of the Bargut's ethnogenesis. *Buryat State University Bulletin*. 2012. No. 8. Pp. 174–181. (In Russ.)
- Kyuner N. V. Chinese Sources on Peoples of Southern Siberia, Central Asia, and the Far East. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1961. 292 p. (In Russ.)
- Malyavkin A. G. Tang Chronicles of Central Asian States: Texts and Studies. Yu. Butin (ed.). Novosibirsk: Nauka, 1989. 431 p. (In Russ.)
- Mikhaylov T. M. A History of Buryat Shamanism: From Earliest Times to the 18th Century. P. Konovalov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 1980. 320 p. (In Russ.)
- Miyagasheva S. B. The Old Barga of China: Ethnic History and Traditional Culture. Cand. Sc. (history) thesis. Ulan-Ude, 2012. 186 p. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z. Barghuts, Buryats, Tungusians, and Barguzin/Bargujin. In: Bazarov B. V. (ed.) The Barga: Past and Present. Collected scholarly papers. Irkutsk: Ottisk, 2016. Pp. 71–87. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z., Tishin V. V. *Bayirqu* and *Baryu*: Deconstructing one myth. *Problems of Onomastics*. 2020. Vol. 17. No. 1. pp. 168–189. (In Russ.) DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.009
- Nimaev D. D. The Buryats: Ethnogenesis and Ethnic History. Ulan-Ude: East Siberian State Academy of Culture, 2000. 190 p. (In Russ.)
- Nimaev D. D. The medieval Khorī and Barga revisited. In: Zoriktuev B. R. (ed.) Peoples of Southern Siberia and Central Asia: Ethnic Histories. Collected articles. Novosibirsk: Nauka, 1993. Pp. 144–166. (In Russ.)
- Ochir A., Gerelbadrakh Zh. Zasagt Khans of the Khalkha and Their Aimag: A History. Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2003. 462 p. (In Mong.)
- Okladnikov A. P. Buryatia: History and Culture. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1976. 458 p. (In Russ.)
- Olzii Kh. J. History of the Barga Mongols. L. Oyuuntsetseg (ed.). Ulaanbaatar: Sodpress, 1999. 313 p. (In Mong.)
- Pan T. A. Regulations for Manchu Shamanic Services: A. Grebenshchikov's translation revisited (Archive of Orientalists). In: Kulganek I. V. (comp.) Archival Materials on Mongolic and Turkic Peoples in Russia's Academic Depositories. Conference proceedings. S. Klyashtorny (ed.). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2000. Pp. 102–109. (In Russ.)
- Potapov L. P. Shamanism of the Altai. Leningrad: Nauka, 1991. 319 p. (In Russ.)
- Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. 1. Book 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. 315 p. (In Russ.)

- Rumyantsev G. N. Origins of Khori Buryats. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1962. 265 p. (In Russ.)
- Sem T. Yu. The Tungusic Worldview: Pantheon (Semantics of Images and Ethnocultural Ties). Essays in History and Ethnography. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2015. 638 p. (In Russ.)
- Smolyak A. V. The Shaman: Personality, Functions, Worldviews (Peoples of the Lower Amur). Yu. Simchenko, Z. P. Sokolova (eds.). Moscow: Nauka, 1991. 276 p. (In Russ.)
- Tsybenov B. D. Buddhism among the Khori Buryats, 18th to Early 20th Centuries: A History. Coursebook. Ulan-Ude: East Siberia State University of Technology and Management, 2011. 135 p. (In Russ.)
- Tsydenov E. M. The cult of Thirteen Northern Noyons in Buryat shamanism. *The New Historical Bulletin*. 2011. No. 3 (29). Pp. 25–32. (In Russ.)
- Tubshinnima G. Origins and History of the Barga [Mongols]: Transliteration, Translation, Comments. D. Nimaev, L. Badmaeva (foreword, comment.); L. Badmaeva, Yu. Badmaeva (transl.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2008. 184 p. (In Mong. and Russ.)
- Tubšinnima G. Origins and History of the Barga [Mongols]. Hohhot: Inner Mongolia Culture Press, 1985. 152 p. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P., Miyagasheva S. B. Chronicle by O. Amarjargal ‘On the Origin and Historical Development of the Barga-Buryats’ as a source of interpretation of ethnic history and traditional culture of the Barga-Buryats. *Humanitarian Vector*. 2017. No. 4. Pp. 179–189. (In Russ.) DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-179-189
- Zoriktuev B. R. About the time and ways of the arrival of two groups of the Barguts Bargudzhin-Tokuma in the North-East of China. *North-Eastern Journal of the Humanities*. 2016. No. 1(14). Pp. 14–21. (In Russ.)
- Zoriktuev B. R. et al. Barghuts of China. Monograph. Ulan-Ude: Buryat State University, 2021. 280 p. (In Russ.)
- Zoriktuev B. R. The ethnicity of the Bayirqu population revisited. *Oriental Studies*. 2016. Vol. 9. No. 3. Pp. 55–62. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2016-25-3-55-62
- Zoriktuev B. R. The names old Barguts and new Barguts as reflections of events in the history of two Baikal area ethnicities in the 17th and the first third of the 18th century. *Tomsk State University Journal of History*. 2019. No. 58. Pp. 21–31. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/58/3

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 39 (=512.31)

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-360-370

Семантика образа лебедя в космогонических представлениях бурят

Надежда Базаржаповна Дашиева¹

¹ Восточно-Сибирский государственный институт культуры (д. 1, ул. Терешковой, 670031 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0002-3652-2535. E-mail: dashieva-n@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Дашиева Н. Б., 2022

Аннотация. *Введение.* Лебедь в мифологическом мировоззрении бурят и целого ряда тюрко-монгольских народов выступает в качестве тотема со стороны женского начала этнического сообщества. Статья посвящена выявлению образа лебедя в космогонических представлениях бурят. Актуальность работы определяется семантическим подходом к исследованию функций девы-лебедя в мифологическом мировоззрении бурят, ряда тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии и исторических культур региона. *Целью* исследования является вычленение космогонических и космологических представлений в сюжете генеалогического мифа бурят племени Хори и обусловленных им сезонных праздниках. *Материалы и методы* исследования. Основными источниками для исследования послужили работы М. Н. Хангалова, Г. Н. Румянцева, А. П. Окладникова, Д. С Раевского. Основными *методами*, использованными в работе, являются культурно-семантический, сравнительно-сопоставительный и историко-сравнительный анализ структурных единиц мифа, позволяющих выявить его связь со скифской космологией и индоиранской мифологией. Хронологические рамки исследования охватывают период конца XIX – начала XX в. *Результаты.* В мифе через смену антропо- и орнитоморфного облика девы-лебедя моделируются пространственно-временные параметры мира. Три стадии в развитии времени соотносятся с тремя стадиями жизни девы-лебедя и свидетельствуют об отсутствии в мифологическом мировоззрении общества понятия «смерть времени». Точка «исчезновения» времени из мира одновременно выступала как начало его нового развития, которое обеспечивал обряд кропления молоком, совершаемый женщинами при сезонных прилетах и проходах птиц. Историко-культурные истоки мифологемы «брак», соответствующей осенним обрядам, и мифологемы «рождение» — весенним обрядам, присутствующие на петроглифах байкальских бухт Саган-Заба, Ая и р. Чулуут в Монголии эпохи бронзы, свидетельствуют о процессе переосмысления сюжета скифского космогонического мифа в сюжет генеалогического мифа. *Выводы.* Образ лебедя в мифологическом мировоззрении бурят и широкого круга тюрко-монгольских народов является персонификацией космологического классификатора.

Ключевые слова: буряты, племя Хори, генеалогический миф, космогония, лебедь, пространство, время, сезонные обряды, скифский миф

Для цитирования: Дашиева Н. Б. Семантика образа лебедя в космогонических представлениях бурят // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 360–370. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-360-370

The Image of Swan in Buryat Cosmogonic Ideas: Semantics Analyzed

Nadezhda B. Dashieva¹

¹ East-Siberian State Institute of Culture (1, Tereshkova St., 670031 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-3652-2535. E-mail: dashieva-n@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Dashieva N. B., 2022

Abstract. *Introduction.* In mythological worldviews of Buryats and quite a number of other Turko-Mongols, swan acts as a totem on the female part of the ethnic community. The article examines the image of swan in Buryat cosmogonic folkways. The semantic approach to the study of functions attributed to Swan Maiden in mythological worldviews of Buryats and some other Turko-Mongols of Siberia and Central Asia, and historical cultures of the region makes the work topical enough. *Goals.* The study aims to delineate cosmogonic and cosmological ideas in the plot of the genealogical myth of Khori Buryats, and seasonal holidays resulting from by the former. *Materials and methods.* The paper primarily explores writings by M. Khangalov, G. Rumyantsev, A. Okladnikov, and D. Raevsky. The main research methods used are the cultural/semantic, comparative, and historical/comparative ones (the latter instrumental in analyzing structural units of the myth that make it possible to reveal its links with Scythian cosmology and Indo-Iranian mythology). The chronological framework of the study covers the late 19th to early 29th century. *Results.* In the myth, changes in anthropomorphic and ornithomorphic appearances of swan maiden serve to model spatial and temporal parameters of the world. Three stages in the development of time correlate with the three stages of Swan Maiden's life and attest to that mythological worldviews of the community contained no 'death of time' concept. The point of 'disappearance' of time simultaneously acted as a new beginning to be secured through the milk sprinkling ritual performed by women during seasonal arrivals and reverse migrations of birds. The historical and cultural essentials of the mythologemes 'marriage' (autumn rites) and 'birth' (spring ones) manifested in Bronze Age petroglyphs of the Baikal bays (Sagan-Zaba, Aya) and the Chuluut River in Mongolia illustrate a process of transforming the Scythian cosmogonic plot into that of a genealogical myth. *Conclusions.* The image of swan in mythological worldviews of Buryats and a wide range of Turko-Mongols serves a personification of the cosmological classifier.

Keywords: Buryats, Khori, genealogical myth, cosmogony, swan, space, time, seasonal rites, Scythian myth

For citation: Dashieva N. B. The Image of Swan in Buryat Cosmogonic Ideas: Semantics Analyzed. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(2): 360–370. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-360-370

Введение

В конце XIX – начале XX в. в традиционной культуре ряда народов Сибири почитание лебеда существовало в разных видах. У бурят, якутов, алтайцев-кумандинцев, челканцев и тувинцев наиболее распространенным было отношение к нему как тотемному предку со стороны женского происхождения рода. Исключение составляли якутские женщины Байдунского наслега, которые называли его старшим родственником со стороны мужа.

У юго-западных тувинцев «семь лебедей считались одним из главных помощников самых сильных шаманов, по его заданию они проникали из мира света в мир тьмы и приносили нужные ему сведения из мира мертвых. Кеты почитали лебеда как вестника весны и тепла. Селькупы называли их „братьями“, покровителями семьи, а также главными помощниками шаманов в „путешествии в верхний мир“» [Потапов 1959: 18–22].

Целью настоящей статьи является обоснование космогонических функций образа лебеда в сюжете генеалогического мифа и сезонных обычаях бурят племени Хори.

Результаты исследования могут представлять интерес для истории культуры бурят и тюрко-монгольских этнических общностей, у которых бытуют близкие по содержанию сюжеты.

Материалы и методы

В мифе бурят племени Хори, существующего в нескольких вариантах, молодой охотник Хоридой видит, как прилетевшие на озеро с севера лебеди, сбросив свои оперения, превращаются в девушек и в этом образе купаются в его водах.

Юноша, спрятав лебяжьи оперения одной из небесных красавиц, женится на ней, в браке у них родились сыновья, ставшие отцами-основателями хоринских родов. Жена в старости, надев свои девичьи одежды, через светодымовое отверстие в крыше юрты улетает вслед за стаей лебедей. В это время лучи солнца через дымник падали на огонь очага, на котором старик Хоридой в железном котле перегонял молочную водку. Перед тем как присоединиться к лебединой стае, мать дает наказ своей семье: «Вы земные жители, оставайтесь на земле, а я, небесная, полечу на небо, на свою родину. Весной и осенью, когда лебеди летят к северу и обратно, делайте обряд в честь мою!». Хоринские буряты считают: предок их — лебедь, береза — коновязь и, соблюдая старинные обычаи весной и осенью, встречая и провожая лебедей, брызгают молоком и молочной водкой [Хангалов 2004: 77–78; Румянцев 1962: 147–151; Ломбоцыренов 1995: 103–104; и др.].

С племенным мифом сходен сюжет о происхождении старших хоринских родов Галзут [Балдаев 1970: 290, 291, 293, 294, 295], Шарат (Шарайт) и Хангин [Хангалов 1958: 405–406], бурятского племени Хонгодор, рода Шошолок, ойрат-монголов [Михайлов 1983: 100–101], олетов, баятов [Эрдэнэболд 2012: 9, 73] и некоторых родов баргутов [Галзут 2008: 112].

В башкирской легенде говорится: «Однажды на охоте единственный сын Юрми-хана хотел подстрелить лебеда, но та обернулась прекрасной девушкой. Юноша женился на ней, и их потомки образовали племя Юрматы» [Исянгулов 2013: 26].

В этнографической литературе, посвященной анализу культа лебедя у бурят и тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии, выделяется этиологический подход, стремящийся рационалистически объяснить тотемистические представления в их связи с этногенезом социальной общности. Наибольшее количество исследований, базирующихся на фольклорно-мифологических материалах о лебеде как тотеме материнского рода, относится к бурятам племени Хори [Румянцев 1962; Цыдендамбаев 2001; Зориктуев 2011; Зориктуев 2018; Зориктуев 2020; Дашиева 2020; и др.].

По мнению Ш. Н. Исянгулова, воззрения о лебеде как тотемном предке материнского рода у башкир, якутов и тюркских народов Саяно-Алтая, а также исторических объединений теле восходят к зафиксированным в китайских источниках древнетюркским генеалогическим легендам и свидетельствуют о древнетюркских этнических истоках их носителей со стороны материнской линии родства [Исянгулов 2013: 26].

В. Я. Петрухин историко-культурные истоки сюжета мифа тюрко-монгольских народов видит «в отмеченном скифологом Д. С. Раевским украшении панциря из Семибратнего скифского кургана: на нем олениха с золотыми рогами кормит олененка; под ними златокрылая птица, летящая вниз. Перед нами — миф о скифском небесном олени, птица же воплощает связь мира небесного и земного» [Петрухин 2003: 359].

В нашей статье «Генеалогический миф бурят племени Хори: календарь и обряд», выполненной с применением метода структурно-функционального анализа текста, мы пришли к выводу, что это сюжет ареального мифа, отражающего культ солнца, модель солнечного календаря и обусловленных им сезонных обрядов [Дашиева 2021].

Связь образа лебедя с календарем и сменой сезонов года открывают перспективу дальнейшей реконструкции семантики его сакрального образа в связи с представлениями о космогонии и космологии, тесно связанных с внутренними характеристиками социума. Выполнение данной установки возможно при использовании комплексного подхода с привлечением материалов этнографии, фольклористики, лингвистики, истории, археологии, мифологии и искусствоведения.

Космогонические функции образа лебедя в мифе хоринских бурят

В мифе хоринских бурят представлена трехчастная по вертикали универсальная индоевропейская модель мира. В соответствии с этой моделью встреча девы-лебедя с отцом-основателем племени происходит на пограничье иного для человека, «нижнего», мира, кодируемого озером. В мифе «свой» для человека мир ограничен стенами его жилища, а в качестве сакрального центра освоенного пространства выступает огонь очага. Семантическое пограничье между средним и верхним, также «иным» для человека миром отмечает дымоход куполообразной крыши юрты, а знаком верхнего мира выступает солнце, лучи которого падали на огонь очага в момент, когда лебедь покидает земной мир.

Космогонический акт творения упорядоченного в категориях пространства и времени мира в мифе представлен посредством процесса передвижения девы-лебедя, сопровождающегося изменением ее образа. Из верхнего мира на землю она спускается в облике птицы и здесь оборачивается девушкой.

В антропоморфном образе лебедь входит в сакральное пространство человека через дверь его жилища, где проживает свою земную жизнь, длительностью от состояния «молодость» до состояния «старость». Затем, приняв изначальный птичий образ, возвращается в «свой» — небесный — мир.

В горизонтальной структуре этой модели мира семантический «низ» маркирован географическим направлением «север/северо-восток» как стороной, откуда осенью на стыке сезона тепла и холода летят на юг в теплые края перелетные птицы. В категории времени данное направление совпадает с представлением о прошедшем времени, а юг, куда улетают на зиму птицы, образует семантический ряд: будущее время – верхний мир – светлые небесные божества. Между двумя природными явлениями располагается временной период, соответствующий представлению о земной жизни как настоящем времени.

По мифу два противопоставленных полюса времени — сезон тепла и сезон холодов — ограничены спуском с неба на землю солнечных птиц в начале весны и их подъемом на небо в начале осени.

Наказ матери, данный своим потомкам, совершать весенние и осенние ритуалы посредством кропления молоком при сезонных встречах и проводах лебедей является способом преодоления расхождения в космогоническом акте верха и низа, тепла и холода, света и тьмы, жизни и смерти. Осенние ритуалы проводятся в порубежной кризисной ситуации, когда космос приходит в состояние хаоса, а люди посредством ритуала способствуют началу последовательного творения нового мира. Весенние ритуалы соотношены с представлением о завершении процесса творения, длящегося в течение сезона холодов, и рождении упорядоченного в категориях пространства и времени космоса.

Семантический анализ сюжета хоринского мифа представляет его как космогонический миф, обосновывающий космологические представления, персонифицированные в образах матери-прародительницы — солнечной птицы и отца-основателя племени, тесно связанных с календарем солнечного года.

В традиционной культуре хори-бурят мифологическая память об обусловленности образа матери-прародительницы с календарем круглого года находит отражение в семантике складок, собираемых по верхнему краю, низко опущенного подола женского халата. Одни информанты соотносят их количество с 360-дневным годом, а в високосный год могли добавить еще 30 складок [Дрыганова 2005: 160–161].

Другие называли символическую цифру 6 480, получаемую путем умножения числа 108, равного количеству бусинок буддийских четок, на цифру 60 — количество лет одного Рабжуна по лунному календарю с 12-летним циклом [Базарова 1999: 64].

Птичий образ матери-прародительницы представлен в особенностях кроя вшивных рукавов халата, проймы которого очень глубоко заходят на спину. Верхняя часть рукавов, соответствующая предплечью человека, плотно собирается в мелкие складки, образует твердо приподнятые объемные буфы, напоминающие своим очертанием основания птичьих крыльев. Снизу к буфам чуть выше локтя из ткани другого цвета пришивается длинная узкая часть с расширенными к низу обшлагами, называемыми «копыто» (*туруу*). Они выполнялись из ткани темного цвета [Дрыганова 2005: 156].

На халат надевалась безрукавка *ужжи*, заканчивающаяся внизу спины раздвоением в виде птичьего хвоста. Указанием на связь женской безрукавки с образом лебедя является производное от тюркского *куба* ее название *хубайхи*, принятое в диалекте прибайкальских бурят. При взгляде со спины женский костюм хори-бурят ассоциировался с образом птицы, сидящей со сложенными крыльями, а в соединении с длинными узкими рукавами со спущенными копытообразными обшлагами, напоминавшими передние ноги оленя, создавался синкретичный образ оленя-лебедя.

Образ оленя-лебедя, представленный в крое рукавов женского халата, выступает в качестве знака брачного союза двух этнических сообществ в истории происхождения племени Хори. В свете названия лебедя у бурят *хун-(шубуун)*, происходящего от тюркской лексемы *кун* со значением «солнце» и имени жены Хоридоя как Хобоши-Хатун, которое восходит к тюркскому *куба* («лебедь») [Румянцев 1962: 151–152], одно из них имело связь с древнетюркскими племенами с культом лебедя — солнечной птицы со стороны женского истока происхождения, а другое — с культом оленя.

Семантика образа оленя выявляется в деталях шапки хоринцев, которая не имела отличий у мужчин и женщин. Ее нижняя часть представляла собой, отогнутые под острым углом по отношению к тулье поля, середина — конусообразная тулья, простроченная одиннадцатью горизонтальными полосами, символизирующими количество патрилокальных родов в составе племени, верх — острие тульи, отмеченное красным кружочком *таб*, из-под которого отходят шелковые нити, или тонкие полоски красной ткани в виде кисти. Три части в конструкции шапки отражают трехчастную по вертикали модель мира.

Завершающий острие тульи кружочек *таб* хори-буряты объясняют как знак солнца. В таком значении *таб* лексически и семантически соотносится с образом богини скифской мифологии Табити, олицетворявшей собой «не только женское божество домашнего очага, но и огня во всех его проявлениях» [Раевский 1992: 445].

Образ скифской богини восходит к представлению о космическом жаре *tapas*, выступающем как универсальный космогонический принцип, лежащий в основе мироздания в древнеиндийской мифологии [Топоров 1992: 494].

В эпосе «Махабхарата» дочь Солнца по имени Тапати выходит замуж за царя солнцепоклонников и спускается с небес. От этого брака рождается ближайший предок главных персонажей Куру. Первый раз Тапати показывается царственному жениху стоящей на вершине горы. Ж. Дюмезиль сюжет данного мифа и Тапати, представленной в облике светоносного оленя с золотой шерстью и восемнадцатиконцевыми рогами, видит в эпических сказаниях потомков скифов — осетин [Дюмезиль 1990: 105, 106–107].

В шаманских текстах хоринских родов, проживающих в устье Селенги, мать-прародительница со стороны отца-основателя племени называется *Шомшор Большая госпожа* с «прозвищем» *Ухэтэ Госпожа-мать* [Жамцарано 2001: 161]. В названии богини подчеркиваются ее длинные вытянутые губы, а в прозвище — развесистые рога. Оба определения являются описанием стилизованных фигур оленей, выполненных по канонам скифо-сибирского искусства «звериного стиля», сопровождающих плиточные могилы Забайкалья [Дашиева 2020: 944].

В свете семантической и фонетической соотнесенности детали *таб* на острие шапок хори-бурят с именем и функциями скифской богини огня (= Солнца) отметим, что деревянные фигурки оленя нашивались на высокий конусовидный головной убор (парик) женщин в пазырыкских погребениях на Алтае (VI–II в. до н. э.). Ниже их одна над другой прикреплялись фигурки лебедей [Полосьмак 1999: 38–39].

На индоиранские историко-культурные истоки сюжета хоринского мифа указывает и занятие старика Хоридоя в момент, когда лебедь улетает в «свой» небесный мир. Оно является указанием на подготовку к сезонному обрядовому действию *хурай*, производимому путем кропления молочных напитков светлым небесным божеством. Содержание и название обряда восходит к глаголу *kurun* со значением «просить» в санскрите [Абаев 1958: 558].

Буряты, завершая обрядовые кропления, произносят: «Неподъемную благодать, по правилам традиции выпросив, получил!» (*Дааша угы даланга ёһоорынъ хурыылжа абаб!*). Функции ведущего в таких обрядах выполняли служители культа светлых божеств — белые шаманы и родовые старейшины.

У бурят и тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии обряд *хурай* входит в структуру сезонных родовых праздников, названия которых образованы от термина «тай», восходящего к общеалтайскому языковому субстрату с исходным значением «мать» и представлением о божестве с функциями предка материнского рода, символа происхождения, плодородия, наследственности [Дыренкова 1937: 20; Балдаев 1959: 9; Древнетюркский словарь 1969: 527; Севортян 1974: 128; и др.].

Герой хоринского мифа встречается с девой-лебедью осенью на берегу озера. В календарном осмыслении жизни мира и соотнесенного с ним жизни человека в мифе в качестве начала процесса космогонии выступает день осеннего равноденствия, обозначенный мифологемой «брак». В конце XIX – начале XX в. у бурят-шаманистов начало Нового года отмечали осенние родовые праздники, проводившиеся у водоемов в честь божеств *Уһан-хат* («Царей вод»). Это был единственный родовой праздник, на который допускались женщины и девушки [Хангалов 1958: 525]. Примечательно, что девушки приезжали на праздник в мужских одеждах [Хангалов 1958: 367], и в данном обычае проявляется присутствующий для новогоднего праздника элемент карнавала, обусловленный универсальной идеей о разрушении в конце года мировой гармонии, приводящей мир к состоянию «перевернутости».

В процессе последовательного выполнения ритуально-обрядовых действий, входящих в структуру праздника, происходит преодоление хаоса и установление нового мира, организованного в категориях пространства и времени, а в социуме восстанавливаются все прерванные родовые связи, начиная с мифических предков и заканчивая живущими в настоящем их потомками [Дашиева 2012: 69; 114; и др.].

Иллюстрацию к древнему празднику этнических предков тюрко-монгольских народов, драматургической основой которого являлся общий мифологический сюжет о космогонии, представляют связанные преемственностью традиции, наскальные рисунки байкальских бухт Саган-Заба и Ая.

А. П. Окладников, выделив среди петроглифов байкальской бухты Саган-Заба, наряду с изображениями лебедей, образ оленя, выполненного по канонам

скифо-сибирского искусства «звериного стиля», датирует их серединой I тыс. до н. э. [Окладников 1974: 77]. По мнению ученого, с сюжетом мифа о происхождении хори-бурят перекликается рисунок, представляющий собой фигуру птицы с длинной шеей и массивным туловищем, стоящей на одной ноге. К птице протянута рука антропоморфного существа с большим раздутым животом, изображенной в позе, напоминающей «позу рожающей женщины, принятую у некоторых народов Сибири. Туловище заканчивается внизу треугольным выступом, возможно, показывающим, что младенец появляется на свет из чрева матери» [Окладников 1974: 29–30].

На другом рисунке, охарактеризованном исследователем как «очевидно, изображение коитуса», находятся «две антиподально расположенные антропоморфные фигуры. Обе они имеют треугольные туловища. У верхней фигуры голова круглая. У нижней на голове рожки в виде развилки» [Окладников 1974: 26]. Сравнивая эту фигуру с крупной антропоморфной фигурой с рожками-развилками на голове, держащей в опущенных вдоль тела руках поперечный стержень, напоминающий боевой топор [Окладников 1974: 26], с образом Хоридоя, исследователь делает предположение, что в первичной основе мифа «Хоридой был, очевидно, сначала наделен чертами культурного героя и первого шамана» [Окладников 1974: 91].

С петроглифами байкальских бухт перекликаются наскальные рисунки Южной Сибири и Центральной Азии. Из них наиболее красноречивы композиции р. Чулуут в Монголии, где фигуры матерей-прародительниц, как и фигура роженицы на петроглифах Саган-Заба, изображены с преувеличенно большими животами, широко расставленными и полусогнутыми в коленях ногами, между ними показан будущий ребенок. Некоторые из женских фигур имеют большие оленьи рога — символ тотемного предка [Новгородова 1989: 91–95; и др.].

Заключение

Семантический анализ сюжета генеалогического мифа бурят племени Хори представляет его как космогонический миф, в сюжете которого образ девы-лебедя описывает пространственно-временные параметры Вселенной и космологические представления, тесно связанные с календарем и социальной организацией.

Трем зонам мифологического космоса в хоринском мифе соответствуют три состояния времени, воплощенные в смене антропо- и орнитоморфных образов лебедя. По мифу время, как и жизнь человека, в своем развитии проходит через стадии — *юность*, высшая степень развития *зрелость*, за которой следует *старость* и уход в иной — верхний мир, чтобы там вновь преобразоваться для новой земной жизни. В этом процессе активна Мать-прародительница — солнечная птица, она наделена медиативными функциями проникновения в разные миры.

Перемещение матери-лебедя в небесный, верхний, мир свидетельствует о том, что в мифологическом мировоззрении общества отсутствовало понятие «смерть времени». Точка исчезновения времени из мира одновременно выступала как точка начала его нового развития, которое обеспечивал обряд кропления молоком, совершаемый женщинами.

Семантически идея «творение жизни» совпадает с идеей «творение года», и таким образом происходит переосмысление космогонического мифа до его

развития в генеалогический миф. Множество вариантов данного сюжета у тюрко-монгольских народов в своей основе восходит к космогоническим представлениям ранних кочевников Центральной Азии с культурой скифоидного типа.

Литература

- Абаев 1958 — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.: 1958. Т. I: А–К. 655 с.
- Базарова 1999 — *Базарова Ц. Б.* Лексика национальной одежды у агинских бурят: дисс. канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1999. 159 с.
- Балдаев 1959 — *Балдаев С. П.* Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. 180 с.
- Балдаев 1970 — *Балдаев С. П.* Родословные предания и легенды бурят. Булагаты и эхириты. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. Ч. 1. 363 с.
- Галзут 2008 — *Галзут Тубшинима.* История происхождения баргутов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 188 с.
- Дашиева 2012 — *Дашиева Н. Б.* Традиционные общественные праздники бурят: история и типологии. М.; Улан-Удэ: Изд-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2012. 211 с.
- Дашиева 2020 — *Дашиева Н. Б.* Образ оленя-солнца и этноним бурятского племени Хори // *Oriental Studies*. 2020. № 13(4). С. 941–950. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-941–950
- Дашиева 2021 — *Дашиева Н. Б.* Генеалогический миф бурят племени Хори: календарь и обряд // *Научный диалог*. 2021. № 3. С. 363–379. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-363-379
- Древнетюркский словарь 1969 — *Древнетюркский словарь* / ред.: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 677 с.
- Дрыганова 2005 — *Дрыганова С. Г.* Семантика женской одежды хори-бурят // *Этнические процессы и традиционная культура* / отв. ред. З. П. Соколова. М.; Улан-Удэ: Изд-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2005. С. 149–164.
- Дыренкова 1937 — *Дыренкова Н. П.* Пережитки материнского рода у алтайских тюрков // *Советская этнография*. 1937. № 4. С. 18–45.
- Дюмезиль 1990 — *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М.: Наука, 1990. 227 с.
- Жамцарано 2001 — *Жамцарано Ц.* Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.
- Зориктуев 2011 — *Зориктуев Б. Р.* Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Вост. лит., 2011. 278 с.
- Зориктуев 2018 — *Зориктуев Б. Р.* О малоизвестных аспектах этнической истории хори // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2018. № 4(34). С. 127–132.
- Зориктуев 2020 — *Зориктуев Б. Р.* Наян-Нава и проблема этногенеза бурятской племенной общности хори // *Научный диалог*. 2020. № 5. С. 393–423. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-393-423
- Исянгулов 2013 — *Исянгулов Ш. Н.* Древнетюркские корни юрматынцев (по генеалогическим легендам о лебеде) // *Проблемы востоковедения*. 2013. № 4 (62). С. 25–31.
- Ломбоцыренов 1995 — *Ломбоцыренов Д-Ж.* История селенгинских монгол-бурят // *Бурятские летописи* / сост.: Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова (Пурбуева). Улан-Удэ: БИОН, 1995. С. 103–132.
- Михайлов 1983 — *Михайлов Г. И.* Мифы в исторических сочинениях XIII–XIV вв. монгольских народов // *Фольклор и историческая этнография*. М.: Наука, 1983. С. 88–106.
- Новгородова 1989 — *Новгородова Э. А.* Древняя Монголия. М.: Наука, ГРВЛ, 1989. 383 с. с ил.

- Окладников 1974 — *Окладников А. П.* Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. 168 с.
- Петрухин 2003 — *Петрухин В. Я.* Мифы финно-угров. М.: АСТ: Транзиткнига, 2003. 463 с.
- Полосьмак 1999 — *Полосьмак Н. В.* Алтайская леда: Удивительная находка российских археологов // *Родина*. 1999. № 4. С. 34–41.
- Потапов 1959 — *Потапов Л. П.* Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений (обычай дарения лебеда у хакасов) // *Советская этнография*. 1959. № 2. С. 18–30.
- Раевский 1992 — *Раевский Д. С.* Скифо-сарматская мифология // *Мифы народов мира*. Энциклопедия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 445–450.
- Румянцев 1962 — *Румянцев Г. Н.* Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 265 с.
- Севортян 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.
- Топоров 1992 — *Топоров В. Н.* Тапас // *Мифы народов мира*. Энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 494.
- Хангалов 1958 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений в трех томах. Т. I. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 549 с.
- Хангалов 2004 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений в трех томах. Т. III. Улан-Удэ: Респ. тип., 2004. 311 с.
- Цыдендамбаев 2001 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Респ. тип., 2001. 255 с.
- Эрдэнэболд 2012 — *Эрдэнэболд Л.* Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX вв.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 196 с.

References

- Abaev V. I. A Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language. Moscow, 1958. Vol. I: A–K. 655 p. (In Osset. and Russ.)
- Baldaev S. P. Buryat Wedding Rites. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1959. 180 p. (In Russ.)
- Baldaev S. P. Genealogical Tales and Legends of Buryats: The Bulagat and the Ekhirit. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1970. Part 1. 363 p. (In Russ.)
- Bazarova Ts. B. Aga Buryats: Traditional Clothing Vocabulary Reviewed. Cand. Sc. (philology) thesis. Ulan-Ude, 1999. 159 p. (In Russ.)
- Dashieva N. B. Genealogical myth of the Buryats of the Hori tribe: Calendar and ritual. *Nauchnyi dialog*. 2021. No. 3. Pp. 363–379. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-363-379
- Dashieva N. B. Image of the Deer–Sun and ethnonym of the Khori Buryats. *Oriental Studies*. 2020. No. 13(4). Pp. 941–950. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-941–950
- Dashieva N. B. Traditional Public Festivities of Buryats: History and Typology. Moscow; Ulan-Ude: East Siberian State Academy of Culture and Arts, 2012. 211 p. (In Russ.)
- Dryganova S. G. Semantics of Khori Buryat women’s clothes. In: Sokolova Z. P. (ed.) *Ethnic Processes and Traditional Culture*. Moscow; Ulan-Ude: East Siberian State Academy of Culture and Arts, 2005. Pp. 149–164. (In Russ.)
- Dumézil G. E. Scythians and Narts. Moscow: Nauka, 1990. 227 p. (In Russ.)
- Dyrenkova N. P. Altaian Turks: Vestiges of the maternal clan system revisited. *Sovetskaya etnografiya*. 1937. No. 4. Pp. 18–45. (In Russ.)
- Erdenebold L. Traditional Beliefs of Oirat Mongols, Late 19th – Early 20th Century. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. 196 p. (In Russ.)

- Isyangulov Sh. N. Ancient Turkic roots of the Yurmaty tribe (according to swan legends). *The Problems of Oriental Studies*. 2013. No. 4 (62). Pp. 25–31. (In Russ.)
- Jamtsarano Ts. Travel Diaries, 1903–1907. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2001. 382 p. (In Russ.)
- Khangelov M. N. Collected Works. In 3 vols. Vol. I. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1958. 549 p. (In Russ.)
- Khangelov M. N. Collected Works. In 3 vols. Vol. III. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2004. 311 p. (In Russ.)
- Lombotsyrenov D.-Zh. A History of the Selenga Buryat Mongols. In: Chimitdorzhiev Sh. B., Vanchikova (Purbueva) Ts. P. (comps.) Buryat Manuscripts. Ulan-Ude: Buryat Institute of Social Sciences, 1995. Pp. 103–132. (In Russ.)
- Mikhaylov G. I. Myths in 13th-14th century historical writings of Mongols. In: Folklore and Historical Ethnography. Moscow: Nauka, 1983. Pp. 88–106. (In Russ.)
- Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. (In Old Turk and. Russ.)
- Novgorodova E. A. The Ancient Mongolia. Moscow: Nauka — GRVL, 1989. 383 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. Petroglyphs of the Baikal — Monuments of Siberia's Ancient Culture. Novosibirsk: Nauka, 1974. 168 p. (In Russ.)
- Petrukhin V. Ya. Myths of Finno-Ugric Peoples. Moscow: AST — Tranzitkniga, 2003. 463 p. (In Russ.)
- Polosmak N. V. The Altai Lady: A miraculous find of Russian archaeologists. *Rodina*. 1999. No. 4. Pp. 34–41. (In Russ.)
- Potapov L. P. Some early forms of family and religious ideas reviewed: A swan-offering ritual of the Khakas. *Sovetskaya etnografiya*. 1959. No. 2. Pp. 18–30. (In Russ.)
- Raevsky D. S. Scytho-Sarmatian mythology. In: Myths of the World: An Encyclopedia. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1992. Pp. 445–450. (In Russ.)
- Rumyantsev G. N. Origins of Khori Buryats. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1962. 265 p. (In Russ.)
- Sevortyan E. V. The Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Stems Beginning with Vowels. Moscow: Nauka, 1974. 768 p. (In Russ., Turk., etc.)
- Toporov V. N. Tapas. In: Myths of the World: An Encyclopedia. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1992. P. 494. (In Russ.)
- Tsydendambaev Ts. B. Buryat Historical Chronicles and Genealogical Tables: A Study in History and Linguistics. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2001. 255 p. (In Russ.)
- Tubshinima G. Origins and History of the Barga [Mongols]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2008. 188 p. (In Mong. and Russ.)
- Zoriktuev B. R. Ethnic History of Mongolians and Buryats: Topical Issues Revisited. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2011. 278 p. (In Russ.)
- Zoriktuev B. R. Nayan-Nava and the ethnogenesis problem of the Buryat tribal community of Khori. *Nauchnyi dialog*. 2020. No. 5. Pp. 393–423. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-393-423
- Zoriktuev B. R. On the little-known aspects of the ethnic history of the Khori. *Issues of Social-Economic Development of Siberia*. 2018. No. 4(34). Pp. 127–132. (In Russ.)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 9:94(5)

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-371-382

Еще раз о кара-китаях в домонгольских мусульманских источниках на примере анонимного персидского сочинения 1133 г.

Дмитрий Михайлович Тимохин¹

¹ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-9093-5269. E-mail: horezm83@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Тимохин Д. М., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается проблема бытования понятия «кара-китай» в мусульманских исторических сочинениях. В качестве объекта исследования нами был взят относительно хорошо известный анонимный персидский текст 1133 г., содержащий ценные сведения о кара-китайской экспансии в земли Восточного Туркестана. *Цель исследования* — проанализировать данные о кара-китаях в составе указанного текста и соотнести эти сведения с данными других мусульманских исторических сочинений XII–XIII вв. *Материалы и методы.* Автор использовал в своей работе широкий круг мусульманских исторических текстов как домонгольского периода, так и эпохи монгольского нашествия, содержащих сведения по интересующей нас проблематике. В свою очередь анонимный персидский текст 1133 г. входит в состав сборника писем и документов, который был впервые частично опубликован В. В. Бартольдом под названием «Инша». В этом тексте рассказывается, в частности, о том, что после победоносного похода хорезмшаха Атсыза вглубь Туркестана им были разосланы фатх-намэ, в ответ на которые владыка Кашгара сообщил о собственной победе над «неверными», возглавляемыми безымянным предводителем, которого владыка Кашгара именовал не иначе, как «одноглазый». Соотнесение этих сведений с данными более позднего сочинения Ибн ал-Асира «ал-Камил фи-т-тарих» позволяют убедительно доказать связь между обоими текстами. Что касается самой победы владыки Кашгара над кара-китаями, то здесь можно говорить скорее о локальном успехе, поскольку этим завоевателям не только удалось в итоге завладеть этим регионом, но и распространить свою власть на сопредельные с ним земли. *Выводы.* Сопоставительный анализ сведений из анонимного сочинения, вошедшего в состав сборника «Инша», с текстом Ибн ал-Асира позволяет осторожно заявить о том, что арабский историк был знаком с этим текстом и, по-видимому, именно из него заимствовал образ «одноглазого» правителя кара-китаев. Подобные сведения не встречаются в синхронных с «Инша» мусульман-

ских текстах XII в., а также в составе исторических сочинений первой четверти XIII в., к которым теоретически мог обращаться Ибн ал-Асир.

Ключевые слова: кара-китаи, домонгольские мусульманские исторические сочинения, Ибн ал-Асир, Бартольд, Хорезм, султан Санджар

Для цитирования: Тимохин Д. М. Еще раз о кара-китаях в домонгольских мусульманских источниках на примере анонимного персидского сочинения 1133 г. // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 371–382. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-371-382

Once Again about the Kara Khitai in Pre-Mongol Muslim Sources: One Anonymous Persian Essay of 1133 Revisited

Dmitry M. Timokhin¹

¹ Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka St., 107031 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-9093-5269. E-mail: horezm83@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Timokhin D. M., 2022

Abstract. Introduction. The article deals with the concept ‘Kara Khitai’ in Muslim historical writings. In particular, the paper examines a relatively well-known anonymous Persian-language text of 1133 containing valuable messages on the Kara Khitai invasion of East Turkestan. **Goals.** The study aims to analyze information about the Kara Khitai from the specified text and correlate the data with those traced in other 12th–13th century Muslim historical compositions. **Materials and methods.** The work considers a wide range of Muslim historical texts of both the pre-Mongol period and that of the Mongol invasion proper comprising data on the mentioned issues. And again, the anonymous Persian text of 1133 is integral to the collection of letters and documents first partially published by V. V. Bartold with the title ‘Insha’. This text narrates, in particular, that after the victorious campaign of Khwarazmshah Atsiz deep into Turkestan the latter would send *fath-namehs* — to receive a response from the ruler of Kashgar who was announcing his own victory over the ‘infidels’ led by a nameless leader referred to none other than ‘the One-Eyed’. A comparison of this message to later ones in Ibn al-Athir’s *Al-Kāmil fī al-tārīkh* (The Complete History) results in a convincing conclusion there is a connection between the two texts. As for the victory of Kashgar’s ruler over the Kara Khitai, that was rather a local success since those invaders were not only able to eventually conquer the region but also extended their power to the adjacent lands. **Conclusions.** A comparative analysis of the anonymous work included in the *Insha* collection and Ibn al-Athir’s text may suggest a preliminary implication the Arab historian had been familiar with the former narrative and, apparently, that was where he borrowed the image of ‘the One-Eyed’ ruler of the Kara Khitai. No other 12th century Muslim texts (synchronous with the *Insha*) mention the latter, nor historical works from the first quarter of the 13th century — which Ibn al-Athir could have turned to — contain anything of the kind.

Keywords: Kara Khitai, pre-Mongol Muslim historical writings, Ibn al-Athir, Bartold, Khwarazm, Sultan Sanjar

For citation: Timokhin D. M. Once Again about the Kara Khitai in Pre-Mongol Muslim Sources: One Anonymous Persian Essay of 1133 Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(2): 371–382. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-371-382

Введение

Проблема бытования понятия «кара-китаи» в мусульманских источниках XII в. может казаться основательно изученной исследователями. При ближайшем рассмотрении мы находим у такого признанного специалиста по истории государства кара-китаев, каковой по праву считается М. Биран, заключение о том, что подобный термин не встречается в домонгольской мусульманской исторической литературе [Biran 2005: 216–217]. Согласно ее мнению, наиболее раннее упоминание «кара-китаев» можно найти в сочинении Джузджани «Табакат-и Насири», датированном 1260 г., а более ранние авторы используют иные маркеры для обозначения и кара-китайской державы, и самой этой этнической общности [Biran 2005: 216].

Впрочем, ни М. Биран, ни более ранние исследователи прямо не задавались вопросом о том, почему в составе мусульманских текстов XII – начала XIII в., т. е. периода прямого взаимодействия мусульманских держав с кара-китаями, само название последних не упоминается историками, однако уже в годы монгольского нашествия и правления наследников Чингиз-хана это понятие, напротив, включается в состав исторических сочинений [Джувеини 2004: 339; Kermani 1328/1949: 22].

Нами уже была предпринята попытка анализа мусульманских текстов домонгольского периода, где мы постарались проанализировать объем информации и особенности описания истории кара-китайского государства, которые приводят историки этого времени [Тимохин 2021: 250–261]. В связи с этим в этой статье мы постараемся, с одной стороны, на конкретном примере показать те маркеры, которые использовали домонгольские историки для обозначения кара-китаев, а с другой — выделить определенную логику их использования в составе мусульманской историографии этого периода. Отчасти нам придется коснуться не только как такового термина «кара-китаи», но и подчеркнуть, как в составе указанных исторических текстов описывалась их держава и их правители. Надеемся, что наше исследование станет первым шагом к тому, чтобы ответить на вопрос, почему же историки домонгольской эпохи, в отличие от более поздних авторов, не упоминают в своих сочинениях понятие «кара-китаи».

Материалы и методы

Важнейшим источником для нашего исследования, как и следует из названия статьи, станет анонимное персидское сочинение 1133 г., которое было введено в научный оборот уже В. В. Бартольдом, однако до сих пор, в сравнении с другими мусульманскими текстами XII в., относительно слабо востребовано специалистами. Впервые об этом источнике сообщает В. Р. Розен в третьем томе «Научной коллекции Института восточных языков Министерства иностранных дел», опубликованном в 1886 г. [Collections scientifiques 1886: 146–159]. В этом издании приводится описание самой рукописи, предлагаются сведения о ее структуре, а также включены другие ценные для исследователей замечания. Именно на этот каталог ссылается и сам В. В. Бартольд: при этом непосредственно текст этого источника был частично опубликован этим же выдающимся российским востоковедом в 1898 г. в составе первой части «Туркестана в эпоху монгольского нашествия» под названием «Инша» («انشا») [Бартольд 1898: 35–37].

Стоит отметить, что под этим же названием источник фигурирует и в каталоге, составленном В. Р. Розеном: это связано с тем, что интересующий нас текст входит в состав достаточно сложного, с точки зрения структуры, памятника, по сути, составленного из различных по содержанию и жанровой принадлежности текстов [*Collections scientifiques* 1886: 146].

Кроме этого мусульманского исторического сочинения, нами были привлечены другие памятники мусульманской историографии XII – начала XIII в., в которых содержится информация о кара-китайской державе, для того чтобы продемонстрировать, как менялись маркеры, связанные с ее историей. В некоторых случаях нами будут задействованы и более поздние тексты для того, чтобы сравнить интересующие нас места из ранних памятников с их интерпретацией авторами монгольского периода.

«Инша» как исторический источник: общие замечания

Несомненно, следует более подробно сообщить об источнике, который издан под названием «Инша» (см. также: [*Материалы* 1939: 314–320]), а лишь затем перейти к интересующему нас тексту, который, как уже было отмечено, входит в его состав. В. Р. Розен сообщает по этому поводу следующее: «эта рукопись, без заглавия, представляет собой сборник документов, грамот, формуляров грамот, писем и фрагментов писем, значительная часть из которых принадлежит перу катиба Мунтаджаб ад-Дина Беди بديع, возглавлявшего секретариат сельджукского султана Санджара ибн Малик-шаха (513–552 г. х.)¹. Другие документы новее (датируемы промежутком между 667² и 683 г. х.)³, но весь сборник не может быть составлен намного позже последней даты, и именно это придает ей огромную ценность, что еще более усиливается почтенным возрастом копии. Несмотря на то, что нет никаких следов даты, я без колебаний отношу рукопись к восьмому веку. Он написан красивым насхом, очень часто лишенным диакритических знаков. Последнее обстоятельство иногда очень затрудняет чтение этих избранных примеров бюрократического красноречия: они требуют дальнейшего изучения» [*Collections scientifiques* 1886: 146].

В этой цитате из труда выдающегося востоковеда следует выделить несколько важных сюжетов, один из которых касается авторства значительной части документов из состава «Инша», которые В. Р. Розен приписывает упомянутому им ал-Джувайни. Этот исторический персонаж хорошо известен специалистам благодаря тому, что принадлежащие его перу тексты не только вошли в состав «Инша», но и существовали в форме отдельного сборника документов «Атабат ал-катаба», согласно классическому исследованию Г. М. Курпалидиса [*ал-Джувайни* 1985: 6–7].

Впрочем, как отмечал уже В. Р. Розен, далеко не все документы из состава «Инша» связаны с ал-Джувайни, и здесь важно обратить внимание на те тексты, которые связаны с правлением хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Атсыза (1127–1156). Среди таких документов в составе «Инша» нас наибольшим образом заинтересо-

¹ 1119/1120–1157/1158 г.

² 1268/1269 г.

³ 1284/1285 г.

вал обширный текст, помещенный В. В. Бартольдом на страницах 35–38 первой части «Туркестана...»: здесь опубликована часть текста рукописи, включающая в себя листы со 105 по 113 [Бартольд 1898: 35–37].

В самом каталоге «Персидские рукописи Института восточных языков» В. Р. Розен сообщает об этой части «Инша»: на указанных листах рукописи присутствуют следующие заголовки и пометы: «104) л. 104а — Ответ («الجواب»); 105–108) л. 104б – 105б четыре листа, озаглавленных просто «высокий образец» («المثال العالي»); 109) л. 105б «Пример [послания] из дворца их султанского величества везиру престола Халифата из Инша Муиз ад-Дина Манхаба ал-Малика об истории, [произошедшей] в рамадане года пятьсот двадцать седьмого¹ («هتل عن الدرگاه الاعلى السلطانی الی وزیر دار الخلافه من انشا موبد ادين»))» [Collections scientifiques 1886: 156]. Последний из указанных В. Р. Розеном текстов занимает, соответственно, листы с 105б по 114а, и к нему был добавлен следующий комментарий составителя каталога: «крайне интересный документ» [Collections scientifiques 1886: 156, comm. 1].

Сведения о кара-китаях в составе «Инша»

Вероятно, именно вышесказанным следует объяснять тот факт, что именно на эту часть «Инша» обратил пристальное внимание уже В. В. Бартольд при реконструкции внешней политики хорезмшаха Атсыза [Бартольд 1963б: 388]. Собственно сам рассказ о походе этого хорезмшаха вглубь «Туркестана» и его победе над местным правителем взят В. В. Бартольдом как раз из указанного нами выше раздела «Инша», равно как датировка документа — июль 1133 г. [Бартольд 1963б: 388, комм. 2; Бартольд 1898: 35].

Однако, помимо указанного российским востоковедом похода хорезмийской армии, в тексте источника содержится и описание его последствий: анонимный автор подчеркивает тот факт, что к различным правителям были разосланы победные письма («фатх-наме») и на них последовала определенная реакция. «Об этом событии им (т. е. хорезмшахом Атсызом. — Д. Т.) были отправлены многочисленные послания, и другой хакан, Кашгара, о котором нами уже было сказано, некоторые [известия] об этой победе получил. И когда он фатх-намэ получил, то дал такой ответ — те мятежные неверные [из-за] одноглазого, который уже несколько лет назад из глубин Туркестана явился, с многими воинами и распространил притеснения вплоть до границ стран Ислама. И он страх и великий ужас вселял в сердца, и несколько городов, которые находились в землях Кашгара из-за него опустели. Тогда собрав войска и с помощью Божьей и Его поддержкой, [я] его убил и разгромил его войско, пленных и добычу захватил. После этого [сражения] их великие старания и усилия в этом направлении (т. е. в завоевании Кашгара и прилегающих к нему земель. — Д. Т.) были окончены, и Ислам и мусульмане от зла его и разврата тех неверных [были спасены] и мир и всеобщий покой обрели. Хвала Аллаху Господу миров, эти две победы значительными были настолько, что до сего дня в этой стране такое лишь Бог Всевышний мог осуществить, и возносили они хвалу Ему поэтому!» [Бартольд 1898: 37–38; см. также: Ibn al-Athir 1876: 55].

¹ 1132/1133 г.

Несомненно, на первый взгляд данное сообщение анонимного автора может показаться исследователям крайне противоречивым и не относящимся к истории кара-китаев и их государственности: в этом тексте нет ни одного прямого упоминания о них, а сообщается лишь о неких «неверных», пришедших «из глубин Туркестана» во главе с предводителем, которого называют «одноглазым» [Бартольд 1898: 37–38].

Впрочем, соотнесение сведений из анонимного персидского текста 1133 г. с данными других мусульманских источников XII – начала XIII вв. могут пролить свет на это описание и, с нашей точки зрения, связать его с началом истории кара-китайской державы и ее экспансии как внутри восточного Туркестана, так и в сопредельные с ним регионы. Ниже постараемся доказать подобную точку зрения на широком источниковом материале, что наглядно продемонстрирует, в том числе, ценность для исследователей самого анонимного персидского текста 1133 г.

Сведения других мусульманских исторических сочинений XII – начала XIII вв.

Прежде всего, хотелось бы еще раз обозначить, что в представленном выше переводе отрывка из «Инша» правитель Кашгара сообщает о своей победе, указывая в качестве противников неких «неверных» (в одном месте просто «كافر», в другом используя множественное число «كافران». — Д. Т), а не используя конкретно понятие «кара-китай» [Бартольд 1898: 37–38].

В своей классической работе на сам факт отсутствия этого этнонима в мусульманских сочинениях домонгольского периода обратила внимание М. Бيران, предложив в этом случае следующее объяснение. «Два факта, однако, остаются проблематичными: во-первых, понятие *Kara Xitai* не встречается ни в одном мусульманском источнике, написанном до монгольского вторжения в мусульманский мир в 1218–20 годах. Его самое раннее появление встречается в работе Джузджани (написано ок. 1260). Более ранние мусульманские источники используют в основном термин *Xumā* или *Xumā*¹ (т. е. Хитай) для обозначения Кара Хитаев и династии Ляо. Популярность термина *Kara Xitai* начиная с монгольского периода, вероятно, объясняется утверждением Рашида ад-Дина о том, что это название монгольского происхождения. Эту более позднюю популярность можно частично объяснить тем фактом, что, начиная с XIII века, термин *Xumāy* обычно относится к северному Китаю, то есть он трансформировался из династического или этнического понятия в географическое. Это, однако, не проясняет, почему домонгольские мусульманские источники никогда не использовали термин *Kara Xitai*»² [Biran 2005: 216].

Со своей стороны хотелось бы отметить, что замечание М. Бيران о том, что термин «Хитай» стал обозначать северный Китай в мусульманских текстах начиная с XIII в., не совсем справедливо. Так, у ал-Марвази в «Таба’и’ ал-хай-йаван» мы находим следующее описание Китая: «их земли разделены на три категории, называемые Шин, Китаи (Кутай), называемый простыми людьми Хитай, и Йугур, из которых величайшим регионом и государством является Шин» [Marvazi 1942: 14].

¹ С мягким Т.

² Перевод автора.

Что же касается того, что домонгольские авторы не использовали термин «кара-китаи» в своих сочинениях, заменяя его просто понятием «хита» или «хитай», то с этим замечанием отчасти можно согласиться. В специальной статье, которая была посвящена обзору мусульманских сочинений домонгольского периода по истории кара-китаев и их державы, нами было отмечено, что в большинстве текстов этого времени термин «кара-китай» отсутствует [Тимохин 2021: 250–261].

В качестве исключения можно привести относительно поздние вставки в сочинение X в. — «Тарих-и Бухара» Абу Бакра Мухаммада ибн Джафара ан-Наршахи, где, в частности, в разделе, посвященном истории Самарканда, упоминается, что «султан Санджар в этом месте сражался с неверными кара-китаями...» [Nerchakhy 1892: 246]. Впрочем, упоминание «татар» в следующем за этим предложении лишь подчеркивает тот факт, что перед нами поздняя вставка, которая, безусловно, была сделана уже в монгольский период. Еще одним примером в пользу точки зрения М. Биран может стать сочинение начала XIII в. персидского автора Фахр-и Модаббира «Шаджарай-е ансаб-е Мобаракшахи» («Бахр ал-ансаб»), где в списке тюркских племен кара-китаи также обозначены как «Хита» («خطا») [Ta'rifkh-i Fakhrū'd-Dīn 1927: 27].

Хотелось бы отметить два момента, которые были обозначены в той же статье о домонгольских мусульманских исторических сочинениях, где есть сведения по истории кара-китаев: во-первых, в отдельных ранних текстах историки маркируют их как «тюрки», «неверные» или «неверные тюрки» [Тимохин 2021: 250–261]. В частности, можно вспомнить сочинение «ал-Мунтазам фи тарих ал-мулуква-л-умам» Абу-л-Фараджа Ибн ал-Джаузи, где сказано, что после поражения султана Санджара от кара-китайской армии Хорезм перешел под власть «неверных тюрков», т. е. признал зависимость от гур-хана кара-китаев [al-Muntazim fi Tarikh 1992: 19]. Этот же маркер можно найти и в тексте «Зайлтарих-и Димашк» Абу Йалы Хамзы ибн Асада или Ибн ал-Каланиси [History of Damascus 1908: 275].

Второй момент касается того, что наиболее ранние тексты XII в. упоминают кара-китаев применительно лишь к описанию их военных столкновений с мусульманскими правителями, например с сельджукским султаном Санджаром, однако к концу XII – началу XIII в. можно найти гораздо более подробные описания истории кара-китайской державы. В частности, у Мухаммада ибн Наджиба Бакрана в его «Джахан-наме» присутствует рассказ о миграции кара-китаев в пределы Восточного Туркестана. «Хита — племена хитаев, которые по происхождению относятся к области Чин. Слово Хита, применяемое к ним, ошибочно, [его] следует читать как Кита. А Кита — это название большого города из [числа] городов Чина, а область Чина Великого — большая область, и в ней построек и городов много, и так говорят, что в области Чин имеется 300 городов, больших и благоустроенных. И Чин составляют три части. Ту часть, которая с застроенной стороны, одни называют Чин-и Мотлак, а иные — Чин-и Бируни, другую часть, которая со стороны востока, называют Чин-и Андаруни, а также Мачин. Говорят, что многие из великих эмиров были из эмиров Кита. И говорят, что последний эмир был падишахом Чина, оттуда выступил по причине ..., двигался и вел по дороге войны и таким образом дошел до пределов

Баласагуна; там им (хитаям) никто не оказал сопротивления, и они там поселились. И затем они изменили слово Кита и назвали себя здесь Куту, а простой народ называл себя Хита, произнося это по ошибке» [Материалы 1973: 50; см. также: Бакран 1960: 17а].

В связи со всем вышесказанным исследователя не должно удивлять то, что в приведенном нами тексте анонимного персидского сочинения 1133 г. кара-китаи маркируются как «неверные», что вовсе не противоречит домонгольской историографической традиции. Другой важный момент касается предводителя кара-китаев, который в этом тексте обозначен как «عور», т. е. «одноглазый» или «кривой» [Бартольд 1898: 37–38]. Мы не находим параллелей к этому сообщению в составе мусульманских сочинений XII в., что заставило нас обратиться к более позднему труду Ибн ал-Асира «ал-Камил фи-т-тарих», где мы находим рассказ, во многом сходный с тем, что предлагает анонимный автор. «Еще до этого, в пятьсот двадцать втором году¹, Кривой (Одноглазый), а он гурхан ас-Сини, достиг границ Кашгара с большим числом [воинов], какое знает только Аллах. Против него вооружился владетель Кашгара, то есть ильхан Ахмад ибн ал-Хасан. Он собрал свои войска и вышел к нему. Они встретились, сразились и Кривой ас-Сини, гурхан, был разбит, и много его сторонников было убито. Затем [ильхан Ахмад] умер, и его место занял гурхан ас-Сини. А это [слово], то есть „гур“ на китайском языке [означало] прозвище величайшего из царей, а [слово] хан — прозвище тюркских царей, означающее „величайший из царей“. Он надевал царскую одежду из покрывал и вуалей. Он был манихеем» [Ибн ал-Асир 2006: 244; Ibn al-Athir 1876: 55]. Любопытно, что арабский историк использует тот же маркер для обозначения лидера кара-китаев, а именно «الاعور» («одноглазый/кривой»), добавляя к нему эпитеты «гур-хан» или «ас-Сини» [Ibn al-Athir 1876: 55].

Начиная с В. В. Бартольда [Бартольд 1963а: 50–51], исследователей в большей степени интересовал сам факт поражения кара-китайской армии, нежели очевидная историографическая преемственность, которая наблюдается между текстом первой половины XII в. и сочинением Ибн ал-Асира. Это заметно у К. Э. Босворта [Bosworth 1968: 148] и у Г. Г. Пикова [Пиков 1989: 75], а также в неоднократно упомянутой нами работе М. Биран [Biran 2005: 37, comm. 1]: более того, последний из представленных исследователей продолжает транслировать сообщение В. В. Бартольда 1896 г., где он, в частности, указывает, что представленный текст источника — это «письмо султана Санджара к багдадскому правительству, написанное в июле 1133 г., где об этой битве говорится как о недавнем происшествии» [Бартольд 1896 (1897): 221, комм. 1]. То, что перед нами именно письмо сельджукского правителя, было отмечено уже В. Р. Розеном в его каталоге, цитата из которого была приведена выше [Collections scientifiques 1886: 156].

Здесь следует уточнить один момент: рассматриваемый нами отрывок действительно начинается со слов «Пример [послания] из дворца их султанского величества везиру престола Халифата из инша Муиз ад-Дина Манхаба ал-Малика об истории, [произошедшей] в рамадане года пятьсот двадцать седьмого»²

¹ 1128 г.

² 1132/1133 г.

[Бартольд 1898: 35]. Далее мы находим и образцы формуляра, и другие характерные признаки того, что перед нами письмо султана Санджара, однако текст существенно меняется в той части, которая нас интересует наибольшим образом, — он становится больше похожим на некое повествование или рассказ о событиях [Бартольд 1898: 37–38]. Подобные особенности текста остались, к сожалению, без внимания исследователей, равно, как и вопрос относительно историографической преемственности между рассказом из состава «Инша» и текстом Ибн ал-Асира.

Несмотря на то, что арабский историк относит сражения между предводителем кара-китаев и правителем Кашгара к 1128 г. [Ибн ал-Асир 2006: 244; Ibn al-Athir 1876: 55], а в анонимном персидском тексте 1133 г. подобная датировка отсутствует [Бартольд 1898: 37–38], на что обратил внимание уже В. В. Бартольд [Бартольд 1896 (1897): 221, комм. 1], общая канва рассказа и важнейшие детали описания у них совпадают. При этом упоминание «одноглазого» предводителя именно кара-китаев у Ибн ал-Асира вместо такого же предводителя «неверных» в «Инша» свидетельствует о том, что более ранний автор, вероятно, просто слабо представлял себе, с какой именно угрозой столкнулся правитель Кашгара, а вот более поздний арабский историк, разумеется, понимал, что речь идет именно о кара-китаях.

В то же время рассказ Ибн ал-Асира дополнен информацией о дальнейшей победе кара-китаев и итоговом захвате ими Кашгара [Ибн ал-Асир 2006: 244; Ibn al-Athir 1876: 55], о чем молчит более ранний анонимный автор: вероятно, текст последнего был составлен тогда, когда об этой победе было еще неизвестно [Бартольд 1898: 37–38].

Закономерный вопрос о том, почему в других ранних мусульманских текстах отсутствует подобный эпизод и описание деятельности «одноглазого» предводителя кара-китаев, может быть решен сравнительно просто. Если следовать мысли более ранних исследователей, то интересующий нас рассказ был частью письма султана Санджара в Багдад, а копия этого послания вошла в состав сборника, известного нам как «Инша» [Collections scientifiques 1886: 146–159; см. также: Бартольд 1896 (1897): 221, комм. 1; Бартольд 1963а: 50–51; Bosworth 1968: 148; Biran 2005: 37, comm. 131; Пиков 1989: 75].

Ибн ал-Асир, который долгое время жил и работал в библиотеках Багдада [Ибн ал-Асир 2006: 8], вероятно, был знаком с этим посланием, из которого им и был заимствован образ «одноглазого» предводителя кара-китаев, разбитого войсками правителя Кашгара. При этом арабский историк максимально дополнил текст важными подробностями, отсутствующими в более раннем источнике: указал необходимые имена правителей, которые не указаны анонимным автором, описал продолжение событий вокруг Кашгара, а также отнес поход хорезмшаха Атсыза, который в отрывке из «Инша» можно считать событием синхронным с кара-китайским вторжением, к более раннему времени и даже поместил в другой раздел своего сочинения [Ибн ал-Асир 2006: 233]. В свою очередь другие домонгольские мусульманские авторы, по-видимому, не были знакомы с текстом послания султана Санджара, в связи с чем и победы правителя Кашгара, и «одноглазого» предводителя кара-китаев в этих текстах мы не видим.

Заключение

Подводя итоги, хотелось бы обратить внимание на следующие важные моменты: как лишний раз продемонстрировала эта статья, история кара-китаев и их державы описывается в мусульманских источниках домонгольского периода достаточно кратко, и авторы этого времени уделяют внимание преимущественно их столкновениям с теми или иными мусульманскими правителями. В этой связи рассказ о сражении между правителем Кашгара и кара-китайской армией, в результате которого последние потерпели полное поражение, в составе сборника документов и писем «Инша» имеет важнейшее значение. Это уникальное сообщение не нашло своего отражения в других текстах этого периода, что делает его еще более ценным для исследователей. Несмотря на то, что во многих работах, начиная с упомянутых трудов В. В. Бартольда, были учтены сведения из «Инша» и соотнесены с более поздними сведениями из «ал-Камил фи-т-тарих» Ибн ал-Асира, никаких далеко идущих выводов по этому поводу до сих пор сделано не было. В то же время очевидные параллели между текстом арабского историка и соответствующей частью из «Инша» позволяют сделать вывод о том, что Ибн ал-Асир был знаком с этим текстом, который, вероятно, сохранился в архивах Багдада и к которым тот имел доступ. В результате рассказ об «одноглазом» предводителе кара-китаев и о его гибели встречается и в «Инша», и в «ал-Камил фи-т-тарих», но при этом отсутствует в синхронных мусульманских исторических сочинениях.

В этой статье нами было наглядно продемонстрировано, что использование анонимным автором персидского текста 1133 г. маркера «неверные» вместо употребления понятия «кара-китай» в целом соответствует определенной традиции, сложившейся в мусульманских текстах XII в. вокруг описания истории кара-китайской державы и ее завоевательной политики. Историки этого времени используют данный маркер, наряду с такими эпитетами, как «неверные турки», «хитай», однако никогда не использует свойственный более поздним источникам термин «кара-китай». Таким образом, нарратив, представленный в анонимном персидском тексте 1133 г., с одной стороны, лежит в русле сложившейся в домонгольский период историографической традиции, а с другой — содержит в себе ценнейшие сведения, отсутствующие у других авторов. Хочется верить, что эта работа способствует усилению исследовательского интереса к памятникам мусульманской историографии XII в. и содержащейся в них информации, а также непосредственно к истории кара-китаев и ее отражению в исторических сочинениях указанного периода.

Литература

- Ибн ал-Асир 2006 — *Ибн ал-Асир*. Ал-Камил фи-т-тарих. Полный свод по истории. Избранные отрывки / пер. П. Г. Булгакова, Ш. С. Камолитдина. Ташкент: Узбекистан, 2006. 560 с.
- Бакран 1960 — *Мухаммад ибн Наджиб Бакран*. Джахан-наме («Книга о мире») / Издание текста, введение и указатели Ю. Е. Борщевского. М.: Вост. лит., 1960. 166 с.
- Бартольд 1896 (1897) — *Бартольд В. В.* The-Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Naidar... // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. Т. X. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1896 (1897). С. 215–226.
- Бартольд 1898 — *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Часть первая. Тексты. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1898. 211 с.

- Бартольд 1963а — *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья // Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. М.: Вост. лит., 1963. С. 23–109.
- Бартольд 1963б — *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М.: Наука, 1963. С. 45–597.
- ал-Джувайни 1985 — *ал-Джувайни Мунтаджабад-Дин Бади Атабек.* Ступени совершенствования катибов (атабат ал-катаба) / пер. Г. М. Курпалидиса. М.: Наука, 1985. 195 с.
- Джувеини 2004 — *Джувеини.* Чингиз-хан. История завоевателя мира / пер.: Е. Е. Харитоновна. М.: Магистр-Пресс, 2004. 749 с.
- Материалы 1973 — Материалы по истории киргизов и Киргизии / отв. ред. В. А. Ромодин. Вып. 1. М.: ГРВЛ, 1973. 280 с.
- Материалы 1939 — Материалы по истории туркмен и Туркмении / под ред.: С. Л. Волин, А. А. Ромаскевич, А. Ю. Якубовский; отв. ред. А. П. Баранников. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 612 с.
- Пиков 1989 — *Пиков Г. Г.* Западные кидани. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1989. 191 с.
- Тимохин 2021 — *Тимохин Д. М.* Обзор арабо-персидских источников домонгольского периода по истории государства кара-китаев: особенности структуры и содержания // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2021. Вып. 6. С. 250–261.
- Ibn al-Athir 1876 — *Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur.* Vol. 11. Annos H. 527–583 / Ed. by C. J. Tornberg. Leiden and Uppsala: E. J. Brill, 1876. 376 p. (In Arabic).
- Biran 2005 — *Biran M.* The Qara Khitai Empire in Eurasian History: Between China and the Islamic World. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 279 p.
- Bosworth 1968 — *Bosworth C. E.* The Political and Dynastic History of the Iranian World (A. D. 1000–1217) // The Cambridge History of Iran. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. Pp. 1–202.
- Collections scientifiques 1886 — Collections scientifiques de l'Institut des Langues Orientales du Ministère des Affaires Etrangères. Vol. III. Les manuscrits persans de l'Institut des langues orientales / Décrits par le Baron Victor Rosen. Saint-Pétersbourg :Impr. del' Académie impériale des sciences, 1886. 372 p.
- History of Damascus 1908 — History of Damascus. 363–555 a.h. by Ibn al-Qalanisy / Ed. by H. F. Amedroz. Leyden: Brill, 1908. 395 p.
- Kermani 1328/1949 — *Kermani Nasir ad-Din Munshi.* Simt al-'uliili'l-hadra al-'ulya / Ed. I. 'Abbas. Tehran: Sherkat Sahami Chap, 1328/1949. 150 p.
- Marvazi 1942 — *Marvazi Sharaf al-Zaman Tahir.* On China, the Turcs and India / Arabic text with an English translation commentary by V. Minorsky. London: The Royal Asiatic Society, 1942. 234 p.
- al-Muntazim fi Tarikh 1992 — al-Muntazim fi Tarikh al-malukwa al-umam by Ibn al-Jawzi. Beyrouth: Dār al-Kutub al-'Ilmiyah, 1992. J. 18. 260 p.
- Nerchakhy 1892 — *Nerchakhy Mohammed.* Description topographique et historique de Boukhara / publ. par Ch. Schefer. Paris: Leroux, 1892. 316 p.
- Ta'rikh-i Fakhru'd-Din 1927 — *Ta'rikh-i Fakhru'd-Din Mubaraksháh,* Being the Historical Introduction to the Book of *Genealogies of Fakhru'd-Din Mubaraksháh Marvar-rúdí Completed in A. D. 1206* / ed. by E. Denison Ross. London: Royal Asiatic society, 1927. 84 p.

References

- Bakran M. b. N. (Muhammad ibn Najib Bakran). World Book. Yu. Borshchevsky (ed., foreword, etc.). Moscow: Oriental Literature Press (USSR Academy of Sciences), 1960. 166 p. (In Russ.)

- Barannikov A. P. et al. (eds.) Turkmenistan and the Turkmen: Historical Materials. Vol. I. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1939. 612 p. (In Russ.)
- Bartold V. V. Book review: The Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar ... . *Zapiski vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. 1896 (1897). Vol. 10. Pp. 215–226. (In Russ.)
- Bartold V. V. Semirechye (Jeti-Suu): A Historical Essay. In: Bartold V. V. Collected Works. Vol. II. Part 1: General Works on Central Asian History. Moscow: Oriental Literature Press (USSR Academy of Sciences), 1963. Pp. 23–109. (In Russ.)
- Bartold V. V. Turkestan during the Mongol Invasion. In: Bartold V. V. Collected Works. Vol. I: Turkestan during the Mongol Invasion. Moscow: Nauka, 1963. Pp. 45–597. (In Russ.)
- Bartold V. V. Turkestan during the Mongol Invasion. Part One: Texts. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1898. 211 p. (In Russ.)
- Biran M. The Qara Khitai Empire in Eurasian History: Between China and the Islamic World. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 279 p. (In Eng.)
- Bosworth C. E. The Political and Dynastic History of the Iranian World (A. D. 1000–1217). In: The Cambridge History of Iran. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. Pp. 1–202. (In Eng.)
- Fakhr al-Dīn Mubārak Shāh. Ta'rikh-i Fakhru'd-Dīn Mubārakshāh, Being the Historical Introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Dīn Mubārakshāh Marvar-rūđī Completed in A. D. 1206. E. D. Ross (ed.). London: Royal Asiatic society, 1927. 84 p. (In Pers.)
- Ibn al-Athir. Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Vol. 11: 527–583 AH. S. J. Tornberg (ed.). Leiden, Uppsala: E. J. Brill, 1876. 376 p. (In Arab.)
- Ibn al-Athir. The Complete History: Selected Excerpts. P. Bulgakov, Sh. Kamoliddin (transl.). Tashkent: Uzbekistan, 2006. 560 p. (In Russ.)
- Ibn al-Jawzi . History of Lords and Peoples by Ibn al-Jawzi. Beirut: Dār al-Kutub al-‘Ilmiyah, 1992. Vol. 18. 260 p. (In Arab.)
- Ibn al-Qalanisy . History of Damascus, 363–555 A.H. H. Amedroz (ed.). Leyden: Brill, 1908. 395 p. (In Arab.)
- Juvayni A.-M. Genghis Khan. History of the World Conqueror. E. Kharitonov (transl.). Moscow: Magistr-Press, 2004. 749 p. (In Russ.)
- Kermani Nasir ad-Din Munshi. A Necklace of Rubies of Exalted Gentlemen. I. ‘Abbas (ed.). Tehran: Sherkat Sahami Chap, 1328/1949. 150 p. (In Pers.)
- Marvazī Sharaf al-Zamān Ṭāhir. On China, the Turks and India. V. Minorsky (comment.). London: The Royal Asiatic Society, 1942. 234 p. (In Arab. and Eng.)
- Muntajab al-Dīn Badī‘ Atabeg al-Juwayni . Levels of Improvement of Katib (Atabat al-Kataba). G. Kurpalidis (transl.). Moscow: Nauka, 1985. 195 p. (In Russ.)
- Nerchakhy M. Description topographique et historique de Boukhara. Ch. Schefer (ed.). Paris: Leroux, 1892. 316 p. (In Fr.)
- Pikov G. G. The Western Khitans. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 1989. 191 p. (In Russ.)
- Romodina V. A. (ed.) Kyrgyzstan and the Kyrgyz: Historical Materials. Vol. 1. Moscow: Nauka – GRVL, 1973. 280 p. (In Russ.)
- Rosen V. Collections scientifiques de l’Institut des Langues Orientales du Ministère des Affaires Étrangères. Vol. III. Les manuscrits persans de l’Institut des langues orientales. Décrits par le Baron Victor Rosen. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1886. 372 p. (In Fr.)
- Timokhin D. M. Review of pre-Mongol Arab-Persian sources on the history of Qara Khitai state: Features of the structure and content. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. 250–261. (In Russ.)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 811.512.27+94(47)
DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-383-392

Печать Дайчин Шаса-Бюджа-хана

Бембя Леонидович Митруев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник, аспирант

 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev@yahoo.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Митруев Б. Л., 2022

Аннотация. *Введение.* Среди печатей калмыцких ханов и знати печать Дайчин Шаса-Бюджа-хана занимает особое место. Эта печать была дарована VII Далай-ламой калмыцкому хану Церен-Дондуку. Ее уникальность заключается в том, что данная печать является единственной из известных ханских печатей, несущей на себе титул ее владельца. *Цель статьи* — ввести в научный оборот сфрагистические данные о печати Церен-Дондука, раскрыть значение титула «Дайчин Шаса-Бюджа-хан» и предложить гипотезу о его происхождении. *Материалы и методы.* Материалом послужили письма Церен-Дондука саратовскому воеводе В. П. Беклемишеву и астраханскому губернатору И. П. Измайлову, хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия. В исследовании использованы сравнительно-исторический метод и метод литературного исследования источников. *Результаты.* В данном исследовании представлен перевод титула владельца печати, а также гипотеза о его происхождении. Также приведен пример другого памятника тибетской сфрагистики, имеющего легенду на санскрите, записанную квадратным письмом Пхагба-ламы. В ходе исследования было выяснено значение титула «Дайчин Шаса-Бюджа-хан», содержание легенды на печати Церен-Дондука, приведен пример подобной тибетской печати, а также выдвинута гипотеза о происхождении титула.

Ключевые слова: Калмыкия, печать, сфрагистика, калмыцкая сфрагистика, Дайчин-Шаса-Бюджа-хан, Церен-Дондук, квадратное письмо, Тибет, санскрит

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер государственной регистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Митруев Б. Л. Печать Дайчин Шаса-Бюджа-хана // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 383–392. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-383-392

The Seal of Daichin Shasa-Byuja Khan

Bembya L. Mitruev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Research Associate, Postgraduate Student

 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev@yahoo.com

© KalmSC RAS, 2022

© Mitruev B. L., 2022

Abstract. *Introduction.* The seal of Daichin Shasa-Byuja Khan holds a special place among those once owned by Kalmyk rulers and landlords. The seal was granted to the Kalmyk Khan Tseren-Donduk by the 7th Dalai Lama. It is uniquely distinguished by that this is the only royal seal to bear the title of its owner. *Goals.* The article aims to introduce sigillographic data from the seal of Tseren-Donduk into scientific circulation, reveal the meaning of the title ‘Daichin Shasa-Byuja Khan’, and propose a hypothesis of its origin. *Materials and methods.* The study analyzes letters of Tseren-Donduk to Saratov Voivode V. P. Beklemishev and Astrakhan Governor I. P. Izmailov stored at the National Archive of Kalmykia. The employed research methods are the comparative historical one and that of literary investigation. *Results.* The work introduces a translation of this title supplemented with a hypothesis of its origin. The former is exemplified by another monument of Tibetan sphragistics which has a legend in Sanskrit written in the ‘Phags-pa script’. The paper clarifies the meaning of the title ‘Daichin Shasa-Byuja Khan’, articulates the legend on Tseren-Donduk’s seal, gives an example of a similar Tibetan seal, and also delivers a hypothesis on origins of the title.

Keywords: Kalmykia, seal, sphragistics, Kalmyk sphragistics, Daichin Shasa-Byuja Khan, ‘Phags-pa script, Tibet, Sanskrit

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Mitruev B. L. The Seal of Daichin Shasa-Byuja Khan. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(2): 383–392. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-383-392

Введение

С давних пор калмыки считали Далай-ламу своим духовным лидером. Калмыцкий летописец Габан Шараб в «Сказании об ойратах» писал: «Гуши хан, Орлюк с шестью сыновьями, Батур хун тайджи, Кундулен Убаши, Цецен, Аблай, духовные и все младшие ойратские владельцы на собрании положили почитать Далай ламу за первенствующую духовную особу, также и в почтении иметь и род тибетов (sic! — Б. М.), из которого происходят Далай ламы, и из сего поколения никого насильно при себе не держать, а давать волю жить, где пожелают» [Габан Шараб 2003: 92].

По всей видимости, именно по этой причине калмыцкие ханы считали крайне важным получить грамоту на титул хана и ханскую печать от самого Далай-ламы. Хронологический период вручения Далай-ламами титула «хан» калмыцким правителям начался с 1650 г., когда V Далай-лама удостоил этим титулом деда Аюки-хана Шукур-Дайчина (ум. 1672 г.) [Трепавлов 2014: 16], и завершился в 1757 г., когда посланцы Дондук-Даши, вероятно, успели полу-

чить от VII Далай-ламы ханское звание и печать для Дондук-Даши [Китинов 2020: 430].

Среди правителей калмыков три хана обладали ханскими титулами, полученными от разных воплощений Далай-лам: Шукур-Дайчин (ум. 1672), старший из шести сыновей и шести дочерей Хо-Урлюка [Габан Шараб 2003: 86] и его преемник, ставший вторым тайшой калмыков (годы правления 1644–1661), встречался с Далай-ламой Пятым Нгаванг Лобсанг Гьяцо (тиб. ngag dbang blo bzang rgya mtsho; 1617–1682) в первой половине 1640-х гг. и получил от него же титул «Дайчин-хан» в 1650-х гг., но передал ханский титул своему сыну Мончаку [Китинов 2020: 20].

Вторым ханом, получившим ханский титул, был Аюка-хан. Он получил титул «Дайчин-Аюши-хан» и печать от Далай-ламы Шестого Цангянг Гьяцо (тиб. tshangs dbyangs rgya mtsho; 1683–1706) в 1698 г. [Китинов 2020: 20]. Из трех печатей, принадлежавших Аюке-хану, первая печать с монограммой Калачакры, по всей видимости, была получена им без ханского титула от Далай-ламы Пятого, а затем передана его сыну Чагдорджабу [Митруев 2021: 51]. После смерти Чагдорджаба 19 февраля 1722 г. печать перешла к его старшему сыну Дасангу¹ [Митруев 2021: 53].

Третьим ханом, получившим титул от Далай-ламы, являлся Церен-Дондук² (ум. 1737). Он получил титул «Дайчин-Шаса-Бюджа-хан» и ханскую печать от Далай-ламы Седьмого Келсанг Гьяцо (тиб. skal bzang rgya mtsho; 1708–1757), которая торжественно была передана ему Намки-геленом 10 сентября 1735 г. [Чонов 1912: 17]. Последующие попытки калмыцких правителей получить ханский титул от Далай-лам были безуспешны, возможно, как считает Б. У. Китинов, исключением стал Дондук-Даши [Китинов 2020: 20].

В данном исследовании мы подробно рассмотрим значение этого титула, дарованного Далай-ламой калмыцкому правителю Церен-Дондуку, и легенду на ханской печати.

Среди документов, хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия, в фонде И-36 в журнале «Стол по разным донесениям и репортам от разных мест и лиц по калмыцким делам. 1736 г.» находится письмо Церен-Дондука, отправленное в Петербург Василию Пахомовичу Беклемишеву³, на котором стоит оттиск печати, данной Далай-ламой [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 8]. Оно было получено, как написано в русском переводе, 12 августа 1736 г.

Из письма Церен-Дондука от 25 сентября 1735 г. к астраханскому губернатору Измайлову известно, что Церен-Дондук был произведен в звание Дайчин-Шаса-Бюджа-хана: «Прежде, до повышения чина моего от ее и. в-ства, сверх того, (от) всего света обладателя, его сияния далай-ламы, пожалован (я) Дайчин-Шаса-Бюджа Церен-Дондук-ханом с велегласным проповеданием, для чего и вас, верной друг мой, не хотел оставить без известия» [Пальмов 1926: 96].

¹ Имя старшего сына Чагдорджаба Дасанга в некоторых исторических документах записано как Досанг.

² Имя Церен-Дондук в некоторых источниках записано как Черен-Дундук или Черен-Дондук.

³ В. П. Беклемишев (1687–1744) занимал пост воеводы Саратова с 1727 г. (фактически с 1728 г.) по 1744 г. [Мезин 2012: 125–126].

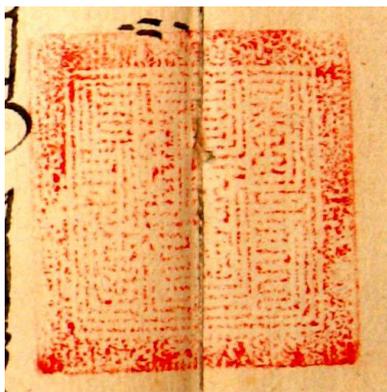
Начиная с этого времени, Церен-Дондук в заголовках своих официальных бумаг и писем помещает новый титул и прикладывает к письмам новую печать (рис. 1), несколько больших размеров, чем печати хана Аюки [Пальмов 1926: 96].

Рис. 1. Печать, дарованная Далай-ламой хану Церен-Дондуку
[НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 8]

[Fig. 1. Seal of Khan Tseren-Donduk received from the Dalai Lama]

Однако он параллельно пользуется и «второй» печатью Аюки-хана¹, в то же время используя новый титул. Так, в заголовке письма астраханскому губернатору Ивану Петровичу Измайлову, полученному, как известно из русского перевода, 28 сентября 1735 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 77. Л. 132об.], стоит его титул — Дайчин-Шаса-Бюджа-хан и «вторая» из трех печатей Аюки-хана (рис. 2), предположительно переданная Аюке-хану регентом Сангье Гьяцо (тиб. sangs rgyas rgya mtsho; 1653–1705) от лица Далай-ламы V [Митруев 2021: 53].

Рис. 2. Печать Аюки-хана, которую использовал хан Церен-Дондук
[НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 32об.]

[Fig. 2. Seal of Khan Ayuka once used by Khan Tseren-Donduk]

Интересно отметить, что эта же печать стоит на более поздних письмах Дарма-Балы и Галдан-Данжина: на письме ханши Дарма-Балы астраханско-

¹ Подробнее о трех печатях Аюки-хана см.: [Митруев 2021].

му бригадиру от 3 апреля 1736 г. [Сусеева 2009: 453], письме Дарма-Балы и Галдан-Данжина астраханскому бригадиру от 17 июня 1736 г. [Сусеева 2009: 476], а затем на письме Галдан-Данжина астраханскому бригадиру от 30 ноября 1736 г. [Сусеева 2009: 494]. По всей видимости, так называемая «вторая» печать хранилась у вдовы Аюки-хана — Дарма-Балы.

Относительно «третьей» печати Аюки-хана: она также хранилась у Дарма-Балы, но впоследствии, видимо, была передана Церен-Дондуку, на что указывает частое использование этой печати на его письмах [Митруев 2021: 58]¹. По всей видимости, именно об этой печати идет речь во время принятия Церен-Дондуком наместнической присяги 19 сентября 1724 г. в ставке А. П. Волынского²: «... нужно было приложить печать к присяге, но Церен-Дондук не мог этого сделать, так как „печать де его (осталась в улусах)“; правда, он хотел послать за нею нарочного и приложить ее после, но всем было известно, что у ханского сына не имелось собственной печати, печать же хана Аюки была в распоряжении Дарма-Балы, и у нее трудно было выпросить ее для такого случая, который претил ханше» [Пальмов 1929: 321].

Сама церемония объявления Церен-Дондука в звании наместника калмыцкого народа состоялась на следующий день 20 сентября 1724 г. Церемония объявления Церен-Дондука ханом российскими властями была проведена 5 мая 1731 г., в преддверии встречи калмыцкого правителя с пекинскими посланниками [Пальмов 1926: 140], но вручение ханской печати и титула от Далай-ламы состоялось только в 1735 г., поскольку только тогда вернулось в Калмыцкую степь посольство Намки-гелюнга, отправившееся в Тибет в 1729 г. [Курапов 2018: 162] и вернувшееся в августе 1733 г. из Пекина в Россию, но арестованное в Тобольске. «Вывезенные из пределов Тибета письма и утварь были тщательно изучены российской стороной. Сам Намка-гелюнг смог вернуться лишь во время кардинальной смены политической власти в Калмыцком ханстве, а именно — в июле 1735 г.» [Курапов 2018: 168]. Церемония вручения Церен-Дондуку знаков власти и подарков, переданных Далай-ламой (грамота, знамя, облачение (одежда), головной убор, а также лошадь с седлом, сайдак (набор вооружения конного лучника) и сабля, состоялось в сентябре 1735 г. [Бакаева 2019: 896].

Но уже в октябре 1735 г. Церен-Дондук был вызван в Санкт-Петербург, где был оставлен на поселении, а наместником ханства был объявлен поддерживаемый вдовствующей ханшей Дарма-Балой Дондук-Омбо (ум. в 1741 г.), внук Аюки-хана. После смерти Церен-Дондука в 1737 г. «третью» печать использовала его мать Дарма-Бала.

Печать Дайчин-Шаса-Бюджа-хана на письме Дарма-Балы князю Михаилу Михайловичу Голицыну³ от 29 сентября 1741 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 129. Л. 320об.] свидетельствует о том, что после смерти Церен-Дондука и его печать также попала в руки Дарма-Балы.

¹ Этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании, требующем рассмотрения массива архивных материалов.

² Артемий Петрович Волынский (1689–1740) — русский государственный деятель и дипломат. С 1719 г. губернатор Астраханской губернии, с 1725 г. казанский губернатор.

³ М. М. Голицын младший (1675–1730) в 1740–1741 гг. был губернатором в Астрахани.

Что же значит титул Дайчин-Шаса-Бюджа-хан, который был дарован VII Далай-ламой? Первый элемент титула «дайчин» является монгольским титулом «отважный, храбрый» [БАМРС 2001: 23].

Согласно «Великому своду законов» (старописьм.-монг. *yeke čaγaγa*, совр. монг. *их цааз*), принятому в 1640 г. монгольскими и ойратскими князьями и духовенством, нойоны составляли отдельный класс и состояли из больших (старописьм.-монг. *yeke*, совр. монг. *их*) и меньших (старописьм.-монг. *бага*, монг. *бага*), а также нойонов среднего ранга, таких как *mergen* (совр. монг. *мэргэн*), *daiching* (совр. монг. *дайчин*) и *chöüker* (совр. монг. *цөөхүр*) [Munkh-Erdene 2022: 53].

Кроме того, тибетцы также использовали титул «дайчин». Например, во время новогоднего праздника 1721 г. Тёгар Пён Кхангчене Сёнам Гьелпо (тиб. *stod sgar dpon khang chen nas bsod nams rgyal po*; ум. в 1727 г.) получил титул Дайчинг Баатур (старописьм.-монг., совр. монг. *дайчин баатар*), а за поддержку ему было пожаловано поместье Ядроклинг [Shakabpa 2010: 436].

Следующий элемент «Шаса-Бюджа», как видно из легенды на печати, которая будет рассмотрена ниже, представляет собой санскритское слово *śāsana-bhūja*, состоящее из *śāsana* ‘учение [Будды]’ и *bhūja*. Самое распространенное значение слово *bhūja* — «рука», но в «Тибетско-санскритском словаре „Прекрасное золотое ожерелье“» (тиб. *saM bod skad gnyis shan sbyar gser gyi phreng mdzes*), составленном Бюро перевода и редактирования тибетского языка Аба Тибетской и Цяннской национальной автономной префектуры (Aba Tibetan and Qiang Nationality Autonomous Prefecture Tibetan translating and Editing Bureau), приводится также значение «защищать» (тиб. *skyong*) [gser gyi phreng mdzes 1989: 674].

В «Практическом санскритско-английском словаре» В. С. Апте для однокоренного со словом *bhūja* глагола *bhuj* дается значение «защищать, оберегать» [Apte 1890: 819]. Таким образом, слово *bhūja* или точнее *bhūjah*, значит «защитник». Следовательно, *śāsana-bhūja* — «защитник учения [Будды]», чему соответствует тибетское *bstan skyong*. Однако *śāsana-bhūja* — искусственный термин, не обнаруженный в санскритских текстах, правильнее было бы перевести его на санскрит как *śāsana-pāla* с тем же значением.

Заключительный элемент титула, записанный по-тибетски *khAn* «хан» (старописьм.-монг. *qaγan*, совр. монг. *хаан*), имеет долгую «а», что соответствует слову *qaγan* классического монгольского языка или его варианту *qaan*. Неясно, было ли понятно различие между словами *qaγan* «верховный правитель, главный хан» и *qaп* «владелец феодального удела» изготовителю печати, или он воспринимал эти слова как полные синонимы. Необходимо отметить, что слово *qaγan* уже во второй половине XVI в. стало обозначать простого господина феодального удела-тумена, а не верховного правителя царя или монарха [Владимирцов 2002: 448].

Точно неизвестно, как тибетцы воспринимали калмыцких ханов: как независимых правителей или вассалов русского царя. Слово «хан/хаан» на тибетский язык переводится как *rgyal po* «царь, правитель» [Ishihama 1992: 507], следовательно, тибетским эквивалентом *śāsana-bhūja-khān* будет *bstan skyong rgyal po* или в полной форме *bstan pa skyong ba'i rgyal po*.

В итоге полный перевод титула Дайчин-Шаса-Бюджа-хан: «Храбрый хан (или царь), защищающий учение [Будды]».

По всей видимости, этот титул *bstan skyong rgyal* по «защитник учения [Будды]» использовался наряду с титулом *bstan 'dzin rgyal* по «держатель, хранитель учения [Будды]», который был пожалован ойратским Гуши-хану, Даян-хану, Далай-хану и Галдан Тендзин Бошог-хану [*Ishihama 1992: 508*]. Однако скорее эти два титула не были равнозначны.

Возможно, что данный титул использовался тибетцами со времен Минской династии. Так, третий минский император Чжу Ди (1360–1424), правивший под девизом Юнлэ, дал различным тибетским религиозным деятелям титулы и печати, среди них Тагцангпе (тиб. *stag tshang pa*) — титул «Царь, защищающий учение [Будды]» (кит. 辅教王; пиньинь *fǔ jiào wáng*; тиб. *bstan pa skyong ba'i rgyal po*), Годжо-цангу (тиб. *go 'jo tshang*) титул «Царь, хранящий учение [Будды]» (кит. 护教王; пиньинь *hù jiào wáng*; тиб. *bstan pa srung ba'i rgyal po*) [*dung dkar 2002: 34*].

Обратимся теперь к самой печати. Предположительно печать была изготовлена в Тибете. Оттиск нанесен красной тушью или краской. На верхней кромке печати находятся три точки, как правило, символизирующие три драгоценности: Будду, дхарму и сангху, являющиеся прибежищем буддистов. Легенда печати помещена в двойную рамку. Текст легенды записан четырьмя столбцами. Надпись сделана квадратным письмом Пхагба-ламы на тибетском языке: *dAi ching shA sa na bhu dza khAn gyi tham ga rgyal lo*, «Пусть будет победоносной печать Дайчинг Шасана-Бхуджа-хаана». Если перевести все элементы легенды печати на монгольском, тибетском и санскрите, то ее перевод будет следующий: «Пусть будет победоносной печать храброго царя, защищающего учение [Будды]!».

Надпись начинается с тибетского знака *dbu khyud*, обозначающего начало легенды. Значение титула «Дайчинг Шасана-Бхуджа-хаан» рассмотрено выше. Завершающие слова *rgyal lo* «пусть будет победоносной» записаны в виде распространённого сокращения *rgyalo* вместо полной формы *rgyal lo* (рис. 3).

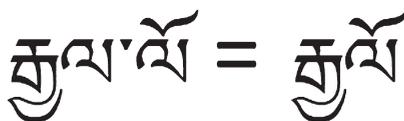

Рис. 3. Сокращение тибетского слова *rgyal lo* (рис. Б. Л. Митруева)
[Fig. 3. Reduced form of the Tibetan word *rgyal lo*. Drawing by B. Mitruiev]

Вообще, печати с санскритскими элементами или полностью на санскрите имели хождение в Тибете, Монголии и Калмыцком ханстве. Печати тибетского Пхагмо-дру Деси Нгаванг Траши Драгпа Гьялцена, монгольского Эринчин Лубсан-гайджи и калмыцкого Четера-тайши имели легенды на санскрите [*Митруев 2022*].

Кроме того, печати на санскрите, написанные квадратным письмом Пхагба-ламы, также имели хождение в Тибете. Так, оттиск печати с санскритским текстом на одном из тибетских документов, хранящихся в Библиотеке тибетских работ и архивов (Library of Tibetan Works and Archives), можно увидеть

в коллекции печатей на сайте CrossAsia (рис. 4) [LTWA]. На представленной печати черного цвета квадратным письмом Пхагба-ламы нанесена легенда на санскрите в виде четырех столбцов: sarvadā kalyāṇaṃ bhavatu ja śubhamastu sarvajagataṃ, «Пусть всегда будет благополучие! Пусть во всем мире будет благо!». Слог ja, стоящий в конце второго столбца, вероятно, является «заполнителем», закрывающим пустое пространство, для придания равномерности всей надписи. Легенда представляет собой два популярных благопожелания на санскрите, часто использовавшиеся в сочинениях тибетских авторов. Вторая часть надписи śubhamastu sarvajagataṃ совпадает с легендой на печати Четырех-тайши [Митруев 2022: 49].

Рис 4. Тибетская печать с легендой на санскрите [LTWA]
[Fig. 4. Tibetan seal with a legend in Sanskrit]

Заключение

Установлено, что титул Церен-Дондука Дайчин Шаса-Бюджа-хан значит: «Храбрый хан (или царь), защищающий учение [Будды]». Легенда на его печати представляет собой надпись, состоящую из элементов на монгольском, тибетском и санскрите. Печати с легендой на санскрите или с санскритскими элементами, написанными квадратным письмом Пхагба-ламы, имели хождение в Тибете.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

LTWA — Overview information about the seal with ID 1832 [электронный ресурс] // CrossAsia project of the East Asia Department, Staatsbibliothek zu Berlin (Library of Tibetan Works and Archives). URL: <https://dtab.crossasia.org/1832/seal> (дата обращения: 15.03.2022).

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Overview information about the seal with ID 1832. On: CrossAsia (Staatsbibliothek zu Berlin, project of the East Asia Department). Available at: <https://dtab.crossasia.org/1832/seal> (accessed: March 3, 2022). (In Eng. and Tib.)

Литература

Бакаева 2019 — Бакаева Э. П. Этническая идентичность калмыков и конфессиональные связи с Тибетом (к прочтению малоизвестных источников) // Oriental Studies. 2019. № 5. С. 891–925. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-891-925

- БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Т. 2. М.: Academia, 2001. 507 с.
- Владимирцов 2002 — *Владимирцов Б. Я.* Работы по истории и этнографии монгольских народов / редкол.: В. М. Алпатов (пред.) и др.; сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 2002. 557 с.
- Габан Шараб 2003 — *Габан Шараб.* Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись) // А. Бадмаев. Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 80–107.
- Китинов 2020 — *Китинов Б. У.* Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. – 1771 г.): дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2020. 546 с.
- Курапов 2018 — *Курапов А. А.* Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII – начале XX вв. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2018. 464 с.
- Мезин 2012 — *Мезин С. А.* Саратовские воеводы и коменданты первой половины — середины XVIII века // *Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века* / ред. О. Глаголева и И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 116–147.
- Митруев 2021 — *Митруев Б. Л.* Три печати Аюки-хана // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4. С. 44–61. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-44-61
- Митруев 2022 — *Митруев Б. Л.* Калмыцкие печати на санскрите // *Mongolica*. Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований. 2022. Т. XXV. № 1. С. 47–54.
- Пальмов 1926 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. XVII–XVIII вв. Ч. I. Астрахань: изд-во Калмоблисполкома, 1926. 264 с.
- Пальмов 1929 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 3–4. Астрахань: Изд. Калм. обл. исп. комитета, 1929. 391 с.
- Сусеева 2009 — *Сусеева Д. А.* Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Элиста: НПП «Джангар», 2009. 992 с.
- Трепавлов 2014 — *Трепавлов В. В.* Российское подданство калмыков в ритуалах и символах (из истории этнической политики XVII–XIX вв.) // *Oriental Studies*. 2014. Т. 7. № 4. С. 8–19.
- Чонов 1912 — *Чонов Е. Ч.* Калмыки в русской армии. XVII в., XVIII в. и 1812 год. Пятигорск: Электронпечатня Г. Д. Сукиасянца, 1912. 71 с.
- Apte 1890 — *Apte Vaman Shivaram.* The Practical Sanskrit-English dictionary containing appendices on Sanskrit prosody and important literary and geographical names of ancient India. Poona: Shiralkar & Co., 1890. 1048 p.
- dung dkar 2002 — *dung dkar blo bzang `phrin las. dung dkar tshig mdzod chen mo* (Большой словарь Дунгкара). Пекин: Китайское тибетологич. изд-во, 2002. 2388 с.
- gser gyi phreng mdzes 1989 — *saM bod skad gnyis shan sbyar gser gyi phreng mdzes* («Тибетско-санскритский словарь „Прекрасное золотое ожерелье“») / сост.: *Aba Tibetan and Qiang Nationality Autonomous Prefecture Tibetan translating and Editing Bureau.* Lanzhou: Gansu Nationalities Publishing House, 1989. 1116 p.
- Ishihama 1992 — *Ishihama Y. A.* Study of the Seals and Titles Conferred by the Dalai Lamas // *Tibetan Studies. Proceedings of the V Seminar of the International Association for Tibetan Studies* (Narita, 1989). Vol. 2. Narita: Naritasan shinshoji, 1992. Pp. 501–514. (На англ. яз.)
- Munkh-erdene 2022 — *Munkh-erdene Lhamsuren.* The Taiji Government and the Rise of the Warrior State: The Formation of the Qing Imperial Constitution (Inner Asia Book Series. Vol. 14). Leiden; Boston: Brill, 2022. 568 p.
- Shakabpa 2010 — *Shakabpa Wangchuk Deden.* One Hundred Thousand Moons. Edited and translated by Derek F. Maher. Vol. 1. Leiden: E. J. Brill, 2010. xlviii, 574 pp.

References

- Apte V. Sh. The Practical Sanskrit-English Dictionary Containing Appendices on Sanskrit Prosody and Important Literary and Geographical Names of Ancient India. Poona: Shiralkar & Co., 1890. 1048 p. (In Sank. and Eng.)
- Bakaeva E. P. Ethnic identity of the Kalmyks and confessional ties with Tibet: A case study of some little-known sources. *Oriental Studies*. 2019. No. 5. Pp. 891–925. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-891-925
- Chonov E. Ch. Kalmyks in the Russian Army, 17th Century to 1812. Pyatigorsk: G. Sukiasyants, 1912. 71 p. (In Russ.)
- Dungkar L. T. The Great [Tibetan] Dictionary of Dungkar. Beijing: China Tibetology Publ. House, 2002. 2388 p. (In Tib.)
- Gaban Sharab. The Story of the Oirats: A Kalmyk Chronicle. In: Badmaev A. (comp.) The Moonlight: Monuments of Kalmyk History and Literature. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. Pp. 80–107. (In Russ.)
- Ishihama Y. A. Study of the seals and titles conferred by the Dalai Lamas. In: Tibetan Studies. Proceedings of the Fifth Seminar of the International Association for Tibetan Studies (Narita, 1989). Narita: Naritasan Shinshoji, 1992. Vol. 2. Pp. 501–514. (In Eng.)
- Kitinov B. U. The Buddhist Factor in Oirat Political and Ethnic History, 1450s to 1771. Dr. Sc. (history) thesis. Moscow, 2020. 546 p. (In Russ.)
- Kurapov A. A. Russian State and Buddhist Church in South Russia: Stages in the Evolution of Sociopolitical Interaction, 17th to Early 20th Centuries. Astrakhan: R. Sorokin, 2018. 464 p. (In Russ.)
- Mezin S. A. Voivodes and commandants of Saratov, early-to-mid 18th century. In: Glagoleva O., Shirle I. (eds.) Nobility, Power, and Society of 18th-Century Provincial Russia. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2012. Pp. 116–147. (In Russ.)
- Mitruiev B. L. Kalmyk seals in Sanskrit. *Mongolica*. 2022. Vol. XXV. No. 1. Pp. 47–54. (In Russ.)
- Mitruiev B. L. Three seals of Khan Ayuka. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 4. Pp. 44–61. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-44-61
- Munkh-erdene L. The Taiji Government and the Rise of the Warrior State: The Formation of the Qing Imperial Constitution (Inner Asia Book Series. Vol. 14). Leiden; Boston: Brill, 2022. 568 p. (In Eng.)
- Palmov N. N. The Volga Kalmyks, 17th–18th Centuries: Historical Essays. Part I. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1926. 264 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. The Volga Kalmyks: Historical Essays. Parts 3–4. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1929. 391 p. (In Russ.)
- Pyurbueev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 2. Moscow: Academia, 2001. 507 p. (In Mong. and Russ.)
- Shakabpa W. D. One Hundred Thousand Moons. D. F. Maher (ed., transl.). Vol. 1. Leiden: E. J. Brill, 2010. XLVIII, 574 p. (In Eng.)
- Suseeva D. A. Letters of Kalmyk Khans and Their Contemporaries, 1713–1771. Elista: Dzhangar, 2009. 992 p. (In Russ.)
- The Beautiful Golden Necklace: A Tibetan-Sanskrit Dictionary Compiled by Aba Tibetan and Qiang Nationality Autonomous Prefecture Tibetan Translating and Editing Bureau. Lanzhou: Gansu Nationalities Publishing House, 1989. 1116 p. (In Sank. and Eng.)
- Trepavlov V. V. Russian allegiance of Kalmyks in rituals and symbols (From the history of ethnic policy in 17th–19th centuries). *Oriental Studies*. 2014. Vol. 7. No. 4. Pp. 8–19. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Works on the History and Ethnography of Mongols. V. Alpatov et al. (eds.), G. Slesarchuk (comp.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 557 p. (In Russ.)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 294.321

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-393-404

К истории монастыря Гандантегченлин

Цымжит Пурбуевна Ванчикова¹, Номинь Дондоковна Цыренова²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

 0000-0002-1381-6186. E-mail: vanchikova_ts@mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

младший научный сотрудник, аспирант

 0000-0001-9578-5493. E-mail: nomin_n@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Ванчикова Ц. П., Цыренова Н. Д., 2022

Аннотация. *Введение.* В данной статье кратко изложена история столичного монастыря Гандантегченлин в Монголии. *Цель исследования* — выявление места и роли монастыря в истории буддизма Монголии. Изучение истории и функционирования монастыря Гандантегченлин позволяет раскрыть исторические связи между буддийскими центрами Монголии и Бурятии. Являясь центром буддийского образования, Гандантегченлин сыграл важную роль в развитии и становлении религиозно-философского образования среди монгольских народов и распространении тибетской буддийской культуры. *Методы исследования.* В статье используются факторный анализ (характеристика места и роли в исторической реальности), историко-генетический и ретроспективный методы. *Результаты.* Ретроспективный анализ позволил выявить основные этапы развития монастыря — от начала его функционирования, закрытия и восстановления в 40–60-е гг. прошлого века — вплоть до настоящего времени, времени постепенного возрождения буддийских традиций в России и Монголии.

Ключевые слова: Монголия, буддизм, монастырь Гандантегченлин, история монастыря

Благодарность. Работа выполнена в рамках проекта РФФ «Бурятские буддисты-паломники по святым местам Тибета: историко-культурный атлас» (№ 22-18-20001).

Для цитирования: Ванчикова Ц. П., Цыренова Н. Д. К истории монастыря Гандантегченлин // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 393–404. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-393-404

History of the Gandantegchinlen Monastery Revisited

Tsymzhit P. Vanchikova¹, Nomin D. Tsyrenova²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS
(6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Chief Research Associate
 0000-0002-1381-6186. E-mail: vanchikova_ts@mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS
(6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Junior Research Associate, Postgraduate Student
 0000-0001-9578-5493. E-mail: nomin_n@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Vanchikova Ts. P., Tsyrenova N. D., 2022

Abstract. *Introduction.* The article summarizes the history of the Gandantegchinlen Monastery (Mongolia). *Goals.* It aims at revealing the latter's place and role in the history of Buddhism nationwide. Insights into the history and functioning structures of the Gandantegchinlen Monastery reveal certain historical links between Buddhist centers of Mongolia and Buryatia. Being a stronghold of Buddhist education, Gandantegchenlin has made (and still does) its essential impacts on the shaping and development of religious and philosophical educational systems among Mongolic peoples — and contributed to the dissemination of Tibetan Buddhist culture. *Methods.* The study employs tools of factor analysis (characterizing the place and role in historical reality), the historical/genetic and retrospective research methods. *Results.* The retrospective analysis reveals key stages in the development of the monastery — from its earliest activities, closure, and restoration in the 1940s–1960s to present days witnessing a gradual revival of Buddhist traditions in Russia and Mongolia.

Keywords: Mongolia, Buddhism, Gandantegchinlen Monastery, history of the monastery

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-18-20001 'Buryat Buddhist Pilgrims in Sacred Places of Tibet: A Historical and Cultural Atlas'.

For citation: Vanchikova Ts. P., Tsyrenova N. D. History of the Gandantegchinlen Monastery Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(2): 393–404. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-393-404

Введение

Исследования по истории монгольского буддизма — его философии и вероучения, религиозных практик, биографий известных монгольских буддийских иерархов и выдающихся деятелей — были начаты более двух веков назад. Систематическое изучение монгольского буддизма началось еще в XIX в. Одна из книг, не утративших значения и по настоящее время, — фундаментальный труд А. М. Позднеева (1851–1920) «Очерки быта монгольских монастырей» [Позднеев 1887]. В нем в краткой форме изложены основные особенности жизни и быта монастырей, их административного устройства, религиозных ритуалов и обрядов, символики и многих других вопросов, связанных с монастырской жизнью. Но, несмотря на достаточную изученность и наличие большого числа исследований, некоторые вопросы все еще остаются малоизученными или дискуссионными.

Внимание монастырю Гандантегченлин было уделено и другими российскими исследователями, рассматривавшими разные аспекты его истории и деятельности. Одной из подобных работ является описание монастырской части

Их хурэ, данное Б. Б. Барадиным в 1924 г. по итогам поездки в Монголию, в котором он отмечает: «Гандан является самым большим и влиятельным монастырем во всей Монголии. Число лам простирается до 6 тысяч человек. Гандан составляет западную обособленную нагорную часть города, населенную исключительно монашествующим ламством. Кроме Гандана в Урге имеется и другой монастырь — Курен (Зуун-хурэ), с таким же по численности населением, как в Гандане. Курен составляет северную часть Урги. Различие этих двух рядом стоящих монастырей заключается в том, что Гандан является более или менее замкнутым монастырем — университетом буддийской философии, тогда как Курен является монастырем более светской части ламства» [Барадин 1924: 17].

Истории и современному положению монгольского монастыря Зуун хурэ посвящена статья «Зуун-хурэ и современный храм Дашчойлин-хийд» [Ванчикова, Аюшеева 2015].

Сведения о состоянии монастыря Гандантегченлин в советский период практически отсутствуют. В личном архиве П. Б. Балданжапова сохранилась рукопись статьи, написанная им по результатам нескольких поездок в МНР: «в составе официальной буддийской делегации СССР в Монголию в 1965 г. и годичной командировки по линии научного обмена между Академиями наук СССР и МНР 1967 г.» [Балданжапов 2017: 83].

История монастыря Гандан рассматривалась как монгольскими, так и зарубежными исследователями попутно в трудах по общей истории буддизма в Монголии, которыми опубликован ряд значительных работ по истории проникновения и установления буддийского учения и культуры среди населения, о значении и роли буддизма и буддийских деятелей в монгольском обществе, были написаны многочисленные работы, посвященные истории строительства дацанов в разных аймаках, биографиям известных деятелей монгольского буддизма [Болдбаатар 2010; Жамбал 2012; Сэрээтэр 1999].

Из работ, вышедших в последние годы, необходимо отметить исследования венгерской ученой К. Телеки. Автор впервые вводит в научный оборот многочисленные архивные документы и материалы, которые она собрала из более чем десяти разных коллекций улан-батырских архивов, библиотек и музеев, на основе которых были написаны монографии, посвященные истории буддийских монастырей Урги: «Monasteries and temples of Bogdiin khüree» [Teleki 2011] и «Introduction to the study of Uрга's heritage» [Teleki 2015]. Эти работы крайне важны для изучения истории буддизма и буддийской культуры в Монголии, так как К. Телеки опиралась на важные неопубликованные архивные материалы.

Материалы и методы

Источниковой базой для написания данной статьи стали архивные материалы из личных записей П. Б. Балданжапова, а именно: личная переписка, копии и черновики писем-обращений в советские правительственные учреждения, программы приемов делегаций и т. д. В ходе исследования авторы применяли историко-ретроспективный метод, благодаря которому были выявлены предпосылки восстановления буддийского учебного заведения XX в., а также сравнительный метод, который позволил оценить вклад советских и монгольских буддийских деятелей в дело возрождения буддийской системы образования. Также при работе с архивными источниками был использован формулярный анализ.

История монастыря Гандантегченлин

Гандантегченлин — главный буддийский монастырь современной Монголии, резиденция главы буддистов Монголии, известный под обиходным названием Гандан, является наиболее знаменитым монастырем Монголии.

История монастыря Гандантегченлин связана с первым Джебдзун-Дамба-хутухтой Дзанабазаром и построенным им монастырским комплексом — Сарьдагийн-хийдом (Рибо геджай гандан шаддуб линг, тиб. *ri-bo dge-rgyas dga'-ldan bshad-sgrub gling*), строительство которого было начато им в 1654 г. у подножия Хэнтэйских гор у горы Сарьдаг, на территории современного Центрального аймака (монг. *Төв аймаг*), и завершено в 1680 г. Будучи резиденцией I Богдо-гэгэна, монастырь был фактически центром монгольского буддизма, который называли также Номын Их хурэ. Но просуществовал он недолго, уже в 1687 г. он был полностью разгромлен войсками Галдан Бошогту-хана [Ванчикова 2019в: 203].

Впоследствии ставка-монастырь являлась резиденцией монгольских Богдо-гэгэнов (Их хурэ) и неоднократно кочевала, пока не обосновалась окончательно в 1778 г. на территории современного Улан-Батора, в районе монастыря Зуун хурэ. Главным храмом Их хурэ стал цогчен-дуган — соборный храм, который был назван Рибо геджай гандан шаддуб линг [Сэрээтэр 1996: 54–55]. Все богослужения, проводимые монастырями и храмами Их хурэ, следовали правилам и предписаниям цогчен-дугана [Нийслэлийн өв 2009: 137].

Со временем ставка богдо-гэгэнов стала расширяться, возникли новые храмы, соответственно увеличилась численность лам, что вызвало появление вокруг резиденции богдо-гэгэна жилых кварталов, населенных представителями монгольской знати и простолюдинами, ремесленниками и торговцами, способствовавшими стремительному росту численности рынков, складов и торговых лавок, а Урга постепенно становилась административным и торговым центром. Все это не соответствовало правилам винаи, согласно которым, монастыри должны были располагаться в уединенных местах, вдали от мирской суеты. Поэтому ламы философского факультета после согласования с Богдо-гэгэном получили разрешение переселиться к западу от Зуун хурэ.

В 1833 г. по указу Богдо-гэгэна более 2 тыс. лам философского факультета со всем своим имуществом и хозяйством отпочковались от Зуун хурэ и перекочевали, основав новый монастырь на горе Далхын-Дэнж, где сейчас и находится современный монастырь. Ранее на этом месте, еще в 1809 г., по указу IV Богдо-гэгэна был возведен первый небольшой дацан под названием Шар сумэ. Божеством-хранителем монастыря Гандантегченлин был установлен Ваджрадара (монг. *Очирдара*) [Идшинноров 1994: 21].

В 1836 г. V Богдо-гэгэн Джебдзун-Дамба-хутухта перенес свою ставку-резиденцию в Гандан, что стимулировало строительство нескольких новых храмов в монастыре. В 1837 г. все храмы и жилища лам, которые были отстроены на новом месте, по указу V Богдо-гэгэна были упорядочены и покрашены в желтый цвет¹.

В 1838 г. было построено здание большого каменного храма — соборного цогчен-дугана, получившего название Гандантегченлин (монг. *Тэгус баяхлаланту*). Данный храм значительно отличался от деревянных построек Зуун

¹ В Монголии и Бурятии господствует смесь тибетской и китайской архитектур. Храмы красятся в желтый, красный и белый цвета, при этом наиболее почетным считается желтый цвет [Богданов 1926: 128].

хурэ своей величиной и внутренним убранством, потому по имени этого храма стали называть весь монастырский комплекс. В нем насчитывалось 30 аймаков (землячеств), в которых проживало свыше 10 тыс. лам, 12 крупных дацанов (храмы Очирдары, Джанрайсиг, Дзу, Диданповран, здания философских факультетов Дашчойнпэл, Гунгаачойлин¹, Идгаачойнзинлин² и др.), здесь же находились усыпальницы пятого, седьмого и восьмого Богдо-гэгэнов [Өлзий 1992: 94, 103–107; Майдар 1981: 68–70]. Каждый из учебных дацанов имел свою казну-джасу и свой штат — административный, учебный, культовый и хозяйственный [Дамдин 1936: 94].

Памятником храмового зодчества стал храм Мигжид Джанрайсиг, посвященный Авалокитешваре, он был построен в 1911–1913 гг. к западу от дацана Идгаачойнзинлин с целью испрашивания здоровья и долголетия восьмому Джебдзун-Дамба-хутухте. В храме была возведена 26-метровая скульптура Авалокитешвары, для изготовления которой было использовано 45 кг золота, 56 кг серебра и 400 драгоценных камней. Она была заново изготовлена по старым чертежам и рисункам и водворена в храм в октябре 1996 г. [Өлзий 1992: 94, 103–107; Майдар 1981: 68–70]. Завершающими монастырский комплекс архитектурными объектами стали ступы, возведенные за оградой монастыря с его северной стороны.

В 1924 г. буддийская церковь была отделена от государства, институт перерожденцев был ликвидирован. Хотя существование буддийской церкви и ламства в социалистической Монголии обеспечивалось Конституцией МНР, декларировавшей гражданам республики полную свободу совести, свободу вероисповедания и отправления религиозных культов, невмешательство во внутреннюю жизнь и религиозную деятельность буддийского монастыря и ламства, запрещение оскорбления религиозного чувства верующих и лам, тем не менее, в связи с известными преследованиями буддийской церкви и лам с конца 1920-х гг. и репрессиями 1937 г., монастырь³ был разрушен и закрыт в том же году. Однако в 1944 г. по политическим мотивам и по многочисленным просьбам монгольских верующих дацан был восстановлен как молельный храм (монг. *мөргөлийн дуган*), и вплоть до начала демократических преобразований конца 1980-х – начала 1990-х гг. он был единственным официально действующим монастырем Монголии [Ванчикова 2019a].

Общеизвестно, что с конца 1938 – начала 1939 г. и до июня 1944 г. в МНР не было ни одного действующего монастыря. «Хотя фактически действовал только один монастырь Гандантегченлин в Улан-Баторе, но, по одиночным сведениям, в печати и в некоторых кинофильмах можно предполагать, что негласно существовали действующие монастыри в Восточном, Ар-Хангайском и Центральном аймаках, что объясняется, скорее всего, гибкой организацией деятельности отдельных музеев, например, тем, что музеи-монастыри Эрдэни

¹ К западу от Гунгаачойлин в 1844 г. был построен дацан Ламрим (тиб. lam-rim grwa-tshang) [Teleki 2015: 20].

² За двумя философскими учебными заведениями в 1910 г. был построен третий дацан под названием Идгаачойнзинлин (тиб. yid-dga' chos 'dzin gling) [Teleki 2015: 20].

³ До 1930-х гг. в монастыре Гандантегченлин было три учебных факультета, в которых обучалось 3 000, 5 000 или 7 000 монахов. Они были перестроены в 1994–2004 гг. и снова находятся на своих первоначальных местах [Teleki 2015: 20].

Дзу, Чойджин-ламын сумэ и Богдын Ордон иногда приглашали лам для проведения служб» [Балданжапов 2017: 83].

После восстановления «молельного храма» его первым хамбо-ламой был назначен габжи Н. Эрдэнипэл¹ (1887–1960). Согласно сведениям профессора, З. Лонжида, после строжайшей проверки был отобран 51 лама, из которых только 10 были зачислены в штат дацана. Зарплата хамбо-ламы составляла 350 тугриков, младшего гэбкюя² — 325, младшего умзада³ — 300, главного бухгалтера-нирбы⁴ — 300, 6 ламам без должностей (монг. *сул лам*) — 250 тугриков, дополнительно 2 ставки сторожей. Итого — штат дацана на момент открытия составлял 12 человек [Лонжид 2011: 21].

С 1960 г. после избрания С. Гомбожава (1902–1980) на должность хамбо-ламы начался новый этап в истории буддизма, о котором также не очень много информации. Краткие сведения о состоянии буддийской церкви в середине 1960-х гг. содержатся в заметках П. Б. Балданжапова, составленных им в 1965–1967 гг., которые ценны своей информацией о состоянии буддийской церкви рассматриваемого периода, восполняющей в какой-то мере существующий вакуум, так как представляют собой достаточно цельное изложение: «Высшим органом буддистов МНР является Духовное управление буддистов МНР (далее — ДУБ МНР)⁵. Оно состоит из 7 членов: Номчи Мэргэн хамбо-лама Гомбожав — председатель ДУБ МНР, Гэбши-лама Д. Дагвадорж — ответственный секретарь ДУБ МНР, лама Данига — заведующий хозяйством ДУБ МНР, Габжи-лама Ендон — член ДУБ МНР, Габжи-лама Осор — член ДУБ МНР, который живет при монастыре-музее Эрдэни-дзу, расположенном примерно в 400 км от Улан-Батора, и Лувсандамдин — секретарь Комитета по делам буддийской церкви при Совете Министров МНР. <...> У председателя ДУБ МНР хамбо-ламы Гомбожава имеются помощники по монастырю Гандантегченлин. Это монастырская администрация, состоявшая из цорджи-ламы Жамьян-Чоймпила, который осуществлял руководство по богословским вопросам деятельности монастыря, двух унзатов-регентов хора: Идамсуруна и Аюши, которые одновременно были ответственными за обрядовую сторону богослужения; двух гэскуев — Дармабазара и Самдана, являвшихся монастырскими канониками и блюстителями порядка... В 1965 г. в монастыре Гандантегченлин насчитывалось всего 107 лам, из которых: с ученой степенью габжа было 13 человек, со степенью аграмба — 1 чел., со степенью гэбши — 40 чел., а остальные относились к разряду хувараков-учеников. Среди лам были специалисты по астрологии и

¹ Найдан Эрдэнипэл родился в местности Идэрийн-Гол на территории Далай-Чойнхор-ванского хошуна (ныне пятый баг сомона Их-Уул аймака Завхан) в семье скотоводов. С ранних лет учился в главном монастыре Далай Чойнхора, хошунном монастыре Санчивлин (Тариатын хурэ), в 19 лет переехал для продолжения учёбы в Гандантегченлин. Присоединившись к аймаку Сангай, исполнял обязанности гэсгуйа. Изучал цанид в дацане Дашчойнпэл. Его назначили на должность хамбо-ламы 1 июня 1944 г. [Товч түүх].

² Гэскуй (тиб. гэбкуй) — ответственный за поддержание порядка в храме [Позднеев 1887: 157]. Присутствуют разные написания данного слова: гэскуй, гэсгуй.

³ Умзат (или унзат) — уставщик, первым начинающий чтение молитв [Позднеев 1887: 158].

⁴ Нирба — должность, соответствующая должности казначея. Он покупает и принимает все, поступающее в монастырское казначейство; ведет отчетность по монастырскому имуществу; заключает условия по подрядам, которые берет на себя монастырь и проч. [Позднеев 1887: 166].

⁵ В скобках примечание авторов.

по тибетской медицине, а также ламы, которые большую часть времени уделяли переводам буддийских текстов. <...> Возрастной состав монгольских лам был представлен следующим образом: самый молодой лама — 38 лет, самый пожилой — 80 лет, ламы в возрасте 38–50 лет составляли 7 % от общего штата монахов. Средний возраст лам — 65 лет» [Балданжапов 2017: 10–15].

Представляют интерес сведения П. Б. Балданжапова об этническом составе лам: «два бурята [дорамба Галсан Жамцо и дорамба Чойдак-Жамцо из агинских дацанов], один тибетец [гэлэн Данзин], семь торгутов. Более десяти лам приехали из Тибета после 1945 г. Это были монгольские ламы, ранее бежавшие во Внутреннюю Монголию в хошун Баруун сунит после подавления мятежа лам 1932 г.» [Балданжапов 2017: 85–86].

Также интересно сообщение о существовавших правилах приема в ламы или принятия в штат монастыря: «Для этого человек, достигший 18-летнего возраста, мог подать заявление с приложением подробной автобиографии со сведениями о родственниках: об именах и роде деятельности деда, отца и его самого. Получив заявление, ДУБ МНР назначало особую комиссию, которая, с одной стороны, проверяла правильность анкетных данных, с другой — устраивала экзамен по буддизму» [Балданжапов 2017: 85–86].

После репрессий и гонений на буддийскую церковь с началом функционирования Гандантегченлина в 1944 г. был вновь восстановлен официальный статус монгольской буддийской церкви и его руководящего ядра — Духовного управления буддистов МНР. В истории монгольского буддизма наступил новый период, который можно назвать периодом ограниченного возрождения, так как вплоть до конца 1980-х гг. религиозные организации практически были лишены юридических полномочий, а деятельность Гандана и лам была ограничена исключительно культовой практикой [Ванчикова 2019в: 103–105; 116–117]. Религиозное воспитание детей, молодежи и женщин было под запретом так же, как благотворительные и общественные акции.

Монастырю принадлежит заслуга в сохранении, продолжении и развитии традиций монгольского буддизма. Его настоятелем является хамбо-лама Д. Чойжамц, внесший большой вклад в восстановление и развитие не только этого монастыря, но и в расширение международного статуса монгольского буддизма. В начале 1990-х гг. были отреставрированы и открыты некоторые учебные дацаны, в настоящее время в монастыре действует около 10 храмов, возобновлены богослужения и хуралы. В 1992 г. на первом всемонгольском съезде лам монастырь Гандантегченлин был признан главным буддийским монастырем Монголии.

Сейчас в нем действуют: цогчен-дуган, три философских дацана (Дашчойнпэл, Гунгаачойлин, Идгаачойнзинлин), факультет тантры (бадам-йога), джуд-дацан, мамба дацан, дуйнхор-дацан, Институт живописи, Буддийский университет им. Дзанабазара, буддийский колледж, Научно-исследовательский институт (монг. *Эрдэм соёлын хүүрэлэн*). В нем насчитывается около 1 тыс. лам и послушников [Монголын сүм 2009: 801–812].

Институт им. Дзанабазара, входящий в состав монастыря Гандантегченлин, является одним из ведущих образовательных центров, имеющих большое значение не только для Монголии, но и Бурятии.

Одной из основных целей встреч между монгольскими и советскими (бурятскими) ламами, помимо установления прочных связей и сотрудничества, была обеспокоенность отсутствием буддийских учебных заведений, категорическим запретом частного обучения хуvaraков и тем, что средний возраст лам был к тому времени в пределах 70–80 лет, что ставило монашеское сословие и будущее существование буддизма в СССР и МНР на грань вымирания, потому вопросы, связанные с учреждением буддийского учебного заведения и подготовкой послушников, оставались в центре внимания бурятского и монгольского духовенства. Руководителями буддийских церквей была проведена большая подготовительная работа, ими были написаны многочисленные письма от имени буддистов СССР и МНР соответственно в свои вышестоящие органы о безотлагательной неотложной проблеме подготовки буддийских священнослужителей. Благодаря немалым заслугам бурятского духовенства перед советским правительством в деле установления дружественных связей СССР со странами Азиатского региона разрешение на открытие совместного буддийского института в Монголии было получено [Ванчикова 2021: 628].

В 1965 г. в Монголию по приглашению хамбо-ламы Гомбожава приехал лидер бурятских буддистов Ж. Д. Гомбоев. Основной целью визита было обсуждение вопроса об учреждении буддийского учебного заведения. По результатам данной встречи хамбо-лама Ж. Д. Гомбоев после возвращения обратился к советскому правительству с просьбой разрешить открыть буддийскую школу в МНР для подготовки буддийских кадров для Центрального духовного управления буддистов СССР и МНР. Хамбо-ламы Гомбожав и Ж. Д. Гомбоев летом 1969 г. были вызваны в Москву в Совет по религиозным культурам при Совете Министров СССР для обсуждения вопроса о создании буддийской школы в Монголии. В результате длительного обсуждения этой проблемы, «благодаря совместным усилиям хамбо-лам Монголии и СССР, монгольских и советских ученых-востоковедов, правительств СССР и МНР вопрос об обучении и подготовке молодых лам и об организации буддийской школы на территории Монголии был решен» [Ванчикова 2021: 628].

Хамбо-лама Жимба Жамсо Эрдынеев вспоминал, что советское правительство отпустило на создание буддийского института, а также в фонд заработной платы преподавательскому составу довольно большие денежные средства. В Монголии же с энтузиазмом было встречено данное решение, ганданскими ламами незамедлительно была начата организационная и подготовительная работа. Ими был начат ремонт учебного корпуса и общежития, составлена программа обучения и утвержден преподавательский состав. Первым ректором буддийской школы был назначен лама Дагвадорж, проректором — преподаватель Монгольского государственного университета, известный ученый Нямсүрэн [Гандантэгченлин хийд 1995: 31]. В 1971 г. началось строительство нового учебного корпуса школы, а также общежития и столовой.

Сложной была и процедура отбора на обучение учеников-послушников в Бурятии, который проводился ламами Иволгинского дацана. В результате негласного конкурса, контролировавшегося государственными органами, были отобраны десять кандидатур учеников «в спецшколу для подготовки лам»,

девять из которых получили одобрение и присоединились к монгольским шабинарам [Ванчикова, Чимитдоржин 2006: 88–89].

В общей сложности на первый курс обучения было набрано 30 студентов. «27 сентября 1970 г. в Улан-Баторе при монастыре Гандантегченлин хийд состоялось торжественное открытие буддийского института — высшего духовного учебного заведения для подготовки лам-священнослужителей с 6-летним сроком обучения для монастырей Монголии и Бурятии. На открытии присутствовали и бурятские ламы — хамбо-лама Гомбоев и дид-хамбо Ж. Эрдынеев. Для всех студентов к открытию была подготовлена культовая одежда, все они были обеспечены религиозной литературой. Бурятским студентам-хуваракам определили стипендию в размере 500 тугриков (200 руб.), выделено уютное 2-этажное общежитие на территории Гандана» [Ванчикова 2021: 628].

«В учебную программу, включавшую основные предметы базового буддийского образования, входили и такие светские дисциплины, как история буддизма в Индии, Тибете, Монголии, которая рассматривалась в контексте общей истории этих стран, преподавались история Монголии и МНРП¹, философия марксизма-ленинизма, а также проблемы современной буддологической науки, современного международного положения, английский язык. Выпускники института получали диплом высшего учебного религиозного заведения» [Ванчикова, Чимитдоржин 2006: 89].

С началом перестройки, с прекращением финансирования и открытием буддийских учебных заведений в Иволгинском и Агинском дацанах обучение и подготовка лам для бурятских дацанов прекратились. В общей сложности, с 1970 по 1995 гг. в 13 выпусках буддийского института при монастыре Гандантегченлин прошло обучение несколько поколений бурятских лам. Данный буддийский институт закончили такие известные ламы Бурятии, как Ч.-Д. Дугаров, Э. Д. Цыбикжапов, Ч. Будаев и др., в их числе и действующий хамбо-лама Д. Аюшеев, который после его окончания несколько лет работал куратором бурятских студентов-хувараков в Монголии [Гандантэгченлин хийд 1995: 31–39]. Большинство лам в Монголии также являются выпускниками данного института.

Создание высшего буддийского образовательного учреждения в Монголии трудно переоценить, так как оно позволило инициировать процесс постепенного восстановления и возрождения традиций буддийского монастырского образования не только в Монголии, но и Бурятии. Институт (ныне Университет им. Ундур-гэгэна Дзанабазара) со своей главной задачей — подготовкой квалифицированных буддийских священнослужителей для дацанов Монголии и Бурятии — на сегодняшний день успешно справляется.

В настоящее время университет находится в ведении Ассоциации буддистов Монголии, которую возглавляет настоятель монастыря Гандантегченлин — хамбо-лама Д. Чойжамц, и продолжает возрождать буддийские традиции, развивать систему монастырского образования и готовить кадры священнослужителей для монгольских монастырей.

«Перед духовенством старшего поколения стояла нелегкая задача: выжить и собрать раздробленную монашескую общину, восстановить дацаны, возродить религиозную деятельность и, таким образом, сохранить буддизм как ре-

¹ Монгольская народно-революционная партия.

лигиозно-этическое вероучение в местах его традиционного распространения. Несмотря на крайне сложные условия, административно-партийный контроль и надзор соответствующих органов, сложности и трудности в финансовом, материальном и моральном отношении, руководство буддийской церкви в лице пандита хамбо-лам Н. Эрдэнипэла, С. Гомбожава и других представителей монгольского духовенства, в том числе рядового, восстановили единство и историческую целостность буддийской монашеской общины и буддийскую церковь, что способствовало дальнейшему возрождению в период демократических преобразований страны с конца 1980-х гг.» [Ванчикова 2021: 629–630].

Выводы

За годы своего существования монастырь Гандантегченлин прошел долгий и непростой путь становления, расцвета, гонений и возрождения. «Тем не менее, несмотря на фактическое отсутствие монастырей, буддийская традиция продолжила свое существование среди населения, подавляющее большинство которого были глубоко верующим. Этому способствовали ламы, ушедшие из дацанов и продолжавшие тайно поддерживать существование учения на протяжении нескольких десятилетий, вплоть до конца 1980-х гг.» [Ванчикова 2019б: 905–906], когда начались демократические преобразования, способствовавшие активному восстановлению и возрождению буддизма в Монголии. И значительную роль в этом процессе сыграл монастырь Гандантегченлин, который успешно продолжил свои многолетние традиции, став основным центром буддийской образованности и просвещения.

Литература

- Балданжапов 2017 — *Балданжапов П. Б.* Организация буддийской церкви в МНР // Культура Центральной Азии: письменные источники (№ 10) / гл. ред. Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2017. С. 82–93.
- Барадин 1924 — *Барадин Б.* Поездка в Монголию // Жизнь Бурятии. 1924. № 2–3. С. 17–26.
- Богданов 1926 — *Богданов М. Н.* Очерки истории бурят-монгольского народа с дополнительными статьями Б. Б. Барадина и Н. Н. Козьмина. Верхнеудинск: Бурят-монгольское изд-во, 1926. 234 с.
- Болдбаатар 2010 — *Болдбаатар Ж.* Монголын бурхны шашны лам хувраг (= Монгольские буддийские ламы, хуваараки). Улаанбаатар: Соембо принтинг, 2010. 267 с.
- Ванчикова, Чимитдоржин 2006 — *Ванчикова Ц. П., Чимитдоржин Д. Г.* История буддизма в Бурятии: 1945–2000 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 162 с.
- Ванчикова 2019а — *Ванчикова Ц. П.* «Ламский вопрос» по документам Коминтерна из РГАСПИ // Туухийн судлал / STUDIA HISTORICA. Т. XLVIII, Fasc. 1–29. Улаанбаатар: Монхий Усэг, 2019. С. 290–299.
- Ванчикова 2019б — *Ванчикова Ц. П.* Монголия и религиозная политика Коминтерна 1920–1930-х гг. // Вестник архивиста. 2019. № 3. С. 900–908.
- Ванчикова 2019в — *Ванчикова Ц. П.* Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Отгиск, 2019. 291 с.
- Ванчикова 2021 — *Ванчикова Ц. П.* Об истории возрождения буддизма в Бурятии и Монголии в 1960–1970 гг. по архивным документам из личного архива П. Б. Балданжапова // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 4. С. 623–631. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-623-631
- Ванчикова, Аюшеева 2015 — *Ванчикова Ц. П., Аюшеева М. В.* Зуун-хурээ и современный Дашчойлин-хийд // Гуманитарный вектор. 2015. № 4 (44). С. 137–142.

- Гандантэгченлин хийд 1995 — Гандантэгченлин хийд, шашны дээд сургуулийн хураангуй түүх цагаан лавайн дуун эгшиг хэмээх оршивой (= Краткая история монастыря Гандантегченлин и буддийского университета). Улаанбаатар: Есөн-Эрдэнэ, 1995. 76 х.
- Дамдин 1936 — *Дамдин*. Ламаистская церковь в МНР // Современная Монголия. 1936. № 1(14). С. 87–105.
- Жамбал 2012 — *Жамбал А.* Монгол Улс дахь шашин шүтлэгийн эрх зүйн зохицуулалт (1206–1936) (= Правовое регулирование религии в Монголии (1206–1936)) / ред. академич Ж. Амарсанаа. Улаанбаатар: Адмон, 2012. 136 с.
- Идшинноров 1994 — *Идшинноров С.* Улаанбаатар хотын түүхийн хураангуй (= Краткая история города Улан-Батор). Улаанбаатар: Уриа, 1994. 154 х.
- Лонжид 2011 — *Лонжид З.* Улаанбаатарт мөргөлийн ганц дуган нээхийг оросуд зөвшөөрсөний учир юу вэ? (= Причина разрешения русскими открытия единственного дацана паломников в Улан-Баторе?) // Лам нарын сэтгүүл. 2011. № 1(15). С. 19–27.
- Майдар 1981 — *Майдар Д.* Памятники истории и культуры Монголии. М.: Мысль, 1981. 175 с.
- Монголын сүм 2009 — Монголын сүм хийдийн түүхэн товчоон (= Краткий очерк истории монастырей Монголии) / отв. ред. С. Цэдэндамба. Улаанбаатар: Адмон, 2009. 888 х.
- Товч түүх — Товч түүх (= Краткая история) [электронный ресурс] // Documentation of Mongolian Monasteries. URL: <https://mongoliantemples.org/en/component/domm/76?view=oldtemplemn> (дата обращения: 18.04.2022).
- Нийслэлийн өв 2009 — Нийслэлийн өв соёл (= Культурное наследие столицы) / зох.: О. Пүрэв, Д. Сүхбаатар, С. Ичинноров, Ш. Шагдар. Улаанбаатар: Адмон, 2009. 263 х.
- Өлзий 1992 — *Өлзий Ж.* Монголын дурсгалт уран барилгын түүхээс (= Из истории памятников монгольской архитектуры). Улаанбаатар: Соёмбо, 1992. 207 х.
- Позднеев 1887 — *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу / [Соч.] А. Позднеева. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1887. XVI, 492 с. : табл. ; 11 л. ил.
- Сэрээтэр 1999 — *Сэрээтэр Ө.* Монголын Их Хүрээ, Гандан хийдийн түүхэн бүтцийн товч (= Краткая история исторической структуры Их хурэ и монастыря Гандан в Монголии). Улаанбаатар: Адмон, 1999. 150 х.
- Teleki 2011 — *Teleki K.* Monasteries and temples of Bogdiin khüree. Ulaanbaatar: Institute of History, Mongolian Academy of Sciences, 2011. 382 p.
- Teleki 2015 — *Teleki K.* Introduction to the study of Uрга’s heritage. Ulaanbaatar: Admon, 2015. 496 p.

References

- Baldanzhapov P. B. Organizational structure of Buddhism in the Mongolian People’s Republic. In: Vanchikova Ts. P. (ed.) Culture of Central Asia: Written Sources. Ulan-Ude, 2017. Vol. 10. Pp. 82–93. (In Russ.)
- Baradin B. Journey to Mongolia. *Zhizn’ Buryatii*. 1924. No. 2–3. Pp. 17–26. (In Russ.)
- Bogdanov M. N. Essays on the History of Buryat Mongols Supplemented with Articles by B. Baradin and N. Kozmin. Verkhneudinsk: Buryat-Mongol Publ. House, 1926. 234 p. (In Russ.)
- Boldbaatar Zh. Buddhist Lamas and Khuvaraks of Mongolia. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2010. 267 p. (In Mong.)
- Damdin. Lamaist church in the MPR. *Sovremennaya Mongoliya*. 1936. No. 1(14). Pp. 87–105. (In Russ.)
- Gandantegchinlen Monastery and Buddhist University: A Brief History. Ulaanbaatar: Esön-Erdene, 1995. 76 p. (In Mong.)
- History in Brief. On: Documentation of Mongolian Monasteries. Available at: <https://mongoliantemples.org/en/component/domm/76?view=oldtemplemn> (accessed: April 18, 2022). (In Mong.)

- Idshinnorov S. A Brief History of Ulaanbaatar. Ulaanbaatar: Uria, 1994. 154 p. (In Mong.)
- Lonjid Z. Why did Russians permit pilgrim access to one datsan (temple) in Ulaanbaatar? *Lam narynsetgüül*. 2011. No. 1(15). Pp. 19–27. (In Mong.)
- Maidar D. Monuments of Mongolia's History and Culture. Moscow: Mysl, 1981. 175 p. (In Russ.)
- Ölzii Zh. Landmarked Buildings of Mongolia: Histories. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 1992. 207 p. (In Mong.)
- Pozdneev A. M. Essays on the Life of Buddhist Monasteries and Buddhist Clergy in Mongolia, and Relations of the Latter to the People. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1887. XVI, 492 p. (In Russ.)
- Pürev O. et al. Cultural Heritage of the Capital. Ulaanbaatar: Admon, 2009. 263 p. (In Mong.)
- Sereeter Ö. Mongolia's Ikh Khüree and Gandan Monastery: A Brief Insight into Historical Structures. Ulaanbaatar: Admon, 1999. 150 p. (In Mong.)
- Teleki K. Introduction to the Study of Urga's Heritage. Ulaanbaatar: Admon, 2015. 496 p. (In Eng.)
- Teleki K. Monasteries and Temples of Bogdiin Khüree. Ulaanbaatar: Institute of History, Mongolian Academy of Sciences, 2011. 382 p. (In Eng.)
- Tsedendamba S. (ed.) Monasteries of Mongolia: A Brief Historical Essays. Ulaanbaatar: Admon, 2009. 888 p. (In Mong.)
- Vanchikova Ts. P. 'The Lama Question': Analyzing Comintern's documents from the Russian State Archive of Sociopolitical History. In: *STUDIA HISTORICA*. Vol. XLVIII. Fasc. 1–29. Ulaanbaatar: Monkhi Useg, 2019. Pp. 290–299. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P. Buddhism in Mongolia: History, Clergy, Monasteries. B. Bazarov (ed.). Irkutsk: Ottisk, 2019. 291 p. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P. Mongolia and religious policy of the Comintern in the 1920s–30s. *Herald of an Archivist*. 2019. No 3. Pp. 900–908. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P. Towards a history of Buddhist renaissance in Buryatia and Mongolia, 1960s–1970s: A case study of Purbo B. Baldanzhapov's personal archives. *Mongolian Studies*. 2021. Vol. 13. No. 4. Pp. 623–631. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-623-631
- Vanchikova Ts. P., Ayusheeva M. V. Zuunhuree and contemporary Dashchoylinhiid. *Humanitarian Vector*. 2015. No. 4 (44). Pp. 137–142. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P., Chimitdorzhin D. G. History of Buddhism in Buryatia, 1945–2000. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2006. 162 p. (In Russ.)
- Zhambal A. Legal Regulation of Religion in Mongolia, 1206–1936. Zh. Amarsana (ed.). Ulaanbaatar: Admon, 2012. 136 p. (In Mong.)

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК / UDC 398+821.512.36+82.09
DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-405-417

Народные знания калмыков о традиционных способах лечения: фактология фольклорно-этнографических экспедиций (2012–2017 гг.)

Евдокия Эрендженевна Хабунова¹

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Хабунова Е. Э., 2022

Аннотация. *Введение.* Данным исследованием в научный оборот вводится полевой материал о традиционных способах лечения, записанный от калмыков во время фольклорно-этнографических экспедиций (2012–2017 гг.) на территории Республики Калмыкия. *Цель* статьи — ввести в научный оборот аутентичный материал о традиционных способах лечения болезней калмыками (с переводом на русский язык) для их дальнейшего изучения на междисциплинарном уровне. *Материалом* для исследования послужили устные повествовательные нарративы, записанные в 2012–2017 гг. в различных населенных пунктах Калмыкии о народных способах лечения различных болезней калмыцкими лекарями *эмч*, костоправами *отч*, знахарями *медлгч*, массажистами *бэрэч* и другими знатоками народной лечебной практики. *Результаты.* Устные повествовательные нарративы об известных калмыкам народных способах исцеления от разных недугов сопровождаются переводом оригинального текста на русский язык. В статье дается краткий обзор способов устной передачи первых эмпирических знаний калмыков в области традиционных методов лечения от различных болезней. Аутентичные материалы, вводимые в научный оборот, открывают малоизвестные сведения и новые возможности для научного осмысления фольклорно-этнографических фактов о традиционной медицине калмыков, о народной лечебной практике, передававшейся в устной форме из поколения в поколение. Комплекс первых эмпирических знаний о здоровье человека, о народных способах исцеления от разных недугов, представленный в данном исследовании, может быть использован параллельно с современной научной медициной.

Ключевые слова: народные знания, полевые записи, устные нарративы, калмыки, лечебная практика, аутентичный текст, перевод

Для цитирования: Хабунова Е. Э. Народные знания калмыков о традиционных способах лечения: фактология фольклорно-этнографических экспедиций (2012–2017 гг.) // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 405–417. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-405-417

Kalmyk Folk Knowledge about Traditional Treatment Methods: Factual Data from Folklore and Ethnographic Expeditions, 2012–2017

*Evdokia E. Khabunova*¹

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Khabunova E. E., 2022

Abstract. *Introduction.* The work introduces field data on traditional treatment methods recorded from ethnic Kalmyks during the 2012–2017 folklore and ethnographic expeditions across Kalmykia arranged by the Gorodovikov Kalmyk State University. *Goals.* The paper seeks to introduce authentic materials (and Russian translations) dealing with folk medicine for further interdisciplinary research. *Materials.* The study examines oral narratives recorded in 2012 to 2017 across rural Kalmykia and describing folk tools and techniques once used against various illnesses — by Kalmyk ‘*emchi*’ healers, ‘*otchi*’ bonesetters, ‘*medlgchi*’ sorcerers, ‘*bärächi*’ masseurs, and other specialists. *Results.* The oral narratives about folk means to handle different health problems are accompanied by Russian translations. The article briefly reviews techniques employed to orally transmit ancient empirical knowledge of Kalmyks about traditional methods of treating different diseases. The to be introduced authentic materials contain little-known data and provide new opportunities for scholarly interpretations of folklore and ethnographic facts about Kalmyk traditional medicine, healing practices to have been orally transmitted across generations. The variety of ancient empirical techniques related to human health and folk healing methods set forth can be well used to support contemporary academic medical arrangements.

Keywords: folk knowledge, filed notes, oral narratives, Kalmyks, healing practices, authentic text, translation

For citation: Khabunova E. E. Kalmyk Folk Knowledge about Traditional Treatment Methods: Factual Data from Folklore and Ethnographic Expeditions, 2012–2017. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(2): 405–417. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-405-417

Введение

Калмыки, в прошлом ойраты, на протяжении столетий кочевали по просторам Центральной Азии, богатой лечебными травами, минералами и другими природными ресурсами, обеспечивающими благоприятные условия для жизни и здоровья человека. Процесс накопления калмыками знаний и опыта в области традиционной медицины продолжается и в настоящее время, о чем свидетельствуют экспедиционные материалы Калмыцкого государственного университета (2012–2017 гг.).

Комплекс первых эмпирических знаний о здоровье человека, о народных способах исцеления от разных недугов, который может успешно соседствовать с современной научной медициной, передавался из поколения в поколение в устной форме, что нашло художественное воплощение в калмыцком фольклоре, уникальном в своем разнообразии и содержательности.

В устной традиции калмыков отражены народные представления об окружающем мире, о жизни и смерти, о морально-этических нормах, о силе духа, об идеальном здоровье человека, о скрытых возможностях человеческого организма, также представлен достаточно широкий спектр названий болезней, народных способов лечения, средств заживления ран, сращивания переломов костей и т. д.

Этот богатейший материал, основанный на народных знаниях, долгих наблюдениях, проверенный и сохраненный предшествующими поколениями, требует специального и всестороннего изучения, что актуализирует исследуемую проблему.

Вопросы, связанные с различными аспектами народной медицины, наиболее успешно освещались в трудах по традиционной культуре калмыков и других монгольских народов [Бадашкеева 2000; Бакаева и др. 2016; Омакаева 2002; Стеклов 1989; Содномпилова, Башкуев, Нанзатов 2021; Ташнинова 2003; Уланов, Бадмаев 2018; Цыбикова, Дампилова, Чимитдоржиева 2019; Шантаев 2005; Шараева 2008; Эрдниев, Максимов 2007; и др.].

Исследуемая тема рассматривалась также в контексте изучения мотивов («мнимая болезнь», «чудесное исцеление», «живая и мертвая вода», «молодильные яблоки», «кипящее молоко»), которые являются обязательным компонентом сказочно-эпического повествования [Горяева 2018; Кичиков 1994; Хабунова, Цеценбат 2021; и др.], но проблема все ещё остается малоизученной областью калмыцкой фольклористики.

Полевые записи

Устные нарративы, записанные во время фольклорно-этнографических экспедиций (2012–2017 гг.) изобилуют информацией о целительных свойствах природных явлений и предметного мира, о необычных способностях народных лекарей *эмч*, о магических возможностях лиц, называемых в народной традиции *бө / удһн*, о ювелирной точности костоправов *отч*, о широкой специализации знахарей *медлгч* и других практиков народной медицины (массажистов — *бәрэч*, специалистов по лечению ран — *шархч*, повивальных бабок — *эк болсн ээжс, һазр ээжс*).

В народных пословицах и поговорках присутствуют мудрые назидания, предостережения и указания о здоровье, питании, гигиене, об анатомии и физиологии человека и других особенностях человека, которые не потеряли своей актуальности и в настоящее время:

– *Эмч му болхла, үкл өөрхн, эм му болхла, унархд өөрхн* ‘Если врач плохой — смерть близка, если жена плоха — разорение близко’ [ПМ: Б. Б. Б.];

– *Бөөрин өвчн чикнд, оошкин өвчн хамрт* ‘Болезнь почек определяется по ушной раковине, болезнь легких кроется в полости носа’ [ПМ: Б. Б. Б.];

– *Дотр махн — аршан, һадр махн — хорн* ‘Внутренние органы — целебное мясо, мясо самой туши — отравы’ [ПМ: Б. Б. Б.].

Немало ценных сведений о здоровой, долгой и продуктивной жизни содержат тексты заклинаний, оберегов, заговоров, например от плохого сна: *Зүүднэ мунь хар уснд болг, хар усн тамын йоралд болг* ‘Пусть все плохое смоеся водой, а вода утечет в преисподнюю (ад)’ [ПМ: Б. Б. Б.].

О значимости и особом статусе народных целителей говорит факт присутствия в калмыцком фольклоре образа лекаря *эмч* (в качестве врача иногда выступает и другой персонаж), он активный участник изображаемых событий: диагностирует и лечит, исцеляет раны и воскрешает, сращивает разрубленное тело и оживляет его живой водой: < > *торһн утцар баһцгасн бооһад, термин нукар һарһна. Тегэд тер эмч тер утцар хэлэнэ* ‘завязал шёлковую нить на запястье и протянул её через отверстие решётки кибитки’ [Хуучн үгд 2018: 69]; *Арша ик лам хальмг герин барун баһцарнь торһн утц орулжэ* < > *һарасн бооһад ас, — гижэ* ‘Верховный Арша лама подал шелковую нить через правое соединенные решётки кибитки и сказал: привяжи к своей руке’ [Седклин күр 1960: 16]; *Үүд түүд күрш уга цаһан эмэн түркэд, көвүн мөрн хойр эдгэд, мөн кевтэн тусв* ‘мигом исцеляющим белым снадобьем помазал — юноша с конём исцелились и стали такими, как прежде’ [КБС 2017: 58].

Большое внимание в устном народном творчестве калмыков уделяется проблеме наследственности как одному из определяющих факторов развития человека. Бездетные супруги в народных сказках представлены, с одной стороны, как изгои социума (они живут обособленно), с другой — именно с ними связан мотив чудесного зачатия и рождения будущего героя. Репродуктивность супругов в глубокой старости объясняется появлением особого повода, «плодоносной» возможности или ситуации, обнаружением чудодейственного средства для зачатия.

Информативностью отличаются жанры устной несказочной прозы (легенды, предания, притчи и другие нарративы), в которых рассказываются различные истории исцеления человека от опасных заболеваний, даются описания лекарств растительного и животного происхождения, описания целебных источников и минералов, даются сведения о драгоценных металлах (золотой песок долголетия, антибактериальное свойство серебра и т. д.), о магических камнях и связанных с ними поверьях. В них содержатся ценные сведения о способах извлечения паразитов из организма, борьбы с инфекционными заболеваниями, отравлениями, есть предупреждения о возможных катаклизмах (засуха, потоп, эпидемия, мор и пр.): *Тер толһаһас шавр авад, Долан худгин уснас кеһэд, аршалад, гем эдгэдэ бээжэ* ‘с того кургана брали глину, заливали водой из местности Долан худыг, употребляли для исцеления, так избавляли от болезней, говорят’ [Хуучн үгд 2018: 118]; *Ик Буурл Баһ Буурл хоорнд һурвн толһа бээнэ, терүнд һурвн бичкн тасрха хату чолун бээх зөвтэ. Цокхла, чинг-чинг! — гихэд, ду һарад бээдг билэ. Тер чолунас көвүдэрн хусулад, бичкнэр авч ирэд, уснд зууркад, күүкдт амсулад аршалулдг билэвидн* ‘Между Ики Бурулом и Бага Бурулом есть три кургана, там должны находиться три маленьких осколка твердого камня. Когда по ним ударили, они издавали звук «чинг-чинг». Отправляли туда своих сыновей, чтобы они соскоблили немного с того камня, когда приносили, перемешивали с водой и давали детям как аршан (целебная вода)’ [Хуучн үгд 2018: 129]; *Көгшид келнэ: кезэнэ ик малта хальмг, орс уга ширг ирэд, хөөднь үкхлэ, тер Жижэртнэ бумб орньбулг уснд хөд туужэ ирэд. хонулад һарңхла, хөөднь үкдгэн уурад, хэржэ одде болна* ‘Старики рассказывали, что в давние времена, когда случались эпидемии и овцы погибали, и калмыки, и русские пригоняли сюда своих овец. В низине,

под ступой Джиджятена, они проводили ночь у родников, и это спасало — овцы уже не гибли после этого, потом они угоняли их обратно» [Мифы, легенды 2017: 182–183].

Новый полевой материал, вводимый в научный оборот, открывает малоизвестные эмпирические данные, новые возможности документирования и научного осмысления фольклорно-этнографических фактов о традиционной медицине, что определяет новизну данного исследования.

В данной статье предлагается часть нарративов, записанных в полевых условиях на территории Республики Калмыкия в 2012–2017 гг. и опубликованных в книге «Хуучн үгд худл уга. Кеерин хураңһу материал» («Истина древней словесности. Коллекция экспедиционных материалов») [Хуучн үгд 2018: 178–185]. Перевод оригинального текста на русский язык осуществлен автором данной статьи. Сведения об информанте и собирателе полевого материала прилагаются в скобках, после оригинального текста.

Устные нарративы: *Эмлһн* (Лечение)

Ямана үснэ геснэ гемд туста болдмн. Геснэ гемд терүг буслһад уухов. Мөрнэ тос (махинь бас) ухрар өрүн элкндэн уудмн (геснэ гем бэахлә), гесиг эжөөлдүлжэх юмн ‘Козье молоко полезно при желудочно-кишечных заболеваниях. Для лечения желудка его надо пить в кипяченном виде. Конский жир (конину тоже) надо принимать на голодный желудок (при болях в желудке), он смягчает его’ [ПМ: Б. В. Х.].

***

Зурмна махн ик туста, дэкад зорхн гидг аң бээнэ, ху өөкн, тер бас зүркнэ гемтэ күүнд, геснэ дотрк гемд бас туслдмн, ханядн уурдмн ‘Мясо суслика очень полезно, есть ещё такой зверёк, как барсук, сплошной жир. Это полезно от сердечных, от желудочно-кишечных заболеваний, останавливает кашель’ [ПМ: Б. В. Х.].

***

Эмэлин гем (ясн шаркрна) гижэ бээдг мөр ундг цагт. Тер мөрн деер йовжсахмн болжана, зогсл уга, удан. Мөрэр өрүн һарад, асхн хэрү Эддрхнэс иржэнэ тер күн. Дөрвн зун дуунад кевтл уга йовжсахмн болжана. Тиигэд гемтэжэхмн болжана. Ода тер гем ховр. Ода машинд сууһад, мотоциклд сууһад, удан йовад, царцад, сальк авчкна. Тиихлә, цур бэрдмн. Цур бэрэд, халун бальчг тэвэд, хужрин бальчг халулжһаһад, кенчрт ораһад тэвжэһэд, деернь суухгов. Хар бальчг, давсн урһдг хужр һазр бээнэ. Түүнэ бальчг туслдг. Тер бальчгин халун баһртл, арвн тавн-хөрн минут суух кергтэ ‘Есть болезнь, называемая болезнью седла (ломота кости). Тот [человек] много времени проводит в седле, все время едет верхом на коне. Утром отправляется на коне, а вечером возвращается из Астрахани тот человек. Четыре сотни километров он находится в седле, не может лечь. Поэтому он болеет. Сейчас редко встречается эта болезнь. Сейчас ездят на машине, на мотоцикле, во время долгой езды простывают. Тогда используют сухой жар. Прикладывают горячую грязевую грелку, грязь лечебная, солончаковая, ее заворачивают в ткань и садятся на нее. Это черная грязь, [взятая] в местности, где на поверхности выступает соль. Эта грязь помогает. Сидеть надо минут пятнадцать-двадцать, пока грязь не остынет’ [ПМ: Б. В. Х.].

***

Хатаһад эдгэдг арһ бээнэ. Кезэнэ эмч уга, хурлд авч оддг бээсмн. Бө бээхлэ, тенүгүрчн авч одад, цер өгэд, долан хонгтан, хойр долан хонгтан хар ус, үдлэд нег бичкн һуйр өгэд, түнгинь идэд, хатаһад, тишгэд эдгэдг бээсмн. Мана эцк келдг билэ ‘Есть способ, когда лечат голодом. Раньше не было врачей, поэтому возили в хурул. Если есть шаман, то и к нему отводили [больного], [шаман] назначал строгую диету, рекомендовал в течение семи дней, четырнадцати дней пить только воду и на обед ограничиваться кусочком лепешки, вот так голодом вылечивали людей. Так рассказывал наш отец’ [ПМ: Б. Т. Б.].

***

Хот муудхла, хальмг хө өрчлж алад, нег көл хөөнэ махиг чанад, шөл ширгэһэд, һурвн ааһ шөлн үлддг. Терүгинь өгэд уулһх. Дуңглад, сорад уух ‘При истощении организма или потере аппетита режут овцу калмыцкой породы особым способом (делая надрез в области грудной клетки), варят мясо (целую ногу) в небольшом количестве воды, от которой к моменту готовности блюда должно остаться всего три пиалы бульона. Заставляют выпить этот бульон. Пить необходимо [горячим], втягивая в себя’ [ПМ: Х. Л. Г.].

***

Халу дөрхлэ, заратрулхла, амнэ дольг кех: һуйр элдэд, давс хаяд, хар уснд зуурад, һуйр моһлцглад, мадниг цугтаһинь арчдг билэ. Гар, көл, чирэ бийим арчад, тишгчкэд һуйрт хумс керчэд дүрэд, үснэ үзүрмүдэс түүнд дүрэд, кү кедмн. Кү кечкэд, мини өмсчэсн хувцнд — кишлгтэ захта хувцнд ораһад, уснд хайдмн. Намаг дахулад, уснд хаюлад, ардаснь нульмдулдмн. Гертэн ирэд, невчкн зуур бээжгэһэд, босад гүүһэд йовдв ‘При высокой температуре, ознобе совершали обряд «замена (обмен) души»: замесив тесто на воде, добавив соль, делали из теста шарики, ими катали по всему нашему телу. Вытирали им лицо, руки, ноги, в тесто закатывали срезанные ногти, кончики волос и из этого теста делали фигурку человека. Вылепленную фигурку заворачивали в нашу одежду с воротом и бросали в воду. Меня брали с собой, просили, чтобы я бросила фигурку в воду и плюнула вслед. Придя домой, спустя некоторое время, я уже бегала на улице [мне стало лучше]’ [ПМ: Х. Л. Г.].

***

Би күзүм хавдад гемтүв. Намаг өөр бээсн, икр үртэ күүкд күүнүр тэвжэнэ. Ультрг сурулад. Тер намаг тер ультргар домнла. Хавдсн ормд тер ультргиг бооһад. Бас өөр бээсн күүкд күүнэ көкн хавдв. Тер нанур ирэд, ультрг суржсана. Та тер ультрг авлат, гижжэнэ. Тер ультрг кесгтэн ээж хадһлла ‘У меня заболела шея, опухла. Меня отправили к женщине, живущей неподалеку, у которой были дети-близнецы. Попросили взять у неё стельки от её обуви. Эти заговоренные стельки повязали мне на шею в том месте, где была опухоль. Как-то у соседки опухли груди. Она пришла ко мне за стельками. Говорит: у вас есть стельки. Моя бабушка долго хранила те стельки’ [ПМ: Х. Л. Г.].

***

Делң хавдхла, моһан өврэр домнхла, эдгдгчн ‘Опухоль груди проходит, если заговорить их змеиным рогом (выросты над глазами змеи)’ [ПМ: Б. Ч. А.].

***

Күүнэ иджэсн нег эмтэхн юмнд жилвтхлэ, көкн хавдна. Тер хавдрта көкиг икр күүкдэр бэрүлчкдмн. Икр күүнэ нар өлзэтэ. Му юмнд дарңх болдмн. Эс гижэ икрин носна ультрг туслна. Тедн һанцаран йовиго, олар нарчаналм. Тиим кишгтэ, ах дүүһарн олн болтха гисн йор болжана. Икр күн хаалһд харһхла, ардаснь үзүлл уга, һурв гекэд, зальврад, мөргэд, эдс чигн авдмн ‘Когда кормящая женщина при виде вкусной еды захотела попробовать ее, но ей ничего не предложили, у нее воспаляются груди. Тогда к груди прикладывают руки детей-близнецов. Руки близнецов считаются счастливыми. Они убирают все плохое. Также помогает [старая] стелька сапог близнеца. Они [близнецы] по одному ведь не ходят, вместе ведь родились. Такие они счастливые, считается, что будут у них много братьев, примета такая. Когда в дороге встречается близнец, даже можно ему вслед, тайком, трижды поклониться и получить благословение’ [ПМ: Д. Д.].

***

Чочхла, хорһлэж цутхдмн. Юмнас ээхлэ, нөөртэн чочхла. Таавад хорһлэж тэвэд, хээлхлэнь нег бичкн, һурвн дусал шар тос хайна. Гертэс авч ирсн кенчрэр толһаг бүркчкэд, деернь зун һарарн ааһд ус бэрнэ, барун һарарн тер хорһлэж уснд «ишурд» гийһэд асхчкна. Кечкэд, ямаран дүрсинь хэлэнэ: миисин дүрсн, нохан дүрсн, сарсасн модн чигн һарна. Һурв дэжэж хорһлэж цацад, орасн кенчрэн авад, гертэн ирэд, түн деерэн унтхмн. Тишгэж тетя Поля Ширинова кедг билэ ‘Испуг снимают отливкой свинца, когда человек испугается чего-либо или видит страшные сны. Кладут на сковородку свинец, когда он расплавится, добавляют немного, три капли, топленого масла. Накрывают голову белой тканью, принесенной из дома, над головой в левой руке держат чашку с водой, правой рукой быстро выливают в воду расплавленный свинец. После этого смотрят, какая образовалась фигурка: [застывший свинец] приобретает разные формы — кошки, собаки или раскидистого дерева. Отлив свинца делают три раза, затем забирают принесенную ткань домой, на ночь ее стелят и спят на ней. Так делала тетя Поля Ширинова’ [ПМ: Х. Л. Г.].

***

Ээчкн күүнд, зүркнь көгдлэжэх күүнд һурв дэжэж хорһлэж цутххмн болжана. Хар хорһлэж (бууһин сум кедг, невчк хату), жөөлкн хорһлэж (һаңндг) цутхдг. Тер ээсн юмн һарч ирнэ. Ковшигт нег лоошк [ложка] тос тэвэд, һал деер хорһлэж хээлхмн болжана. Тосн буслад ирхлэ, хорһлэж хээлнэ. Ээсн юмнь һарч ирнэ. Нег савд киштин ус кеһэд, толһа деернь цаһан альчур делгэд, деернь кехмн болжана. Шишгэд э һарна, терүнэс чочад, ээсн юмнь һарна ‘От испуга или при сердечной аритмии надо трижды отливать свинец. Отливают черный свинец (из него делают пули для ружья, он немного твердый), мягкий свинец — для лужения. Выходит то, от чего он испугался. В ковш кладут ложку масла, над огнем расплавляют свинец. Когда масло закипает, растапливают свинец. Появляется то, что испугало человека. На голову накидывают белый платок, в какую-либо посуду наливают холодную воду,вливают сверху свинец. Происходит шипение, затем проявляется то, что испугало человека’ [ПМ: Б. В. Х.].

***

Юмнас ээхлэ, иштэ шаһһд хорһ хээлэд, хорһлэжнла хамднь хутхад, хээлчкэд, тер ээсн күүнэ толһа деер уста ик ааһ бэрчкэд, деернь кенчр делгчкэд, одакиг

кехмн болжана. Кехлэ, одак хорһлжн царцхгов. Царцхла, юунас ээснь һарна. Хорһлж кехжәһэд: «Ээсэн кел! Ээсэн кел! Ээсэн кел!» — гихэд толһа деернь һурв хээкрнэ. Тер хорһнд хээлсн хорһлжнд тер ээсн юмнь сээхн һарч ирнэ. Тер хорһлжиг хайхмн биш болжана. Кенчрт бооһад оркчхмн болжана. Тер юнһад гихлэ, тер ээсиг һарһквши 'Когда человек сильно испугался чего-то, надо растопить жир в ковше, перемешать его со свинцом, растопить, над головой человека растянуть белую ткань и вылить это [расплавленный вместе с жиром свинец]. Когда выльешь [в воду], он застывает. Когда застынет, появляется то, от чего он испугался. Выливая свинец, надо трижды прокричать над его головой: «Скажи, от чего испуг! Скажи, от чего испуг! Скажи, от чего испуг!». Тогда то, что его испугало, четко проявляется в расплавленном в масле свинце. Этот свинец нельзя выбрасывать. Надо завернуть в белую ткань и положить. Потому что он вывел тот испуг' [ПМ: Д. Д.].

***

Алмсин хумсар бас эмндмн. Алмсин хумс экм өглэ. Көк көкүлжэх күүкд кун хот иджэхиг үзэд өңгэхлэ, көкнь хавддг. Тер цагт үзжэснэс эврэн авад, хазчкад тэвчкдг. Бас алмсин хумсар домндг. Би эмчлдг билэв. Алмсин хумсар дарад, эргүлэд дарад, өмэрэн, зүн тал нүлмнэв 'Лечат также когтем чудовища-алмаса. Моя мать дала мне коготь алмаса. Бывает так, что у кормящей женщины, когда она видит, что едят вкусную пищу, но ей не предлагают, у неё воспаляются груди. Во избежание этого (в этом случае) можно самой, без разрешения, взять и попробовать кусочек. Можно заговорить когтем алмаса. Я так лечила. Придавливала [грудь] когтем алмаса, вокруг давила, потом плевала в южную и восточную сторону' [ПМ: Н. Е. Ч.].

***

Аршаһар бас эмнлдмн. Би бичкндэн нүдм өвддг билэ йир, ячмень һардг билэ. Манахнд өнчн, нег ээж бээж һанцарн. Эмт эмчлдг билэ. Тегэд сө унтжэ кевтхлэ, зүүдн оржэ. Энд нег өнчн күүкн бээнэ. Чи тер күүкиг аб, хамдан бээтн гихэд. Тегэд тер күүкиг авч. Хоюрн бээдг билэ, эмт эмчлдг билэ. Күүкн невчкн бөһчкр билэ.

Нег минин нүдн гемтв. Шам шатахла, нүдм му болад. Тегэд залум көдлмиштан тер ээжин тускар соңсжэ. Тегэд көдлмишн ирчкэд, үкрэн саачкад, һаха-нохасан асрчкад, ээжд одув. Һурвн литр үс авад одхла, үдлэ амрч кевтжэ. Би гериннь ард һарад, күләһэд суувув бас. Тегэд ээж босжэ. Унтхла, нөөртнь кун күләжжэнэ гихэд оржэ. Босад: «Фрося, чивч?». Шам шатахла, му болна гичкэд суунав. Тиигхлэ ээж намд четушкд арша өгв. Тер аршаһар нүдэн угаһад, сән болв 'Также лечат целебной водой — аршаном. В детстве у меня болели глаза, выскакивал ячмень. Среди нас жила одна одинокая старушка. Она лечила людей. Когда она спала, ей приснился сон. Мол, есть одна девочка-сиротка. Ты забери эту девочку, живите вместе. Тогда она забрала ту девочку. Вдвоем они жили, лечили людей. Девочка была горбатой.

Как-то заболели мои глаза. Стало плохо глазам, когда включали [свет] электричество. Мой муж, оказывается, на работе слышал про ту бабушку. Придя домой после работы, подоив корову, накормив живность, пошла я к бабушке. Когда я пришла, взяв с собой три литра молока, бабушка отдыхала в полдень. Я тоже села сзади дома, дожидаясь. Затем бабушка проснулась. Когда она спала,

ей приснилось, что кто-то её ожидает. Проснувшись, она спросила: «Фрося, это ты?». Сказав ей, что глазам становится плохо, когда включают свет, сижу. Тогда она дала мне воду *аршан* в чекушке. Той водой я промывала глаза, мне стало лучше' [ПМ: Н. Е. Ч.].

***

Цур бэржэ эмнлдмн. Суулһ усиг буслһад, тазд кеһэд, терүндэн кирпич тэвдмн. Халсн кирпич улажэ одна. Тер кирпичиг тер уснд тэвэд бүркчкэд, тер ууртнь эмндг билэ 'Также лечат ваннами. Надо вскипятить ведро воды, вылить её в тазик, положить туда кирпич. Нагретый кирпич становится красным. Тот кирпич надо положить в ту воду, накрыть и лечить паром' [ПМ: Н. Е. Ч.].

***

Үй [бородавки] һархла, түүкэ бодницэ эс гижэ альм хойр эңглэд утлад, тер үй һарсн орминь зүлһхмн. Хөөннь тер түрксн бодницан эс гижэ альман хэрү негдүләд, утцар таг-яг кеһэд бооһад, модна йозурт дархмн. Тер бодницэ, альмн үмкәрэд уга болсн цагт үй чигн уга болжэ одна 'Если появились бородавки, надо разрезать пополам сырую картофелину или яблоко и протереть им то место, где появились бородавки. Затем надо вновь соединить две половинки картофеля или яблока, крепко завязать ниткой и закопать у основания дерева. Когда то яблоко или картофелина сгниют, тогда и бородавки исчезнут' [ПМ: Л. К. Э.].

***

Хорха гем шигжэ эмндг бээсмн. Сулимэ [сулима] малын эмчд бээдг бээжэ. Хорха гем гижэ бэәнү, тер нимгн арста һазр көөһэд һардгчн тер. Йосн сүлмэ болхлаг, зүүнэ үзүр күргхлэ, тер зүн харлад һарч ирдгчн. Аав өрэл литр арк искәһэд, зармин чигэ сүлмэг хаяд, долан хонгт искәһэд тэвчкв. Сүлмэг зүүнэ үзүрт тэвэд авад, аркд урсахдмн. Невчк эләдэр тэвхлэ, хордад үкч одхугов. Долан хонгт өрүн элкндэн ложкар уухмн болжсана. Хорха гем, нээлзүр гем, гинэ, күзү дахад, нимгн махмуд дахад һардг гем. Эмнь харһхла, эдгдг, эмнь эс харһхла, эдгдго. Тер махмудыг идэд йовдгчн. Тер гемтжэсн күн эдгв 'Сифилис лечили так. Сулима есть у ветеринаров. Сифилис повреждает тонкую часть кожи. Если коснуться сулимы острием иглы, если он настоящий, то кончик иглы почернеет. Дедушка положил сулиму величиной с просо в пол-литра водки, оставил для брожения на семь дней. Сулиму на кончике иглы можно растворить в водке. Если положить больше, можно отравиться и умереть. Надо принимать на голодный желудок по одной ложке в течение семи дней. Сифилис как молодой побег, появляется в чувствительных местах, на шее. Если попадется нужное лекарство, можно вылечить, если не попадется — не вылечишь. Она поражает тело. А тот человек вылечился' [ПМ: Л. К. Э.].

***

Хуһрсн яс, тасрсн мах отч эмнлдмн. Отч таржэ одсн юмиг хураһад авчкдг билэ. Базһдмн биш, бәрэд, шигэд (үзүлжәнэ), арһул дарсн болад, илсн болад. Тишжэгэд, «бос! йов!» гийһэд йовулчкдг билэ. Тасрсн махн һарсн ясн дорхнь өвдкүртэ. Ясн һарсн болвчн, махн тасрсн болвч кезәнэ улан мөңг (хуучн 20-гч, 30-гч жылмүдин) зес утхар зорад, нег бичкн тос тэвэд, деернь тер зорсн зес, тернь тер хуһрсн ясиг шигләд бәрчкдгчн 'Костоправ лечит от переломов кости и разрыва мышц. Костоправы, бывало, собирали раздробленные кости. Сжимать нельзя, вот так (показывает) надо аккуратно слегка придавить, как бы

приглаживая. Делая так, он произносил: «Вставай! Иди!». Боль от разорванных мышц сильнее, чем от перелома. Раньше и при разрыве мышц, и при переломе кости в масло добавляли стружку меди (от старинных монет 20–30-х гг.) [принимали внутрь], оно способствовало сращению переломанных костей’ [ПМ: Л. К. Э.].

***

Ноха зуухла, нохан ноосиг таслэж авад, халд шатаһад, үмсинь шархднь тэвэд, хурвчар дарна ‘Если укусит собака, надо собачью шерсть поджечь, а пеплом присыпать рану от укуса, затем прижать это место напёрстком’ [ПМ: Л. А. Б.].

***

Чинэн алдрсн күүнд хө алад, долан үйэсинь мах нэрхнэр керчэж авад, сэн сэңсэгт боочкад чанх. Болхлань, хатхад-хатхад, шахад, түүнэс һарсн шүүсиг ааһд кеһэд уудг билэ. «Шүүс хээжэнэ» гижэ келдг билэ ‘Для физически истощенного человека надо забить овцу, отрезать мясо из разных (семи) частей бараньей туши, заложить все это в книжку [сычуг], завязать и сварить. Когда оно сварится, надо проткнуть книжку в разных местах, а вытекший бульон собрать в пиалу и выпить. Про это говорили «сок пьют»’ [ПМ: Л. А. Б.].

***

Оошкдан гемтэ күүнд чоһын цөс өгдг билэ. Цөсинь хатачкад, хотдан, эрдг зордг бээж. Чинэ орулдг, гинэ ‘Легочникам давали желчь волка. Желчь высушивали, мелкую стружку желчи добавляли в пищу, в водку. Вот так восстанавливали силы’ [ПМ: Л. А. Б.].

Заключение

На основании анализа экспедиционного материала, собранного на территории Республики Калмыкия в 2012–2017 гг., можно заключить, что калмыки обладали богатым опытом и обширными знаниями в области народной медицины. Устные повествовательные нарративы, содержащие народные знания о традиционных способах лечения, о ритуально-лечебной практике калмыков, о целительных свойствах средств животного, растительного происхождения и т. д., представляют большой интерес как с филологических позиций, так и для изучения в социально-антропологическом и культурологическом контекстах. Фольклорно-этнографические сведения о традиционной медицине калмыков могут быть использованы в области современной научной медицины и представляются полезными для профилактики здорового образа жизни.

Полевые материалы¹

ПМ: Б. Т. Б. — Базырова Татьяна Боляевна. Октябрьский район Республики Калмыкия, пос. Восход. Запись: Хабунова Е. Э., Гедеева Д. Б., Лиджиев М. А., Убушиева Б. Э.

ПМ: Б. В. Х. — Банджаев Василий Хардаевич, 1951 г. р., Черноземельский район Республики Калмыкия, пос. Адыг, эркетен. Запись: Хабунова Е. Э., Гедеева Д. Б.

ПМ: Б. Ч. А. — Босхонджиева Читлг Аджаевна, 1924 г. р., Малодербетовский район Республики Калмыкия, место рождения: Ики-Бухусовский аймак, ики-батут. Запись: Гедеева Д. Б.

¹ В Полевых материалах указываются по возможности данные об информантах: год рождения, место жительства, субэтнос, род, а также приводятся сведения о собирателях.

- ПМ: Д. Д. — Домаджикова Дора, 1920 г. р., Черноземельский район Республики Калмыкия, пос. Комсомольск, торел дарджахин. Запись: Хабунова Е. Э.
- ПМ: Л. К. Э. — Лиджиева Клара Эрендженовна, 1938 г. р., Сарпинский район Республики Калмыкия, место рождения: Шарнут-Чоносковский аймак, торел амгачуд. Запись: Хабунова Е. Э., Коваева Б. М.
- ПМ: Л. А. Б. — Лиджиков Андрей Баянович, 1931 г. р., Приютненский район Республики Калмыкия, пос. Ульдучины, арван боргшдудов. Запись: Гедеева Д. Б.
- ПМ: Н. Е. Ч. — Нимгирова Ефросинья Чимидовна, 1923 г. р., Городовиковский район Республики Калмыкия, г. Городовиковск. Запись: Убушиева Б. Э., Гедеева Д. Б.
- ПМ: Х. Л. Г. — Хавлякова Лидия Гавриловна, 1954 г. р., место рождения: Денисовская станция (Богшургагинский аймак). Запись: Гедеева Д. Б., Убушиева Б. Э.

Author's Field Data

- Informant 1: Tatyana B. Bazyrova, Voskhod village (Oktyabrsky District, Republic of Kalmykia, Russia) Rec. by E. Khabunova, D. Gedeeva, M. Lidzhiev M., B. Ubushieva. (In Kalm. and Russ.)
- Informant 2: Vasily Kh. Bandzhaev, b. 1951, Erketen clan, Adyk village (Chernozemelsky District, Republic of Kalmykia, Russia). Rec. by E. Khabunova, D. Gedeeva. (In Kalm. and Russ.)
- Informant 3: Chitlg A. Boskhomdzhieva, b. 1924, Iki-Batut clan. Born in Iki-Bukhus village (Maloderbetovsky District, Republic of Kalmykia, Russia). Rec. by D. Gedeeva. (In Kalm. and Russ.)
- Informant 4: Dora Domadzhikova, b. 1920, Dardzhakhin clan, Komsomolsk (Chernozemelsky District, Republic of Kalmykia, Russia). Rec. by E. Khabunova. (In Kalm. and Russ.)
- Informant 5: Klara E. Lidzhieva, b. 1938, Emgyachud clan. Born in Sharnut-Chonos village (Sarpinsky District, Republic of Kalmykia, Russia). Rec. by E. Khabunova, B. Kovaeva. (In Kalm. and Russ.)
- Informant 6: Andrey B. Lidzhikov, b. 1931, Borgshdud clan, Uldyuchiny (Priyutnensky District, Republic of Kalmykia, Russia). Rec. by D. Gedeeva. (In Kalm. and Russ.)
- Informant 7: Efrosinya Ch. Nimgirova, b. 1923. Rec. in Gorodovikovsk (Gorodovikovsky District, Republic of Kalmykia, Russia) by B. Ubushieva, D. Gedeeva. (In Kalm. and Russ.)
- Informant 8: Lidiya G. Khavlyakova, b. 1954, Denisovskaya village (Rostov Oblast, Russia). Rec. by D. Gedeeva, B. Ubushieva. (In Russ.)

Литература

- Бадашкеева 2000 — *Бадашкеева Т. Т.* Арга хийху у монгольских народов // Монголо-ведные исследования. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. Вып. 3. С. 125–145.
- Бакаева и др. 2016 — *Бакаева Э. П., Орлова К. В., Музраева Д. Н., Шараева Т. И., Балинова Н. В., Хомякова И. А., Мирзаева С. В.* Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков. Элиста: КалМНЦ РАН, 2016. 456 с.
- Горяева 2018 — *Горяева Б. Б.* Традиции народной медицины в мотивах волшебной сказки калмыков [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018, № 4. С. 161–177. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/812> (дата обращения: 10.03.2022). DOI: 10.25178/nit.2018.4.9
- КБС 2017 — Калмыцкие богатырские сказки / вступ. ст. Б. Б.Манджиевой; подгот. текстов, перелож. калм. текстов, пер. Б. Б.Манджиевой, Т. А.Михалевой, Ц. Б. Селеевой; примеч., коммент., указатели, словарь Б. Б. Манджиевой, Ц. Б. Селеевой; отв. ред. А. А. Бурькин, В. Л. Кляус, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев. М.: АО «Первая Образцовая типография», Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2017. 561 с.

- Кичиков 1994 — *Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. Изд. 2-е, репринтное / отв. ред. С. Ю. Неклюдов. М.: Наука, Вост. лит., 1994. 320 с.
- Мифы, легенды 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков / подгот. текстов, пер., вступ. ст., примеч., коммент., указатели, словарь, сверка калм. текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой; отв. ред. А. А. Бурыкин, Е. Н. Кузьмина, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев. М.: Наука — Вост. лит., 2017. 367 с.
- Омакаева 2002 — *Омакаева Э. У.* Медицинские знания у калмыков (по архивным и полевым источникам) // Материалы научных чтений, посвященных памяти профессора А. Ш. Кичикова. Элиста: Джангар, 2002. С. 278–281.
- Седклин күр 1960 — Седклин күр / ясад, барт белдснь Букшан Б. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1960. 86 х.
- Содномпилова, Башкуев, Нанзатов 2021 — *Содномпилова М. М., Башкуев В. Ю., Нанзатов Б. З.* Человек в традиционной культуре и медицине тюрко-монгольских народов Внутренней Азии / науч. ред. Т. Д. Скрынникова. Улан-Удэ Изд-во БНЦ СО РАН, 2021. 310 с.
- Стеклов 1989 — *Стеклов М. И.* Избранные рецепты калмыцкой народной медицины // Теегин герл. № 2. 1989. С. 107–110.
- Ташнинова 2003 — *Ташнинова А. А.* «Калмыцкая ветвь» тибетской медицины // Вестник КИСЭПИ. № 1. 2003. С. 53–55.
- Уланов, Бадмаев 2018 — *Уланов М. С., Бадмаев В. Н.* Традиционная медицина калмыков: историко-культурологический анализ [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018. № 4. С. 138–160. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/811> (дата обращения: 10.03.2022). DOI: 10.25178/nit.2018.4.8
- Хабунова, Цеценбат 2021 — *Хабунова Е. Э., Цеценбат Ц.* Сюжетные звенья калмыцкого «Сказания о Гесере-богдо» в записи от Ш. Д. Дорджиева (1893–1984): содержательный состав // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 5. С. 1111–1121. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1111-1121
- Хуучн үгд 2018 — *Хуучн үгд худл уга.* Кеерин хураңһу материал. Истина древней словесности. Коллекция экспедиционных материалов / сост., автор вст. ст. на калм. яз. Е. Э. Хабунова. Элст: ЗАОр «НПП «Джангар», 2018. 399 с.
- Цыбикова, Дампилова, Чимитдоржиева 2019 — *Цыбикова Б-Х. Б., Дампилова Л. С., Чимитдоржиева Г. Н.* Народные методы лечения у бурят Внутренней Монголии КНР // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 27. С. 79–85. DOI: 10.26516/2227-2380.2019.27.79
- Шантаев 2005 — *Шантаев Б. А.* Рецепты народной медицины у калмыков // Трофим Алексеевич Бертагаев: к 100-летию со дня рождения. Материалы I Бертагаевских чтений. Элиста: КИГИ РАН, 2005. С. 341–344.
- Шараева 2008 — *Шараева Т. И.* Субпродукты в мясном рационе у калмыков: традиции охотников и скотоводов // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов: сборник научных трудов / отв. ред. Э. П. Бакаева. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2008. С. 164–171.
- Эрдниев, Максимов 2007 — *Эрдниев У. Э., Максимов К. Н.* Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 428 с.

References

- Badashkeeva T. T. *Arga khiykhу* among Mongolic peoples. In: *Mongolian Studies*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2000. Vol. 3. Pp. 125–145. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Orlova K. V., Muzraeva D. N., Sharaeva T. I., Balinova N. V., Khomyakova I. A., Mirzaeva S. V. *Cross-Border Culture: Comparative Insights into Western Mongolian and Kalmyk Traditions*. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2016. 456 p. (In Russ.)

- Bukshaev B. (comp., ed.) *The Hearty Conversation*. Elista: Kalmyk Book Publ., 1960. 86 p. (In Kalm.)
- Burykin A. A., Klyaus V. L., Kukanova V. V., Pyurbeev G. Ts. (eds.) *Kalmyk Heroic Tales*. B. Mandzhieva (foreword); B. Mandzhieva, T. Mikhaleva, Ts. Seleeva (text prep., transl.); B. Mandzhieva, Ts. Seleeva (comment., index, etc.). Moscow: Pervaya Obraztsovaya Tipografiya — Chekhovskiy Pechatnyi Dvor, 2017. 561 p. (In Kalm. and Russ.)
- Burykin A. A., Kuzmina E. N., Kukanova V. V., Pyurbeev G. Ts. (eds.) *Kalmyk Myths, Legends and Tales*. T. Basangova, T. Mikhaleva (text prep., etc.). Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2017. 367 p. (In Kalm. and Russ.)
- Erdniev U. E., Maksimov K. N. *The Kalmyks: Essays in History and Ethnography*. Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 428 p. (In Russ.)
- Goryaeva B. B. Traditions of folk medicine in the motif of Kalmyk fairy tales. *The New Research of Tuva*. 2018. No. 4. Pp. 161–177. (In Russ.) Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/812> (accessed: March 10, 2022). DOI: 10.25178/nit.2018.4.9
- Khabunova E. E. (comp.) *The Truth of Ancient Word: Collected Expeditionary Materials*. Elista: Dzhangar, 2018. 399 p. (In Kalm.)
- Khabunova E. E., Tsetsenbat Ts. The Legend of Geser Bogdo recorded from Sharlda Dordzhiev (1893–1984): Essentials of Kalmyk plot elements reviewed. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 5. Pp. 1111–1121. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1111-1121
- Kichikov A. Sh. *The Heroic Epic of Jangar: A Study in Comparative Typology*. 2nd ed., reprint. S. Neklyudov (ed.). Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 1994. 320 p. (In Russ.)
- Omaeva E. U. Medical knowledge [and practices] of Kalmyks: Analyzing archival and field materials. In: In Memoriam Professor A. Sh. Kichikov. Proceedings. Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 278–281. (In Russ.)
- Shantaev B. A. Recipes of Kalmyk folk medicine. In: First Bertagaev Readings. In Memoriam Trofim A. Bertagaev. Proceedings. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2005. Pp. 341–344. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. Offal in Kalmyk meat diet: Traditions of hunters and livestock breeders. In: Bakaeva E. P. (ed.) *Turko-Mongols: Issues of Ethnogenesis and Ethnic Culture Revisited*. Collected scholarly papers. Elista: Kalmyk State University, 2008. Pp. 164–171. (In Russ.)
- Sodnompilova M. M., Bashkuev V. Yu., Nanzatov B. Z. *Turko-Mongols of Inner Asia: Man in Traditional Culture and Medicine*. T. Skrynnikova (ed.). Ulan-Ude Buryat Scientific Center (SB RAS), 2021. 310 p. (In Russ.)
- Steklov M. I. Selected recipes of Kalmyk folk medicine. *Teegin gerl*. 1989. No. 2. Pp. 107–110. (In Russ.)
- Tashninova A. A. The Kalmyk ‘branch’ of Tibetan medicine. *Vestnik KISEPI*. 2003. No. 1. Pp. 53–55. (In Russ.)
- Tsybikova B-Kh. B., Dampilova L. S., Chimitdorzhieva G. N. National methods of treatment of the Buryats in Inner Mongolia (The People’s Republic of China). *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2019. Vol. 27. Pp. 79–85. (In Russ.) DOI: 10.26516/2227-2380.2019.27.79
- Ulanov M. S., Badmaev V. N. Kalmyk traditional medicine: A historical and cultural analysis. *The New Research of Tuva*. 2018. No. 4. Pp. 138–160. (In Russ.) Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/811> (accessed: March 10, 2022). DOI: 10.25178/nit.2018.4.8

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 821.512.37

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-418-440

Жанр харал в калмыцкой поэзии XX в.

Римма Михайловна Ханинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-1239-5639. E-mail: khaninova@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Ханинова Р. М., 2022

Аннотация. *Введение.* В калмыцком фольклоре жанры йоряла-благопожелания и харала-проклятия относятся к магической поэзии, имеющей обрядовую и коммуникативную функцию. Второй жанр менее исследован по сравнению с первым жанром, поскольку информанты избегали воспроизводить харал, опасаясь его негативного воздействия, поэтому его зафиксированных записей сохранилось меньше, чем записей благопожеланий. Это повлияло и на возникновение авторского харала в калмыцкой поэзии XX в., на его периферийное положение в жанровой системе калмыцкой лирики, малочисленность обращения поэтов к данной традиции. В статье рассматривается жанр *харал* в поэзии Мукебюна Басангова (1878–1944) и Боси Сангаджиевой (1921–2001). *Актуальность работы* определена неизученностью авторского жанра *харал* в калмыцкой лирике прошлого столетия. *Целью* статьи является исследование трех текстов указанных поэтов в аспекте фольклорной традиции. *Материалами исследования* стали труды калмыцких фольклористов, этнографов и историков. *Источники для изучения* — одно стихотворение Мукебюна Басангова и два стихотворения Боси Сангаджиевой под одноименным названием «Харал» («Проклятие»), созданные на родном языке в разные годы (1942 г. и 1966, 1991 гг.), в том числе текст Б. Сангаджиевой в нашем художественном переводе. Основными методами, использованными в статье, являются историко-литературный, историко-функциональный, сравнительно-сопоставительный, метод описательной поэтики, количественный. *Хронологические рамки* исследования проецируются на 1940-е, 1960-е и 1990-е гг. *Результаты.* В ходе исследования, во-первых, выявлена связь «Харала» (1942) М. Басангова со временем его создания (Великая Отечественная война 1941–1945 гг.), определившим его тематику и проблематику, фольклорные элементы, во-вторых, сопоставлены два текста Б. Сангаджиевой «Харал» (1966 и 1991 гг.) в этнокультурном ракурсе и аксиологической направленности, в-третьих, показано влияние фольклорного жанра на создание авторского аналога, в-четвертых, синтез жанров йоряла и харала наблюдаем в сатире Х. Сян-Белгина «Йөрэл харалин дамбрлт» («Сатира на йорялы и проклятия», 1929). *Выводы.* В калмыцкой поэзии жанр *харал* не получил своего развития, остался в границах XX в. на периферии жанровой системы, скорее всего, из-за специфики фольклорного источника. Локальное обращение калмыцких поэтов

к этому жанру свидетельствует о сохранении традиции — уклонение от негативного влияния вербального компонента магической поэзии предков, следование постулатам аксиологии и народной педагогики.

Ключевые слова: калмыцкая поэзия XX века, фольклор, йорял, харал, история, трансформация, перевод

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Жанр харал в калмыцкой поэзии XX в. // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 418–440. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-418-440

The Genre of Kharal in 20th-Century Kalmyk Poetry

Rimma M. Khaninova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0003-1239-5639. E-mail: khaninova@bk.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Khaninova R. M., 2022

Abstract. *Introduction.* In Kalmyk folklore, the genres of *yöräl* (well-wishing) and *kharal* (curse) cluster with magic poetry characterized by ritual and communicative functions. The latter genre remains understudied since informants had avoided uttering such narratives fearing their negative impacts, therefore the available records of *kharals* are much fewer than those containing *yöräls*. This affected essentials of *kharals* authored by 20th-century Kalmyk poets, including the former's peripheral position in the genre system of Kalmyk lyrics and a small number of such poetic examples. The article discusses the genre of *kharal* in works by Mukebyun Basangov (1878–1944) and Bosya Sangadzhieva (1921–2001). *Goals.* The article seeks to examine three texts of the mentioned poets in the aspect of the folklore tradition. *Materials and methods.* The paper studies works of Kalmyk folklorists, ethnographers and historians. The to be investigated sources are one poem by Mukebyun Basangov and two poems by Bosya Sangadzhieva — the three titled 'Kharal' ('Curse') — created in Kalmyk in different years (1942 and 1966, 1991), including R. Khaninova's artistic translation of B. Sangadzhieva's text. The key research methods used are the historical/literary, historical/functional, comparative, quantitative ones, and that of descriptive poetics. *Results.* The study, firstly, reveals a connection between M. Basangov's *Kharal* (1942) and the time of its creation (Great Patriotic War of 1941–1945) which determined its topic and problems raised, folk elements; secondly, two texts by B. Sangadzhieva are compared in ethnocultural and axiological perspectives; thirdly, it shows impacts of the folklore genre on poetic analogues; and finally, the work stresses a synthesis of *yöräl* and *kharal* genres observed in Kh. Syan-Belgin's *Satire on Yöräl and Kharal* (1929). *Conclusions.* In Kalmyk poetry, the genre of *kharal* remained somewhat undeveloped only to stay in a periphery of the 20th-century genre system, which most likely resulted from specifics of the folklore source. So, the rare appeals of Kalmyk poets to this genre attest to the surviving tradition of avoiding negative impacts of the verbal component inherent to magic poetry of ancestors, and following the postulates of axiology and folk pedagogy.

Keywords: 20th-century Kalmyk poetry, folklore, yöräl, kharal, history, transformation, translation

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Khaninova R. M. The Genre of Kharal in 20th-Century Kalmyk Poetry. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(2): 418–440. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-418-440

Введение

В фольклоре народов мира жанры благопожелания и проклятия относят к магической обрядовой поэзии, имеющей разнонаправленные векторы воздействия — от позитивного и созидательного до негативного и разрушительного — на определенный объект или явление, генетически связанные с архаическими жанрами заговоров и заклинаний [Виноградова 2005; Сагалаев, Октябрьская 1990; Михайлов 1971; Юша 2007; Алиева 2015; Очиров 2002; Борджанова 1999; Борджанова 2007; Хабунова 1998; Хабунова 2005; Сангаджиева 2003; Басангова, Манджиева 2003; Сарангов 2010; Овалов 2013; Мушаев, Хонинов 2014; и др.].

Как подчеркивает Л. Н. Виноградова, проклятие, являясь по преимуществу вербальным актом, «имеет ряд значений: 1. крайняя форма осуждения кого-либо (чего-либо), знаменующая полный разрыв, неприятие, отчуждение; 2. брань, ругательство, негодование (злоречие), направленное на кого-либо (что-либо); 3. злой рок, несчастье, преследующее человека» [Виноградова 2005: 433].

В калмыцком устном народном творчестве жанр благопожелания (калм. *йөрэл*¹), соседствуя с жанром проклятия (*харал*), превалирует, поскольку сопровождал жизнь человека на всех этапах его пути с пожеланием благополучия во всем, воспроизводился чаще и охотнее, чем его антипод (харал). Впервые в калмыцкой фольклористике обращаясь к этой теме на основе своих полевых исследований, Номто Очиров в известной статье 1909 г. сразу приводит народную мудрость: «„Благопожелания — начало блаженства и мира, а проклятья и дурные помыслы — семя несчастья и раздора“, — так гласит народная пословица, которая наилучшим образом характеризует душу этой народности, именно ту самую душу, которая, глубоко веря в силу добрых пожеланий и проклятий, придает последним большое значение в жизни человека» [Очиров 2002: 33]. По словам ученого, «харалы в обыденной жизни употребляются реже йөрэлов, а встречаются большей частью в сказках, песнях, былинах и пр. Йөрэлы, как более распространенные, имеют свою литературу: письменно-религиозную и устно-народную» [Очиров 2002: 33]. Он подчеркнул: «Хотя специально литературные образцы харалов не встречаются, но вера в их злую и враждебную силу велика» [Очиров 2002: 34].

В комментариях современного исследователя к этой статье поясняется, что Н. Очирову не удалось записать тогда харалы, которые бытовали в устной форме и редко употреблялись: «С такими же проблемами сталкиваются современные фольклористы. Информанты боятся произносить текст харала-проклятия без причины, так как до сегодняшнего дня у калмыков сохранилась вера в

¹ Исследователи обозначают этот жанр в русском написании по-разному: йорял, йорел, йорэл.

магическую силу слова» [Басангова 2002: 36–37]. Н. Очиров привел перечень случаев, когда люди обращались к гелюнгам-священникам для совершения обряда «хара келе утулган» — «отрезание черного языка», описал ритуал произнесения обряда — чтение гелюнгом молитвы «письмо черного языка», совершения определенных действий (отрезание черно-белой веревки после прочтения каждой фразы, плевки членов семьи на отрезанные куски веревки, закапывание этих остатков вместе с одеждой хозяина), так как «данный обряд — отрезание черного языка несет охранительную и очистительную функцию» [Басангова 2002: 37].

Жанр *харал* в калмыцком фольклоре до сих пор мало исследован: см. труды А. В. Бадмаева «Калмыцкая дореволюционная литература» [Бадмаев 1984], Т. Г. Борджановой (Басанговой) «Магическая поэзия калмыков» [Борджанова 1999], «Обрядовая поэзия калмыков (поэтика, жанры)» [Борджанова 2007], Н. Б. Сангаджиевой «Поэтика героического эпоса „Джангар“» [Сангаджиева 2003], В. Т. Сарангова «Фольклор калмыцкого народа» [Сарангов 2010] и др.

Калмыцкое слово «харал» имеет два значения: 1) проклятие, проклинание 2) ругательство, брань [КРС 1977: 577]. В основе слова определение *хар* («черный») передает понятие зла, беды, несчастья. Согласно фольклорной терминологии, среди разновидностей проклятия есть *хэрутэ харал* — харалы, имеющие возвратное действие, и *хэру уга харал* — харалы безвозвратного действия. Первая разновидность — харал, действие которого возвращается на человека, произносившего проклятие, в том случае, если харал был произнесен без особого мастерства, без эмоционального настроя и без совершения обрядовых действий, сопровождавших словесный компонент. Вторая разновидность — проклятие безвозвратного действия характеризуется тем, что соблюдается весь ритуал проклинания: мажут себе язык или мизинец черной сажеей, брызгают водой в сторону недруга, хлопают в ладони, призывая нечистую силу для усиления действия харала, текст произносится в высокой тональности, действенными считались проклятия на утренней заре [Борджанова 1999: 49–50]. Есть и другое мнение: «Калмыки особенно опасаются проклятий, произнесенных ночью» [Коммуникативное поведение 2015: 112].

Исполнителей жанров йоряля и харала в современной фольклорной традиции называют йорелчи и харалчи. К последним нередко обращались за помощью, чтобы достичь поставленной цели и избежать эффекта бумеранга — возвращение посланного проклятия. «Считается, что к проклятиям прибегать нельзя, т. к. они могут не только навредить адресату, но и вернуться к отправителю и его родственникам до седьмого колена» [Коммуникативное поведение 2015: 112]. Неслучайно сохранились былички и легенды о влиянии произнесенного проклятия на судьбу семьи и рода [Борджанова 2007: 144]. Немногие элементы харала фольклористы исследовали в эпосе «Джангар», в калмыцких сказках, легендах, преданиях, песнях.

В гендерном плане выделяли проклятия, произносимые женщинами, как наиболее эмоциональные, экспрессивные, опасные.

Фольклорный жанр проклятия определяют «устойчивые словесные формулы-пожелания несчастий и наказаний человеку, животному, растению, предметам» [Восточнославянский фольклор 1993: 291].

«Калмыки разделяют проклятия по адресатам: проклятия, предназначенные для человека, и проклятия, предназначенные для животного» [Борджанова 2007: 144]. Кроме того, бытуют журавлиное и волчье проклятия [Борджанова 1999; Борджанова 2007: 144] как ответ людям за разорение гнезда, гибель потомства или представителя семейной пары, стаи. Формульные проклятия образуют несколько тематических групп: пожелание смерти, болезней, увечья, бездетности, сиротства, одиночества, несчастья, кратковременной жизни, прекращения рода, разорения, нищеты, падежа скота и т. д.

Считается, что в основе конфликта, ссоры между людьми лежит обида (*хундл*), но, как известно, этот диапазон шире, может включать и другие эмоции человека: гнев, ненависть, месть, возмездие, страх, зависть и др. Проклятие может иметь личностный характер, а также передавать общественную, народную, групповую позицию и т. п.

Возникновение авторского харала в калмыцкой поэзии XX в. показывает его периферийное положение в жанровой системе калмыцкой лирики, малочисленность обращения поэтов к данной традиции — стихи Аксена Сусеева (Дендян Айс) [Ханинова 2022], Мукебюна Басангова, Давида Кугультинова, Боси Сангаджиевой [Сусеев А. 1967; Басанга М. 1962б; Көглтин Д. 1982; Санһжин Б. 1991а; Санһжин Б. 2008]. В данной статье рассмотрим образцы М. Басангова и Б. Сангаджиевой под названием «Харал» («Проклятие»), не ставшие объектом и предметом исследования, оставив за пределами статьи элементы харала в других жанровых образованиях калмыцкой литературы.

Стихотворение джангарчи Мукебюна Басангова «Харал» (1942)

В годы Великой Отечественной войны калмыцкими поэтами, наряду со стихотворениями-клятвами, создавались стихотворения-проклятия. Так, известный исполнитель калмыцкого героического эпоса «Джангар», поэт Мукебюн Басангов (1878–1944) написал стихотворение «Авшг» («Клятва», 1941), а затем стихотворение «Харал» («Проклятие», 1942). В «Клятве» он «двустигшиями передает общенародный патриотизм, выражая готовность защитников родины подняться на борьбу с врагом — разломить ему голову, свернуть шею, сломать позвоночник, заставить замолчать, ослепить, сжечь в огне, который разожгли сами захватчики. „Кишго үмкэ ухата толһаһинь күүчий, / Күзүни һурвн нурһинь цааран һарһий. // Һэ андн күслинь үмснд хүврэй, / Һолын һурвн нурһинь на-аран һарһий. // Гингих дууһинь эрс тасльй, / Гилс гих нүдинь сохлад оркий. <...> Таслвр угаһар хортыг бидн цокий, / Тэвсн түүмртнь хэрү бийсинь шатай“ [Басанга М. 1962а: 191]. Такое детальное описание отсылает к расправе эпических богатырей с противником» [Ханинова 2020: 235–236]. Таким образом, в произведении элементы клятвы советских воинов перекликаются с элементами проклятия в адрес врага, что характерно для этого типа текстов.

Как заметила Н. Б. Сангаджиева в очерке о джангарчи, «в стихотворении „Проклятие“, созданном в жанре харала (проклятия), дается сатирическое изображение врагов, звучит их гневное обличение, произносимое от имени всего народа. <...> Следует отметить, что художественная форма стихотворений Басанга М. не всегда совершенна» [Сангаджиева 1990: 46, 47].

Текст «Харал», не разделенный на строфы, включает 74 строки. Современная поэту тема усилена фольклорной традицией. С самого начала, характеризуя противника, напавшего на советскую страну, М. Басангов традиционно сравнил фашиста с нечистой, пожелав смерти: *Хар саната шулм фашист / Хад чолу тевржэ үк* ‘Злонамеренный черт-фашист, умри под камнем-скалой’ (букв. ‘обняв камень’) [Баснга М. 1962б: 192]. Использование поэтом метафоры подтверждает, что «в основе жанра проклятий лежит метафора, иносказание, например, за лаконичной формулой „хад чолун теврэд үк“ (умри, обнимая „черную скалу“) скрывается пожелание одиночества, несчастной жизни и безвестной смерти» [Борджанова 1999: 50].

От единичного переходя к множественному, М. Басангов подчеркнул, что зло возвращается к злу, что фашисты, захотевшие разрушить его прекрасную страну, сами останутся ни с чем, все они превратятся в перегонной: *Алдр сээхн орн-нутгимдн / Эвдхэр седсн фашистнр / Эврэ бийсчнь хооср, / Хуһарн илм бол, / Хуг хомһлд хувр* [Баснга М. 1962б: 192]. Сравнение фашистов с нечистой силой дополняется фольклорным описанием у них лишнего глаза (*үлү нүдн*), черных щек (*хар халхта*), ядовитости (*хорн*), заканчивается очередным проклятием: *Хорта фашистнр / Хуһарн чилтхэ* ‘Пусть пропадут все опасные фашисты’ (букв. ‘ядовитые фашисты’) [Баснга М. 1962б: 192]. Называя фашистов безумцами с гнилыми помыслами, поэт заверяет, что враг попадет под беспощадный меч славных воинов Красной армии, обязательно погибнет: *Үмкэ седклтэ, / Андн фашистнр / Улан цергин / Алдр баатрмудин / Аврлтго меслэ харһжэ, / Оньдин үкх болг* [Баснга М. 1962б: 192].

Особое внимание в стихотворении уделяется тому, кто возглавил нападение для того, чтобы захватить чужую страну, уничтожить народ, поработить людей, — Адольфу Гитлеру. *Үмкэ, му ухата Гитлер / Орм таср, уга бол* ‘Зловонный, злонамеренный Гитлер, провались, пропади’ [Баснга М. 1962б: 192]. После общего проклятия автор детализирует проклятия, насылающие болезни врагу: *Ховдгар нааран хэлэдг / Хойр нүднчн сохрг, / Худл, бузр хойрдчн / Хойр чикнчн дүлэрг. / Шүдн, шүрвснчн зоважэ / Сууһад доран тэкр* ‘Пусть ненасытные твои глаза, глядящие сюда, ослепнут, пусть оглохнут твои уши от лжи и грязи. Пусть тебя мучают зубы и жилы, пусть у тебя отнимется тело’ [Баснга М. 1962б: 192]. По мнению фольклориста, энергетика проклинающего слова особенно видна в заключительной части проклятия [Борджанова 2007: 163]. *Орчлгэд үзүлсн зовлцган / Эм деерэн ач, / Эврэн бийчнь эдл* ‘Все страдания, причиненные миру, букв. взвали на свои плечи, сам испытай’ [Баснга М. 1962б: 192]. Поэт верит, что благодаря народной силе фюрер будет неотвратимо судим, навсегда тогда оборвется его жизнь: *Эмтнэ чаңһин чаңһ / Аврлтго цаажла харһжэ / Оньдин эм-шир таср* [Баснга М. 1962б: 192].

Стихотворение структурировано императивными формами глаголов, проецирующими семантику уничтожения, разрушения, повреждения врага: *үк* ‘умри’, *хооср* ‘разорись’, *хувр* ‘засохни’, *чилтхэ* ‘окончись’, *уга бол* ‘исчезни’, *сохрг* ‘ослепни’, *дүлэрг* ‘оглохни’, *тэкр* ‘стань недвижимым’, *таср* ‘оборвись’. Представление защитников родины и ее врагов дано в фольклорных традициях антитезы добра и зла, жизни и смерти, чести и бесчестия, при этом противник позиционируется как нечистая сила.

Элементы харала есть в стихотворениях калмыцких поэтов 1930–1940-х гг. — «Батар бууһан атх!» Басанга Дорджиева («Крепче держи винтовку», 1939), «Хүвд күртшгот» («Не добьетесь», 1941) Церена Леджинова с такими же формульными проклятиями фашизму, например: *Нүднчн сохр!* ‘Ослепни!’, *Хортн-фашистнр / өдр ирвэс / Хад-чолунд / шүдэн хэврцхэнэ!* ‘Враги-фашисты с каждым днем пусть сточат зубы о камень!’ [Доржин Б. 1939: 1], *Хар / керэс / нүдинь / чоңкэ!* ‘Пусть черные вороны выклюют глаза!’ [Лежнё Ц. 1941: 1].

Ср. в алтайской поэзии «ритуальное проклятие врагу — *каргыш* в творчестве Янги Тодоша представлено в классической форме заклинания-свидетельства, где герой обещает своими глазами увидеть гибель Гитлера и его державы» [Королёва 2016: 50].

Песни и причитания периода Великой Отечественной войны у «даргинцев переплетаются с проклятиями в адрес тех, кто виновен в гибели близкого человека. Ненависть к врагу, и в особенности к Гитлеру, выражается непосредственно обращенными в его адрес проклятиями. <...> Гитлеру желают, чтобы он не смог с постели встать двенадцать месяцев в году, чтоб, измучившись, сдох, чтоб семь дней недели остался незахороненным» и т. д.» [Алиева 2015: 161, 162].

Возрождение фольклорного жанра песни-проклятия наблюдалось в период сталинских репрессий — тринадцатилетней ссылки калмыцкого народа (1943–1956 гг.), в «Песне, проклинаящей Сталина» («Сталинд харал тэвжэх дун»). В названии этой народной песни заявлен жанр *харал* и указан конкретный адресат. В других песнях присутствуют элементы проклятия в адрес И. В. Сталина [Тёрскн һазрин 1989; Гэрэн В. 2006; Сто калмыцких 1991].

И. М. Болдырева в статье на тему депортации приводит такие строки из разных сборников из песни «Сиврин салькнд» («На сибирском ветру»): *Маниг туусн Сталин / Махичн ноха идтхэ!* ‘Выславший нас Сталин, / Пусть собаки съедят тебя!’ и из песни «Туугдлһн» («Ссылка»): *Санамр бээсн хальмгудиг / Сексржэ Сиврүр йовулла. / Сексрүлжэ йовулсн Сталин / Чини наснчн ахр болтха!* ‘Спокойно живущих калмыков / Внезапно выслал в Сибирь. / Выславший нас Сталин, / Пусть твоя жизнь будет короткой!’ [Болдырева 2020: 258]. В данных примерах наблюдаем краткие формульные проклятия с пожеланием смерти адресату в первом тексте, с пожеланием ему укороченной жизни — во втором тексте.

Ср. обрядовый характер другой народной песни «Эвакуац» («Эвакуация»), по мнению исследователей, «проявляется во включении в ее текст проклятий (калм. *харал*) в адрес врага, которые звучат заклинаниями. В проклятьях, направленных в адрес конкретной личности — Гитлера, присутствуют традиционные формулы, свидетельствующие об эпическом характере текста песни (*Элкн, нурһн дерн өөк шархм лавта!* ‘На [твоей] спине жир точно поджарим!’; *Номин жидэр шахад алхм лавта!* ‘Праведным копьём пронзив, точно уничтожим!’; *Өргэд алхм лавта!* ‘Подняв, точно уничтожим!’; *Жид шорин үзүрэр шахад алхм лавта!* ‘Острием копья пронзив, точно уничтожим!’), но и более современные реалии военного времени (*Бу жидин үзүрэр өргэд алхм лавта!* ‘Подняв на штыке ружья, точно уничтожим!’; *Самолётын живрэр дарад алхм лавта!* ‘Крылом самолета придавив, точно уничтожим!’; *Аля бомбин осколкар дарад алхм лавта!* ‘Летящими стремительно осколками бомбы точно засыплем!’) [Бакаева, Убушиева 2019: 515]. Среди признаков заклатья-проклятия в песне, сложенной в 1942 г., — повторя-

ющиеся рефреном перечисленные словосочетания, глагол-императив, наречие «точно», упоминание антигероя только по фамилии, что в контексте стилистики жанра проклятия должно обеспечить точное исполнение заклęcia [Бакаева, Убушиева 2019: 515]. Наконец, герой песни, уходящий в эвакуацию для спасения общественного скота, так же, как и красноармейцы, вступает в противостояние с врагом — и потому его слова, заключающие каждый куплет в песне, обретают смысл военной клятвы-проклятия [Бакаева, Убушиева 2019: 517].

Если до этого периода в самых разных жанрах калмыцкой поэзии — *дун* ('песня'), *магтал* ('восхваление'), *йөрүл* ('благопожелание'), *өлгән дун* ('колыбельная песня'), *частуикс* ('частушка') — звучали славословия главе советского государства, то позже таких текстов уже не было. В то же время стихи-харалы калмыцких поэтов в адрес Сталина не появились в печати из-за цензуры, а может, они и не были написаны по разным причинам, в том числе из-за того, что за создание и исполнение подобных произведений, как и песен, следовали арест и заключение на длительный срок. Один из таких фактов — арест за исполнение народной песни о ссылке — приводится в статье современных исследователей [Борлыкова, Омакаева 2013: 238–239].

«Проклятия, часто встречающиеся в текстах песен-плачей, представляют собой систему словесных формул, являющихся яркими образцами организации текста в соответствии с прагматикой высказывания. Проклятия также были традиционны для устного народного творчества карачаевцев и балкарцев, их общая функциональная направленность представляла выраженное словами пожелание какой-либо беды, являющееся отражением внутреннего состояния человека, в проклятия обычно вкладывались пожелания угрозы здоровью, благополучию, счастьем, иногда самой жизни врагов. В песнях-плачах авторы проклинают природу чужбины, людей виновных в их выселении», — пишет современный исследователь о песнях-проклятиях в «поэзии выселения» [Чотчаева 2014: 358–359].

Стихотворение Боси Сангаджиевой «Харал» (1966)

В поэзии Боси Сангаджиевой (1921–2001) нами выявлены два стихотворения, написанные в жанре *харал* в 1966 и 1991 г. Эти тексты с одинаковым заглавием отличаются разным содержанием и формой. Первый текст, созданный в 1966 г., вошел в пятый поэтический сборник «Үндүк уклуга» («Правда бессмертна»), изданный в Элисте в 1967 г. [Саңһжин Б. 1967: 44–46]. Затем был переиздан в 1-м томе избранных произведений Сангаджиевой в 2008 г., составленный после ухода автора [Саңһжин Б. 2008: 138–139].

Второй текст, написанный в 1991 г., неоднократно публиковался в газете «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») [Саңһжин Б. 1991а: 3; Саңһжин Б. 1997: 4] и журнале «Теегин герл» («Свет в степи») [Саңһжин Б. 1991б: 31–32; Саңһжин Б. 1996: 84–85]. Судя по частотности публикации второго текста, для поэта он был предпочтительным.

Оба стихотворения не были переведены на русский язык, малоизвестны. Поэтому вначале приведем полностью первый текст стихотворения «Харал», чтобы нагляднее представить два произведения в сравнительно-сопоставительном плане.

*Хар эрх эс хадһлдэ
Хайрха бортхиг харанав.
Зевт даргадад кевтсн, ханжэалиг,
Зеврсн гертэһинь хам харанав.*

*Күүнэ толһа эс халулдэ махлаг,
Киитн үгтэ шүлгүдиг харанав.
Мах шардго төмр шориг
Маасажэ хара кевтсн харанав.*

*Эрүн нерэн хадһлхан мартэж,
Эср үзүлсн хамгиг харанав.
Эврэ келэн дөөгүлсн амтиг
Эрс үгэр давхр харанав.*

*Ичр-һутриг эн насндан
Иткэжэ медэд угаг харахмн.
Гиичд үүдэн эс тээлсн
Герин эзиг дам харахмн.*

*Альд чигн мини дурго
Андрсн худлиг алмэж харанав.
Уул авцан мартсн улсиг
Уурта кевэр андлэж келнэв.*

*Эдэптхэ һурвлһ шовун мет,
Эрүн герлэс зулсиг харанав.
Сарул андһар болсн үгэн
Сальк дахулэж хайсиг харанав.*

*Өвкнрин герэслсн уулан күндлэж,
Өкэжэ сөгдхэн мартад, ахлачнрин
Өмн өвдгүлсн зуһу залусиг —
Хамг гемэн хэрүлэж ээрвчн,
Харалар өмнэснэ бэрүлэж хахув.*

*Эцкүнн гертэн ичр учрасн,
Экэн мартсн үрнд — харал,
Эгч-дүүнрин зовлң эс оньһсн
Эврэ төрскн саднд — харал!*

*Муңһуг ухата, зес маңната
Мекч, зуһу амтст — харал,
Деер седклтэ, хар ухата,
Дүүвр саната байһудт — харал!*

*Эңгин жэсирһлэс хорсиг харанав.
Энлһнэ дээнэс сүрдсиг харанав.
Эмэн зуг үздэ күүг
Эдэптхэ улсла хамднь харанав!*

*Хамг келн-улан дуртав,
Хама болвчн теднэс негинь
Харт шахэж, һутахар седхлэнь —
Харалан һурв дэжэж тэвнэв!*

*Зовлң учрад, дуудсн кемлэ
Золһхан мартсн харалд одг.
Дун болһна айс дуражэ,
Дуулсн дун харалд хамдэ!*

[Саңһжин Б. 2008: 138–139].

Первый текст включает 49 строк (11 четверостиший и 1 пятистишие), второй — 40 строк (10 четверостиший).

Поэтика заглавия, актуализирующая жанр произведения, направлена на знакомство с фольклорным образцом и его традицией в литературе, поддерживается синтаксическим параллелизмом с рефреном — словом *харал* в разных грамматических формах: глагол *харанав* ‘проклинаю’ в ед. числе настоящего времени, во мн. числе будущего времени *харахмн* ‘проклянем’, существительное *харал* ‘проклятие’. В первых трех строфах, в пятой строфе синтаксический параллелизм с концевой рифмой *харанав* наблюдаем во 2-й и 4-й строках, в девятой строфе этот глагол утроен в 1, 2 и 4 строках. В четвертой строфе этот глагол в единственном числе переходит в глагол множественного числа. Восьмая и девятая строфы организованы синтаксическим параллелизмом существительного *харал* в определении того, что может стать объектом проклятия. В третьей строфе актуализировано двойное проклятие (*Эрс үгэр давхр харанав* ‘Резкими словами дважды проклинаю’), в одиннадцатой строфе — тройное

проклятие (*Харалан хурв дэжэ тэвнэв* ‘Трижды произнесу харал’) (здесь и далее наш подстрочный перевод. — Р. Х.). В заключительной двенадцатой строфе синтаксический параллелизм создан дополнением *харалд*. Итак, 14 слов в глагольных форм (*харанав, харалхмн*) и 8 существительных в разных падежах (*харал, харалар, харалан, харалд*) в тексте передают экспрессивное отношение автора к предмету разговора — что такое проклятие, что подлежит проклятию. Репрезентируя понятие проклятия, поэт манифестирует тему стихотворения такими 23 словами (включая заглавие) — на 195 слов общего текста приходится 11,7 % лексики *харал*.

Лирический субъект стихотворения сразу выражает свое чувство решительного неприятия тех или иных сторон действительности. Здесь нет вступительной части, своего рода предисловия к заявленной в названии теме разговора — что такое харал (проклятие) в жизни человека, кому (чему) он адресован, кем (чем) обусловлен, опасен или безобиден в произнесении или воспроизведении. Тем не менее есть заключительная часть, подводящая общий итог монологической речи, подразумевающей диалогический посыл.

Условно содержание произведения можно подразделить на два больших блока: 1) проклятие вещи; 2) проклятие человеку-отступнику. Внутри первого блока — это проклятие четырем вещам, не выполняющим своей предназначенной функции: дырявой кожаной посуде (*бортха*), ржавому кинжалу в ржавых ножнах (*ханжсал*), не греющей шапке (*махла*), пустому шампуру (*шор*). *Хар эрк эс хадһлдэ / Хайрха бортхиг харанав* ‘Дырявую бортху, не сохраняющую водку, проклинаяю’; *Зевт даргдад кевтсн ханжсалиг / Зеврсн гертэһинь хам харанав* ‘Лежащий в ржавчине кинжал вместе с проржавевшими ножнами проклинаяю’; *Куунэ толһа эс халулдэ махлаг <...> / Мах шардго төмр шориг / Маасаж хара кевтсинь харанав* ‘Шапку, которая не греет голову человека <...> / Шампур, на котором не жарят мясо, без дела лежащий проклинаяю’ [Саңһжин Б. 2008: 138]. Если в свою очередь обратить внимание на ущербность трех вещей (дырявость посуды, ржавчина на оружии, холодная шапка), то можно предположить, что проклятие косвенным образом падает и на их владельца, не заботящегося о починке посуды, о хранении в боевой готовности оружия, об использовании шампура по назначению, или на мастера, сшившего не греющий головной убор. В то же время акцентировано, что дырявый кожаный сосуд не сохраняет алкоголь — водку (*хар эрк*), а не просто любую жидкость. При этом между шапкой и шампуром в тексте обозначены стихи, не соответствующие истинной поэзии: *Киитн үгтэ шүлгүдиг харанав* ‘Стихи с холодными словами проклинаяю’ [Саңһжин Б. 2008: 138]. Такой перечень вещей, сочетающий вещи домашнего обихода и боевое оружие, в который вклинивается явление духовного порядка — искусство, поэзия, вызывает читательское недоумение в своей аксиологической градации. Логично предположить, что такой стихотворец должен оказаться в перечне второго блока, адресованного людям. Слово *харал* помимо первого значения (проклятие) во втором значении понимается как брань, ругательство. В таком случае брань, ругань в отношении вещей предстает как обыденность, а не ритуальное проклятие. Но четкого разграничения брани и проклятия в тексте не наблюдается.

Первый блок составляют начальные две строфы, остальные десять строф входят во второй блок. На наш взгляд, второй блок условно включает нескольких подблоков. Их можно разделить на харалы, направленные: 1) на поведение человека в личной жизни (дом, семья, родня); 2) на общественном поприще; 3) на явления, обусловленные поступками людей. Гендерное различие в этом плане не соблюдается. В возрастном отношении выделен подблок — молодежь. Во втором блоке подблоки не имеют системного характера, четких границ, переходят из одного в другой без всякой видимой причинно-следственной связи. Здесь лирический субъект наряду с личной оценкой *харанав* ‘проклинаю’ прибегает к обобщению, выраженному множественным числом глагола *харахмн* ‘проклинаем’ или существительным *харал* ‘проклятие’.

Рассмотрим первый подблок — личная жизнь человека. *Гиичд үүдэн эс тээлсн / Герин эзиг дам харахмн* ‘Хозяина дома, не открывшего дверь гостю, будем проклинать’ [Саңжжиг Б. 2008: 138]. Проклятие связано с нарушением обычая гостеприимства, не соблюдением традиций предков, принимавших путника в кибитке в любое время: *Эцкиннь гертэн ичр учрасн, / Экэн мартсн үрнд — харал, / Эгч-дүүрчин зовлц эс оньһсн / Эврэ төрсн саднд — харал!* ‘Тому, кто в отцовском доме совершил постыдный поступок, / Кто забыл свою мать, — проклятие, / Тому кто, кто не поддержал в страдании братьев и сестер, своей родни, — проклятие’ [Саңжжиг Б. 2008: 138]. В первых строках оппозиция «родители — дети» передает подчиненный характер младших взрослым, детей — родителям, как и полагается в народной педагогике. В следующих строках нет гендерных, возрастных критериев в общении с родней, когда она нуждается в поддержке и сострадании. Таким образом, семейный кодекс поведения человека, строго регламентированный народной этикой, не допускает отступления от правил.

К этому подблоку можно присоединить подблок, адресованный молодежи: *Деер седклтэ, хар ухага, / Дүүвр санага баһчудт — харал!* ‘Легкомысленной, злонамеренной, / Высокомерной молодежи — проклятие’ [Саңжжиг Б. 2008: 139]. По нашему мнению, экспрессивная характеристика такого подрастающего поколения с решительным его неприятием вступает в противоречие с системой воспитания, основанного на достойных образцах и примерах по подобию. Как и в первом блоке, во втором блоке нет разграничения между бранью и проклятием в этом случае.

Самый большой подблок направлен против несправедного поведения человека в обществе. Среди них проклятия против тех, кто забыл о своей чести, потерял стыд, живет без принципов, не соблюдает клятву, имеет необузданный характер, льстиво преклоняющихся перед начальством, трусливых, бегущих от страданий войны. Дважды проклинает лирический субъект людей, насмехающихся над своим языком, в контексте — не знающих его, кроме того, осуждает не соблюдающих заветы предков, не подчиняющихся им. В этот ряд попадают и те, кто глуп, твердолюб, хитер, льстив (лесть определяют как опасный «белый язык», поэтому в обряде «отрезания черного языка» переплетенная веревка двух цветов, черного и белого, символизирует как злой, так и льстивый язык). Трижды подвергнут проклятию тот, кто применит насилие, опорочит свой народ. Примечательно, что все харалы направлены против недостойных представителей своего народа.

Заключая сказанное, поэт подытоживает: *Дун болһна айс дураж, / Дуулсн дун харалд хамгдг!* ‘Мелодии каждой песни подражая, / Пропетая песня силу харала пусть имеет’ [Саңҗин Б. 2008: 139]. Согласно авторской интенции, стихотворение «Харал» представляет собой, следовательно, синтез жанров: *харал* ‘проклятие’ и *дун* ‘песня’. Думается, что вряд ли можно согласиться с авторским определением этого произведения. Йорялы и харалы относятся к речевому жанру, они не пелись, а произносились. Если йорялы-благопожелания носили и публичный характер, то харалы-проклятия — в основном локальный, за исключением харалов военной поры (стихотворение-харал) и сибирской ссылки калмыков (песня-харал). Тем более что содержание данного стихотворения Б. Сангаджиевой являет по структуре харал, направленный против вещей и недостойного поведения людей.

Стихотворение Боси Сангаджиевой «Харал» (1991)

Харал

*Хама йовдг болвчн
Харалас саглтн, сежглтн,
Жилмүд давдг болвчн
Седклд харал — шигдэгч.*

*Харалас көлтэ иньгүд
Хоорндан хортн болцхана,
Үүрмүд, садн, төрлмүд
Элглхэ нуурч цөкрнэ.*

*Ха-ийр, алмацнав,
Харал күрхий? Кемэднэ,
Һацата үгнэ болв,
Һалас даву догшин.*

*Харал көлин тавгт
Хатхгдсн хатханчг бишил,
Зүүһэр, чимкүрэр кезэчн
Седклэс сөнглэж болигол.*

*Һазр-һазрин харал
Һашута, һалзу, догшин,
Хойр гергнэ харал
Холын жилмүдт соңслав:*

*Харалан негнэ тэвчкэд
Хар ус ардаснэ цацла,
Хээснэ кө келндэн түркэд
Хойр альхан хордэж ташла.*

*«Хараччнь хамх тустха,
Һулмтчнь арат хуцтха,*

Харал (Проклятие)

Где бы вы ни были, где бы ни жили —
Бойтесь проклятия, остерегайтесь!
Сколько бы лет ни прошло, вы бы жили
С сердцем в пивках, изнемогая.

Из-за проклятия станут врагами
Прежде дружившие, ныне чужие,
Даже родня теперь будет не с вами —
Нет с ней общения: речи все лживы.

Все же сомнение есть... Так ли это?
Прокляты?.. Слово настигло?.. Кто знает?..
Правда, бывает на белом свете
Слово свирепей огня без пощады.

То не занозой в ступне вашей близко
Слово торчит, так легко его вынуть.
Нет, ни иглой, ни щипцами какими
С корнем из сердца харала не вырвать.

Горький обычай, жестокий и ярый,
Сеет он беды, раздоры и ссоры.
В слове «харал» смысл дан его черный,
Я услышала давно и не скрою.

Женщина та, что сказала проклятье,
Чистой воды вслед плеснула в дорогу,
Сажей намазав язык для заклятья,
Хлопала злобно в ладоши подолгу.

«Чтобы разрушилась матица в юрте,
Чтобы в очаг твой лиса стала лаять,

*Амичнь ардчнь харх», — гижэ
Аралдэж наадкнь хэрүүцлэ.*

*Эдниг соңсн нанд
Өдгэ күртл өврмэж,
«Харалин экн — цусн,
Йөрэлин экн — тосн».*

*Хальмгин эн үлгүр
Харалас даву цецнлм,
«Чолуһар шивсн күүэ
Өөкэр шив», — гинэлм.*

*Харалд бичэ авлэдтн,
Хоорндан үүртэ бээцхэтн,
Седкл байрар дүүрх,
Соньн йөрэлэн хувацтн.*

Чтобы твой рот вышел сзади, пусть будет», —
Ей на харал отвечала другая.

То, что услышала, помню поныне.
А ведь начало проклятия — кровь,
Благожелания — масло. Забыли?
Предков пословицу помним мы вновь.

В этой пословице все очень верно:
Мудрость сильнее обычных проклятий.
«Кто бросил камень в тебя, ты ответно
Брось в него салом», — так скажут. Не так ли?..

Не поддавайтесь проклятию, люди,
Не вспоминайте харалы, забудьте!
Будем дружны мы и в праздник, и в будни,
Благожеланием в радости будем.

[Саңһжин Б. 1991а: 3]

[Сангаджиева 2022].

По сравнению с первым сангаджиевским стихотворением 1966 г. во втором стихотворении 1991 г. слово *харал* используется только в форме существительного в разных падежах (*харал*, *харалас*, *харалан*, *харалин*, *харалд*) — 12 раз (включая название), без глагольной формы. На 123 слова в этом тексте приходится 9,7 % лексики *харал*. Ср. стихотворение М. Басангова, где на 228 слов приходится одно слово *харал* в названии, т. е. 0,4 %.

Если в первом тексте Б. Сангаджиевой активной была роль лирического субъекта, выразившего свое отношение к вещам и людям в виде харала преимущественно в глагольной форме настоящего времени от 1-го лица (*харанав* ‘проклиная’), то во втором тексте лирический субъект размышляет на избранную тему, приводит давно услышанный харал и призывает современников отказаться от пагубного обычая, забыть эти проклятия, делиться только благопожеланиями.

В отличие от первого текста во втором тексте есть вступление в тему — совет остерегаться проклятия, где бы то ни было: *Хама йовдг болвчн / Харалас саглтн, сежглтн* [Саңһжин Б. 1991а: 3]. Пояснением к совету становятся последующие строки начальной строфы: *Жилмүд давдг болвчн / Седклд харал — шигдэч* ‘Сколько бы лет ни прошло, / Для сердца проклятие — пивка’ [Саңһжин Б. 1991а: 3]. Метафорическое обозначение сердечной раны, из которой пьет кровь пивка, передает длительный процесс воздействия услышанного в свой адрес проклятия, переживания человека по этому поводу. Как известно, издавна в медицине пивки применяются при лечении болезней, но в данном произведении символика пивки имеет иной, негативный вектор — паразит, питающийся человеческой кровью. При этом автор не задается вопросом, что это за проклятие, почему было сказано и за что на человека насылаются беды и несчастья. В контексте первой строфы — это и предостережение от общения с людьми, которых в народе называют *хар саната* (букв. ‘с черными мыслями’), т. е. недоброжелательные.

Основная часть стихотворения раскрывает бытование обычая, в составе которого вербальная направляющая и определенные действия, подкрепляющие и усиливающие действие речи. Во второй строфе лирический субъект объясняет: *Харалас көлтә иньгүд / Хоорндан хортн болхана, / Үүрмүд, садн, төрлмүд / Элгхэн уурч цөкрнә* [Саңһжин Б. 1991а: 3], т. е. из-за проклятия друзья становятся врагами, товарищи и родня перестают общаться. Но, дистанцируясь от веры предков в магическую функцию слова-проклятия, автор и его лирический субъект выражают сомнение в том, что проклятие исполнится: *Ха-йир, алмацнав, / Харал күрхий?* [Саңһжин Б. 1991а: 3]. Калмыцкое междометие *ха-йир* передает сомнение ('вряд ли'), дополненное глаголом в настоящем времени от 1-го лица *алмацнав* 'сомневаюсь'. Но в следующих строках все же звучит мотив осторожного отношения к харалу: *Кемәднә, / Гацата үгнь болв, / Галас даву догшн* 'Кто знает, / Неприятные слова / Свирипее огня' [Саңһжин Б. 1991а: 3]. С одной стороны, это отсылка к традиционному определению харала — *догшн* 'свирипый', характерного для фольклора, с другой — понимание негативного воздействия подобной речи для адресата, переживающего испуг, страх, возмущение, гнев, обиду на услышанные угрозы, вне зависимости от того, верит ли он в то, что эти проклятия непременно сбудутся в его жизни. Поясняя свою мысль, автор возвращается к прежнему определению влияния харала на человека, расширяя сравнение: *Харал көлин тавгт / Хатхгдсн хатханчг бишл, / Зүүһәр, чимкүрәр кезачн / Седклас сөңглж болигол* [Саңһжин Б. 1991а: 3]. Он настаивает, что проклятие — это не безобидная колючка, вонзившаяся в ступню, а такая заноза, которую ни иголкой, ни щипцами не вырвать из сердца. Для поэта древний обычай неприемлем, он характеризует его эмоциональными эпитетами — горький, яростный, жестокий: *Назр-назрин харал / Гашута, һалзу, догшн* [Саңһжин Б. 1991а: 3].

Если в первом тексте стихотворения Б. Сангаджиева сразу определяет и называет объекты проклятия, то во втором тексте, ближе к его половине, она подводит к воспроизведению проклятия, которое услышала в далекие времена, став свидетельницей ссоры двух женщин. Здесь нет уточнения, насколько велика эта временная дистанция, поскольку традиционные формулы харала диссонируют с современными реалиями бытия. Автору, родившемуся в 1921 г., было 69 лет в год создания второго текста стихотворения (ср. 45 лет в год написания первого текста стихотворения). Судя по всему, это собственные воспоминания из детской или юной поры. Надо учитывать, что отцом Боси Бадмаевны был известный джангарчи Менкенаун Бадмаев (1879–1944), и она с раннего возраста знала калмыцкий фольклор. «Он познакомил меня с богатым устным народным творчеством калмыков и привил любовь к поэзии», — вспоминала позднее, в 1994 г., его дочь [Лира... 2008: 10].

Примечательно, что в 1991 г. автор, передавая ссору двух женщин, ограничивается воспроизведением только второго харала, прозвучавшего как ответ первому харалу. При этом поэт подробно описывает действия первой женщины, закрепившей свое проклятие тем, что плеснула вслед чистой водой, намазала язык сажей от котла, злобно хлопала в ладони: *Харалан негнь тэвчкәд / Хар ус ардаснь цацла, / Хәэснә кө келндән түркәд / Хойр альхан хордјж ташла* [Саңһжин Б. 1991а: 3]. Возникает вопрос, чем обусловлен авторский отказ от

передачи харала первой женщины? Ведь во втором харале зеркально отражается первый харал, о содержании которого можно только догадываться.

Харал второй женщины состоит из трех формульных проклятий: *Харачнь хамх тустха*, / *Хулмтчнь арат хуцтха*, / *Амчнь ардчнь харх*», — *гигж* / *Аралдэж наадкнь хэрүцлэ* ‘Чтобы разрушилась матица [твоей кибитки], / Чтобы на твой очаг лиса лаяла, / Чтобы [твой] рот сзади вышел», — / Ответила ей другая’ [Саңһжин Б. 1991а: 3]. Первые два формульных проклятия адресованы дому и семье первой женщины, третье проклятие направлено на пожелание ей физического увечья, смерти. В совокупности — общее проклятие, пожелания бед, горя, разорения семье.

Харач — это матица, круг (юрты) [КРС 1977: 578]. О взаимосвязи дома и семьи свидетельствует калмыцкая поговорка: *харач өндөхлэ, өрк чигн өндөдэ* ‘когда поднимется матица кибитки, то поднимется и семья’ [КРС 1977: 578]. И, наоборот, проклятие в чей-то адрес: *харачнь хамхртха* ‘да поломается матица его юрты’ [КРС 1977: 578], т. е. остаться ни с чем, разориться. Недаром калмыцкая пословица гласит: «Нет юрты без круга. / Нет дерева без листьев» [Фольклор монгольских народов 2011а: 261]. Ср. с монгольским проклятием, где это пожелание выражено иносказанием: «Пусть в доме светит солнце и луна», т. е. произносящий желает, чтобы в доме не было верхнего круга кибитки, а это равнозначно отсутствию таковой вообще [Сангаджиева 2003: 177]. Кроме того, калмыцкий харал «Пусть у твоей кибитки дверь и дымовое отверстие будут закрыты» — отзвук плохой приметы: и то, и другое могло быть закрыто в случае гибели всей семьи или их болезни, по суеверным представлениям народа [Душан 2016: 62].

Второе проклятие (*Хулмтчнь арат хуцтха*) в стихотворении Б. Сангаджиевой перекликается с проклятием: *Хулмтчнь арат маажэж* ‘Пусть твой очаг поцарапает лисица’. «Тема второго проклятия — это пожелание, чтобы семейный очаг опустел, разорился, а впоследствии исчез с лица земли» [Борджанова 1999: 53]. Исследователи отмечают, что «не любили лису ойраты, проживающие в зоне Монгольского Алтая, Джунгарии, соприкасавшиеся с китайской культурой, считая ее животным с „черным следом“, т. е. приносящим несчастье» [Содномпилова, Нанзатов 2016: 50], поскольку у монголов норные животные связаны с нижним миром, миром мертвых. Ср. в монгольском проклятии: «Да оценится в котле твоём волчица» [Сарангов 2010: 42]. Другое проклятие связано с неустойчивостью кибитки, которая могла упасть дымовым отверстием вниз: «Пусть дымовое отверстие твоей кибитки упадет внутрь на очаг» [Душан 2016: 72], в таком случае калмыки полагали, что сама природа не хочет, чтобы здесь был очаг (т. е. семья) [Душан 2016: 72].

Третье проклятие (*Амчнь ардчнь харх*) в стихотворении калмыцкого поэта являет обратное моделирование, создававшее, как у хакасов, «мир перевернутых ценностей: „Голове твоей да внизу быть!“» [Сагалаев, Октябрьская 1990: 172].

Если в тексте у Б. Сангаджиевой не воспроизводился харал первой женщины, но подробно описывались закрепляющие его обрядовые действия, то, наоборот, харал второй женщины воспроизводился полностью, но уже без обрядовых действий.

В то же время, как известно, «бытовал также харал против харала — своеобразный оберег против произнесенного проклятия:

*Харасн харалчн
Хэрү бийэрчн нарг.
Хавснчн дегг бол.
Төөрч-төөрч толһаһар ор,*

Эргэж-эргэж экэрчн ор.

Произнесенный тобой харал
Пусть падет на тебя.
Пусть ребра твои скрючатся.
Пусть харал, блуждая, войдет
в голову твою,
Покружившись, войдет в мозг»

[Сарангов 2010: 43].

Или произносили в ответ «йорел оберегающего характера». В основном высказывали пожелание, чтобы произнесенный харал стал благопожеланием: *Не, харасн харалчн йөрэл болг* ‘Пусть твой харал станет йорелом’ [Борджанова 1999: 56].

В стихотворении Б. Сангаджиева приводит калмыцкую пословицу: *Харалин экн — цусн, / Йөрэлин экн — тосн* ‘Начало харала — кровь, / Начало йоряла — масло’ [Саңһжин Б. 1991а: 3], подчеркивая ее мудрость. Подобные пословицы есть и у монголов (*Ерээлийн узуурт тос, хараалын узуурт цус* ‘На кончике благопожелания — масло, на кончике проклятия — кровь’), у бурят (*Юроолэй узууртэ — тоһон, хараалай узууртэ — шуһан*) [Фольклор монгольских народов 2011б: 297].

Иллюстрируя харалы в своем тексте, поэт напоминает калмыцкую поговорку, в которой иносказательно дан совет, как нужно вести себя при возникновении конфликта: *«Чолуһар шивсн күүг / Өөкэр шив», — гинэлм* ‘В человека, бросившего в тебя камень, кинь салом’ [Саңһжин Б. 1991а: 3], т. е. на харал ответь йорялом. Ср. калмыцкую поговорку: «На человека, бросающегося рогами, отвечают броском сала» [Фольклор монгольских народов 2011а: 257].

Поэтому, завершая свои размышления о древнем обычае предков, уходящем в прошлое, но сохраняющемся еще в обычных ссорах и конфликтах, Б. Сангаджиева призывает современников: *Харалд бичэ авлгдтн, / Хоорндан үүртэ бээцхэтн, / Седкл байрар дүүрх, / Соньн йөрэлэн хувацтн* ‘Не поддавайтесь харалу, дружите между собой, тогда души наполнятся радостью, делитесь особенными благопожеланиями’ [Саңһжин Б. 1991а: 3].

Ср. в газетной публикации 1997 г. стихотворение 1991 г. укорочено, состоит уже из 9 строф; в последней измененной строфе призыв к сородичам — не сохранять харалы — сочетается с напоминанием о калмыцкой поговорке насчет камня и сала: *Хальмгин олн уйһр, / Харал бичэ хадһлтн, / Чолуһар шивсн күүг / Өөкэр шив гинэлм!* [Саңһжин Б. 1997: 4]. В журнальной публикации 1996 г. после 9 строфы завершение известной уже 10 строфой [Саңһжин Б. 1996: 85].

По сравнению с первым текстом стихотворения «Харал» во втором тексте поэт вводит фольклорные, этнографические элементы, связанные с магической поэзией калмыков, приводит пословицы и поговорки, собственные воспоминания о давней ссоре двух женщин, обменявшихся между собой проклятиями, размышляет о добре и зле, отраженных словом. Все это придает философский характер стихотворению 1991 г.

Два текста созданы с соблюдением традиции национального стихосложения, выражают авторскую интенцию, эмоционально открыты.

Наряду с жанром стихотворения-харала в поэзии Б. Сангаджиевой есть и стихотворения-йорялы (благопожелания), например: «Төвкнү йөрэжэнэв»

(«Желаю мира») [Саңһжин Б. 1969: 2], «Байрин йөрэл» («Праздничный йорял») [Саңһжин Б. 1970: 3], сохраняющие фольклорную традицию.

Примеры синтеза йоряла-проклятия, когда речь начинается благопожеланием, а завершается проклятием, наблюдаем в «Исторической песне о поражении халхасского Шолой-Убуши-хун-тайджи в 1587 году», памятнике калмыцко-ойратской литературы XVI в. В прозаическом переводе Г. Гомбоева пленный мальчик-ойрат перед смертью обращается к богу войны: «Да прольется черная кровь Убаши хунтайджия! Стегну его да положится на подушку! Черное знамя его да искрошится на большой дороге на мелкие куски! Да возьмет его любимую жену Дара Байбагас — владетель всех (ойратов)! Длинное черное знамя его да переломится в ногах ойратов (во время сражения)! Лошадь его саврасую из саврасовых да подденет копьём за опущенный красный шелковый повод какой-нибудь ойратский молодец и остановит ее! На месте Бачи да будет он поражен смертельно! На месте Худуду да будет разбит наголову! На месте Эмэлин Олон Долодой да сокрушатся печень и почки его! На месте Хада да претерпит он поражение, сопровождаемое криком! На реке Болохто да рассыплется от поражения! Да возьмут ойратские молодцы богатство и счастье его! <...>» [Лунный свет 2003: 43–44]. Этот «йорял-молитва» превратился в страшное проклятие. «Это проклятие, как говорится далее в повести, тут же возымело свое действие: оно произвело сильное впечатление на воинов Убаши хун тайджи, которые были „потрясены“, и в самом войске „произошло смятение“» [Бадмаев 1984: 16–17]. Формулы этого проклятия передают семантику смерти, бесчестия, военного поражения, разорения, направленные против врага и его войск.

Таковую же трансформацию претерпевает йорял, переходящий в харал, в антиклерикальной сатире Хасыра Сян-Белгина «Йөрэл харалин дамбрлт» («Сатира на йорялы и проклятия», 1929): *Йөрэлтн харал болв. / Йөрэлтн тоңнаж цөмрв* <...> ‘Благопожелание стало проклятием. Благопожелание, перевернувшись, разрушилось’ [Сян-Белгин Х. 1959: 12].

Заключение

Жанр *харал* в калмыцкой поэзии XX в. находился на периферии литературного процесса, имел локальные образцы в творчестве указанных поэтов: одноименные стихотворения Мукебюна Басангова и Боси Сангаджиевой, созданные в разные годы — в 1942, 1966 и 1991 гг. Эти тексты отличаются своей направленностью: у М. Басангова — это проклятие в адрес фашизма в годы Великой Отечественной войны, у Б. Сангаджиевой — это размышления на тему древнего обычая, связанного с магической поэзией предков, веровавших в вербальную силу слова и действия против враждебной стихии природы и людей. Два разных стихотворения Б. Сангаджиевой передают авторские интенции об истории и культуре калмыцкого народа, о йоряле-благопожелании и харале-проклятии в жизни человека, о защите и противодействии негативному посылу, о необходимости мира и согласия между людьми. Условно содержание произведения 1966 г. можно подразделить на два больших блока: 1) проклятие вещи; 2) проклятие человеку-отступнику. Стихотворение 1991 г. по сравнению с предыдущим имеет философский характер, опираясь на народные пословицы и поговорки.

Оба поэта, ориентируясь на фольклорный аналог, трансформируют харал в соответствии с аксиологическим вектором и народной педагогикой, соблюдая традицию национального стихосложения.

Все три авторских текста созданы в жанре харала по форме и содержанию, структурированы синтаксическим параллелизмом, повторами, рефренами, формульными проклятиями, глагольными императивами, модальными частицами, передающими должностное отношение в настоящем и будущем времени, наряду с прямым высказыванием имеют иносказание, метафору, символику, сравнение.

Элементы харала встречаются в военных стихотворениях-клятвах калмыцких поэтов, а также являются синтезом жанров, как в довоенной сатире Х. Сян-Белгина на йорялы и харалы. Возрождение харала пришлось на годы Великой Отечественной войны и в период ссылки и депортации калмыцкого народа — в народных песнях-проклятиях, как и в фольклоре сосланных народов во время сталинских репрессий.

Поскольку фольклорный жанр проклятия у всех народов не использовался всуе, считалось это грехом, то и литературный жанр, по всей вероятности, не был распространенным явлением, в том числе и в калмыцкой поэзии.

В новом столетии калмыцкие поэты, судя по всему, к этому жанру не обращаются.

Источники

Сангаджиева 2022 — *Сангаджиева Б.* Харал (Проклятие). Перевод Р. Ханиновой. Рукопись.

Sources

Sangadzhieva B. The Curse. R. Khaninova (transl.). Manuscript. (In Russ.)

Литература

Алиева 2015 — *Алиева Ф. А.* Даргинские плачи и причитания периода Великой Отечественной войны // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. 2015. № 7. С. 156–163.

Бадмаев 1984 — *Бадмаев А. В.* Калмыцкая дореволюционная литература. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. 168 с.

Бакаева, Убушиева 2019 — *Бакаева Э. П., Убушиева Т. А.* О двух калмыцких народных песнях периода Великой Отечественной войны // Oriental Studies. 2019. № 3. С. 502–521. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-502–521

Болдырева 2020 — *Болдырева И. М.* Песни о выселении калмыков и их возвращении из Сибири, записанные у информанта М. Б. Мудаевой // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 251–263. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-251-263

Борлыкова, Омакаева 2013 — *Борлыкова Б. Х., Омакаева Э. У.* Лексическая репрезентация прецедентного образа вождя народов в калмыцких песнях 1930–1940-х гг. // Репрессированные народы: история и современность. Мат-лы Всерос. конф. (г. Элиста, 26–28 ноября 2013 г.). Ч. 1 / редкол.: Н. Г. Очирова, Б. К. Салаев (отв. ред.), Э. П. Бакаева и др. Элиста: КИГИ РАН, 2013. С. 232–240.

Басангова 2002 — *Басангова Т. Г.* Комментарии // Избранные труды Номто Очирова. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 36–38.

Басангова, Манджиева 2003 — *Басангова Т. Г., Манджиева Б. Б.* Песни скорби и печали // Политические репрессии в Калмыкии в 20–40-е гг. XX в. Элиста: КИГИ РАН, 2003. С. 185–190.

Басңа М. 1962а — *Басңа М.* Авшг // Хальмг поэзин антолог / Барт белдсн Калян С., Маңа И., Санган Л. Элст: Хальмг госиздат, 1962. X. 191.

- Басңга М. 1962б — *Басңга М.* Харал // Хальмг поэзин антолог / Барт белдсн Калян С., Мацга И., Санган Л. Элст: Хальмг госиздат, 1962. X. 192.
- Борджанова 1999 — *Борджанова Т. Г.* Магическая поэзия калмыков: исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 182 с.
- Борджанова 2007 — *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Виноградова 2005 — *Виноградова Л. Н.* Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах // Заговорный текст. Генезис и структура / редкол.: Т. Н. Свешникова (отв. ред.), Л. Г. Невская, В. Н. Топоров. М.: Индрик, 2005. С. 425–440.
- Восточнославянский фольклор 1993 — Восточнославянский фольклор: Словарь научный и народной терминологии / под ред. К. П. Кабашникова. Минск: Наука и техника, 1993. 478 с.
- Гэрэн В. 2006 — *Гэрэн В.* Мини жирһлин дуд (= Песни моей жизни). Элиста: НПП «Джангар», 2006. 166 с.
- Доржин Б. 1939 — *Доржин Б.* Батар бууһан атх! // Улан баһчуд. 1939. Мартын 11. X. 1.
- Душан 2016 — *Душан У. Д.* Избранные труды / сост. В. В. Батыров, Т. И. Шараяева. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с.
- Коммуникативное поведение 2015 — Коммуникативное поведение калмыков / Т. С. Есенова, В. В. Горьева, Б. А. Ностаева [и др.]. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 140 с.
- Королёва 2016 — *Королёва Е. В.* Ойротское наследие в поэзии алтайца-фронтовика Янги Тодоша Бедюрова (1907–1961) // Алтай — Россия: через века в будущее: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. В. Г. Бабин. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский госуниверситет, 2016. С. 49–52.
- Көглтин Д. 1982 — *Көглтин Д.* «Кезэнэс нааран эндр күртл...» («С давних пор и до наших дней...») // Көглтин Д. Үүдэврмүдин хураңфу. Нурвн ботьта. 2-гч боть. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1982. X. 170.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Лежнэ Ц. 1941 — *Лежнэ Ц.* Хүвд күртшгот // Улан баһчуд. 1941. Июлин 1. X. 1.
- Лира... 2008 — Лира, в себе обретенная... Бося Сангаджиева: жизнь и творчество / авт.-сост. Н. Б. Пюрвеева, отв. ред. Г. М. Борликов. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2008. 288 с.
- Лунный свет 2003 — Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / пер. с калм.; сост., ред., вступ. ст., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.
- Михайлов 1971 — *Михайлов Г. И.* Проблемы фольклора монгольских народов Элиста: Калмыцкий НИИЯЛИ, 1971. 235 с.
- Мушаев, Хонинов 2014 — *Мушаев В. Н., Хонинов В. Н.* Функционально-семантическое поле оптативной модальности (на материале современного калмыцкого языка) // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10(3). С. 49–53.
- Овалов 2013 — *Овалов Э. Б.* Хальмг улсиг Сиврүр нүүлһснэ эрм дуудын тускар (= О некоторых песнях про выселение калмыцкого народа в Сибирь) // Репрессированные народы: история и современность. Мат-лы Всерос. конф. (г. Элиста, 26–28 ноября 2013 г.). Ч. 1 / редкол.: Н. Г. Очирова, Б. К. Салаев (отв. ред.), Э. П. Бакаева и др. Элиста: КИГИ РАН, 2013. С. 246–247.
- Очиров 2002 — *Очиров Н.* Йорэлы, харалы и связанный со вторыми обряд «хара келе утулган» — у калмыков // Избранные труды Номто Очирова. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 33–36.
- Сагалаев, Октябрьская 1990 — *Сагалаев А. М., Октябрьская И. В.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 209 с.

- Сангаджиева 1990 — *Сангаджиева Н. Б.* Джангарчи. 2-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 78 с.
- Сангаджиева 2003 — *Сангаджиева Н. Б.* Поэтика героического эпоса «Джангар». Элиста: АПП «Джангар», 2003. 240 с.
- Саңһжин Б. 1967 — *Саңһжсин Б.* Харал // Саңһжин Б. Үүнд үкл уга: шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1967. X. 44–46.
- Саңһжин Б. 1991а — *Саңһжсин Б.* Харал // Хальмг үнн. 1991. Хөн сарин 29. X. 3.
- Саңһжин Б. 1997 — *Саңһжсин Б.* Харал // Хальмг үнн. 1997. Лу сарин 6. X. 4.
- Саңһжин Б. 1991б — *Саңһжсин Б.* Харал // Теегин герл. 1991. № 8. X. 31–32.
- Саңһжин Б. 1996 — *Саңһжсин Б.* Харал // Теегин герл. 1996. № 8. X. 84–85.
- Саңһжин Б. 2008 — *Саңһжсин Б.* Харал // Саңһжин Б. Сунһсн шүлгүд, поэмс. Хойр боть. Хальмг болн орсар келәр. 1-гч боть. Элст: Барин гер «Герл», 2008. X. 138–139.
- Саңһжин Б. 1969 — *Саңһжсин Б.* Төвкнү йөрәжәнәв // Хальмг үнн. 1969. Мартин 8. X. 2.
- Саңһжин Б. 1970 — *Саңһжсин Б.* Байрин йөрәл // Хальмг үнн. 1970. Октябрин 30. X. 3.
- Сарангов 2010 — *Сарангов В. Т.* Фольклор калмыцкого народа: учеб. пособие. Элиста: Изд-во КГУ, 2010. 136 с.
- Содномпилова, Нанзатов 2016 — *Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З.* Зооморфный код в контексте этногенетических связей: лиса в традиционных представлениях монгольских народов // Известия Иркутского государственного университета. 2016. Т. 15. С. 48–63.
- Сто калмыцких 1991 — Сто калмыцких песен / сост. Л. Ц. Цебигов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.
- Сусеев А. 1967 — *Сусеев А.* «Цаһачудыг харасн харал» («Проклятие, проклиняющее белых», 1926) // Сусеев А. (Дендән Айс). Дууна дееж: шүлгүд болн поэм. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1967. X. 34–36.
- Сян-Белгин Х. 1959 — *Сян-Белгин Х.* Шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1959. 136 х.
- Төрскн һазрин 1989 — Төрскн һазрин дуд (= Песни родной земли) / сост. и автор предисл. Б. Б. Оконов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. 308 с.
- Фольклор монгольских народов 2011а — Фольклор монгольских народов: исследования и тексты. Т. 1. Калмыцкий фольклор / редкол.: Н. Ц. Биткеев (гл. ред.) и др. М.; Элиста: НПП «Джангар», 2011. 498 с.
- Фольклор монгольских народов 2011б — Фольклор монгольских народов: исследования и тексты. Т. 2. Бурятский фольклор / сост. С. С. Бардаханова, С. Д. Гымпилова. М.; Элиста: НПП «Джангар», 2011. 444 с.
- Хабунова 1998 — *Хабунова Е. Э.* Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия: исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 223 с.
- Хабунова 2005 — *Хабунова Е. Э.* Гулмт. Хальмгудын әмдрлин эргцин заң-үүл болн амн үүдәвр (= Очаг. Обряды и обрядовый фольклор жизненного цикла калмыков). Элиста: НПП «Джангар», 2005. 206 с. (На калм. яз.)
- Ханинова 2020 — *Ханинова Р. М.* Поэтика стихотворения-клятвы в калмыцкой поэзии XX века // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 1. С. 225–243. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-225-243
- Ханинова 2022 — *Ханинова Р. М.* Жанр харал в лирике Аксена Сусеева // Би(поли)лингвизм и проблемы коммуникации: вызовы XXI века / под ред. А. М. Казиевой: Мат-лы XIV Всеросс. с междунар. участием науч.-практ. конф. (г. Пятигорск, 20–21 апреля 2022 г.). Пятигорск: Пятигорский гос. ун-т, 2022. С. 90–95.
- Чотчаева 2014 — *Чотчаева М. Ю.* Художественное воплощение темы свободы личности в «поэзии выселения» // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 9. С. 351–361.
- Юша 2007 — *Юша Ж. М.* Магические формулы проклятий у тувинцев // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 4. С. 106–108.

References

- Alieva F. A. Dargin lamentations from the period of the Great Patriotic War. *Bulletin of the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art*. 2015. No. 7. Pp. 156–163. (In Russ.)
- Badmaev A. V. (comp., ed.) *The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Monuments*. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. 477 p. (In Russ.)
- Badmaev A. V. *Kalmyk Prerevolutionary Literature*. 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 1984. 168 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Ubushieva T. A. The Great Patriotic War period: Two Kalmyk folk songs revisited. *Oriental Studies*. 2019. No. 3. Pp. 502–521. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-502–521
- Bardakhanova S. S., Gympilova S. D. (comps.) *Buryat Folklore*. Ser. 'Folklore of Mongolic Peoples: Studies and Texts'. Vol. 2. N. Bitkeev (ed.). Elista: Dzhangar, 2011. 444 p. (In Russ.)
- Basangov M. (Basŋga M.) Kharal. In: Kalyaev S. (Kalyan S.), Matsakov I. (Matsga I.), Sangaev L. (Sangan L.) (comps.) *Anthology of Kalmyk Poetry*. Elista: Kalmykia State Publ. House, 1962. P. 192. (In Kalm.)
- Basangov M. (Basŋga M.) The Oath. In: Kalyaev S. (Kalyan S.), Matsakov I. (Matsga I.), Sangaev L. (Sangan L.) (comps.) *Anthology of Kalmyk Poetry*. Elista: Kalmykia State Publ. House, 1962. P. 191. (In Kalm.)
- Basangova T. G. Comments. In: Ochirov N. *Selected Works*. Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 36–38. (In Russ.)
- Basangova T. G., Mandzhieva B. B. Songs of sorrow and grief. In: *Political Repressions in Kalmykia, 1920s–1940s*. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2003. Pp. 185–190. (In Russ.)
- Bitkeev N. Ts. (comp., ed.) *Kalmyk Folklore*. Ser. 'Folklore of Mongolic Peoples: Studies and Texts'. Vol. 1. Elista: Dzhangar, 2011. 498 p. (In Russ.)
- Boldyreva I. M. The deported and returned: Siberia-related Kalmyk songs recorded from M. B. Mudaeva. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 251–263. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-251-263
- Bordzhanova T. G. *Kalmyk Magic Poetry: Studies and Materials*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 182 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. *Kalmyk Ritual Poetry: Genre System, Poetics*. Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 592 p. (In Russ.)
- Borlykova B. Kh., Omakaeva E. U. Vozhd of the Peoples in Kalmyk songs, 1930s–1940s: Lexical representation of the precedent image revisited. In: Ochirova N. G., Salaev B. K. et al. (eds.) *The Repressed Peoples: Past and Present*. Conference proceedings (Elista; November 26–28, 2013). Vol. 1. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2013. Pp. 232–240. (In Russ.)
- Chotchaeva M. Yu. Artistic realization of the theme of individual freedom in the 'poetry of eviction'. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2014. No. 9. Pp. 351–361. (In Russ.)
- Dordzhiev B. (Dorjin B.) Hold the rifle tight! *Ulan baychud*. 1939, March 11. P. 1. (In Kalm.)
- Dushan U. D. *Selected Works*. V. Batyrov, T. Sharaeva (comps.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 376 p. (In Russ.)
- Esenova T. S., Goryaeva V. V., Nostaeva B. A. et al. *The Kalmyks: Communicative Behavioral Patterns Analyzed*. Elista: Kalmyk State University, 2015. 140 p. (In Russ.)
- Garyaev V. (Gärän V.) *Songs of My Life*. Elista: Dzhangar, 2006. 166 p. (In Kalm.)
- Kabashnikov K. P. (ed.) *East Slavic Folklore: A Dictionary of Scientific and Folk Terms*. Minsk: Nauka i Tekhnika, 1993. 478 p. (In Russ.)
- Khabunova E. E. *Kalmyk Wedding Ritual Poetry: A Study and Materials*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 223 p. (In Russ.)

- Khabunova E. E. The Hearth: Kalmyk Life-Cycle Rites and Ritual Folklore. Elista: Dzhangar, 2005. 206 s. (In Kalm.)
- Khaninova R. M. 20th-century Kalmyk rhymed oaths (poems): Poetics revisited. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 1. Pp. 225–243. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-225-243
- Khaninova R. M. The genre of kharal in Aksen Suseev's lyrics. In: Kazieva A. M. (ed.) Bi-/Polylinguism and Communication Problems: Challenges of the 21st Century. Conference proceedings (Pyatigorsk; April 20–21, 2022). Pyatigorsk: Pyatigorsk State University, 2022. Pp. 90–95. (In Russ.)
- Koroleva E. V. Poetry of Altaist and WWII veteran Yangi T. Bedyurov (1907–1961): Oirot heritage revisited. In: Babin V. G. (ed.) Altai — Russia: Through Centuries into the Future. Conference proceedings. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 2016. Pp. 49–52. (In Russ.)
- Kugultinov D. (Kögltin D.) ‘From ancient times to present days ...’. In: Kugultinov D. (Kögltin D.) Complete Works. In 3 vols. Vol. 2. Elista: Kalmykia Book Publ., 1982. P. 170. (In Kalm.)
- Ledzhinov Ts. (Lejnā Ts.) You will not achieve. *Ulan baychud*. 1941, July 1. P. 1. (In Kalm.)
- Mikhaylov G. I. Folklore of Mongolic Peoples: Topical Issues Revisited. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1971. 235 p. (In Russ.)
- Munieva B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Mushaev V. N., Khoninova V. N. Functional-semantic field of optative modality (On the basis of modern Kalmyk language). *Buryat State University Bulletin*. 2014. No. 10(3). Pp. 49–53. (In Russ.)
- Ochirov N. Yöräls, kharals, and ‘khara kele utulgan’ ritual derived from the latter. In: Ochirov N. Selected Works. Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 33–36. (In Russ.)
- Okonov B. B. (comp.) Songs of Ancestral Lands. Elista: Kalmykia Book Publ., 1989. 308 p. (In Kalm.)
- Ovalov E. B. Kalmyk Deportation: Some related songs revisited. In: Ochirova N. G., Salaeva B. K. et al. (eds.) The Repressed Peoples: Past and Present. Conference proceedings (Elista; November 26–28, 2013). Vol. 1. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2013. Pp. 246–247. (In Russ.)
- Pyurveeva N. B. (comp.) The Lyre Speaking from Within: Bosya Sangadzhieva, Her Life and Literary Endeavors. Elista: Kalmyk State University, 2008. 288 p. (In Russ.)
- Sagalayev A. M., Oktyabrskaya I. V. Traditional Worldviews of South Siberian Turks: Sign and Ritual. Novosibirsk: Nauka, 1990. 209 p. (In Russ.)
- Sangadzhieva B. (Сагъжин Б.) A well wish (yöräl) of joy. *Khal'mg ünn*. 1970, October 30. P. 3. (In Kalm.)
- Sangadzhieva B. (Сагъжин Б.) Congrats on peace. *Khal'mg ünn*. 1969, March 8. P. 2. (In Kalm.)
- Sangadzhieva B. (Сагъжин Б.) Kharal. In: Sangadzhieva B. (Сагъжин Б.) The Truth Never Dies. Collected poems. Elista: Kalmykia Book Publ., 1967. Pp. 44–46. (In Kalm.)
- Sangadzhieva B. (Сагъжин Б.) Kharal. In: Sangadzhieva B. (Сагъжин Б.) Selected Poems. In 2 vols. Vol. 1. Elista: Gerl, 2008. Pp. 138–139. (In Kalm. and Russ.)
- Sangadzhieva B. (Сагъжин Б.) Kharal. *Khal'mg ünn*. 1991, May 29. P. 3. (In Kalm.)
- Sangadzhieva B. (Сагъжин Б.) Kharal. *Khal'mg ünn*. 1997, February 6. P. 4. (In Kalm.)
- Sangadzhieva B. (Сагъжин Б.) Kharal. *Teegin gerl*. 1991. No. 8. Pp. 31–32. (In Kalm.)
- Sangadzhieva B. (Сагъжин Б.) Kharal. *Teegin gerl*. 1996. No. 8. Pp. 84–85. (In Kalm.)
- Sangadzhieva N. B. Heroic Epic of Jangar: Poetics Analyzed. Elista: Dzhangar, 2003. 240 p. (In Russ.)
- Sangadzhieva N. B. The Jangarchi. 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 1990. 78 p. (In Russ.)

- Sarangov V. T. Kalmyk Folklore. Coursebook. Elista: Kalmyk State University, 2010. 136 p. (In Russ.)
- Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. Zoomorphic code in ethnogenetic context: Fox in traditional beliefs of Mongolian peoples. *The Bulletin of Irkutsk State University*. 2016. Vol. 15. Pp. 48–63. (In Russ.)
- Suseev A. Kharal (curse) against the Whites (1926). In: Suseev A. The Offering of Songs. Collected poems. Elista: Kalmykia Book Publ., 1967. Pp. 34–36. (In Kalm.)
- Syan-Belgin Kh. Collected Poems. Elista: Kalmykia Book Publ., 1959. 136 p. (In Kalm.)
- Tsebikov L. Ts. (comp.) One Hundred Kalmyk Songs. Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 128 p. (In Kalm. and Russ.)
- Vinogradova L. N. Formulas of threats and curses in Slavic spells. In: Sveshnikova T. N., Nevskaya L. G., Toporov V. N. (eds.) *Spell Text: Genesis and Structure*. Moscow: Indrik, 2005. Pp. 425–440. (In Russ.)
- Yusha Zh. M. The Tuvinian magic damnation formulae. *Humanitarian Sciences in Siberia*. 2007. No. 4. Pp. 106–108. (In Russ.)

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

2022. Т. 14. № 2

Главный редактор — Куканова В. В.

Дата выхода: 10.08.2022. Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 19,07. Тираж 100 экз. Заказ 09-22.
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06
E-mail: mongoloved@kigiran.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8